

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1
Январь — Февраль
1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию
межнациональных отношений в СССР

Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов

Ю. В. Бромлей (Москва). О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции

Обзор выступлений 4

Совместное заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (Сухуми)

М. Н. Губогло (Москва). Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР 18

Л. М. Дробизева (Москва). О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях

Обзор выступлений 41

Учредительное заседание секции «Социология национально-политических отношений» Советской социологической ассоциации

И. И. Крупник (Москва). Многонациональное общество (Состояние национальных отношений в СССР и задачи науки)

Обзор выступлений 51

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов (Москва). Национальный вопрос и пути его решения 59

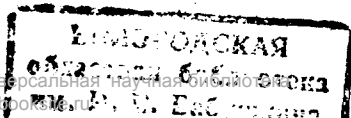
В. А. Тишков (Москва). О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР

Редакционный комментарий к рубрике «Навстречу Пленуму по совершенствованию межнациональных отношений в СССР» 73

Статьи

Т. А. Бернштам (Ленинград). Русская народная культура и народная религия 91

Э. Л. Нитобург (Москва). «Черно-белые» смешанные браки в США 100

Из истории науки

Р. Р. Рахимов (Ленинград). Иван Иванович Зарубин (1887—1964) 111

Сообщения

В. В. Сажин (Харьков). Математические методы в советской этнической географии 122
В. П. Алексеев (Москва), Р. А. Мкртчян (Ереван). Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры 127

Поиски, факты, гипотезы

Я. В. Чеснов (Москва). Размышления о народной культуре абхазов 135

Наши юбиляры

Список основных научных трудов доктора филологических наук Е. М. Мелетинского (к 70-летию со дня рождения) 144

Научная жизнь

Л. Т. Яблонский (Москва). Всесоюзная школа-семинар «Методология и методика изучения этнической истории» 149

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. В. Шлыгина (Москва). Финская этнография о крестьянском быте в эпоху капитализма 154

Общая этнография

В. И. Козлов (Москва). *НТР и национальные процессы* 161

Народы СССР

М. Ф. Пилипенко (Минск). *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры* 164

Н. А. Томилов (Омск). *С. М. Червоная. Искусство Татарии* 169

Памяти И. Р. Григулевича 171

Редакционная коллегия

К. В. Чистов — член-корр. (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад., С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц, Н. С. Полишук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

В последнее время в связи с подготовкой Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР заметно возросла активность специалистов, занимающихся данной проблемой. Начиная с этого номера, редколлегия открывает новую рубрику, в которой будут публиковаться наиболее интересные и актуальные исследования, а также материалы специальных заседаний, посвященных вопросам межнациональных отношений.

Редколлегия надеется, что тематическая подборка, предлагаемая читателям в этом номере в качестве экспресс-информации, может стимулировать научную мысль в столь актуальной области как изучение и прогнозирование национальных проблем в целом и конкретных ситуаций в отдельных республиках, областях, районах Советского Союза.

Вопросы, затрагиваемые в публикуемых материалах (докладах и выступлениях по ним), оцениваются и трактуются авторами весьма различно. Это связано не только с естественным плюрализмом мнений, но и с недостатком объективной и полной информации, которая может быть результатом только углубленных и систематических исследований. И все же нам представляется, что помещенные в номер материалы свидетельствуют о начавшейся перестройке в изучении межнациональных отношений у нас в стране.

Напомним, что журнал уже обращался к этой проблематике. Так: в частности, в 1988 г. были опубликованы две статьи С. В. Чешко — «Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения» (№ 4) и «Время стирать белые пятна» (№ 6), первая — в порядке обсуждения.

Редколлегия

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР И МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Задача повышения обоснованности и действенности вырабатываемых наукой рекомендаций по совершенствованию политики государства в национальном вопросе не может быть решена без установления конструктивных связей между различными общественными дисциплинами, между наукой и практикой. Выражением этой потребности стала, в частности, деятельность Межведомственного научного совета по изучению национальных вопросов при Президиуме АН СССР. В течение ряда лет, особенно активно — после реорганизации Совета в 1987 г. в нем сотрудничают представители практически всех крупных научных учреждений и ведомств страны, в той или иной мере занимающихся национальной проблематикой. Главным учреждением является Институт этнографии АН СССР, директор последнего — академик Ю. В. Бромлей — одновременно возглавляет Межведомственный совет. В 1988 году был также создан Центр по изучению национальных отношений при Секции общественных наук Президиума АН СССР.

В 1988 г. Совет провел несколько заседаний, посвященных обсуждению важных аспектов национального строительства в СССР: роли теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в деле совершенствования национальных отношений на современном этапе; путям развития языковой политики государства; проблеме обеспечения прав народов СССР; выработке подхода к анализу карабахского конфликта и др.

20 сентября 1988 г. было проведено совместное заседание Межведомственного совета и Ученого совета Института этнографии, на котором обсуждались предложения по выработке концепции, целей и задач предстоящего пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР. Ниже публикуется отчет об этом заседании: доклад Ю. В. Бромлея, содержащий основные положения рекомендаций (в разработке которых участвовали многие сотрудники Института этнографии и Центра по изучению национальных отношений), приведен с незначительными сокращениями; выступления даны в изложении.

Ю. В. Бромлей

О РАЗРАБОТКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

Развернувшийся в нашей стране по инициативе и под руководством КПСС процесс углубления перестройки и обеспечения ее необратимости простирается также и на сферу национальных отношений. И это не случайно. Ведь данный процесс происходит в многонациональной стране, в силу чего невнимание к этой сфере может нанести «огромный ущерб нашему главному делу — делу перестройки, демократизации нашего общества»¹.

Ныне необходимость радикального пересмотра теории в области национальных отношений представляется бесспорной. Перестройка достаточно отчетливо обнажила накопившиеся здесь проблемы и деформации. Вместе с тем она наглядно показала, насколько сложны и деликатны эти сюжеты, к каким далеко не предсказуемым последствиям может привести их недооценка, сколь опасна такая недооценка, как важен взвешенный, всесторонний подход к ним.

Уже после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС существенно усилилось внимание партии к национальной проблематике, в чем особенно важную роль, как известно, сыграли XXVII съезд КПСС, январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, Всесоюзная XIX партконференция. В результате во многом изменились представления о состоянии национальных отношений в стране, характерных для них противоречиях и проблемах, стали выкристаллизовываться новые подходы, а главное началось обновление самой общей атмосферы национальной жизни, постепенное освобождение ее от догматических шаблонов и бюрократических пут.

Выводы XIX Всесоюзной партконференции и должны послужить отправным пунктом для дальнейшей разработки вопросов национальных отношений в ходе

подготовки к специально посвященному этим проблемам Пленуму ЦК КПСС. Как сказано в резолюции «О межнациональных отношениях», это прежде всего выработанный партией в ходе перестройки политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех национальностей страны с общими ее интересами и потребностями, интернационалистская идеология. Представляется существенным напомнить, что именно национальные отношения были в недавнее время наиболее закрытой зоной, поэтому на их изучении особенно отразился застой в нашем общественном сознании, именно здесь больше всего проявились догматизм и лакировка действительности. Даже те немногие исследования реальных национальных процессов, которые все же велись, рассматривались как нечто третьестепенное и отнюдь не поощрялись; подготавливавшиеся при этом практические рекомендации в основном оставались не реализованными. Сложился явный дефицит специалистов по национальной проблематике. Более того, в некоторых особенно важных в данном отношении областях общественных наук (прежде всего в экономике, а отчасти и в праве) до недавнего времени соответствующие исследования были фактически свернуты; отвергались и этнопсихологические исследования.

Вместе с тем в ходе перестройки, расширения демократизации и гласности, особенно во время подготовки XIX партконференции, на ней самой и после ее проведения уже под ее непосредственным воздействием выявился широкий плюрализм мнений, нередко диаметрально противоположных, что отражает сложность и противоречивость национальных процессов. Было бы наивно полагать, что эти противоречия решатся автоматически, стихийно. Более того, очевидно, что для таких решений явно недостаточно располагать общими принципами, сформулированными в последнее время. Необходимо выработать эффективный механизм регулирования национальных процессов, определить позиции по всем выявившимся конкретным вопросам развития национальных отношений, наметить перспективы и приоритетные направления этого развития в каждой сфере жизни нашего общества.

При этом, несомненно, нужен комплексный подход к рассмотрению поставленной задачи. Истина достаточно тривиальная, но, увы, редко реализуемая при изучении национальной проблематики. Для реализации ее, на мой взгляд, прежде всего следует попытаться хотя бы в самых общих чертах суммировать различные соображения, высказываемые по отдельным аспектам этой проблематики, выявив тем самым неоднозначность подхода к ней, существующие в данной сфере альтернативы. Это важно хотя бы для того, чтобы более аргументированно обосновать свою позицию, а не излагать ее, как это нередко делается, в аксиоматической, и даже в императивной форме, т. е. так, будто других точек зрения вообще не существует.

Поэтому в ряде случаев, пытаясь обобщить подготовленные предварительные материалы, ограничусь лишь дезаксиологической характеристикой различных точек зрения по интересующей нас проблематике. Должен в этой связи однако сделать по крайней мере одну оговорку. Поскольку обычно авторы тех или иных предложений ограничиваются главным образом изложением своей точки зрения, приходится нередко на себя брать роль оппонента, хотя это отнюдь не значит, что в таких случаях выражается моя собственная позиция. Свою задачу, повторяю, вижу в данном случае совсем в ином, — прежде всего в том, чтобы способствовать активизации обоснования той или иной позиции, выработке аргументов в ее защиту. Одним словом, хотелось бы, чтобы это выступление сыграло роль «запала» для дискуссии, точнее серии дискуссий, поскольку предполагается, что обсуждение рассматриваемого вопроса не ограничится данным заседанием; а будет продолжено как на Бюро научного совета, так и на методологических семинарах Института. И если такие дискуссии развернутся, то буду считать, что выполнил свою задачу.

Как известно, на национальные процессы в конечном счете проецируются все основные проблемы жизни общества. Поэтому особое значение приобретает воздействие на них путем решения важнейших проблем как базисного, так и надстроечного характера.

В условиях создания правового государства первостепенное значение для обеспечения оптимального развития национальных процессов приобретает решение тех проблем, что относятся к государственно-правовой сфере. В данном направлении в самое последнее время наметились определенные сдвиги, зафиксированные в материалах XIX партконференции. Это прежде всего курс на расширение «прав союзных и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы»².

Представляется достаточно очевидным, что для практической реализации этих отправных принципов следует выработать соответствующий правовой механизм. Нужна, иными словами, фиксация определенных правовых норм. Но одного этого недостаточно. Возникает необходимость предварительного рассмотрения некоторых теоретических вопросов.

Прежде всего это вопрос о том, кто является субъектом национальных прав. Обычно в последнее время акцент делается на правах национально-территориальных образований, в первую очередь республик. Вместе с тем в тени остается тот факт, что носителями таковых прав по существу являются все народы, точнее сказать, все национальности, все этникосы как в целом, так и их отдельные части — национальные группы. Хотя это казалось бы достаточно очевидно, однако, как известно, на практике далеко не всегда учитывается, в частности, это наглядно проявляется в недостаточном правовом обеспечении специфических потребностей национальных групп в инонациональном окружении.

Требуют к себе внимания также теоретические аспекты вопроса о национальном суверенитете. И дело не только в том, кто выступает его субъектом. Не менее существенно другое — тенденция к абсолютизации этого понятия. Подчас в данной связи имеют в виду чуть ли не абсолютную независимость. Но в силу известного закона диалектики таковой не бывает, т. е. независимость всегда относительна. И национальный суверенитет в этом смысле не представляет исключения. Указанное обстоятельство, в частности, наглядно демонстрирует Конституция СССР. Определяя в ст. 73 вопросы, подлежащие ведению Союза, в том числе объявления войны и мира, Конституция в то же время устанавливает, что союзные республики — суверенные социалистические государства осуществляют государственную власть на своей территории «вне пределов», указанных в ст. 73³. Иначе говоря, перед нами пример взаимосвязанной сопряженной структуры суверенитета в федеративном государстве.

Все это необходимо иметь в виду при рассмотрении различных конкретных предложений, касающихся совершенствования национально-государственного устройства. В частности, в отдельных предложениях такого рода высказывается мнение, что в нашей стране право на самоопределение осуществлено, так сказать, в его «одноразовом» варианте, который закреплен административно-государственным делением. При этом обращается внимание на то, что в многонациональном государстве в силу демографических, миграционных, хозяйственно-культурных процессов, а также в результате действия общественно-политических сил и факторов, могут возникать ситуации, диктующие необходимость создания или упразднения тех или иных национально-государственных образований или изменения их статуса и границ. Отмечается, что эти структуры не должны создаваться «на века»: в противном случае они могут превратиться в стагнирующие факторы общественного развития. И в данной связи напомина-

ется, что структура национально-государственных образований существует в СССР уже более полувека и никакими конституционно-правовыми нормами по существу не предусмотрена процедура ее изменения. Констатируется также, что за годы существования Союза ССР некоторые автохтонные народы в республиках утратили статус большинства населения (в Якутии — 36% якутов и 50% русских; в Казахстане — 36% казахов и 41% русских; в Латвии и Киргизии автохтонные народы составляют примерно половину населения, а в ряде автономий малых народов Севера на них приходится менее 5% жителей). Причем отмечается также фактическое отсутствие достаточно четких критериев для выделения национально-территориальных образований разного уровня. В связи с этим нельзя не упомянуть и о таких предложениях, как отказ от республиканской подчиненности автономий или преобразования некоторых автономных республик в союзные, а автономных областей — в автономные республики. Иначе говоря, речь идет о существенном изменении (совершенствовании) национально-государственной структуры страны.

Согласно крайнему выражению этой, так сказать, «децентрализующей» точки зрения, дальнейшее развитие должно привести к превращению прежде централизованного Советского союзного государства в союз государств-республик, соединенных экономическими договорами, некоторым общим бюджетом, а также централизованным решением политических и военных вопросов.

Вместе с тем, высказывается мнение, что предложения, касающиеся отказа от незыблемости существующих межреспубликанских границ и республиканской подчиненности автономных образований, могут вызвать больше отрицательных, чем положительных последствий. При этом подчеркивается, что во всех странах мира даже изменение административных границ проводится очень редко, через большие промежутки времени и в интересах, главным образом, экономического развития. В наиболее развитых и стабильных государствах мира административные границы остаются устойчивыми в течение столетий. Тем более это должно относиться к национальным образованиям, изменение которых вызовет не только нарушение экономических связей, но и ухудшит отношения между народами. Не случайно, за все время существования советской власти, изменения в национально-государственном строительстве шли главным образом по линии изменения статуса республик, и лишь в сравнительно редких случаях менялись их границы. При этом отмечается, что даже передача Узбекистану 39,0 тыс. кв. км пустынной территории Казахстана (что обосновано экономически) вызывает до сих пор трения между указанными республиками.

Возражения против пересмотра национально-государственной структуры подкрепляются ссылками на то, что сейчас все союзные и автономные республики и автономные области и округа имеют чрезвычайно сложный национальный состав населения. Попытки упростить его немыслимы без нарушения всех экономических и территориальных связей. Примеров можно привести множество. Так, в Таджикистане живет 873 тыс. узбеков, а в Узбекистане — 595 тыс. таджиков. Если попытаться основную часть узбекских районов Таджикистана присоединить к Узбекистану и наоборот, можно получить множество не связанных друг с другом территорий, управлять которыми никто не сможет. То же можно сказать и о татарах, мордве и многих других народах, расселенных на огромной территории.

Согласно другой точке зрения, признается необходимость совершенствования внутренней национально-территориальной структуры республик с тем, чтобы придать ей большую гибкость. При этом напоминает, что в нашей стране создано 53 национальных образования, объединяющих лишь около 60 из 100 с лишним народов СССР. Всего около 7 млн. человек не имеют своих автономий. Кроме того, за пределами своих национально-территориальных образований жило, по данным переписи 1979 г., 48,5 млн. человек — 19% общей численности народов, формирующих эти образования. В данной связи предлагается вернуться к выделению двух ранее существовавших единиц

национально-административного деления — национальных районов и национальных сельсоветов, широко представленных в 1920—1930-х годах во многих частях СССР (только в РСФСР и на Украине в конце 1920-х годов существовало около 270 национальных районов и около 3000 национальных сельских Советов). Выражается убеждение, что такие изменения системы национально-административного деления позволят учесть право так называемых некоренных народов, в том числе около 2 млн. немцев.

Высказывается вместе с тем недоумение по поводу соотношения национально-государственных и национально-административных единиц. Имеется в виду то, что при наличии 20 автономных республик у нас насчитывается всего 8 автономных областей и 10 автономных округов. По логике вещей, чем ниже статус того или иного образования, тем большее число их должно быть. За счет национальностей, не имеющих своих территориальных единиц, а также за счет групп, живущих вне пределов своих национальных образований и может быть резко увеличено число автономных областей и автономных округов.

Такова в самых общих чертах так сказать «умеренная» позиция по вопросу о национально-государственном устройстве. Но и по поводу ее высказываются определенные сомнения. Это прежде всего опасения относительно того, что любое изменение существующей национально-административной структуры, статуса той или иной национальности неизбежно заденет интересы и чувства других (прежде всего соседних) национальностей, а соответственно будет порождать обострение национальных отношений. В конечном счете выражается опасение, что любая «перекройка» национально-административной структуры будет отвлекать от первоочередных проблем, стоящих перед страной, прежде всего социально-экономических, мешать основным задачам перестройки. Такого рода опасения особенно усилились после событий вокруг Нагорного Карабаха.

Есть еще одна точка зрения по рассматриваемому вопросу, которую ее приверженцы именуют «интеграционной», отмечая, что данная позиция основана на парадигме примата «интернационального» и логически продолжает идеи, связанные с преимуществами большого государства и с возможностью развития процесса сближения и слияния наций. Утверждается также, что претворение ее в жизнь означает прежде всего стремление к возможно полному национальному равноправию, в частности при решении кадровых и других вопросов, учета деловых качеств, а не национальной принадлежности. Особо подчеркивается, что все важные стороны национальной политики должны быть отнесены к общегосударственной сфере. Предлагается также прерогативы союзных республик уменьшить, а областей — повысить с тем, чтобы те и другие сомкнулись примерно на уровне автономных республик. При этом выражается убеждение, что хотя интеграционный путь развития страны труднее, он представляется более перспективным для прогресса советского общества. Что же касается различных «промежуточных» вариантов развития, то они обречены на кратковременность и могут лишь осложнить ситуацию.

Естественно, что в связи с этой концепцией неизбежно задается вопрос: в какой мере она согласуется с общей линией на демократизацию, на создание правового государства? При этом подразумевается, что положительный ответ на этот вопрос весьма затруднен. На этом можно было бы поставить точку. Однако нельзя не отметить и того, что подчас «интегрирующая» позиция в чем-то смыкается с первой, так сказать, наиболее выраженной «дезинтегрирующей» точкой зрения (крайности, как известно, нередко сходятся). В частности, согласно одному из интегрирующих вариантов, существующая политико-административная система должна быть пересмотрена с учетом изменений в национальном составе и экономическом положении всех территорий. Однако есть и другой интегрирующий вариант — сохранить status quo по всем параметрам национально-государственного устройства. Не буду приводить возражения по

поводу этого варианта, ибо они фактически изложены при характеристике первой, т. е. «дезинтегрирующей» позиции.

Далеко не однозначны и взгляды относительно способов осуществления преобразования национально-территориальной структуры. Ограничусь краткой характеристикой лишь крайних позиций. Так, согласно одной из них, эти вопросы должны решать республиканские и союзные органы власти (прежде всего советы) на основе данных научных изысканий. Возражения по поводу такого подхода связаны главным образом с тем, что он фактически игнорирует свободное волеизъявление народов. Превращение последнего в решающий фактор национально-территориальных преобразований и составляет суть противоположного подхода. Существует, например, мнение, что демократизация в сфере национальной политики требует предусмотреть не столько систему декретирования и решений «сверху» в данном чрезвычайно важном вопросе, сколько обращение к различным формам волеизъявления всех групп населения, включая предусмотренный конституцией референдум. При решении вопросов о государственных автономиях, затрагивающих территориальный аспект, должно учитываться волеизъявление представителей всех народов, проживающих на территории, в пределах которой предполагается упразднение, изменение или образование национальных автономий. При этом подчас подчеркивается, что при подобных референдумах их участники и будут нести всю ответственность за принятое решение.

В связи с таким подходом, в частности, замечают, что дело не столько в том, на кого будет возложена ответственность за принятое решение, сколько в том, кто будет обеспечивать безопасность принявших его, в случае возможных конфликтов на основе такого рода решений (а какой характер могут принимать подобные конфликты, достаточно наглядно показали сумгаитские события). Ставится вопрос и о том, в какой мере такие, основанные на обыденном сознании решения, могут достаточно объективно учитывать интересы соседних народов и национальных групп, сложившиеся экономические связи и т. п.

В связи с правовыми аспектами национальных отношений не без основания подчеркивается, что регулирование их в условиях многонационального государства неминуемо требует четкой фиксации прав всех народов и каждого их представителя в Конституции и создания целого свода подконституционных законодательных актов. Все это должно составить целый раздел юриспруденции, который может быть назван «Национальное право», по аналогии с гражданским, семейным и др. Национальное право должно предусматривать удовлетворение национальных потребностей и осуществление национальных прав всех национальностей на всех уровнях (при условии равенства возможностей для всех наций и народностей).

На союзно-республиканском уровне это могло бы выразиться в праве самой республики определять вопросы социального, экономического и культурного развития, демографии и др., при учете как общесоюзных, так и внутренних межнациональных интересов.

На втором уровне — внутриреспубликанском — это должны быть фиксированные права автономных республик, автономных областей, национальных округов, критерии и механизмы создания таковых, а также при наличии такой потребности у отдельных национальных групп, — национальных районов и национальных сельсоветов (существовавших в свое время в СССР). Ставится также вопрос о создании национальных территорий центрального управления, что может быть в отдельных случаях реальным решением острых вопросов, возникающих в межнациональных отношениях.

Следующий правовой уровень должен предусматривать права дисперсных национальных групп, живущих в основном в крупных городах, на создание объединений на национальной основе (землячеств, ассоциаций, клубов, центров и др.). Такие объединения должны обладать соответствующими правами наравне с другими общественными организациями: например, могут создавать

центры, клубы национальной культуры, школы, отдельные классы или курсы с изучением национального языка, истории, литературы и культуры; создавать национальные редакции в местных издательствах и редакциях газет и журналов или издавать собственные, а также иметь право подготавливать программы радио и телевидения или организовывать ретрансляцию таковых из соответствующих республик или стран (например, для немцев из ГДР, для болгар из НРБ и т. д.). Особо следует выделить вопрос о правовом обеспечении этнокультурного развития народностей Севера.

Заслуживает внимания предложение создавать при Советах различных по своему уровню национально-территориальных образований специальных Комитетов содействия по этнокультурному развитию отдельных национальностей, проживающих как в рамках соответствующей территории, так и за ее пределами. Такие комитеты могли бы состоять из социологов, юристов, людей с историко-этнографическим образованием, как правило, принадлежащих к соответствующей национальности. Основная функция таких комитетов — содействие и контроль за удовлетворением культурно-языковых потребностей национальных групп.

Высказывается также мнение, что не следует механически распространять политические формы, рождающиеся в той или иной республике, на все остальные. К примеру, идея двухпалатной системы Верховного Совета в республиках, рожденная в Эстонии, — Совет республики и Совет национальностей — совсем необязательно должна быть распространена на все остальные союзные республики до тех пор, пока общественность этих республик сама не станет осознавать необходимости таких мер.

В связи со всем комплексом правовых аспектов национально-территориального устройства отмечается также необходимость уточнения ряда положений Конституции Союза. Затрагивается даже вопрос о конкретизации ее 72 статьи, гласящей, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Правда, может показаться, вообще излишним касаться этого вопроса. Ведь, как будто никто не собирается использовать это право. Однако, как показали события вокруг НКАО, необходимо иметь достаточно обстоятельные законодательные положения по самым трудно предсказуемым нестандартным ситуациям. Между тем в связи с 72 статьей возникают определенные недоумения. В частности, почему в Конституции прямо сказано, что «территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия» (ст. 78), а в отношении Союза подобной статьи нет; дело ограничивается лишь указанием на то, что «определение государственной границы СССР» подлежит ведению Союза в лице его высших органов. Одним словом, остается неясным, как конкретно в случае апелляции к ст. 72 Союзные органы будут обеспечивать фиксированное в ст. 75 положение о том, что суверенитет СССР распространяется на всю его территорию. Есть и другие замечания, касающиеся трактовки в Конституции национальной проблематики.

Нельзя не коснуться и вопроса о территориальных, т. е. республиканских воинских образованиях, поднимаемом в ряде Прибалтийских республик. Данное предложение вызывает ряд возражений. В частности, оно не учитывает мобильности современных вооруженных сил. К тому же территориальный принцип организации армии, если довести его до логического конца, подрвет обороноспособность самих республик; дезорганизует экономику большинства из них, в связи с непосильным бременем военных расходов.

* * *

Перестройка, нацеленная на повышение эффективности народного хозяйства, развитие принципов демократизации, упрочение равенства, призвана тем самым обеспечить и социальную справедливость в отношениях между народами

и людьми разной национальности. И в этом отношении особая роль принадлежит экономике. Наверное, не будет преувеличением сказать, что многие, если не большинство национальных проблем, отпали бы в условиях ликвидации товарного дефицита. Соответственно важнейшее значение и для национальной сферы жизни нашего общества приобретает радикальная экономическая реформа, открывающая широкие возможности для наилучшего сочетания интересов страны в целом и отдельных республик на основе принципов социальной справедливости. При этом, как подчеркивалось на XIX партконференции, многое еще предстоит сделать для более полной реализации преимуществ всесоюзного разделения и кооперации труда, для улучшения использования экономического потенциала республик⁴. Особое значение приобретает углубление на основе хозрасчета их прямых экономических взаимосвязей, устранение различных межреспубликанских барьеров.

Одна из главных среди выдвинутых XIX партконференцией задач на пути осуществления экономической реформы — «создавать условия для большей самостоятельности регионов, осуществлять такие формы сотрудничества, при которых каждая республика была бы заинтересована в улучшении конечных результатов своей хозяйственной деятельности как основы собственного благополучия, умножения общего богатства и могущества Советского государства»⁵.

Сейчас намечилось несколько пониманий идеи территориального (регионального, республиканского) хозрасчета. Первое — «самоокупаемость» территориальных единиц, покрытие расходов на социально-культурное развитие доходами от производств, расположенных на данной территории. Предлагаемые для этого меры — взимание отчислений от предприятий в пользу территорий. Предполагается, что для защиты от ведомственного диктата, экологически вредного природопользования территориальные единицы должны получить равные права, независимо от того, являясь ли они национально-государственными или лишь административно-территориальными (например, область). Территории выполняют особые общественные функции — воспроизводства человека и поддержания среды его обитания. Этим вызвана необходимость получения любыми видами территорий платы за использование природных и трудовых ресурсов. Нормы оставляемого в распоряжении территорий дохода в принципе тоже должны быть едиными, независимо от национального и административного статуса территорий.

Другое, более широко понимание республиканского хозрасчета включает проведение самостоятельной экономической политики, т. е. по существу равнозначно экономическому суверенитету. Именно в таком смысле понятие «хозрасчет» используется в публикациях ученых из прибалтийских республик. Экономический суверенитет подразумевает право самостоятельно создавать конкретные виды производства или запрещать неприемлемые в данных культурно-исторических и экологических условиях производства (за исключением имеющих стратегическое значение), право распоряжаться по своему усмотрению республиканским бюджетом после расчетов с общесоюзным, право на непосредственные (без опосредования центром) экономические связи с другими республиками, выхода на мировой рынок и т. д. Централизаторское руководство при такой модели должно быть заменено политическими и торговыми отношениями между республиками.

Следует, однако, иметь в виду, что повышение экономической самостоятельности территорий может привести к различным, даже, противоположным последствиям. Многое зависит, как уже отмечалось в печати, от того, «будет ли у нас настоящая оптовая торговля, рынок средств производства... или же самостоятельность будет автоматически накладываться на существующие условия»⁶. В последнем случае это может привести к натурализации хозяйства территорий, а соответственно обернуться местничеством, автаркией, усилением центробежных тенденций. И там, где речь идет о национально-территориальных

единицах, это неизбежно повлечет за собой усиление чрезмерной национальной обособленности.

В условиях же развитых рыночных отношений, территориальной специализации и разделения труда региональный, в том числе республиканский хозрасчет приведет к многосторонним экономическим связям. А это, в свою очередь, разовьет уже не центробежные, а центростремительные силы. «Схематично это можно обрисовать так: каждый регион будет стремиться побольше продать того, что он умеет делать хорошо и дешево, чтобы заработать деньги и купить в другом регионе то, что там делают хорошо и дешево»⁷.

Правда, недавно высказано мнение, что «следует разделять территориальные общности, функцией которых является воспроизводство человека, и территории республик (этнические территории), назначение которых, помимо этого, — воспроизводство национальной культуры, а значит воспроизводство народов-этносов»⁸. Однако это утверждение странным образом игнорирует тот факт, что люди, где бы они ни жили, обладают национальностью и, скажем, Горьковская область населена не просто «безнациональными» людьми, а главным образом русскими. Стало быть, эта область является частью территории русского народа-этноса. Из подобных частей и складается вся его этническая территория. Соответственно без участия ее жителей не может быть обеспечена задача воспроизводства национальной культуры как отдельных частей этноса, так и его в целом. Утверждения иного рода не столь нейтральны, как это может показаться на первый взгляд. Они вольно или невольно оправдывают установившуюся практику, согласно которой масштабы отчислений на социально-культурную инфраструктуру ряда областей РСФСР, где численность населения и экономический потенциал существенно превосходит соответствующие показатели отдельных республик, намного меньше, чем у последних. Не потому ли, в частности, далеко не в лучшую сторону отличается социально-культурная инфраструктура многих областей РСФСР от инфраструктуры некоторых меньших по своим размерам и потенциалу республик? К этому остается добавить, что функцией территорий республик, большинство из которых ныне многонациональны, является воспроизводство культуры не одной нации (так называемой коренной), а национальных культур всех населяющих ее народов.

В рассматриваемом контексте привлекает внимание предложение о необходимости научного обоснования экономического районирования страны «на основе формирования крупных, так называемых макрорегиональных территориально-производственных комплексов (ТПК) со специализацией по отдельным законченным циклам».

К тому же, имеется расхождение мнений относительно пространственных рамок введения территориального хозрасчета. Согласно одной точке зрения, первоначально нужно экспериментально ввести территориальный хозрасчет в отдельных республиках. Согласно другой — следует распространить этот принцип одновременно на все республики. Однако в последнем случае возникает вопрос: одинаково ли готовы республики для перехода к «хозрасчету». Если под хозрасчетом понимать самокупаемость, то очевидно, что нет, ибо республики Средней Азии и Казахстана при нынешней структуре хозяйства и занятости без дотаций существовать не могут. Если же под «хозрасчетом» понимать экономический суверенитет, возможность самим определять направление своей специализации и отвечать за результаты хозяйствования, то как раз для отстающих республик это наиболее важно, чтобы включить механизмы саморазвития. Но в таком случае неизбежно, во-первых, увеличение дистанции между передовыми и отстающими республиками, нарастание территориальных различий в уровне жизни, во-вторых, усиление национальных (республиканских) экономических противоречий не только между республиками и центром, но и между самими республиками.

В этой связи может быть следует подумать об осуществлении перехода к развитию социально-культурной инфраструктуры республик и областей на

новой экономической основе, определяемой не статусом территориально-административной единицы (союзная или автономная республика, область и т. д.), а ее реальным вкладом в народное хозяйство страны. Нельзя не напомнить в данной связи, что В. И. Ленин, отмечая особую значимость национального состава населения для экономики, вместе с тем подчеркивал, что этот фактор для нее *«не единственный и не важнейший среди других»*⁹. Действительно, если этнокультурные аспекты национальных явлений в основном связаны с человеком, т. е. с национальным составом населения, то экономические — с территорией, в первую очередь с ее ресурсами.

Соответственно состав производственных и инфраструктурных объединений предлагается перестроить таким образом, чтобы они «укладывались в границы научно обоснованных административно-хозяйственных территориальных образований»¹⁰. Иначе говоря, встает вопрос о том, что понимать под «регионом».

В данном контексте высказывается мнение, что при дальнейшей разработке идеи регионального хозрасчета может быть полезен позитивный и негативный опыт совнархозов, который еще требует обобщения.

Как известно, при планировании размещения производства часто не учитываются экологическая ситуация на местах, соответствующие интересы местного населения. Именно поэтому общественностью столь настойчиво ставятся вопросы о правах местных властей (различного уровня) на экологическую защиту соответствующей территории от ведомственных притязаний. В том же плане находятся и рекомендации, касающиеся платы за ресурсы. Впрочем, следует заметить, что справедливо отстаивая права тех или иных национальностей на экологическую защиту территории своей республики, некоторые авторы при этом исходят из того, что именно данная национальность с особой любовью относится к природе, предполагая, видимо, что другие народы питают к ней меньшие чувства, а, стало быть, у них и надо строить все, что в какой-то мере может нанести ущерб экологии.

Национальные процессы в нашей стране, как известно, сопряжены с демографическими проблемами и усложняются ими. Различия в приросте населения в разных регионах, создающие определенные проблемы в использовании трудовых ресурсов и в развитии социокультурных инфраструктур, требуют активной демографической политики. Однако в основных принципах подхода к ней есть определенные расхождения. Довольно распространено ныне мнение о необходимости регионализации демографической политики, исходящее из предположения, что централизованное ее проведение может быть воспринято в республиках с высоким естественным приростом как ущемление национальных прав. Однако, думается, что скорее не единый подход к проблеме, а разные подходы могут восприниматься как проявление неравноправия. К тому же неизбежно возникает вопрос: как в случае дифференцированного подхода можно путем правовых норм содействовать снижению прироста населения? Думается, что надо сочетать общесоюзные и регионально-республиканские меры. В частности, одной из таких общих мер могло бы стать повышение пособий и расширение прочих льгот (увеличение отпуска по беременности и родам, предоставление неполного рабочего дня и т. д.) при рождении второго — третьего ребенка и сравнительно низких льгот на четвертого и последующих. Такие меры уже давно успешно применяются в ряде социалистических стран (например, в Болгарии). В то же время представляется целесообразным введение в отдельных республиках дополнительных способов стимулирования прироста населения, в том числе развития сети детских учреждений. Однако вряд ли можно согласиться с предложением о предоставлении особых экономических преимуществ в той или иной республике молодым семьям: принадлежащим к национальности, которая дала имя этой республике (например, в Эстонской ССР только семьям эстонцев)¹¹.

На этнонациональной структуре страны наряду с этнодемографическими процессами сказываются и межреспубликанские миграции. Последними, глав-

ным образом, и обусловлены изменения в компактности расселения отдельных национальностей.

Широко распространено мнение, что в последнее время наблюдается повсеместный рост многонациональности республик. Однако в действительности тенденции изменения этнонациональной структуры республик не во всех регионах страны одинаковы. Так, если за время между переписями 1959—1979 гг. коэффициент многонациональности особенно значительно увеличился в Эстонии и Казахстане, то в Азербайджане, Таджикистане, Туркмении он заметно уменьшился.

Как известно, массовые миграции населения подчас сопровождаются обострением межнациональных отношений. Это может быть вызвано разными факторами: и культурно-языковыми различиями коренного и пришлого населения, и разницей в социально-экономическом статусе, и различиями в социально-бытовой обеспеченности, а подчас и опасениями представителей коренной национальности потерять в республике статус большинства. В связи со всем этим в некоторых из них все чаще раздаются призывы ограничить приток мигрантов. В частности, в Эстонии в ряде городов уже установлена плата за ввозимую рабочую силу (от 10 до 16 тыс. руб. за каждого работника и члена его семьи)¹². Более того, ограничение притока мигрантов подчас связывается с введением так называемого республиканского гражданства. Но подобное ограничение явно противоречит принципам демократии. Думается, что более приемлемым является мнение, согласно которому регулирование миграций должно осуществляться косвенным путем, прежде всего посредством экономических рычагов. А именно: республика должна выбирать либо интенсивное создание новых инфраструктур, требующее малоквалифицированной рабочей силы, а соответственно и притока мигрантов, либо ограничение масштабов нового строительства, создания новых рабочих мест и соответственно сокращение потребности в мигрантах (впрочем, возможна и иная альтернатива — развитие высокоэффективных, но относительно нетрудоемких производств).

Для национальных процессов, как известно, важнейшее значение имеют культурные факторы. Но об этой проблематике мы уже много говорили в прошлом, к тому же отдельные ее аспекты затрагивались мной выше. Не лишним представляется еще раз подчеркнуть, что накопившиеся в этой сфере проблемы и деформации, касающиеся национальных отношений, все же гораздо легче исправить, чем во многих других сферах жизни нашего общества.

Остановлюсь лишь на языковых аспектах национальных отношений, приобретающих заметную остроту. Это особенно наглядно проявляется в выступлениях творческой интеллигенции (прежде всего тех ее представителей, деятельность которых связана с языком). При этом выдвигаются требования (например, в республиках Прибалтики) объявить языки народов, давших имя республике, государственными. Вопрос этот далеко не прост. Напомним, что В. И. Ленин выступал против введения государственного языка, имея в виду русский, т. е. язык самого многочисленного народа в стране. Он не без основания опасался, что создание таким образом привилегий для русского языка будет воспринято как одно из проявлений великорусского шовинизма¹³. При этом нельзя не учитывать конкретной языковой ситуации того времени: с одной стороны, подавляющее большинство нерусского населения страны не знало русского языка, с другой, — общественные функции национальных языков были развиты слабо.

В настоящее время, как известно, в Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, согласно их Конституциям, родные языки национальностей, давшие имена этим республикам, считаются государственными. При этом в Конституциях данных республик провозглашается осуществление государственной заботы о всемерном развитии соответствующего языка и обеспечения его употребления в государственных и общественных органах, учреждениях культуры, просвещения

и других. Одновременно — и это весьма существенно — во всех трех Конституциях (в тех же статьях) фиксируется обеспечение свободного употребления в указанных учреждениях и организациях русского языка, а также других языков, которыми пользуется население. Более того, подчеркивается, что «какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются»¹⁴. И, в частности, недавний Пленум ЦК Компартии Эстонии, признавший целесообразность введения эстонского языка в качестве государственного, отметил, что это должно сопровождаться установлением гарантий равноправного использования эстонского и русского языков во всех государственных и общественных организациях¹⁵.

Поскольку во многих союзных республиках признание языка национальности, давшей имя республике, в качестве государственного рассматривается как существенный показатель республиканского суверенитета, представляется, что в современных условиях такое признание лишь послужит удовлетворению национальных чувств, не нарушая фактического равенства языков. Но при этом должно быть, однако, соблюдено по крайней мере одно условие: специальное указание в Конституциях союзных республик, как это имеет место в Конституциях Закавказских республик, о недопустимости любых привилегий или ограничений в употреблении того или иного языка. В отношении автономных республик надо действовать, вероятно, по аналогии, тем более, что в Конституциях некоторых из них это уже сделано.

Статус русского языка для РСФСР, очевидно, не должен отличаться от статуса национальных языков в других союзных республиках. Иное дело вопрос об общегосударственном статусе русского языка как языка межнационального общения в масштабах всей страны. Он требует специального изучения. Поэтому ограничусь здесь лишь некоторыми соображениями предварительного характера. Прежде всего представляется необходимым учитывать, что языковая ситуация в стране сегодня существенно отличается от той, что была в дореволюционные и первые послереволюционные годы. Ведь роль русского в качестве языка межнационального общения стала широко признанной, а национально-русское двуязычие стало весьма распространенным явлением во всех республиках страны. И уже одно это дает основание ожидать, что отношение нерусских национальностей к превращению русского в официально «межнациональный» язык будет существенно иным, чем в те годы, когда против этого выступал В. И. Ленин. Разумеется, в данном случае предполагается также, что во всех союзных республиках государственным будет считаться язык, давший каждой из них имя. Впрочем, и сейчас, с одной стороны, в Конституции СССР зафиксировано, что «законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР публикуются на языках союзных республик» (т. е. включая и русский язык)¹⁶, с другой — в Конституциях союзных республик констатируется, что все их соответствующие законодательные акты публикуются на языке данной республики и русском языке¹⁷. Иначе говоря, официально выделяются два языка: союзной республики и межнационального общения¹⁸. Впрочем, есть уже прецеденты прямого признания русского языка в качестве государственного. Так, в Конституции Абхазской АССР фиксируется, что ее государственными языками «являются абхазский, грузинский и русский языки»¹⁹. Показательна в рассматриваемой связи и практика зарубежных полиэтнических стран. Например, в Канаде, где среди используемых населением языков в качестве официальных выделены два — английский и французский — законодательно признано, что они «обладают равным статусом и правами»²⁰.

* * *

Важнейшую роль в дальнейшем сплочении народов нашей страны призвано сыграть интернационалистское воспитание, которому следует уделять должное внимание, начиная с раннего детства. Надо тщательно продумать механизмы,

обеспечивающие интернационалистскую ориентацию сознания советских людей, уделив особое внимание тому, чтобы они с детских лет впитывали не только национальный, но и интернациональный исторический опыт.

Особая роль в формировании интернационалистского мировоззрения принадлежит, как известно, разработке теоретических аспектов этнонациональной проблематики. Между тем как раз в этой сфере особенно негативно сказался застой. Новые подходы к ней поэтому настоятельно требуют избавления от талмудизма и начетничества, заздравных формул.

Это относится, например, к использованию формулы «национальный вопрос» (утверждение об его отсутствии в наши дни). Не работающим является определение «рассвет наций» (лучше, видимо, — «развитие»). Далеко не безупречна формула «социалистическая по содержанию и национальная по форме культура». Часто имеет место смешение понятий «интернационализация» и «интернационализм», а последний стал нередко восприниматься на местах как верность центру, как проявление бюрократическо-центрелистских тенденций.

Уточнения требует понятие «национализм». Становится все более очевидной необходимость его более четкого отграничения от других проявлений национальной сознания, в том числе и от тех, что не могут быть безоговорочно оценены как позитивные. И это в последнее время все чаще подчеркивается в нашей литературе. Такой подход, в частности, получил отражение на страницах «Правды» в статье «Феномен национализма»²¹. Автор этой статьи справедливо выступает против расширительного «толкования явления национализма». При этом он отмечает, что «например, национальная ограниченность — это еще не национализм. Столь же далеко от национализма и „этническое предубеждение“». Действительно, указанные явления далеко не тождественны национализму. Однако ограничиваться констатацией этого явно недостаточно. Ведь в таком случае остается в тени негативный характер и национальная ограниченность этнического предубеждения. Еще большее удивление вызывает мнение автора, что национальные обиды могут вызвать в нашей стране оборонительный национализм. Таким образом, вольно или невольно оказывается, что несправедливое отношение к той или иной национальности и при социализме делает правомерным ее национализм (оборонительный, а иногда, как говорится в статье, — даже наступательный). Между тем этот феномен сам автор совершенно точно определяет как признание исключительности своей национальности и ее претензий на привилегии за счет других национальностей. Правда, термин «оборонительный национализм» фигурирует в резолюции XII съезда РКП(б)²². Однако из этой же резолюции очевидно, что в ней слово «национализм» трактуется весьма расширительно (в частности, под ним подразумевается «национальное отчуждение»)²³, т. е. в значении прямо противоположном тому, которое отстаивается в рассматриваемой статье. Словом, данный термин вряд ли правомерно механически переносить из одной конкретно-исторической ситуации в другую. Далеко не удачной представляется и попытка ввести понятие «перестроечный» по духу национализм, сосуществующий с национализмом со знаком минус²⁴.

Нельзя не согласиться с мнением о необходимости углубленного исследования вопроса о соотношении науки и религии, национального самосознания и религиозных взглядов²⁵, вопроса, к сожалению, нередко трактовавшегося явно упрощенно.

Как известно, одной из важнейших составляющих этнического, национального самосознания каждого человека выступает представление об общности исторических судеб всех членов того этноса, к которому он принадлежит. Между тем, как показывает анализ этнической истории человечества, эта «субъективная» компонента этнического самосознания выступает на передний план тем в большей мере, чем слабее становятся возможности апеллировать к объективным особенностям культуры своего этноса.

К сожалению, в исторической литературе многие факты далеко не простой этнической истории народов нашей страны либо просто игнорируются, либо трактуются упрощенно, а то и вовсе искажаются. В ряде республик стал прямо-таки болезненным вопрос о происхождении коренных народов. Его освещение нередко сопровождается стремлением «удревнить» и «облагородить» историю своего народа.

В условиях застоя на освещении исторического прошлого отдельных народов нашей страны весьма пагубно сказалось волюнтаристское воздействие некоторых некомпетентных республиканских руководителей, стремившихся использовать историческую науку в своекорыстных интересах конъюнктурного характера. Весьма показательна в данном отношении деятельность бывшего первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Т. Усубалиева. В своих выступлениях он, в частности, неоднократно критиковал обоснованный в трудах известного этнографа С. М. Абрамзона²⁶ тезис, согласно которому в республике продолжают сохраняться некоторые патриархальные пережитки (в том числе деление на семейно-родственные группы). Раскрывая причины этих явлений, их негативное влияние на социальную практику, ученый вносил предложения, касающиеся преодоления такого рода пережитков. Обвиняя С. М. Абрамзона в идейно-теоретических ошибках, Т. Усубалиев стремился доказать «беспережиточную ситуацию» в республике, «на практике же он создал все условия для возрождения кланства, местничества, подбора кадров по родо-племенным признакам, коррупции»²⁷.

Не лучшим образом на национальном самосознании народов нашей страны отражается и наличие белых пятен в истории советского общества. Особенно это относится к сложным перипетиям сравнительно недавнего исторического прошлого этнонациональных общностей, вошедших в состав СССР в предвоенные годы. В частности, немало белых пятен оказалось в истории народов Прибалтики. Между тем подобные пробелы, замалчивания, полуправда на страницах работ по истории не только создают почву для неверных представлений об историческом прошлом народов, но и используются для политической демагогии.

Значительные пробелы в разработке истории народов нашей страны нередко усугубляются их огрубленным освещением в школьных учебниках. И дело не только в том, что, как уже говорилось, в учебной литературе встречается «уклончивое» объяснение тех или иных сложных событий исторического прошлого, а то и просто о них умалчивается. Еще хуже, когда учащиеся фактически лишены возможности изучать историю своей этнонациональной общности, как это совсем недавно имело место в НКАО. Однако повышенное внимание к прошлому своего народа при преподавании отечественной истории не должно наносить ущерба освещению исторических судеб других народов страны, прежде всего соседних. Ведь только при этом условии исторические знания могут способствовать формированию у молодежи интернационалистски ориентированного национального самосознания.

Существует вместе с тем опасность некритического отношения к этапам нашей истории первых лет советской власти, известная идеализация подходов к решению национальных проблем в этот период. Отходом от ленинских принципов был бы как раз недialeктический подход к решениям тех лет, непонимание того факта, что многие решения диктовались конкретными обстоятельствами. Словом, современная практика межнациональных отношений выдвигает ответственные задачи перед общественными науками. Первоочередная из них — подготовка материалов для предстоящего Пленума ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений. И нам всем предстоит принять в этом самое активное участие.

- ¹ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г. // Правда. 1988. 20 июля. С. 2.
- ² Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. О межнациональных отношениях // Коммунист. 1988. № 10. С. 79.
- ³ См. Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических республик. М., 1978. С. 27—28.
- ⁴ О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года // Коммунист. 1988. № 10. С. 39.
- ⁵ Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. О межнациональных отношениях // Там же. С. 79.
- ⁶ Конвертируемый рубль: когда и при каких условиях. Беседа с профессором В. Белкиным // Известия. 1988. 3 августа.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Коротева В., Перепелкин Л., Шкаратан О. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15. С. 23 (статья опубликована после проведения заседания).
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 149.
- ¹⁰ Хорев Б. Шаг вперед, два в уме // Литературная газета. 1988. 13 июля.
- ¹¹ См. Молодежь Эстонии. 1988. 18 июня.
- ¹² Ребане Я. Основные черты национальных процессов в республиках // Коммунист Эстонии. 1988. № 6. С. 22.
- ¹³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 302.
- ¹⁴ Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. С. 241 (ст. 75 Конституции Грузинской ССР). С. 285 (ст. 73 Конституции Азербайджанской ССР). С. 490 (ст. 72 Конституции Армянской ССР).
- ¹⁵ Правда. 1988. 11 сентября.
- ¹⁶ Конституция СССР... Ст. 116. С. 35.
- ¹⁷ См., например: ст. 103 Конституции УССР // Конституция СССР... С. 106.
- ¹⁸ Кроме того, в ряде Конституций союзных республик говорится о публикации законодательных актов на языках соседних союзных республик и «своих» — автономных образований (см.: Конституция Азербайджанской ССР. Ст. 117; Конституция Грузинской ССР. Ст. 110; Конституция Армянской ССР. Ст. 104 // Конституция СССР... С. 98, 246, 490).
- ¹⁹ Конституция (основной закон) Абхазской Автономной Советской Социалистической республики. Сухуми. 1978. Ст. 70. С. 19.
- ²⁰ Цит. по: Тишков В. А. Англо-французское двуязычие в Канаде // Сов. этнография. 1985. № 4. С. 48.
- ²¹ Правда. 1988. 5 мая.
- ²² Судя по всему, этот термин восходит к докладу на XII съезде И. В. Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» (см. Сталин И. В. Материализм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 118).
- ²³ Цит. по: Сталин И. В. Указ. раб. Приложение. С. 214.
- ²⁴ См. Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 29.
- ²⁵ См. Сыроедова М. Религия и национализм // Коммунист. 1988. № 13. С. 75—76.
- ²⁶ См. Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- ²⁷ История далекая и близкая. Беседа с членом-корреспондентом АН Киргизской ССР С. Т. Табышалиевым // Советская Киргизия. 1988. 26 июня.

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

О. И. Шкаратан (Институт этнографии АН СССР, Москва; далее — ИЭ). Сегодня многие специалисты высказывают опасения по поводу идеи децентрализации государственного управления, сомнения в целесообразности существенного расширения суверенитета союзных республик СССР. Подобные соображения не имеют достаточных оснований. Говоря об укреплении республиканского суверенитета, мы должны понимать, что речь идет о восстановлении федералистских принципов построения Союза ССР. Из-за того, что в период сталинизма эти принципы были фактически уничтожены, СССР превратился в централистское государство, в котором права республик в течение десятилетий ущемлялись.

Необходимо четко различать функции территориальной общности в социальном воспроизводстве и функции этнической территории в воспроизводстве этничности. Воспроизводство человека осуществляется в первичной территориальной общности, воспроизводство же этноса — опти-

мально в границах его этнической территории. Вопрос о существовании этнической территории как самостоятельной экономической единицы, создающей возможность для всестороннего развития человека как носителя этнических особенностей имеет принципиальное стратегическое значение. Поэтому так важна борьба за сбережение этой территории, за ее полноценное развитие.

Одним из важных аспектов национальных отношений является экологический. Проблема здесь совсем не в том, чтобы переносить экологически вредные производства из малых по территории республик в большие, а в совершенно недостаточных по мировым стандартам удельных затратах на природоохранные мероприятия во всех отраслях и во всех республиках. Конфликтные ситуации при этом неизбежны. Все это прямое следствие действий административно-командной системы управления. Противоядием против административного произвола может стать как раз экономический суверенитет республик, который предполагает, хотя в определенном смысле и ограниченное, но, тем не менее, право «вето» республик в вопросах развития производства.

Введение республиканского экономического суверенитета, возможно, приведет к дальнейшему углублению неравномерности социально-экономического развития регионов и республик СССР. Однако этого не стоит пугаться. Новые экономические отношения будут стимулом роста производства, обеспечат увеличение экономического потенциала не только республик, но и Союза. Прежняя система управления экономикой отрицательно сказалась на благосостоянии и развитии союзных республик. Это относится прежде всего к РСФСР, ресурсы которой перекачивались в другие регионы, преимущественно в Среднюю Азию. Более перспективна система не дотационного, а кредитного перераспределения ресурсов, причем масштабы перераспределения должны быть такими, чтобы не подрывать экономический потенциал и благосостояние республик, предоставляющих кредиты.

Республиканский экономический суверенитет приведет к реорганизации всей экономической системы страны на рыночных началах. В связи с этой перспективой следует критически осмыслить традиционные у нас представления, будто централистские, командные методы управления экономикой соответствуют идеальным принципам социализма.

Совершенствование экономических основ национальных отношений тесно увязано с вопросом сокращения военных расходов. Если мы будем сохранять военные расходы на уровне, превышающем в несколько раз таковые затраты других государств, то никаких ресурсов для решения внутренних проблем, в том числе национальных, иметь не будем. Есть две стратегии в области обороны, стратегия баланса и стратегия достаточности, сформулированная М. С. Горбачевым. В последнем случае ресурсы найдутся.

Э. А. Багрянов (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва). Нередко спрашивают, не помешает ли обострение национального вопроса перестройке советского общества? Внешне это как будто вполне законный вопрос, поскольку речь, вроде бы, идет о двух совершенно разных вещах. Однако они тесно связаны, так как оздоровление национальных проблем составляет существенную часть перестройки.

Только предусматривая глубокие преобразования в сфере национальных отношений (а потребность в этом давно назрела), можно определить правильно и роль национального фактора в современной жизни, необходимость преобразования национальных отношений в духе интернационализма.

Вызывает серьезное беспокойство проявившийся в нашем обществе процесс эрозии интернационализма, важнейшего элемента, может быть, даже краеугольного камня марксизма-ленинизма вообще. Занимаясь национальными проблемами, мы иной раз забываем, что если отступим от интернационализма, то потеряем все, и, прежде всего, Советскую власть и социализм. Именно сейчас, когда этот вопрос очень остро встал в связи с Нагорным Карабахом, в связи с ситуацией в Прибалтике, необходимо подумать о том, в какой мере мы следуем принципу интернационализма.

Для укрепления интернационализма главным является, как считал В. И. Ленин, прежде всего удовлетворение национальных запросов. Этот вопрос сегодня — самый актуальный. Непонятно, например, почему через 70 лет Советской власти мы не можем признать полное равноправие всех наций и народностей, почему мы не можем признать полное равноправие всех наций и народностей, почему мы не можем признать равноправными все существующие в СССР 53 национально-государственные формирования. Аргументация И. В. Сталина, почему одни народы могут иметь союзную республику, а другие нет, не выглядит сколько-нибудь убедительной. Очевидно, ученым следует спокойно обсудить вопрос (в порядке выработки рекомендаций о поправках к Конституции) о статусе всех национальных образований и, возможно, о федеративном устройстве СССР в целом.

Очень важно определить правильный подход к вопросу о праве наций на самоопределение. За годы советской власти это понятие претерпело некоторую трансформацию. Ныне право наций на самоопределение, суверенитет республик должны органически сочетаться с суверенитетом всего советского народа.

Что касается конституирования государственных языков союзных республик, то в отдельных случаях оно, возможно, было бы целесообразно. Однако это нельзя делать правилом. В. И. Ленин достаточно ясно показал, что введение государственных языков неизбежно означает привилегии, которые предоставляются одним народам в ущерб другим.

Ю. В. Бромлей (ИЭ, Москва). Фактически государственные языки — в той же Прибалтике, которая прежде всего имеется в виду, — уже существуют. Это — языки прибалтийских народов и русский язык, поскольку на них ведется вся официальная документация. Остается только зафиксировать такое положение термином «государственные языки». Почему бы это не сделать, — если люди того хотят?

Э. А. Баграмов. Но при этом необходимо законодательно защитить права всех других языков.

В. В. Миленов (МГУ им. М. В. Ломоносова). Если мы действительно хотим что-то изменить в сфере национальных отношений, то прежде всего следует пересмотреть некоторые теоретические стереотипы. Это касается, например, традиционного понимания нации. Почему ей должны соответствовать четыре признака? Этих признаков в разных ситуациях может быть и больше и меньше. Почему нация — историческая общность, а народ, племя — не исторические общности? Противопоставление нации и расы в этом аспекте тоже неправомерно, потому что и раса — категория исторической наследственности. Нам надо избавиться от догматизма и постараться подходить ко всем этим вопросам не только с точки зрения цитат, которые мы берем у классиков, а исходя из общего методологического арсенала всего марксизма-ленинизма в целом.

Другой вопрос. Мы говорим о том, что нужны специальные службы, которые занимались бы изучением национальных и межнациональных отношений. Эти службы формируются, но их недостаточно квалифицированных людей. Такого рода работа, разумеется, комплексная, междисциплинарная. Но при всем том все-таки есть единственная наука, которая занимается изучением народов как целостности — этнография. И в этой связи вызывает беспокойство вопрос о кадрах. На весь Советский Союз имеется всего несколько неполных кафедр этнографии и только три полных: в Тбилиси, Ленинграде и в Москве. Кафедры маленькие, слабые. Нужно готовить кадры и иметь возможность направлять этих специалистов на ту работу, к которой они подготовлены.

Вопрос о так называемом родном языке. Сейчас в прессе этот вопрос стал одним из самых острых. Дело дошло до того, что отдельные, чрезвычайно эмоциональные люди позволяют себе истерические выкрики вместо разумного, серьезного обсуждения действительно назревшей проблемы. Некоторые писатели даже говорят об аморальности тех людей, которые не знают языка той национальности, к которой они принадлежат по рождению. Такая постановка вопроса должна получить совершенно определенный отпор. Вопрос о том, что такое родной язык, есть вопрос личного права каждого человека, каждого гражданина. Каждый человек имеет право решать, какой язык ему нужен, каким языком он будет пользоваться, на каком языке будут учиться его дети.

Г. Б. Старушенко (Ин-т Африки АН СССР, Москва). Для того, чтобы выработать какой-то методологический подход в решении национального вопроса, очевидно, было бы полезно посмотреть, в каком направлении развиваются национальные отношения в мире. Научно-техническая революция вызывает огромное перемещение масс людей, бурный рост самосознания национальных меньшинств, т. е. людей, которые живут среди других народов, а также дисперсных национальных групп.

Большинство федеративных государств развивается в сторону централизма. В мире сейчас существует более 325 наций и народностей, численность которых превышает 1 млн. чел., а количество государств в мире — примерно 175. Значит, обыденным явлением становится многонациональное государство. Современное международное право предоставляет государству самому решать вопрос о формах самоопределения, т. е. оно не обязывает государство во всех случаях предоставлять право на самоопределение, допускать отделение наций. Существует точка зрения, зафиксированная в некоторых международных документах, что право на самоопределение в виде отделения должно предоставляться только тогда, когда это грозит международным конфликтом. Таким образом, надо различать два аспекта: право на самоопределение и форму реализации этого права.

В вопросе о том, кто имеет право на самоопределение мы должны руководствоваться марксистским положением — все народы и нации имеют право на самоопределение. Что касается формы самоопределения, реализации этого права, т. е. создания государства на (добровольных) унитарных началах, на началах автономии, федеративного государства, конфедерации и т. д., то это вопрос уже политический. Он решается в зависимости от конкретной политической обстановки в данном обществе.

Для того, чтобы обеспечить разумный, спокойный и деловой подход к решению национального вопроса, нужно ослабить эмоциональный и усилить научный и политический аспекты. При этом следует исходить из реальных оценок состояния национального вопроса в нашей стране, достигнутых успехов и имеющихся недостатков.

Решение национальных проблем нельзя возлагать исключительно на высшее руководство страны. Обязательное условие компетентности принимаемых решений — участие в их разработке ученых, специалистов в области национальных отношений.

Нельзя пренебрегать и анализом состояния национального вопроса в других странах мира. С одной стороны, это тот фон, на котором мы можем более объективно рассматривать как наши достижения, так и наши промахи и недостатки, а с другой стороны, зарубежный опыт решения национального вопроса, возможно, окажется чем-то полезным и для нас.

Есть, конечно, и другие проблемы, заслуживающие внимания. Очевидно, например, что нам нужно изменить свое отношение к национально-культурной автономии, которую В. И. Ленин осуждал потому, что ею пытались подменить территориальную автономию. Очевидно также, что регулировать межнациональные отношения нормами морали недостаточно, а нормами права — чрезмерно. Необходимо разумное сочетание морали и права.

Внести компетентность в понимание национальных проблем — прежде всего долг этнографов. Однако и другие специалисты должны принять активное участие в разработке этих проблем. Необходимо усилить комплексность при изучении проблем межнациональных отношений.

С. А. Арутюнов (ИЭ, Москва). Если будет продолжаться явная, неоспоримая эрозия интернационализма, то это поставит под вопрос существование всех социалистических завоеваний и самого Советского Союза. Кризис интернационализма в первую очередь происходит от административно-командного метода насаждения интернационализма, от бестактной, неумелой пропаганды его, от того, что вместо борьбы с подлинным шовинизмом и национализмом боролось и продолжают бороться с законными проявлениями любви и интереса к родному языку, к родной культуре, обогащающей мировую культурную сокровищницу, культивацией уникальных, специфических особенностей каждого народа, каждой национальной единицы. И единственный путь вернуться к интернационализму — это путь культивации этих особенностей, уважительного, бережного отношения к ним, путь всецелого поощрения национального своеобразия и предоставления полной возможности для расцвета национальных языков, национальных культур.

К вопросу о федерализме и централизме. Советский Союз есть договорное государство, Советский Союз есть федеральное государство. Далеко не все государства развивались от феодализма к централизму, как утверждает Г. Б. Старушенко. Советский Союз — федеральное государство, социалистическое государство, демократическое государство. И эти принципы не отменяются тем, что на протяжении десятилетий они попирались во многих областях нашей жизни, подменялись далеко не демократическим централизмом.

Если мы откажемся от не просто зафиксированного конституцией, а вытекающего из генерального принципа нашего государства права республик на отделение, то тем самым мы перечеркнем федеральный и прогрессивный характер нашего государства. Это фактически будет означать аннексию республики центральной властью. Не вызывает сомнений и то, что ряд автономных республик уже дорос до превращения в союзные, а ряд автономных областей — до превращения в автономные республики. Но сама структура национального устройства Советского Союза — многоступенчатая, гибкая — весьма удачна: это работающая структура. Это одно из наших достижений.

Национальное самоопределение не всегда должно реализовываться в территориальных формах. Сочетание территориального и национально-культурного принципов должно определяться конкретной ситуацией, конкретными условиями жизни и интересами того или иного народа.

Еще один важный момент. Республики, автономные области — это работающие территориальные единицы. Что касается РСФСР — крупнейшей территории Советского Союза, то при существующей структуре она просто неуправляема. Поэтому представляется необходимым, чтобы в РСФСР было создано дополнительно несколько краев, объединяющих существующие области. И каждому такому краю следует предоставить права, более или менее аналогичные правам союзных республик.

И последнее. В области культурной и национальной политики большое значение имеют школа, радио, печать. Но сейчас из всех средств культурных медиумов важнейшим является телевидение. Поэтому основные капиталовложения, основные усилия, при сохранении внимания к национальной школе, к публикациям произведений национальной художественной литературы, должны быть, видимо, направлены на развитие мощных, постоянно действующих телевизионных программ на национальных языках и с национальной тематикой, независимо от того, имеют ли те или иные национальности какую-либо территориальную автономию и какие-либо территориальные образования или нет, компактны они или дисперсны.

Ю. Б. Симченко (ИЭ, Москва). Две недели назад в Ин-те этнографии состоялось совещание, которое обсудило концепцию «Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года». Эта концепция была подготовлена сотрудниками сектора Севера в рамках координационно-исследовательской программы, которой руководит Сибирское отделение АН СССР.

В ходе дискуссии была выработана резолюция, которая включала следующие основные положения.

На территории проживания народов Севера в последние десятилетия происходят интенсивные процессы развития промышленности, непосредственно и отрицательно сказывающиеся на условиях жизни народов Севера: чем более развита промышленность, тем хуже положение народов Крайнего Севера.

Масштабы промышленного освоения Севера стали совершенно неуправляемыми. В этой связи будущее народов Крайнего Севера представляется тревожным. Хотя они постоянно были под опекой правительства, пользовались значительными льготами, все эти меры не смогли обеспечить им нормальное национальное развитие; не могут они и служить гарантией против физического исчезновения этих народов.

Совещание обратилось к правительству и партийным органам с конкретными предложениями. Вот основные из них: создать в Верховном Совете РСФСР Совет Национальностей с представительством в нем всех народностей федерации, создать, а точнее воссоздать при Совете Министров РСФСР специальный Комитет по делам народностей Севера (существующий сейчас отдел просто не имеет достаточных прав и средств для решения соответствующих вопросов); признать целесообразным введение в ряде национальных районов национальной автономии: национальных советов и национальных поселков с соответствующим статусом; обсудить вопрос о создании самостоятельной ассоциации народностей Севера как общественно-этнической организации; расширить права автономных округов в области отвода и закрепления за земледельцами земли, в определении условий производства и промыслового хозяйства на территории округов, в установлении норм и сроков лова промысловых животных и рыб, а также условий отчисления в местный бюджет средств городов, предприятий и организаций, действующих на их территории и др.

Б. Б. Задарновский (Академия общественных наук при ЦК КПСС, Москва). Обсуждая научно-теоретические аспекты национальных проблем, мы не должны отодвигать на второй план политические аспекты. Принципиально важное значение имеет формулирование и зондирование общих подходов и концепций, связанных с политикой национального строительства. Необходимо и определенное смещение акцентов в идеологической работе, особенно в той ее части, которая касается оценки прошлого. Недопустимо полностью перечеркивать наши достижения в решении национального вопроса, нагнетать и чрезмерно драматизировать ситуацию. Народ уже в значительном степени устал от этой критики.

В плане общих концепций национального вопроса необходимо определить наше отношение к роли национального фактора. Очень важно определить, что будет стоять во главе угла нашей национальной политики. Если нация не вечна, если нация — категория преходящая, а следовательно, преходяще и само понятие и явление, то тогда действительно нужно делать акцент на интернационализме. Сейчас многие идеологические работники просто дезориентированы. Слияние наций отвергли, самоопределение у нас, оказывается, не осуществлялось, федерализма тоже нет, фактическое равенство приравнивают к культивированному иждивенчеству и т. д. Что же тогда остается от нашей национальной политики? И почему мы нацию, национальную политику все-таки называли ленинской?

Если мы строим социализм, исходим из научной теории, то в основу надо положить марксистско-ленинскую теорию. Ленин говорил, что тот, кто забывает, что национальное исторически преходяще так же, как исторически преходяще отечество, тот оппортунист. Если мы от этих посылок отказываемся, то надо прямо сказать, что эти доводы классической революционной теории себя не оправдали. Давайте искать новые. Но если мы их все-таки не отвергаем, то давайте исходить из ленинских положений о национальном вопросе. Между тем эти отправные принципы оказались в какой-то степени поколебленными. Мы не знаем, к чему мы идем, а поэтому не знаем, куда мы идем.

В частности, нельзя согласиться с мнением о том, что обеспечение национального равноправия зависит от статуса национальных образований. Это противоречило бы классической марксистско-ленинской теории. Ничуть не ущемляя ничьих прав, мы все-таки не должны отождествлять равноправие наций с принципом автономизма.

В. И. Козлов (ИЭ, Москва). Пока мы можем, кажется, лишь мечтать о том, чтобы, скажем, при обсуждении национального вопроса на Политбюро ЦК доклады делали специалисты-обществоведы. Но эти мечты, по-видимому, пока неосуществимы. И не столько потому, что обществоведы еще не избавились от подчиненности политике; сколько из-за того, что у специалистов нет более или менее единой позиции в осмыслении национальных проблем. А в результате очень вероятно, что эти проблемы, как и в прошлом, по-прежнему будут решаться неспециалистами.

Из всех обсуждаемых нами вопросов главный — опасность национализма в его национально-республиканской ипостаси. Национализм возникает, как правило, тогда, когда национальные чувства опираются на государственную власть в той или иной ее форме.

Проявляющаяся в Прибалтике тенденция к децентрализации нашего общества по национально-республиканскому признаку предусматривает введение экономической автономии, своей валюты, государственного языка, республиканского гражданства, ограничение межреспубликанских миграций. И это только лишь первые шаги, а потом события могут пойти уже сами собой, и в итоге мы получим не Советский Союз, а что-то вроде Европейского Экономического Сообщества. А ведь когда мы думаем о нашей национальной политике, то должны ставить перед собой вопрос о ее конечной цели. Какую же цель ставят защитники децентрализации, что является их идеалом? Говорят — демократия! Но ведь демократия в своей высшей форме предусматривает равноправие не наций, а людей, независимо от их национальной принадлежности. Достичь равенства наций мы никогда не сумеем, а достичь равенства людей смогли бы. Одна лишь отмена отметки в паспорте и в служебных анкетах о национальности, на основе которой до сих пор решаются многие кадровые вопросы, была бы существенным шагом к подлинному демократизму.

И. Ш. Муксинов (Ин-т государства и права АН СССР, Москва). Сегодня актуальность государственно-правовых проблем в национальных отношениях возрастает. По-видимому, государственный язык в Прибалтийских республиках все же будет. Что касается закона о гражданстве, то, вероятно, мы и от этого не уйдем. Наше действующее законодательство предполагает это. Вместе с тем необходимо анализировать проекты готовящихся в республиках решений, и если они противоречат существующим законам, поправлять их.

Надо подумать о новой концепции национальной политики, о тех положениях, которые позволяли бы решать сегодняшние и перспективные проблемы. Ведь основной причиной обострения национальных отношений является то, что мы длительное время отступали от ленинских принципов национальной политики. Курс на централизацию был взят в 1929 году, а с 1930 года она пошла такими темпами, что в конце концов «сталинская», как мы ее называем, Конституция 1936 г. являлась конституцией редчайшей в своем роде централизации управления нашим государством, свела на нет Договор об образовании Союза. Одной из крупнейших задач, связанных с новой концепцией национальной политики, является возрождение Союзного договора, восстановление в полной мере прав союзных республик.

Мы изучали, какие нормы нашей Конституции, касающиеся федерализма, закреплены в текущем законодательстве. Оказалось, что в нем не закреплен организационно-правовой механизм охраны суверенных прав союзных республик.

Следует обсудить вопрос о том, чтобы вернуться к структуре Конституции 1924 г., первую часть которой составлял договор об образовании СССР.

Мы очень много говорим о новом политическом мышлении и о гуманизации, но все больше в международном масштабе. А вопрос о гуманизации стоит и в нашей стране. Нужно резко демократизировать отношения между органами Союза и республик. Нужно демонтировать административно-командную систему, которая стала действовать с 30-х годов.

М. И. Исаев (Ин-т языкознания АН СССР, Москва). За последние полтора года мы привыкли к тому, что все ломаем, все критикуем. Пора начинать и позитивную деятельность. Конкретный пример: государственный язык. Ленин неоднократно говорил, что обязательный государственный язык — палка, а палкой в рай не загонишь; социал-демократам стыдно стоять за государственный язык. Надо осмыслить: а что имел в виду Ленин, и что понимается сегодня под термином «государственный язык». Ведь часто термины в различные эпохи, при различных обстоятельствах меняют свое значение и содержание. Ленин всегда говорил применительно к государственному языку — «обязательный». Обязательность изучения и употребления того или иного языка ущемляет права других языков. Именно в этом смысле лозунг государственного языка выглядит неприемлемым.

С. М. Червонная (НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР, Москва). Трудно принять мысль, прозвучавшую в докладе Ю. В. Бромлея о том, что у нас некоторые автономные республики могут «дораста» или уже «доросли» до союзных. Так ставить вопрос о совершенно разных государственных формах — все равно, что говорить: музыка может дорости до литературы, блондинка дорости до брюнетки. Проблема заключается в том, что автономная республика хуже снабжается, с ней меньше считаются. Возможно, есть смысл провести широкую конференцию с участием творческой и научной интеллигенции, прежде всего из наших двадцати автономных республик, на которой повести большой, серьезный разговор о проблемах автономий.

Оказывается, судя по некоторым выступлениям, есть желающие защищать даже принцип федерализма. У нас союзное государство — независимые, самостоятельные союзные республики, которые в 1922 г. создавали не федерацию или централизованное государство, а именно союз. Единая армия — необходимость времени, а уж язык, культура — эти вопросы должны решаться республикам самостоятельно. Если не мы, гуманитарии, скажем нашему правительству, нашей партии о том, что есть вещи бесспорные, то кто же? Это нужно говорить писателям, ученым.

В. К. Гарданов (ИЭ, Москва). Национальный вопрос всегда был очень сложным и эмоциональным. И всегда происходят вспышки эмоций, когда начинают ограничивать и ущемлять национальные права, совершать ошибки в политике. Карабахский вопрос, например, возник давно, армяно-азербайджанские отношения родились не сегодня.

В 1920-е—1930-е годы столь серьезных национальных проблем не было. Все считали, а так оно и есть, что наши завоевания по национальному вопросу — одно из самых крупных наших завоеваний. Тем не менее фактического равноправия народов мы не достигли. Мне кажется, что в национальной политике у нас всегда была генеральная линия: главное то, что способствует историческому прогрессу и, в частности, — это интернационализм. Ведь в историческом плане мы идём к сближению народов.

Теперь о хозрасчете. Республики имеют разный национальный доход и разные национальные ресурсы. Если эти ресурсы замкнуть рамками республик, то, например, те, у кого есть алмазы или золото, могут на них жить гораздо лучше, чем все остальные. Так нельзя ставить вопрос в союзном государстве. Хозяйственный расчет, конечно, нужен, но нельзя совершенно ликвидировать единое централизованное управление экономикой, без которого немыслимо единое государство, потому что все национальные отношения в конечном итоге строятся на экономической базе.

С. Т. Калтачян (МГУ им. М. В. Ломоносова.). Из всей совокупности национальных вопросов один, главный вопрос, у нас действительно решен, и бесспорно это подвергать сомнению: вопрос, в форме унаследованной от капитализма. А когда на XIX партийной конференции М. С. Горбачев сказал, что национальные вопросы стучат и в двери, и в окна нашего дома, он имел в виду те вопросы, которые порождены существованием самих наций и национальных отношений. Национальные вопросы возникают постоянно, они должны быть все время в центре нашего внимания и решаться своевременно. Но при решении их надо отдавать себе отчет в том, что мы многого добились. Складывается твердое убеждение, что в условиях обострения национальных проблем одни пошли по пути требования вернуться к запретам и строгостям, другие (к сожалению, их большинство) — заигрывания с национальными чувствами. И то, и другое совершенно неверно. Ленин говорил: мы не за всякое национальное развитие. Он никогда не признавал обособленное развитие наций и народностей. Более того, он не допускал обособленный патриотизм в социалистических условиях. Ленин до революции был против федерации, считая, что она ослабляет тесные связи республик, наций и народностей. И только после Октябрьской революции он сделал вывод, что «Советы, будучи по своей природе интернациональными, могут действительно взять на вооружение федерацию как путь к единству. И вообще Ленин сутью национального вопроса всегда считал сплочение народов независимо от национальности.

Теперь говорят о демократии, плюрализме. Во-первых, плюрализм — это не самоцель, а только средство пробиться к истине. Во-вторых, чтобы пробиться к истине, нужно избрать истинный путь. Этот истинный путь нашли корифеи науки — Маркс, Энгельс, Ленин. Очень тяжелые потери мы понесли из-за того, что считали, будто Ленина достаточно только цитировать, соблюдая определенный ритуал по отношению к нему, а практически не использовать то богатство, которое он оставил.

Теперь о государственном языке. Как можно говорить, что государственный язык не затрагивает други языки, когда в Прибалтике фактически идет борьба против двуязычия?

Или взять вопрос о республиканском гражданстве. Оно подразумевается уже в нашей Конституции, потому что граждане Советского Союза любой национальности являются одновременно и гражданами своей республики. Но когда специально выдвигают требования о республиканском гражданстве, то это связано с другим: превратить союзное государство в союз государств.

О. А. Бельков (Академия Генштаба, Москва). Сегодня речь идет о выработке принципиально новых подходов в сфере национальных отношений. По крайней мере две позиции здесь имеют особое значение. Во-первых, это признание национального многообразия форм и содержания общественной жизни. О том, что необходимо учитывать своеобразие в языке, культуре говорится много. Но где пределы этого национального своеобразия, которое надо учитывать? А трудовые традиционные навыки населения, а черты образа жизни, а формы общения и т. д.? Мы говорим: «социализм „цветов“ Франции», «социализм с китайской спецификой». По всей вероятности, нужно признать и содержательные особенности в организации всей общественной жизни в национальных районах, в национальных республиках. Правда, здесь возникает вопрос, до каких пределов эти особенности сохраняют советский социалистический общественный строй, образ жизни.

И во-вторых, единство народов должно рассматриваться как динамичное явление. Единство — это не раз и навсегда заданная категория. Цель ленинской национальной политики объяснить очень просто: обеспечить взаимодействие, взаимопомощь и сотрудничество всех народов во имя достижения социального прогресса. А вот где механизм достижения этой цели — вопрос противоречивый и проблемный. Сегодня наша национальная государственная структура развивается от сталинской автономизации к единой подлинной ленинской федерации. Много у нас достижений, но сталинские методы не прошли бесследно для национальных отношений. Национальная государственная структура, хотя по форме и сохранила ленинский союз, но по существу означала лишение республик всякого права на самовыражение.

Сейчас идет естественный процесс движения к подлинному федерализму. При этом не удивительно, что появляются требования зайти чуть-чуть дальше. И если выдвигается требование конфедерации, то нужно не отвергать его с порога, а анализировать и выяснять, почему конфедерация для нас сегодня неприемлема.

Приходится признать, что сама автономия, независимо от ее формы, у нас ущемлена, даже с точки зрения семантики слова: автономия — это «сам себе закон». Но ведь ни одна автономия не обладает абсолютным правом определять формы своей жизнедеятельности. Пытаясь найти пути и методы решения этого вопроса, думается, совершенно неправильно апеллировать к существующим нормам Конституции, утверждая, что ничего нельзя менять в установленном порядке вещей. Конституция должна меняться, ведь конституция — это установление того, что реально существует. И если будут введены республиканские государственные языки и гражданство, то Конституция должна это зафиксировать. Но совершенно наивно было бы считать это победой демократии.

Р. Я. Мирский (Львов). Мы сейчас столкнулись с реальными межнациональными конфликтами в нашем обществе. Это уже само по себе вызвало у многих исследователей шок, растерянность, потому что существовала довольно жесткая концепция о некоем стерильном социализме, в котором подобные конфликты невозможны. Если длительное время проблемы не решаются, накапливаются, то этим пользуются коррумпированные круги, которые драматизируют их, вступают в контакт с идеологическими диверсионными центрами и в результате всего этого ситуация крайне обостряется.

У нас не разработана современная концептуальная модель национальных отношений. В наших представлениях о целостности и нерушимости государства есть жесткие стереотипы. Современная модель федеративного советского государства должна предусмотреть даже возможность аномальных явлений, в том числе — выхода республик из Союза. В тени находится такой мощный интегрирующий фактор, как патриотизм. Важно добиться того, чтобы люди чувствовали себя патриотами по отношению ко всему Союзу. Сегодня мы сталкиваемся с проявлениями национального патриотизма и национализма. Национализм существует как реальность, которая проявляется и в повседневной жизни, и особенно, в экстремальных ситуациях. Однако мы не можем сказать, что национализм в будущем станет для нас нормой. Скорее всего, «национальный» патриотизм — следствие национальной ограниченности.

С. И. Брук (ИЭ, Москва). Мы преувеличиваем значение существующего у нас национального вопроса. Он лишь внешнее проявление политических, экономических и культурных деформаций, имевших место в стране. Совсем по-другому выглядели бы национальные проблемы, если бы у нас была другая экономическая и социально-культурная обстановка. Нагнетание национальных противоречий направлено на то, чтобы помешать перестройке. Поэтому все, что мы делаем, должно быть направлено на сглаживание всех поднятых во многих республиках не народами, а частью интеллигенции и коррумпированными кругами проблем, которых могло бы не быть, если бы не было экономических проблем.

К проблеме развития некоторых республик и народов и теперь еще часто подходят с той же меркой, что и в начале 1920-х годов, когда надо было резко поднять отстававшие районы. На это были направлены силы, средства за счет других народов. Но когда этот вопрос был более или менее решен, часть этой помощи стала идти коррумпированным кругам в республиках, но не народам.

Мы не будем иметь никакого равенства до тех пор, пока не осуществим экономическую перестройку. Если республика занимается, главным образом, сельским хозяйством или другими видами деятельности, которые у нас ценятся очень дешево, она оказывается в очень тяжелом

положении. До сих пор вся экономическая политика была направлена на уравниловку, игнорирующую результаты труда, который вкладывают народы в свое воспроизводство и в повышение своего благосостояния. Поэтому совершенно правы те, кто ставит вопрос о том, что республике должны получать то, что они вырабатывают. Если экономический вопрос будет решаться медленно, это требование неизбежно приобретет националистическую окраску.

Еще один вопрос. Сейчас у нас национальность определяется не по национальному самосознанию, а по крови, чего вообще нет ни в одной цивилизованной стране мира. Это началось с конца 1939 года. До этого национальность в паспорте можно было проставить так, как это считал Ленин, — по самоопределению. В 1939 году была выпущена инструкция МВД СССР и, наконец, в 1974 году — официальное постановление Совета Министров и ЦК КПСС, запрещающее людям изменять свою национальность и предписывающее порядок выбора национальности членами национально-смешанных семей. При этом совсем не учитываются те сложные этнические процессы, которые происходят в стране. Если не изменить положение, то национализм будет продолжать расти.

С. В. Чешко (ИЭ, Москва). Этот разговор идет в преддверии предстоящего Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу. Вызывает озабоченность то, что в условиях неразработанности концепции национального строительства могут быть приняты неправильные решения: неправильные в принципе или ошибочные потому, что будут приняты преждевременно. Это объясняется во многом тем обстоятельством, что XIX партийная конференция оставила возможность альтернативности в выработке такой концепции. С одной стороны, можно предполагать, что на базе общих положений, зафиксированных в резолюции «О межнациональных отношениях», будет произведен переворот в области национальной политики, и она станет основываться на научном мышлении. А альтернатива заключается в том, что политика в своих основных параметрах, установках останется прежней, т. е. национальные отношения будут регулироваться преимущественно идеологическими методами. Сегодня следует говорить о необходимости выработки именно обновленной концепции национальных отношений, обратив внимание на несколько фундаментальных методологических положений, с которыми сопряжены остальные вопросы. Во-первых, это касается понимания этноса. Можно ли говорить, что этнические формы общественной жизни полностью детерминируются социально-экономическими факторами, или же следует рассматривать этнос, как особую социальную общность, историческую, развивающуюся, достаточно устойчивую, которая занимает полноценное место среди других социальных общностей? Если мы сможем это выяснить, то не будем больше спорить существует ли в СССР национальный вопрос или нет, и может ли этот вопрос исчезнуть. Во-вторых, вопрос о соотношении интернационализма и национальных интересов. До сих пор довлеет догмат о приоритете интернационализма над национальными интересами. Это — достаточно бессмысленное противопоставление. Термин «интернационализм» настолько заезжен фразерством, что утратил свою смысловую определенность. Надо попытаться понять, возможны ли в обществе интернациональные интересы без национальных, можно ли строить политику в области национальных отношений на этом догмате, не есть ли это прямой путь к нарушению национальных интересов и стимулированию новых национальных проблем. И, конечно же, нельзя строить политику в зависимости от того, переходящи нации, по мнению ученых, или нет, как предлагает Б. Б. Задарновский.

Другая часть вопроса состоит в том, чтобы повысить роль науки в разработке конкретных мер по совершенствованию национальных отношений. Ученый не только обязан давать свои рекомендации, когда этого просят руководящие инстанции. Он имеет право давать такие рекомендации по своей собственной инициативе и требовать ответа по существу поднимаемых им вопросов.

В заключительном слове Ю. В. Бромлей, подводя основные итоги дискуссии, отметил, что доклад, по его мнению, стимулировал конструктивное обсуждение проблем, связанных с подготовкой материалов к предстоящему Пленуму ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений. Однако многое предстоит еще сделать, учитывая слабую межведомственную координацию, существенные расхождения позиций специалистов по ряду проблем, например, по вопросам национально-территориального устройства страны, проблемам регионального хозрасчета, языковым аспектам национальных отношений. Надо преодолеть ведомственную разобщенность, создать по отдельным проблемам группы экспертов. Например, важнейший вопрос о территориальном хозрасчете нельзя решить без участия Госплана. Поэтому в комиссиях обязательно должны участвовать и представители ведомств.

А. М. Коршунов, С. В. Чешко

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И СЕКЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (СУХУМИ)

30 сентября — 1 октября 1988 г. в Сухуми состоялось совместное выездное заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (ССА), которое проходило в рамках Всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг. На этом заседании, вызвавшем большой интерес у участников конференции (на нем присутствовало свыше 80 этнографов, историков, социологов, философов), по тем или иным аспектам межнациональных отношений в различных регионах нашей страны и проблемам их изучения выступило 12 человек.

В содержательном отношении работа Межведомственного научного совета и Секции этносоциологии была продолжением пленарного заседания сессии, состоявшегося накануне, где был представлен доклад Ю. В. Бромлея «Этнография и изучение этнических процессов» и заслушан доклад М. Н. Губогло «Национальные группы и межнациональные отношения в СССР». Ниже публикуются статьи по докладам М. Н. Губогло и Л. М. Дробижевой (на заключительном заседании сессии), а также обзор выступлений на секции.

М. Н. Губогло

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И МЕНЬШИНСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Состояние и перспективы развития межнациональных отношений зависят от характера общественного строя, выработанных им механизмов самоуправления, управления народами и отношениями между ними, от умения сочетать общие и частные интересы и потребности всех народов и отдельно каждой национальности, от оптимального баланса центростремительных и центробежных тенденций, выражающихся, в частности, в необходимости сочетать деятельность центрального административного аппарата, склонного к гипертрофированию общегосударственного планирования, с развитием регионов и республик. Немаловажное значение имеет и учет отношений между национальным большинством и национальными группами и меньшинствами в том или ином регионе. Эти взаимосвязи складываются и проявляются на различных уровнях. Национальная политика, предусматривающая возможность давления со стороны многочисленной нации на малочисленную, немедленно вызывает обратную реакцию — сопротивление малочисленной группы населения. Словом, межнациональные отношения пронизывают все области человеческой деятельности — науку, технику, культуру, искусство, все отрасли народного хозяйства, семейно-бытовую жизнь. Поэтому для того, чтобы представить себе основные направления перестройки в изучении и осмыслении современных национальных процессов, надо предварительно уяснить себе некоторые общие предпосылки. Каковы они?

Если мы проглядим нерешенные вопросы в национальной сфере, мы не сможем восстановить подлинно социалистический гуманизм, демократию и интернационализм межнациональных отношений, которые должны стать идей-

ной осью нашей национальной программы, платформой и стимулом обновления нашей национальной политики. Не улучшив коренным образом всей системы национальных отношений, мы можем столкнуться, как показывают события последних лет, с непредсказуемыми, а подчас и неуправляемыми явлениями, поэтому надо, чтобы и вклад каждой национальности СССР в дело его укрепления и возвышения был более весомым, качественным, значительным. Надо, чтобы каждая нация, народность и национальная группа СССР, осознавая ответственность за судьбу обновления и перестройки, опираясь на свой богатый социально-исторический опыт, сочетая национальные традиции и интересы с общесоветскими, стремилась как к повышению своего уровня материального и духовного благосостояния, так и к обогащению сокровищницы общесоветских и общечеловеческих ценностей. Изначальной основой самоактивизации каждой национальности, более широкого ее участия в решении указанных вопросов может быть не только закономерный рост ее национального самосознания, но и органическая связь ее со всей общественной и культурной жизнью страны.

Перестройка в сфере межнациональных отношений предполагает определение непосредственных участников «отношений». В официальных документах, включая Конституцию СССР, Программу КПСС и решения партийных съездов, в ведомственной статистике и в подавляющем большинстве научных и популярных публикаций речь чаще всего идет о нациях и народностях. Создается впечатление, что кроме этих категорий, кстати, четко до сих пор недостаточно терминологически «разведенных» между собой, никаких иных образований попросту не существует. Выйти за пределы этого стереотипа и показать более сложный состав участников межнациональных отношений и составляет одну из современных задач, стоящих перед нами. А ее решение — путь к устранению социальной несправедливости.

Приходится констатировать, что период культа личности Сталина и застойные годы оставили нам в наследство не только перекосы, отклонения и деформации в системе национальных отношений, но и нечто более аномальное по своим масштабам, нравственному урону и социальным последствиям. Речь идет о реальном положении национальных групп и национальных меньшинств в СССР, их прошлом, современном и будущем состоянии и статусе, их роли в политической жизни страны, участии во всех сферах жизнедеятельности социалистического общества.

Общий социальный запрет, существовавший в застойные годы в отношении национальной проблематики, с особенной очевидностью отразился на изучении национальных групп и национальных меньшинств. Приходится констатировать, что их история, этнография и социология сегодня изучены крайне слабо. Три сборника статей, подготовленных в последнее время Московским филиалом Географического общества СССР¹ и монография о нерусских этнических группах Ленинграда² — едва ли не единственные специальные публикации по этой теме.

Национальные группы — это те 55 млн. чел., которые проживают за пределами своих национально-государственных образований. В 14 союзных республиках (кроме РСФСР) расселено 24 млн. русских. Еще 15 млн. чел. представителей коренных национальностей (кроме русских), имеющих собственные союзные республики, живут за их пределами. Наконец, 7 млн. чел. вообще не имеют своих национально-государственных образований. Именно на эту группу населения было, в частности, обращено особое внимание в Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции: «Следует позаботиться, чтобы нации и народности, не имеющие своих государственных и территориальных образований, располагали большими возможностями для выражения и удовлетворения своих потребностей»³.

Ни одной крупной нации, без своей союзной или автономной республики, у нас в стране, конечно, нет. Да и для большинства народностей созданы те

или иные национально-территориальные образования. Значит, на повестку дня фактически выдвинут вопрос о национальных группах и национальных меньшинствах. Этим продемонстрирована готовность партии решать назревшие национальные проблемы.

Неравное положение национальных групп и меньшинств среди других национальностей (наций и народностей) зафиксировано в Конституции СССР 1977 г. Ее первая статья, раскрывающая суть Советского государства, гласит, что СССР «есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны». Ни национальные меньшинства, ни национальные группы, как видим, даже не упоминаются. В соответствии со статьей 19, «Государство способствует... всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей СССР». Статья 36 разъясняет при этом, что осуществление национальных прав в СССР «обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР», а долг каждого гражданина СССР, согласно статье 64, состоит в том, чтобы «уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства»⁴.

Учитывая многонациональный состав советского общества, в обновленной программе КПСС записано: «Для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества»⁵. При осуществлении национальной политики, КПСС исходит из того, что в «процессе совместного труда и жизни более ста наций и народностей закономерно возникают новые задачи по совершенствованию национальных отношений»⁶. Здесь, как видим, о национальных группах и меньшинствах — тоже ни слова.

Таким образом, ни Конституция СССР, ни Программа КПСС не берут на себя заботу об удовлетворении специфических интересов и потребностей национальных групп и меньшинств. Иными словами, каждый пятый советский человек не упоминается в Основном Законе и оказывается вне сферы партийной и государственной заботы. Объективно это и есть узаконенная социальная несправедливость.

Между тем, совершенно очевидно, что даже невольное выведение за пределы действия Основного Закона значительной части населения страны противоречит общечеловеческому гуманизму, принципам советской демократии и интернационализма, означает отход от ленинских принципов, изложенных в «Декларации прав народов России» и положенных в основу первой советской Конституции 1918 г. Напомним, что в статье 22 Конституции РСФСР, принятой II Всероссийским съездом Советов от 10 июля 1918 г., утверждалось следующее: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничения их равноправия»⁷.

Затем во всех последующих Конституциях СССР (1924, 1936, 1977 гг.) упоминались права и обязанности наций и народностей, и не содержалось упоминаний ни о национальных меньшинствах, ни о национальных группах.

Перестройка межнациональных отношений предполагает не только утверждение национальных групп и меньшинств на общесоюзной карте, но и восстановление их истории, развитие культуры, языка и быта. Как же так получилось, что после 70 лет Советской власти приходится специально напоминать об одной пятой советских граждан?

Национальные группы и национальные меньшинства не исчезли сами по себе со страниц Конституций и других официальных документов.

Выступая с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Всесоюзном съезде Советов (25 ноября 1936 г.), И. В. Сталин говорил, что в состав многонационального советского государства входит «около 60 наций, национальных групп и народностей»⁸. В соответствии с этой установкой, в итогах переписи населения 1939 г. было названо 63 национальности, и тем самым сокращено их реальное число, по сравнению с данными предыдущей переписи 1926 г., не менее чем вдвое. Сокращение общего числа национальностей и «облегчило» задачу по резкому сужению арены действия национальной политики, сокращению государственных вложений в развитие культуры национальных групп и национальных меньшинств.

Включение наций и народностей в официальные документы было подкреплено концептуально. Согласно сталинской формуле, им и только им, открывалась дорога к «расцвету» сегодня, к сближению и «слиянию» завтра. Что касается национальных групп, то они, потеряв конституционное закрепление своих прав, оказались обреченными не на расцвет, а скорее на ассимиляцию. Без государственной заботы, внимания и целенаправленной политики, другого пути перед ними не было. Со страниц партийных изданий и художественной литературы одновременно исчез широко употребляемый во времена В. И. Ленина и им самим термин «национальные меньшинства». «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»⁹, — этот ленинский завет об особом к ним внимании и о неукоснительном соблюдении справедливого отношения между многочисленными и малочисленными национальностями был предан забвению в годы культа личности и не восстановлен как руководство к действию во времена застоя. Да и сейчас иногда упоминают его в узком смысле, имея в виду отношения между русскими и остальными народами. Между тем в широком смысле речь идет о любых отношениях между численно преобладающей нацией и национальными меньшинствами, например, об отношениях в союзных республиках между эстонцами и белорусами, литовцами и поляками, молдаванами и болгарами, азербайджанцами и лезгинами, армянами и курдами и т. д.

В перестройке межнациональных отношений видное место должно занять методологическое переоснащение в изучении истории и практики осуществления национальной политики, информационно-методическое обеспечение исследований современных национальных процессов. Важным шагом на пути обновления наших представлений о роли национального фактора в истории народов может стать стирание «белых» пятен в национальных процессах. Справедливо ради надо отметить, что осуществление политики «расцвета» и «слияния» для конституированных наций и народностей также было непоследовательным.

Созданный в 30-е годы командно-административный централизм оказывал двойственное, подчас взаимоисключающее влияние на развитие национальных процессов. Согласно утвержденной тогда и реализуемой на практике теоретической схеме, советским обществом и, в частности, русским народом было сделано очень много для прогрессивного развития народов СССР, в том числе для подготовки национальной интеллигенции, формирования национальных культур, выведения из состояния вековой отсталости и складывания социалистических наций и народностей. Хотя и на эту, позитивную по сути дела тенденцию, ложится мрачная тень массовых репрессий, которым подвергались многие видные деятели национальных культур, а также искажений национальной истории народов.

Выигрывая «антикрестьянскую войну» в годы коллективизации, отнимая у крестьян хлеб, а у интеллигенции (в ходе массовых репрессий 1936—1937 и последующих годов) право на свободное творчество, Сталин наносил серьезный удар по внутринациональным и межнациональным связям и отношениям. Без хлеба — натурального и духовного — трудно было налаживать связи между селом и городом, между рабочими и крестьянами, между Севером и Югом, Востоком и Западом страны. Разрыв веками складывающихся контактов,

вынужденная «охота к перемене мест» размывали устой национального образа жизни и связи человека со своей национальностью. Как теперь подсчитать урон от перекосов в осуществлении коллективизации, когда из деревни была выселена едва ли не самая трудолюбивая прослойка населения, к тому же не худшая хранительница вековых устоев национального образа жизни, исконных традиций, обычаев, самобытности? Отчуждение крестьян от земли вело к ослаблению приверженности к труду, к родному очагу, к национальной истории. Так тенденция к «расцвету нации» превращалась в свою противоположность. Народ лишался чувства хозяина — хозяина своей земли и хозяина своей судьбы.

Подрыв питательных корней национального неумолимо вел к эрозии интернационального. В самом деле, как можно быть интернационалом в обезнационаленном состоянии? Такова логика истории. И сегодня мы вынуждены констатировать, что удары 30-х годов по крестьянству, по интеллигенции и по национальной культуре бумерангом ударили по интернационализму. Подобно тому, как в деревне надо очень серьезно заниматься окрестьяниванием раскрестьяненного крестьянства, так и в сфере национальных процессов предстоит вернуться к истокам, глубже осознать задачу восстановления гармонического сочетания национального и интернационального. Если эти две тенденции будут действовать синхронно, в одном и том же направлении, у нас появится реальный, продиктованный объективной жизнью шанс восстановить истинно гуманный принцип решения национальных проблем в многонациональном социалистическом государстве.

Насильственные депортации отдельных народов, разумеется, тоже не способствовали их расцвету. В годы войны в разряд бесстатусных национальных групп, как уже отмечалось, были «включены» национальности, перемещенные в восточные районы страны. Оказавшись в иноэтнической среде, эти массы населения практически были лишены возможности развития национальной культуры и тем самым обречены на безвестность. Иными словами, национальная политика превращалась в антинациональную. Часть этих ошибок была исправлена после XX съезда КПСС, другая все еще ждет своего исправления. Отсутствие у национальных групп и национальных меньшинств узаконенных национальных и языковых прав, гарантированной государственной заботы по удовлетворению их потребностей может привести к затруднениям и непрогнозируемым последствиям в практике межнациональных отношений. Демократизация и гласность уже сегодня вполне убедительно продемонстрировали, что именно национальные группы или национальные меньшинства находятся на переднем крае обострившихся межнациональных отношений. Не видеть этого нельзя, если специально не закрывать глаза. Якутские, Алма-Атинские, Карабахские и Сумгаитские события показали, что ущемление прав, недостаточный учет и удовлетворение потребностей национальных групп и меньшинств в социально-экономической сфере, в сфере языка, культуры чревато дальнейшим усилением напряженности в межнациональных отношениях. Многие другие явные или скрытые «горячие точки», хотя и носят ситуативный характер, в любое время могут перерасти локальную ситуацию и приобрести более широкий социальный резонанс.

Существовавший в науке «советоцентристский» подход мешал представить наш безусловно полезный опыт как одно из специфических проявлений и составных частей истории народов мира. Более точным представляется взгляд на национальные процессы в СССР, на теорию национального вопроса, национальную политику КПСС и ее влияние на мировую историю, как на частный способ решения основных проблем, с которыми сталкивается человечество. Для решения многих спорных вопросов между нациями и национальными меньшинствами до сих пор не найдены достаточно эффективные средства.

При совершенствовании национальных отношений в СССР надо максимально учитывать прошлый опыт и современную ситуацию в мире. Последняя

характеризуется резко активизировавшимся движением национальных меньшинств за свои права, подъемом теоретической и практической деятельности ряда международных организаций по выработке и законодательному закреплению национальных и языковых прав меньшинств, в том числе групп иммигрантского населения. На фоне серьезных сдвигов в отношении мировой общественности к положению национальных меньшинств, в том числе и упомянутых групп иммигрантов, наша страна теряет свои передовые позиции. Нам надо непременно продвинуть решение вопроса о статусе национальных групп. По существу — это лакмусовая бумажка нашей компетентности, состоятельности, готовности, решимости преодолеть застой в сфере межнациональных отношений.

В ходе подготовки к XIX партконференции и в процессе ее работы было высказано много пожеланий о совершенствовании межнациональных отношений, в том числе и связанных с механизмом управления ими. Особенно показательны в этом плане обнародованные в Эстонии «Основные положения платформы делегации республиканской партийной организации на XIX Всесоюзную партийную конференцию»¹⁰.

Закономерно, что в Казахстане, Молдавии, Эстонии, Азербайджане развернулась большая работа по созданию условий для удовлетворения специфических потребностей и интересов национальных групп из числа некоренных народов этих республик. Судя по оперативным сообщениям, здесь возводятся объекты социально-культурного и бытового назначения, здравоохранения, школы и дошкольные детские учреждения, предприятия торговли и общественного питания. Одновременно с решением социально-бытовых проблем, создаются условия для национального развития представителей малочисленных народностей, реализации их запросов в сфере образования, народного творчества, начато строительство объектов народной культуры, принимаются меры по удовлетворению религиозных потребностей. И тем не менее многие проблемы в сфере межнациональных отношений все еще не снимаются с повестки дня. Так, например, на заседании Комиссии по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР (16.09.88 г.) шел откровенный и честный разговор о проблемах национальных групп республики, в том числе о том, что: 1) ингилойцы Кахского района ждут разрешения на открытие церкви, требуют открыть музыкальную школу с обучением игре на грузинских национальных музыкальных инструментах; 2) в школах Кусарского района, где живут лезгины, не хватает преподавателей лезгинского языка; 3) месхетинцы (месхи) Саатлинского и Сабарабадского районов обращали внимание на необходимость благоустройства сел и дорог, на нехватку строительных материалов для сооружения индивидуального жилья; 4) в помощи по внеконкурсному зачислению в вузы республики наряду с ингилойцами нуждаются представители и других национальных групп, например, цахуры, аварцы и другие; 5) в русском (молоканском) селе Русские Борисы Шаумяновского района более пяти лет строится и никак не достроится школа; 6) не все районы республики, особенно населенные национальными меньшинствами, имеют возможность полностью удовлетворять свои потребности в центральных и республиканских телепередачах, в том числе на языках своей национальности¹¹.

Перестройка в изучении национальных проблем нужна не сама по себе, а для того, чтобы более эффективно влиять на оптимизацию и гармонизацию межнациональных отношений. Какие меры, с точки зрения ученых, должны быть предприняты, чтобы увеличить вклад национального фактора в совершенствование социализма? Иными словами, что можно предложить для управления национальными процессами и устранения дисгармонии межнациональных отношений?

Для рассмотрения всего комплекса вопросов, связанных с межнациональными отношениями, необходимо создать в Совете Национальностей Верхов-

ного Совета СССР, в составе Верховных Советов союзных и автономных республик постоянно действующие Комиссии по национальным проблемам, придав им соответствующие полномочия. Эти Комиссии могли бы выявлять и анализировать путем специально организованных исследований (вплоть до постановки вопросов о проведении референдумов) потребности национальностей в разнообразных жизненных сферах, принимать широкое участие в разработке и осуществлении национальной политики, следить за соблюдением правового, в том числе национального и языкового статуса, за представительством национальностей в законодательных и исполнительных органах, за реализацией их права на развитие национальной культуры, преподавания национального языка в школах, за использованием языка в средствах массовой коммуникации. Необходимость создания специализированных, в частности, проблемно-целевых и регионально-территориальных комиссий, в том числе Комиссий по делам национальных групп, диктуется тем, что Совет Национальностей Верховного Совета СССР десятилетиями не выполнял своих прямых функций по контролю за осуществлением национальной политики КПСС. Об этом даже не принято было говорить в открытой печати. Между тем «передача Советам всей полноты власти снизу доверху — предполагает и кардинальное повышение роли высшего органа власти страны»¹². Перестройка в сфере национальных отношений не может не затронуть и органы власти, особенно если последние самоотстранились (или были отстранены) от участия в осуществлении национальной политики. Нельзя не учитывать и накопленный опыт функционирования советской политической системы, включая сложившуюся при В. И. Ленине практику работы съездов Советов и ЦИК СССР. Вместе с тем, имеет смысл прислушаться и к высказанным в ходе подготовки к XIX партийной конференции новым идеям и рациональным предложениям: «об увеличении продолжительности работы сессий высшего органа власти; о четком разделении полномочий и преодолении функциональной обезличенности палат; об избрании части депутатов непосредственно от общественных организаций, входящих в политическую систему нашего общества, и т. д.»¹³.

Исходя из ленинского требования «широкого самоуправления» и автономии областей, которые должны быть разграничены, между прочим, и по национальному признаку¹⁴, Комиссия по национальным группам, например, могла бы разрабатывать конкретные предложения об изменении статуса национальных групп и национальных меньшинств, о создании для некоторых из них (немцев, болгар, корейцев и др.) собственных форм национально-территориальных или национально-культурных образований. Возможность многообразия форм национально-государственных и национально-территориальных образований была предусмотрена в ленинской концепции национального вопроса в многонациональной стране с национальностями, находящимися на неодинаковом уровне общественно-политического развития. О том, насколько серьезно В. И. Ленин относился к особым образованиям, учитывающим самобытность и специфику народов, свидетельствуют, в частности, документы Международного съезда народов Востока, состоявшегося в сентябре 1920 г. в Баку. В одном из шести пунктов составленного В. И. Лениным в октябре 1920 г. «Проекта постановления политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами» говорилось: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов, поручив НКНацу»¹⁵.

Ленинская идея возможности многообразных форм национальной автономии вполне укладывается в рамки действовавшей Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. В Пreamбуле этой Конституции была подтверждена принятая полугодом ранее III Всероссийским съездом Советов «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Рабочим и крестьянам каждой нации предоставлялась гарантия «принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в остальных советских учреждениях»¹⁶.

Путь к подлинному демократическому централизму и социализму В. И. Ленин связывал с неперменным учетом национальных особенностей. «И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это, — по его мысли, — должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства. Чем больше будет такого разнообразия, — конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, — тем вернее и тем быстрее будет обеспечено как достижение нами демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства»¹⁷.

В наше время, в условиях перестройки и обновления, ленинский подход сохраняет свою актуальность. Нет никаких сомнений, что «покушение на самостоятельность, попрание права каждого народа на независимый выбор и оригинальный путь развития являются источником недоверия со всеми сложными в наш грозный век последствиями для всего человечества»¹⁸.

Представляется целесообразным на Комиссию по национальным группам возложить обязанность координации между различными национально-культурными объединениями — ассоциациями, обществами, клубами, центрами, землячествами, фондами и т. д., основанными на принципах хозрасчета, самокупаемости, а при необходимости и на государственной дотации.

В некоторых союзных республиках уже созданы Комиссии по проблемам межнациональных отношений, например, Комиссия по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания населения при Верховном Совете Грузинской ССР; по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР; по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания при Верховном Совете Армянской ССР.

Видимо, целесообразно, чтобы в рамках подобных комиссий действовали и особые структурные подразделения по проблемам национальных меньшинств республик. Заслуживает внимания идея создания постоянных представительств (типа консульств) Президиумов Верховных Советов союзных республик в столицах других братских республик, по крайней мере, там, где населены национальные группы. По существу такая работа уже ведется. Некоторые молдавские учреждения средств массовой коммуникации накопили определенный опыт по обеспечению необходимой литературой и информацией молдаван, живущих на Украине, таджикские — таджиков в Узбекистане, армянские — армян в Азербайджане и т. д. Консульские представительства, в состав которых были бы включены люди из числа национальных меньшинств и национальных групп, могли бы этой работе придать более планомерный и организованный характер.

Ленинская идея о многообразии форм национальной автономии приводит нас к тому, что единственно надежный путь решения национальных проблем это — предоставление всем без исключения национальностям (в меру их потребностей) тех или иных форм автономии: национально-государственной, национально-территориальной или национально-культурной. Только максимальное удовлетворение национальных потребностей и интересов откроет надежный путь к прочному национальному единению народов. В противном случае, национальная политика, допускающая какое-либо давление со стороны многочисленной нации в отношении малочисленной нации, народности или национальной группы, чревата неизбежным эффектом бумеранга. Малочисленная национальность (от нации до национальной группы) стихийно или организованно, инстинктивно или осознанно начнет консолидироваться и искать защиты своей национальной культуры, как только появится угроза ее существованию.

Сейчас в ряде союзных республик идет напряженный поиск новых форм решения проблем национальных групп и национальных меньшинств. Так, например, в резолюции Комиссии по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР предусматриваются меры по расширению преподавания в школах родных языков некоторых национальных меньшинств, обеспечение совместно с ведомствами Грузии, Армении и Дагестана учащихся художественной литературой, учебниками и учебными пособиями на грузинском, армянском, лезгинском и других языках, расширенная подготовка кадров, в том числе с использованием (где это продиктовано объективными обстоятельствами) механизмов внеконкурсного зачисления, а также открытие в республике высшего учебного заведения по подготовке кадров национальных меньшинств, радиофицирование районов с компактно проживающими представителями неазербайджанской национальности, установка в этих районах дополнительных ретрансляторов, последовательное решение социально-экономических и бытовых проблем.

Совершенствование экономических, государственно-правовых, социально-культурных, языковых и психологических аспектов межнациональных отношений, является одной из основных задач социальной политики КПСС, важной стороной демократизации, гуманизации социалистического общества, его обновления в ходе перестройки. Но для того, чтобы перестройка развивалась, надо не только восстанавливать и «поправлять видение прошлого», но и хорошо знать настоящее, думать о будущем, предвидеть ход и направление национальных процессов завтра и послезавтра, прогнозировать их состояние, характер, последствия. Все это не под силу тем мелким структурным подразделениям, которые теперь в системе различных институтов заняты полукустарной разработкой национальной проблематики.

Активное и целенаправленное осуществление национальной политики, сбалансированное сочетание тенденций дальнейшей консолидации народов и углубления межнациональной интеграции, последовательное огосударствление и разгосударствление управленческих функций нуждается в глубоком и всестороннем научном обосновании. Решение целого комплекса теоретических и прикладных задач возможно только при достаточном организационном, материальном и кадровом обеспечении на общегосударственном уровне. По существу наша многонациональная страна нуждается в широкой информационной базе и в специализированных научных разработках. Для осуществления этих многообразных по содержанию и многоцелевых по функциям задач требуется авторитетный орган, объединяющий усилия специалистов, общественных деятелей и практиков различного профиля. Им мог бы стать Всесоюзный Центр научно-прикладных исследований национальных процессов при каком-либо высшем органе власти страны, например, при Верховном Совете СССР и одновременно при Президиуме АН СССР. Эта идея в самом общем виде уже высказывалась накануне XXVII съезда КПСС в журнале «Коммунист». Соответствующие предложения неоднократно звучали с трибуны XIX партконференции, со страниц широкой печати. Такого Центра пока нет, но первые шаги уже сделаны. При Президиуме АН СССР создан Межведомственный Научный совет по изучению национальных процессов (председатель — акад. Ю. В. Бромлей). В его составе наряду с известными специалистами в области национальных отношений — демографами, историками, литературоведами, социологами, экономистами, этнографами и языковедами — представители ряда центральных учреждений и ведомств, практическая деятельность которых не может осуществляться без учета национального фактора.

При Секции общественных наук Президиума АН СССР, на базе Института этнографии АН СССР, формируется Центр по изучению национальных отношений, созданный в соответствии с идеями XXVII съезда КПСС.

Опираясь на потенциал уже имеющихся квалифицированных специалистов, а также расширив подготовку кадров по национальной проблематике, надо

сделать еще один шаг — создать аналогичные вышеуказанным структурные подразделения в республиках.

Всесоюзный Центр научно-прикладных исследований национальных процессов взял бы на себя организацию и осуществление оперативных исследований актуальных проблем, возникающих в ходе современных национальных процессов, изучение готовящихся в инстанциях решений и участие в формировании общественного мнения относительно их претворения в жизнь, выявление социальных потребностей национальных групп в разнообразных сферах и ситуациях, анализ разработки национальной проблематики в республиках, непосредственное участие в подготовке научных основ национальной политики КПСС, анализ зарубежной литературы по проблемам национальных отношений.

Свою деятельность Всесоюзный Центр может разворачивать на основе концепции национального фактора, которую следует еще создать, опираясь на опыт истории и на анализ современных национальных процессов. Из двух существующих в начале XX в. в Европе многонациональных держав — Австро-Венгрии и Российской империи первая распалась, потерпев поражение в первой мировой войне, так и не сумев справиться с национальными противоречиями, раздиравшими ее. Находящиеся у власти австрийцы составляли меньшинство и не сумели противостоять центробежным силам большинства — входивших в состав империи многочисленных национальностей — чехов, словаков, хорватов, словенцев, венгров.

Получив в наследство от империи Романовых пестрое в социально-экономическом отношении «национальное хозяйство», Страна Советов предоставила автономии многим крупным национальностям, повысила уровень их социокультурного развития и сохранила себя как многонациональное государство.

Однако по мере приобщения отсталых в прошлом национальностей к достижениям современной цивилизации происходили существенные перемены в их национальном самосознании и в понимании своего места в экономической и духовной жизни страны. Соответственно росло понимание того, что не может быть сколько-нибудь удовлетворительного решения неизбежно возникающих на национальной почве проблем без процессов взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур. Однако детально разработанной концепции такого взаимодействия все же нет. Вероятно, она может быть создана только объединенными усилиями специалистов различных отраслей знания. Методологическим ориентиром для ее создания может служить идея о всестороннем учете динамично меняющихся национальных и общесоюзных потребностей. Эта идея принадлежит В. И. Ленину: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непереносимое убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасения каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на различных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹⁹.

На основе указанного ориентира и социального заказа — учета национальных и общесоюзных интересов и потребностей — может быть построена система прикладных задач. Всякое развитие есть преодоление противоречий. В национальной сфере противоречия рождаются во взаимодействии двух тенденций — развития и сближения народов. Настала пора менять наше понимание отношений между ними.

Значительно расширив историческую перспективу проявления этих двух тенденций²⁰ мы, похоже, уже сделали шаг вперед от бесплодных дискуссий зстойного времени о приоритетности одной из них. Следующий шаг — признать, что тенденции не развиваются без противоречий и без борьбы. Следовательно, если рассматривать всю сумму прикладных задач крупным планом, то надо выделить, по крайней мере, три группы противоречий: 1) между развитием отдельных национальностей и многонациональным содружеством; 2) между формированием и реализацией национальных и общесоюзных интересов и потребностей; 3) между коренной нацией или национальностями, имеющей свое национально-государственное образование, и проживающими в данной республике народностями и национальными группами, не имеющими какого-либо национально-автономного образования в СССР. Пока есть национальности и пока они живут в одном многонациональном государстве, всегда будут иметь место неравномерные темпы экономического и социально-культурного развития. В них и заложен источник возникновения межнациональной напряженности. Путь к упрочению внутреннего единства только один — через преодоление этих противоречий.

Рецепты выписывать пока рано. Однако, опираясь на итоги этнографических и этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР по комплексным программам Ю. В. Арутюняна, В. В. Пименова, О. И. Шкаратана, можно считать серьезной гипотезу о том, что преодоление всех противоречий в национальной сфере может быть достигнуто путем установления полного равноправия взаимодействующих национальностей и построения отношений между ними на естественной, подлинно демократической, интернационалистской и закрепленной законами основе.

Для этого требуется единая национальная политика, осуществляемая, однако, с учетом национального своеобразия всех регионов страны и направленная на дальнейшее развитие и совершенствование сложившихся межреспубликанских хозяйственных, научно-технических и культурных связей, на более полное использование преимуществ внутрисоюзного разделения труда. Многогое зависит от масштабов гласности. На эту важнейшую предпосылку серьезное внимание было обращено на XIX партконференции. «Трудящиеся должны полностью быть в курсе того, — говорил М. С. Горбачев, — как развивается их республика и какое место она занимает в народнохозяйственном комплексе. Они должны знать, как живут и развиваются не только их соседи, но и все республики страны»²¹. Еще раз напомним, что наличие или отсутствие национально-автономных образований, не вполне определенный или неодинаковый статус их, давая известные привилегии одним национальностям, служит тормозом для демократического решения проблем в национальной сфере. Между тем не должно быть никаких сомнений в том, что законность и право должны служить надежной платформой совершенствования национальных отношений. Мы не можем пройти мимо ленинских заветов о необходимости незыблемой правовой основы национальных процессов, о разработке кодекса правил межнациональных отношений.

Требуют серьезного анализа межреспубликанские экономические взаимосвязи, отчисления в Госбюджет, ценообразование, условия, сроки и механизмы перехода республик на хозрасчет, увеличение вклада всех национальностей в единый народнохозяйственный комплекс, обеспечение трудовыми ресурсами наиболее перспективных отраслей хозяйства, так как именно в сфере экономики сильны факторы, влияющие как на возникновение, так и на преодоление конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях. Пример тому — «теневая экономика» и ее последствия в некоторых южных республиках.

Мы серьезно отстали от мировой практики в анализе политических аспектов национальных движений и национальных процессов. Назрела необходимость в проведении серии фундаментальных и прикладных исследований по национально-личностным, а также по государственно-правовым вопросам,

включая разработку и уточнение правовых основ национально-государственных, национально-территориальных и национально-культурных образований, подготовку рекомендаций по созданию новых и ликвидации отживших национально-территориальных единиц.

Советское общество остро нуждается в глубоком анализе вопросов развития и взаимодействия культур и языков народов СССР, включая формирование фондов национальных культур, средств тиражирования, технической оснащенности, улучшение условий доступа к культурным ценностям своей национальности и других национальностей всем гражданам СССР.

Проблемы этничности долгое время занимали внимание сравнительно узкого круга специалистов. Как ни удивительно, меньше всего этими проблемами занимались практики, в том числе из ведомств, организующих работу средств массовой информации.

Между тем опыт современных этнических движений, выдвижение на передний план правовых, политических и идеологических аспектов этничности придает более широкое и более глубокое значение взаимосвязи этничности и циркуляции современных информационных потоков. Соответственно возрастает интерес к этническим аспектам национальных процессов. Ими активно интересуются демографы, политологи, культурологи, социальные психологи, представители других отраслей знания, а также общественные деятели и практики.

Еще одна глобальная, поистине универсальная тенденция — последовательное смещение этничности с элементов материальной на элементы духовной культуры, особенно в сферу национального самосознания — побуждает серьезно приглядеться к той роли, которую играют современные средства массовой информации в становлении, упрочении, проявлении и в ослаблении этничности. Теоретически она колеблется в очень широком диапазоне от полной поддержки (культивации) до полного отрицания этничности. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня нет сколько-нибудь удовлетворительных концепций или хотя бы первичных объяснений того, какова сегодняшняя роль средств массовой информации в формировании и в функционировании этничности и какова она должна быть в идеале.

Особую остроту этот вопрос приобретает (или скоро приобретет) в многонациональном обществе. Поэтому проблема заключается в конституировании того, что все национальности многонационального сообщества, в том числе национальные меньшинства, имеют право сохранять, продолжать и восстанавливать самобытные и прогрессивные аспекты своей национальной культуры, особенно в тех случаях, когда она находится под угрозой губительного нивелирующего или инонационального влияния.

Теоретически не вполне ясны многие вопросы воздействия средств массовой информации на этничность, в том числе на ее развитие, на ее обновление, а также на ее расширенное воспроизводство.

В некоторых республиках негативно воспринимаются тенденции интернационализации и факторы, благоприятствующие этому общемировому и прогрессивному процессу. Особую активность в этом отношении проявляют некоторые республиканские молодежные журналы, выступающие подчас с материалами, дискредитирующими такие прогрессивные в условиях многонациональной страны явления, как двуязычие, выступающее в Советском Союзе фактором, механизмом и результатом процессов интернационализации, важным инструментом укрепления интернационального единства народов, стабилизации политической, идеологической и оборонной мощи нашего государства. Между тем нужны серьезные исследования социальной значимости, реальной роли двуязычия в жизни всех наций, народностей и национальных групп, во всех сферах советского образа жизни, разоблачения некомпетентных высказываний некоторых публицистов.

Специального изучения требует вопрос о факторах роста национального самосознания, обо всех формах, ситуациях проявления национализма,

экстремизма, изоляционизма и местничества. Плохо разработаны теория и практика интернационального воспитания в условиях гласности, перестройки, демократизации. Движения за социальные и языковые права, развернувшиеся в современном мире — особая тема. И в ее осмыслении мы тоже серьезно отстали. Тем более уместно вспомнить ленинский принцип «безусловного равноправия наций в государстве и безусловного ограждения прав всякого национального меньшинства»²², и его требование «вести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно... Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике»²³.

Создание Всесоюзного Центра научно-прикладных исследований национальных процессов, безусловно, выдвинуло бы на передний план задачи по коренному улучшению координационной деятельности, призванной обеспечить связь науки и практики, ориентировать исследовательские коллективы на разработку приоритетных направлений, устранить мелкотемье и дублирование, преодолеть присущие работам по национальной проблематике в застойные годы «застыванность», формализм и внутриведомственный изоляционизм. Интенсивная координационная деятельность позволила бы мобилизовать значительные силы для подготовки серии книг, посвященных всесторонней характеристике наций, народностей и национальных групп СССР, для разработки словарей, понятийно-терминологических и энциклопедических справочников, учебников и учебных пособий, сборников материалов и документов по истории и этнографии народов выявления роли и эффективности исторической литературы, в том числе школьных учебников и средств массовой коммуникации в интернациональном воспитании, в формировании национального самосознания и одновременно осознания принадлежности к многонациональному советскому народу; создания (совместно с заинтересованными учреждениями, например, с Госкомстатом) солидной информационной базы.

О последнем аспекте надо сказать особо. Оценка межнациональных отношений, обусловленных историей национальных процессов, должна основываться на прочном информационном фундаменте. Состояние последнего — решающее условие работы каждого исследователя, независимо от того, как формируется «банк данных»: из официальных публикаций государственной статистики, научной литературы или, наконец, по материалам специально организованных исследований. В связи с этим еще одна задача Всесоюзного Центра может заключаться в пополнении «банка данных» не только статистическими материалами, но и своего рода «концептуальными полуфабрикатами», т. е. новыми идеями, предложениями о революционном обновлении общества, об улучшении климата и культуры межнациональных отношений.

Включение в обсуждение национальных процессов публицистов, писателей, рядовых советских людей в последние годы значительно расширило круг обсуждаемых проблем.

Да и жизнь в национальной сфере заметно активизировалась. И пока нет симптомов того, что эта активность поубавится. Судя по Армении и Эстонии, скорее наоборот. Словом, процессы осложняются, углубляются, общественное мнение перегружается преимущественно газетно-журнальной информацией. Серьезных исследований пока нет. Понятно, движение вширь никак не заменяет движения вглубь. И задача заключается в том, чтобы сочетать и публицистичность и аргументированные доказательства.

Однако на пути от публицистической раскованности суждений к научной обоснованности возникла парадоксальная ситуация. Суть парадокса в том, что именно этносоциология, одна из немногих новых дисциплин, возникших в застойные годы и все же давшая реальную картину национальных процессов, сегодня в эпоху гласности и раскрепощения вдруг забуксовала из-за ряда объективных и субъективных моментов, в том числе и из-за отсутствия

притока свежих сил. Перед ней и перед специалистами, разрабатывающими национальные проблемы, сегодня стоит первостепенной важности задача: не уступая яркой публицистике всесторонне осветить суть, содержание, новые формы и основные направления развития современных национальных процессов, выявить все компоненты национального вопроса и многообразных вариантов его проявления как в историко-формационном, так и в пространственно-географическом и хронологическом аспектах.

Снятие ограничений в разработке национальной проблематики выявило острейший дефицит кадров в этой области. Вместе с тем, в большинстве союзных республик имеется немало специалистов высокой квалификации в области истории, этнографии, социологии, языкознания, часть которых, особенно молодежь, могла бы более целенаправленно изучать современные национальные процессы. Думается, что решительный вклад в изучение национальных процессов, проявляющихся на разных уровнях — на личностном, на межреспубликанском и на возросшем в условиях перестройки уровне общенационального движения — должны внести республиканские научные коллективы.

И все же сегодня едва ли не самый больной вопрос — подготовка кадров по национальной проблематике. Формирование корпуса квалифицированных экспертов-исследователей национальных процессов, способных всесторонне анализировать этнополитическую, национально-языковую ситуацию в стране и в современном мире, грамотно формулировать сущность межнациональных отношений, обсуждать и предлагать ответственные рекомендации — задача колоссальной важности. От потенциала этих кадров — представленных не только в Академии наук и вузах, но и во всех министерствах и ведомствах, непосредственно имеющих дело с межнациональными отношениями, зависит как судьба перестройки, так и судьба социалистического способа решения национальных проблем в многонациональном государстве.

Во многих странах давно перешли к ранней специализации молодежи, т. е. к подготовке будущих специалистов со школьной скамьи. В нашей многонациональной стране нет даже намека на то, чтобы школьное образование сколько-нибудь удовлетворяло в знаниях по этнографии народов, по теории национальностей, национальных процессов и особенностей жизни в однонациональном и многонациональном государстве.

Совместное проживание многих национальностей под единой крышей — будь то СССР в целом, или отдельная республика — это наше богатство. Необходимо его беречь и приумножать. И если мы хотим, чтобы в формировании национального самосознания не было перекосов, не возникало пустот, нужно, чтобы дети с первого школьного звонка знали, что они живут в многонациональной стране и что надо уважать опыт истории и образ жизни других народов. Среднее специальное и вузовское образование в целом тоже не способствует подготовке кадров по национальной проблематике. Поэтому надо, чтобы в рамках Всесоюзного Центра целенаправленно готовились специалисты высокой квалификации по национальной проблематике для различных отраслей народного хозяйства СССР. Одновременно надо, чтобы и в ведущих университетах страны была расширена специализация студентов старших курсов в области межнациональных отношений.

В соответствии с обозначенными выше задачами и функциями, Всесоюзный Центр научно-прикладных исследований национальных процессов может, как уже говорилось, находиться в двойном подчинении — Верховного Совета СССР и Президиума АН СССР и иметь в своем составе следующие структурные подразделения: 1. Отдел теории национальностей и национальных процессов, состоящий из проблемно ориентированных исследовательских секторов, в том числе: 1) общих проблем; 2) истории национальных процессов; 3) государственно-правовых аспектов национальных отношений; 4) экономических аспектов национальных процессов и проблем трудовых ресурсов; 5) социальной структуры национальностей; 6) национальных аспектов демографических процес-

сов; 7) культуры и быта; 8) национально-языковых процессов; 9) национально-психологических процессов; 10) межнациональных конфликтов. II. Отдел прикладных исследований, состоящий из секторов: 1) национальных проблем русских; 2) национальных проблем нерусского населения РСФСР; 3) национальных проблем народностей Севера и Дальнего Востока; 4) национальных проблем Прибалтики и Молдавии; 5) национальных проблем Украины и Белоруссии; 6) национальных проблем Кавказа; 7) национальных проблем Средней Азии и Казахстана; 8) социально-культурных проблем национальных групп; 9) интернационального воспитания. III. Координационный отдел, включающий сектора: 1) национально-государственных образований; 2) национально-территориальных образований; 3) национально-культурных образований; 4) неформальных организаций и движений; 5) межведомственных комиссий; 6) связи с министерствами и ведомствами; 7) связи с творческими союзами; 8) связи со средствами массовой коммуникации; 9) организации и планирования внутрисоюзных междисциплинарных исследований межнациональных отношений; 10) организации и планирования международных проектов по изучению национальных процессов. IV. Отдел информационно-методического обеспечения со следующими структурными подразделениями: 1) историографии национальных процессов в трудах ученых союзных республик; 2) зарубежной историографии национальных процессов в СССР; 3) сбора, систематизации и обработки массовых данных; 4) сбора и систематизации концептуальных идей по национальной проблематике; 5) издательский; 6) материально-технического обеспечения; 7) хозрасчетных проектов и спецзаказов заинтересованных ведомств. V. Отдел подготовки кадров по национальной проблематике.

Характеристика как достижений, так и возникающих проблем в сфере межнациональных отношений должна быть научной, глубокой, правдивой и полной. Переоценка или недооценка трудностей, искусственное форсирование или торможение национальных процессов, лакировка или маскировка их — в равной степени недопустимы.

В усиливающемся внимании советского общества к межнациональным отношениям заложен глубокий гуманистический смысл. Людям всех национальностей, к какой бы форме общности они не принадлежали — к нации, народности, национальной группе — должна вернуться вера в демократические и интернационалистические принципы нашего образа жизни. Возвращение чувства хозяина своей судьбы — еще одна предпосылка свободного развития и единения всех национальностей Советского Союза, укрепления могущества нашего социалистического Отечества. И надо, наконец, очень хорошо понять, что все вопросы, связанные с национальными группами в инонациональной среде, это не только их вопросы, но и вопросы самой среды, в которой они проживают. По сути и содержанию национальная проблематика всегда в известной мере вненациональна. Вместе с тем она является предметом партийной и государственной заботы. И поскольку национальные группы и национальные меньшинства участвуют в тех национальных процессах, в которые вовлечены все нации и народности СССР, постольку они являются участниками решения жизненно важных вопросов всех народов СССР.

Примечания.

¹ География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983; Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР (География расселения и культурные традиции). М., 1982. Этнические группы в городах Европейской части СССР (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987.

² Старовойтова Г. В. Этнические группы в современном городе. Л., 1987.

³ Правда. 1988. 27 мая.

⁴ Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1978. С. 17, 20, 22, 26.

- ⁵ Программа КПСС. Новая редакция. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156.
⁶ Там же.
⁷ Цит. по: Кукушкин С. Ю., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987.
С. 245.
⁸ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 513.
⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
¹⁰ Советская Эстония. 1988. 18 июля.
¹¹ Бакинский рабочий. 1988. 17 сентября.
¹² Правда. 1988. 27 мая.
¹³ Там же.
¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.
¹⁵ Там же. Т. 41. С. 342.
¹⁶ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Указ. раб. М., 1987. С. 242.
¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.
¹⁸ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 197.
¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 240.
²⁰ См. Губогло М. Н. О разработке научной основы вопросов интернационального воспитания // Актуальные проблемы формирования интернациональной зрелости учащейся молодежи. Рига, 1987. С. 15.
²¹ Правда. 1988. 29 июня.
²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.
²³ Там же. Т. 45. С. 361.

Л. М. Д р о б и ж е в а

О ПРОБЛЕМАХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАДАЧАХ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Этносоциология как научное направление сформировалась на волне возрождения социологических исследований после XX съезда партии. В те годы, как и в последующие 70-е, обращение к личностному и межгрупповому уровню изучения национальных отношений было единственным способом приближения к объективному отражению действительности. По данным опросов эстонских социологов в 1986 г., 37% эстонцев и 14% неэстонского населения считали, что отношения между эстонцами и инонациональным населением ухудшились²; близкие данные о межнациональных установках получали и этносоциологи Института этнографии АН СССР при проведении совместных с эстонскими коллегами исследований в 70-е годы, в последующие годы эта тенденция усилилась. Тогда же было установлено, что отношения на межличностном уровне между национальностями в Эстонии, Грузии были сложнее, чем в Молдавии или Узбекистане. Но с самого начала исследований мы обращали внимание на то, что личностный уровень национальных отношений охватывает их социально-психологическую сферу. На этом уровне отражаются национальные отношения в целом, но отнюдь не тождественно им и не исчерпывающе, ибо национальные отношения развертываются также и на институциональном, межреспубликанском уровне и проявляются во всех сферах жизни, в том числе — политической, экономической, культурной³. Этносоциологические исследования — комплексные. В них учитывают социальные, экономические, политические, культурные, психологические аспекты тех проблем, которые выделяются как предмет изучения. Поэтому этносоциологи располагают разносторонним, достаточно большим объемом информации. Сейчас, когда потребность в конкретных знаниях, ориентированных на практические нужды, возросла, социологи могут поделиться имеющейся информацией и о тенденциях этносоциального развития, и о выявленных закономерностях, программирующих это развитие, и о вызревающих конфликтных ситуациях.

Однако проблемы, существующие в национальных отношениях, значительно шире. И это наглядно отражают и сами события в республиках, и публицистика. «Поле» социальных проблем, на основе которых сформировались к настоящему времени национальные интересы, реальные (иногда ложно понятые), не просто расширилось, но и тесно переплелось с политическими отношениями, развитием экономики, состоянием экологии.

Одной из центральных среди обсуждаемых проблем стала реализация суверенитета республик. Как известно, Союзный Договор, на основе которого объединились республики в 1922 г., дает им большой объем прав. В условиях жесткой централизации 30-х—40-х гг. они не реализовывались. Даже при Сталине в начале 50-х гг. стала осознаваться необходимость децентрализации, ибо война прошла, а на местах созрели собственные кадры. Не случайно с 1953 г. и вплоть до 1957-1958 гг. начал готовиться и вводиться в жизнь ряд постановлений о расширении прав республик, да и деятельность совнархозов в 1958-1965 гг. существенно способствовала этому процессу. Однако затем права республик снова стали урезаться, и не только в области управления хозяйством, что обосновывалось тогда необходимостью укрепления отраслевого управления, но и в сфере руководства культурой.

Между тем никто не может отрицать роста образования и квалификации основного потенциала населения в республиках, при всех недостатках знаний работников с точки зрения требований науки и техники сегодняшнего дня. Субъективные решения или нежелание решать проблемы приходили в противоречие с объективными обстоятельствами.

Одновременно общий рост образованности и квалифицированности (в трудоспособный возраст вступили юноши и девушки, в массе своей охваченные десятилетним обучением) со всей очевидностью вскрыл национальное разнообразие человеческого фактора. Сходство в статистических показателях образования у населения республик Прибалтики, Белоруссии, РСФСР и у народов Закавказья и Средней Азии увеличилось, а производительность труда, как известно, не выросла. Грузия — республика с самым высоким уровнем образования населения в 1975 г. отставала по производительности труда от средне-союзного уровня. Показатели уровня образования занятого населения Узбекистана, Казахстана, Туркмении были выше среднесоюзных, а по росту производительности труда они отставали от средних по стране, от показателей РСФСР, Белоруссии, Прибалтики⁴.

Об исторически сложившихся особенностях поведения и жизненных ориентаций людей разных национальностей свидетельствовали результаты исследований. По данным опросов горожан в Эстонии 70-х гг., 80% русских и две трети эстонцев одной из важнейших ценностей считали интересную работу. Среди узбеков такого мнения придерживалось около половины горожан.

Людей, связывающих улучшение условий трудовой деятельности с возможностью расширения инициативы на производстве было заметно больше среди эстонцев, чем, например, среди грузин. А узбеки и молдаване главным фактором для улучшения производственной деятельности считали тогда повышение дисциплины труда⁵.

Совершенно очевидно, что исторически сформировавшиеся особенности трудовой деятельности и в ближайшей перспективе будут влиять на развитие экономики, производства. Естественно вставал вопрос об адекватном вложенному труду использовании его результатов в республиках. Отсюда идеи республиканского, регионального хозрасчета.

Если прибавить ко всему этому проблемы экологические, вокруг которых (как можно судить по республиканской прессе) сейчас концентрируются национальные интересы и в России, и на Украине, и в Прибалтике, и в Закавказье, и в республиках Средней Азии, то очевидна заинтересованность республик в повышении самостоятельности в решении этих вопросов.

Мы живем не в изолированном мире и, естественно, у многих возникает

вопрос: как же расширять местную экономическую самостоятельность, если даже разные государства Европы в рамках ЕЭС видят единственный способ спасения от экономического отставания и превращения в технологическую колонию заокеанских гигантов — в объединении: к концу 1992 г. 12 обособленных национальных рынков сольются в «единый европейский рынок» (уже одобрены 100 из 300 мер, необходимых для ломки внутренних барьеров и свободного перемещения рабочей силы, капитала, товаров, услуг, научно-технических идей, опыта)⁶.

Не приведут ли национальные движения к новым трудностям в экономике? Не будет ли это движением в сторону от общих тенденций в мировом процессе? Опасения явно не оставляющие всех равнодушными. Не может ли это обернуться ущербом для всех народов; как сочетать национальные и общие государственные интересы; как, каким путем и способом идти к единению? Ведь, если учитывать зарубежный опыт, нынешняя «лихорадка слияний» охватила государства Европы после длительных дебатов, острых споров, на основе осознанного выбора единственно возможного пути. Не нуждаемся ли и мы в таком этапе расширения самостоятельности выбора для того, чтобы сделать новый, но уже осознанный заинтересованный шаг к дальнейшей экономической интеграции, освобожденной от централистско-командных методов ее осуществления?

Сейчас, осмысливая концепцию национальной политики, мы так же как в других областях жизни, обращаемся к ленинскому опыту. Одни ученые считают важным использовать опыт 20-х гг., когда строилось союзное государство и В. И. Ленин боролся за равноправие всех образующих федерацию республик. Другие обращаются к дореволюционным высказываниям В. И. Ленина о преимуществах унитарного государства. Но главное в ленинском наследии идея о том, что «... марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное...»⁷. Этот конкретно-исторический подход, учет действительности (развернувшихся национальных движений) и привели к выводу о наибольшем соответствии интересам пролетариата в тех условиях не унитарного, а федеративного государства. Революционный процесс и демократизация дали тогда толчок национальным движениям. И сейчас мы наблюдаем подъем национального самосознания, волеизъявлений, а в ряде случаев движений. Так к чему же в ленинизме следует обратиться? Ведь отстаивая идею централизации, Владимир Ильич говорил о демократическом централизме. «Мы хотим единой и нераздельной республики российской, с твердой властью,— говорил В. И. Ленин на I Всероссийском съезде Советов (17 мая — 10 июня 1917 г.),— но твердая власть дается добровольным согласием народов»⁸.

Вопрос о реализации суверенитета, о демократических принципах национально-государственного единства, согласования интересов республик, в том числе автономных и других автономных административных единиц и ведомств — центральный. Стремление сместить акценты и выдвинуть для обсуждения как альтернативный — вопрос о судьбах так называемых «малых народов» — тоже не представляется адекватным событиям. Это лишь часть вопроса о взаимоотношении народов, об их правах, в том числе о реализации демократических принципов в отношении национально-культурных потребностей дисперсно расселенных национальностей.

Все эти вопросы — политические и в исследовании их, в выработке проектов и реализации их в первую очередь должны принять участие государственоведы. Социологи же призваны показать состояние социально-политической зрелости народов, массовые настроения, мнения, осознание потребностей социальными группами тех или других национальностей, показать, чем вызваны эти потребности, как они взаимосвязаны с социальными интересами, каковы механизмы регуляции поведения людей в тех или иных ситуациях. Но для этого нужно знать

весь комплекс социально-экономических условий, в которых живут люди. Конечно, этнографические наблюдения будут очень полезны, но их недостаточно для оценок в отношении целых народов союзных и автономных республик. Для учета настроений и мнений этих народов без этносоциологических исследований не обойтись.

Целая группа проблем политических, идеологических, социально-культурных связана с национальными движениями, национальными требованиями, с деятельностью неформальных объединений. С разных сторон — гражданской и научно-познавательной — этносоциологи включаются в исследование этих движений, а при возможности и участвуют в них. Секция этнической социологии посвятила этим проблемам в текущем году два заседания, состоялись и рабочие встречи с участниками движений. Секция стимулировала появление ряда публикаций в центральной и республиканской прессе по острым проблемам взаимодействия национальностей, возникающим в процессе разработки программ этих движений. Как показывает опыт событий вокруг Нагорного Карабаха, неинформированность или искаженная информация повышает конфликтность, сеет недоверие, осложняет взаимодействие конфронтирующих сторон. Опыт Эстонии, где эстонскоязычная и русскоязычная пресса в начале обсуждения давала существенно различающуюся информацию (или русскоязычная ее просто не давала), демонстрирует, что договоренность легче достигается при более широкой информации, обосновывающей позиции, скажем, по вопросу о гражданстве в Республике, о государственном языке, о мигрантах и др. Как известно, инициаторы Народного фронта в Эстонии предпринимают усилия, чтобы включить не-эстонское население в движение, понимая опасность конфликтов на национальной почве. Симптоматично высказывание М. Лауристин в статье «О проблемах межнациональных отношений» (Советская Эстония, 13 марта 1988 г. С. 3.): «... одной из главных задач могло бы быть объединение сил всех сторонников перестройки, независимо от их национальной принадлежности, в реальном противодействии тормозящим усилиям местной и центральной бюрократии, за демократические преобразования в экономической и национальной политике». Как известно, были предложения назвать движение «Национальный фронт», но во избежание изоляционизма было принято название «Народный фронт».

Мы проходим сейчас этап, когда скованность, единообразие мнений преодолены, но непривычность к возможности разных подходов в решении проблем еще остается. И в этой ситуации очень важна стадия обсуждения без взаимного навешивания ярлыков, которая позволяет уяснить позиции, прийти к согласованным решениям. Появление острых вопросов, — естественный процесс в поиске концепции национального развития, национальной политики. Именно поэтому необходимо время для открытых обсуждений перед принятием перспективных решений.

Пришло осознание необходимости обсуждения и теоретических вопросов, связанных с понятием «нации» или «народа». Признаем ли мы нацию субъектом экономических и политических отношений или только культурно-языковой общностью? От этого во многом зависит понимание и отношение к национальным интересам и требованиям, которые выдвигаются народами в современных условиях. Выявление национальных интересов и механизма их формирования одна из важнейших задач социологии всегда, а сейчас особенно. Вопрос, который теперь часто задают и специалисты, и все интересующиеся национальными отношениями: если удастся удовлетворить экономические и социокультурные потребности населения, будут ли формироваться национальные требования? На этот вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Опыт благополучной в экономическом отношении Швейцарии с развитыми демократическими институтами говорит об обратном — национальная оппозиция в той или иной форме все равно проявляется. И движение в Нагорном Карабахе тоже свидетельствует о том, что национальные интересы, возникая на базе социальных, культурных, экономических потребностей, в чем-то выходят за их пределы. Говоря о нацио-

нальных интересах мы имеем в виду интересы именно этносоциальной общности, а не лидеров, мотивы деятельности которых не всегда могут быть тождественны и требуют специального изучения. В данном же случае, как можно судить по требованиям, выдвигаемым неформальными структурами (в той или иной мере отражаемыми прессой), речь идет о том, что нация берет на себя ответственность за свое развитие, жизнеобеспечение, оптимизацию социальной структуры, сохранность экологической среды, культуры. Нет сейчас республики союзной или автономной, в которой бы те или другие проблемы из совокупности обозначенных здесь не ставились. И если защита культурно-языковых интересов и прав национальных групп касается 55 млн., то все вышеперечисленные проблемы — более 200 млн., их судеб и принципов взаимодействия во взаимозависимом и все усложняющемся, как теперь говорят, мире. Не считаться со всем этим при разработке концепции национальной политики мы не можем.

Культурно-языковые проблемы, которые всегда обсуждались и в республиках, и на всесоюзных форумах, теперь приобрели политико-идеологическое звучание, ибо часто выступают в общем пакете предложений о правовых гарантиях народов. Поэтому предмет этносоциологических исследований в отношении этих проблем расширяется. Если раньше основным было изучение взаимозависимости функционирования языков и социального роста людей в этносоциальной общности, то теперь это — и исследование самой ситуации изменения реальных потребностей в национальном языке и языке межнационального общения, влияние этносимволизирующей престижной роли языка как регулятора поведения социальных групп.

В связи с изменившейся общественной атмосферой в стране и национальными движениями по-новому осмысливается группа социально-психологических проблем: причины роста национального самосознания, повышение его функции регулятора поведения людей; влияние идеологии, средств массовой информации, элитных групп и в целом интеллигенции на национальное самосознание, национальные установки людей, их ориентации и др.

Сложность в социально-психологической сфере межнациональных взаимодействий связана не только с тем, что сняты повязки с ран, нанесенных народам в годы сталинизма, и не только у тех, которые подверглись депортации. Историческая память как компонент национального самосознания у всех народов сейчас чрезвычайно актуализирована, как это и ранее бывало в период революционных перемен в обществе. Но дело еще в том, что перестройка у нас совпала с тем этапом в межнациональных отношениях, когда народам предстояло начать взаимодействовать как равноправным. При всех элементах застоя именно в 60-е — 70-е гг. у всех народов, в том числе в прошлом отсталых, сформировалась своя научная, прежде всего научно-техническая, производственная интеллигенция, выросла численно и по квалификационному потенциалу научно-гуманитарная интеллигенция, доля квалифицированных работников физического труда. Все это объективно вносило принципиальные изменения в национальные отношения. В конце 70-х — начале 80-х гг. перед русскими возникла необходимость осознать, что они взаимодействуют с развитыми народами, т. е. реально «на равных», а те кто прежде отставал, — понять, что на прежний объем помощи они рассчитывать не должны. Подобное серьезное изменение диспозиций всегда чревато сложностями приспособления к нему. Опыт взаимодействия англо- и франкоканадцев в Канаде, фламандцев и валлонов в Бельгии свидетельствует о том, что это — общие для полиэтнических государств проблемы в современном обществе. У тех, кто догоняет, повышаются социальные потребности и претензии и это создает чувство опасения или озабоченности у остальных. И если мы раньше, говоря о росте национального самосознания, приводили примеры, главным образом, из среды народов Закавказья или республик Прибалтики и др., то теперь ни у кого не вызывает сомнений подъем самосознания и русского народа. Об этом свидетельствуют выступления в прессе и деятельность общества по охране исторических памятников в России, и идеологические дискуссии на страницах «Нашего современника» и многое другое.

Идеологический уровень национального самосознания все теснее увязывается с уровнем повседневного поведения людей. Изучение опроса в ряде библиотек Москвы⁹, показало, что «Печальный детектив» В. Астафьева пользовался такой же популярностью, как и «Зубр» Д. Гранина. Этносоциологические опросы москвичей (исследование проводилось под руководством Ю. В. Арутюняна) показали, что заинтересованность русских, живущих в Москве, в движении за сохранение исторических памятников достаточно высока. Немалая группа москвичей считает, что направлять финансирование на это не менее важно, чем на жилищное строительство и нужды здравоохранения.

В условиях обострения национальных чувств, с которым мы сейчас столкнулись, чрезвычайно важно максимальное внимание к точности научных, политических, идеологических оценок тех или других проявлений национальных волеизъявлений. Отношение к прошлому народов, их культуре нередко связывается с идеологическими и политическими позициями общественных деятелей, их оценкой сталинизма, определением пути нашего развития, особого или общего с другими странами, поисками путей к Храму и пониманием самого Храма (образ из кинофильма «Покаяние» стал символическим в дискуссиях авторов «Нового мира», «Знамени», «Нашего современника»).

В такой ситуации этносоциологическое изучение национального самосознания и межличностных национальных отношений приобретает идеологическое звучание. И общая обстановка, когда число актуальных проблем возрастает, заставляет более четко определить задачи этносоциологии.

Прежде всего важно сосредоточиться на: а) изучении системы регуляторов поведения социальных групп во всем их национальном разнообразии; б) исследовании форм активности, с которыми мы сейчас сталкиваемся у наций и национальных групп; в) изучении социальных, культурных, языковых потребностей людей, чтобы содействовать удовлетворению их запросов и интересов. Наши знания об обществе уже не достаточны. Изменения, которые в нем происходят, мы не успеваем фиксировать. Поэтому одна из неотложных задач — фиксация всех событий, происходящих в национальной жизни.

Для того, чтобы представить интересы народов в их реальном выражении, этносоциолог берет на себя не только гражданскую ответственность, но и профессиональную. Поэтому знания, которые он решается обнародовать, передать практическим организациям, должны обладать, как теперь говорят, «общественным статусом доверия», а оно «... должно быть получено на уровне современных требований к сбору и обработке массовой информации»¹⁰, на основе надежных выборок. Для решения наших национальных проблем мы очень нуждаемся в профессионалах. Организации и подразделения, которые призваны решать те или иные аспекты национальных проблем на общесоюзном и республиканском уровне, явно растут быстрее, чем число специалистов, включая и этносоциологов. Рост числа специалистов-этносоциологов и профессиональная подготовка и переподготовка уже имеющихся кадров — вопрос, который надо решать не откладывая.

Задач, уже осознанных этносоциологией и этнографией в решении национальных проблем, немало, а силы невелики. Можно направить их на то, что уже само себя «высветило» и требует незамедлительной реакции. Здесь, как говорится, важно «навалиться всем миром». Однако у нашей науки есть задачи, в решении которых ее никто заменить не может — это научно добросовестный анализ национального разнообразия процессов, происходящих сейчас в нашей стране.

Примечания.

¹ Текст написан на основе доклада, сделанного автором на заседании Президиума Советской социологической ассоциации в июне 1988 г. и заключительного слова на совместном выездном заседании Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и секции этнической социологии ССА (октябрь, Сухуми).

- ² Ребане Я. Основные черты национальных процессов в Республике // Коммунист Эстонии. 1988 г. № 6. С. 16.
- ³ См. Социальное и национальное. М., 1972; Дробижева Л. М. Духовная общность советских народов. Историко-социологические очерки межнациональных отношений. М., 1981. С. 6.
- ⁴ Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 31, 148, 323.
- ⁵ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Национальные особенности культуры и некоторые аспекты социальной жизни советского общества // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 25, 27.
- ⁶ Макаревич Л. От «евроклероза» к «евроренессансу»? // Новое время. 1988. № 42. С. 12.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.
- ⁸ Там же. Т. 32. С. 269.
- ⁹ Исследование проведено в 1987 г. И. А. Снежковой.
- ¹⁰ Рывкина Р. От гражданской смелости — к научной доказательности // Коммунист. 1988. № 14. С. 46.

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

Научный совет ставил целью заслушать информацию о состоянии изучения современных национальных процессов, Секция этнической социологии — о национальных требованиях в неформальных движениях¹. Поскольку интересы участников обсуждения этих проблем совпадали, а предлагаемая ими информация тесно взаимосвязана, было решено провести совместное заседание. Будучи довольно разнообразными по тематике, сообщения, заслушанные на заседании, имели ряд общих черт: объективность анализа, рассмотрение национальных процессов в контексте социальных, экономических, политических, культурных условий прошлого и настоящего, корректная постановка проблем, доброжелательность тона обсуждения.

К. С. Худавердян (АрмССР) сконцентрировал внимание на задачах изучения национальных отношений в армянской советской историографии, отметив имеющиеся достижения и малоизученные проблемы. К последним относятся, например, некоторые аспекты национально-государственного строительства, социально-экономическое и культурное развитие проживающих в Армении инонациональных групп, а также армян, живущих за пределами республики в других регионах страны.

К. С. Халлик (ЭССР) посвятила выступление национальным вопросам в процессе перестройки в Эстонии, роли неформальных движений в решении национальных проблем, убедительно показав на конкретном материале возможности плодотворного сотрудничества партийных и государственных органов с общественными движениями.

Р. Г. Симоненко (УССР) рассказал о состоянии исследований национальных отношений в УССР и перспективах их развития. Как следовало из выступления, изучению национальных процессов уделяется все больше внимания, создаются новые научные подразделения, но, по мнению некоторых других представителей республики, эти процессы развиваются слишком медленно. С большим вниманием было выслушано сообщение П. В. Терешковича (БССР) о современной этносоциальной ситуации в Белоруссии. Охватив широкий круг проблем (от состояния белорусского языка до экологии и неформальных объединений), докладчик проанализировал взаимосвязь между ними, исторические истоки сегодняшнего состояния дел и возможные варианты решения этих проблем. Академик АН ЭССР Я. К. Ребане посвятил свое выступление новым, организационным формам исследования и обсуждения национальных проблем в Эстонии. Основным звеном новой организационной структуры являются комиссии, включающие представителей партийных, государственных и общественных органов, которые осуществляют экспертные, координирующие, рекомендательные функции.

В выступлении Б. Я. Пуделс (ЛатвССР) нашли отражение состояние национальных проблем в республике и меры, принимаемые для активизации их исследования. Аналогичным по тематике был доклад В. Н. Стаги (МССР).

Выступления представителей среднеазиатского региона также свидетельствовали об определенных сдвигах в изучении национальных отношений. С. С. Сафаров (ТаджССР) посвятил свое выступление некоторым теоретическим и практическим проблемам совершенствования национальных отношений в условиях перестройки советского общества. Он показал на конкретных примерах несовершенство имеющегося в распоряжении ученых понятийного аппарата. Е. К. Овляев (ТССР) сообщил о создании в АН Туркменской ССР отдела по национальным проблемам и межведомственного Совета, предназначенного для координации научных исследований национальных процессов. Р. Р. Рахимов (РСФСР), рассматривающий, казалось бы, довольно узкий вопрос об узбекско-таджикских межнациональных отношениях на материале Самарканда, поднял ряд общих вопросов, актуальных и для других республик. В частности, он убедительно продемонстрировал несовершенство ряда статистических показателей и, как следствие, ненадежность соответствующих статистических данных.

Ю. И. Мкртумян (АрмССР) дал информацию о состоянии дел в Нагорном Карабахе и связанных с ним событиях в Армянской ССР. Исключительно корректный тон выступления

Ю. И. Мкртумяна, серьезность анализа, аргументированная критика упрощенных, а потому бесплодных, представлений об истоках происходящих событий (вызванных якобы перестройкой или экстремистскими элементами) обеспечили ему внимание аудитории.

Содержащиеся в докладах конкретные предложения о совершенствовании исследований национальных отношений и повышении эффективности принимаемых по этим вопросам решений нашли отражение в рекомендациях конференций. Поэтому отметим лишь те из них, которые содержались во всех выступлениях. Выступившие с докладами и участники прений выражали озабоченность неэффективностью взаимодействия ученых с партийными и государственными органами, отсутствием обратной связи, лишавшей ученых возможности узнать судьбу их предложений и ограничивавшей их участие в процессе принятия решений.

Отмечались также трудности с выступлениями по наиболее актуальным национальным проблемам в печати и других средствах массовой информации, тогда как некоторые публикации журналистов в ряде случаев в силу их некомпетентности, а иногда и недобросовестности, лишь усугубляли проблемы. По общему мнению, в освещении проблем межнациональных отношений, особенно когда они становятся конфликтными (как это было в случае с Нагорным Карабахом), необходима полная гласность и непредвзятость.

Часть докладов Секции «Этнической социологии» была заслушана на Секции «Современные этнические процессы».

Общая мысль большинства докладов — ослабление внутринемих связей, утрата многих культурных черт, прежде всего языка в большинстве «этнических анклавов». В связи с этим было высказано предложение о необходимости содействовать расширению культурных контактов между основным ареалом расселения наций и их группами в инонациональной среде (Д. М. И с х а к о в). В частности, признать недостаточным высказывавшееся на страницах периодики предложение об организации землячеств на основе самофинансирования; считать целесообразным возобновление практики так называемых «национальных» газет, освещающих жизнь какой-либо национальности не только в пределах территории основного расселения (например, в союзной и автономной республике), но и в других регионах.

Предлагалось организовать предварительное обсуждение проблем по национальным отношениям к предстоящему (Члену ЦК КПСС по этому вопросу. Привлечь к обсуждению представителей разных регионов страны. Высказывалось соображение о целесообразности проведения специального симпозиума «Исторический опыт развития национальных отношений в нашей стране после 1917 года». Было высказано предложение разработать комплексную межотраслевую программу (или несколько альтернативных программ) изучения малых этнических общностей в инонациональной среде, а также теоретическую модель таких образований как «национальный район», «национальный сельсовет» и т. д., с учетом экономических, географических, экологических, культурно-языковых, юридических аспектов. Проводить исследования реакции широкой общественности на освещение проблем интернационализма и национальных отношений в прессе и по другим каналам массовой информации. Обратить внимание на необходимость соблюдения особого такта при освещении национальных вопросов, учитывая, что некорректная информация неоднократно являлась фактором, обостряющим межнациональные отношения. Предлагалось также организовать исследования роли неформальных («нетрадиционных») объединений, движений, оказывающих влияние на этнические процессы и межнациональные отношения (землячества, национально-культурные общества, движения и т. д.). Обсудить на страницах журнала «Советская этнография» и «Социологические исследования» цели, задачи, структуру, программу таких исследований, а также публикацию их результатов.

Как свидетельствуют многочисленные факты, люди в массе своей осознают невозможность мгновенного решения многочисленных, накопившихся проблем (в том числе и национальных). Но им нужна уверенность, что эти проблемы решаются объективно с учетом их мнений и интересов. Гласность — одна из гарантий от разочарований. Завершая дискуссию, Л. М. Д р о б и ж е в а (председатель Секции этнической социологии) обратила внимание на то, что ученые призваны давать реальную оценку самой ситуации в национальных отношениях. Мы недостаточно знаем сегодняшнее общество. Полный негативизм также может привести к неверной политической ориентации, как и «завздравные тосты». Сейчас очень важно перейти от публицистической смелости к научной доказательности в оценке национальных процессов и отношений. Важно: а) довести до сведения широкой общественности те проблемы, которые стали предметом обсуждения; б) учитывая, что в ряду позиций концепции национальной политики мнения ученых довольно резко расходятся, обсуждать эти мнения и искать консенсус, на основе которого можно было бы согласовать национальные интересы разных групп и неформальных движений, претворяющая экстремальные ситуации; в) учесть, что социальная ответственность ученых в этих условиях повышается, также как у работников средств массовой информации.

Заседание показало, что пора «беспроblemности» в национальных отношениях кончилась и что ученые, несмотря на многочисленные трудности, готовы принять самое активное участие во всех стадиях нормализации национальных процессов. Будем надеяться, что их инициативы найдут поддержку как партийных и советских органов, так и широкой общественности.

И. А. Гришаев, А. А. Сусоколов

Примечания.

¹ Первое заседание Секции этнической социологии, посвященное этим вопросам, состоялось в Москве в июне 1988 г.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ «СОЦИОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ» СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

22 сентября 1988 г. состоялось учредительное заседание новой секции Советской социологической ассоциации (далее — ССА) «Социология национально-политических отношений». Открыл заседание вице-президент Ассоциации Б. В. Р а к и т с к и й. Он сказал, что назрела необходимость создания новой секции, хотя в Ассоциации и существуют секции с близкой проблематикой: этносоциологии (руководитель Л. М. Д р о б и ж е в а) и пролетарского интернационализма (руководитель М. С. Д ж у н у с о в). Потребность в новой секции стала особенно ощутимой в течение последних двух лет, когда внимание общественности было привлечено именно к политическим и правовым аспектам межнациональных отношений в стране. Поэтому правление ССА во главе с ее Президентом академиком Т. А. З а с л а в с к о й предложило учредить секцию, которая бы не только координировала научные исследования разных специалистов — социологов, экономистов, этнографов, лингвистов и др. — в этой области, но и содействовала обсуждению практических рекомендаций к урегулированию межнациональных конфликтов. На заседании Президиума ССА 14 июня 1988 г. была сформирована инициативная группа по организации и выработке плана работы секции. Ее возглавили сотрудник Института этнографии АН СССР И. И. К р у п н и к и сотрудник Центра по изучению национальных отношений Г. В. С т а р о в о й т о в а. На заседании 22 сентября они отчитались о подготовительной работе, представили программу деятельности секции и темы ближайших обсуждений.

Открывая заседание Г. В. Старовойтова кратко очертила особенности современного этапа национального развития страны, изменение роли этнического фактора в политической жизни. Она отметила качественное изменение этносоциальных процессов, произошедшее в нашей стране вследствие демократизации общественной жизни: если раньше национальные отношения осуществлялись на уровне межличностного общения или общения жестко институционализированного (межреспубликанского), то сегодня мы имеем дело с третьей реальностью — национальными движениями во всем их разнообразии: от национально-культурных до национально-освободительных, националистических и сепаратистских. Эти движения вызваны к жизни как новыми факторами развития страны, так и тяжелым наследием последних шести десятилетий в сфере национальной политики. Среди грубейших нарушений законности в этой сфере следует назвать массовые репрессии по отношению к национальной интеллигенции как носительнице самосознания и исторической памяти народов, депортацию целых народов с их этнических территорий по принципу коллективной ответственности. Многие из негативных явлений сегодняшней жизни общества порождены тем, что в сталинское время статус национально-государственных образований и границы между ними определялись без достаточного учета волеизъявления соответствующих народов и этнического состава населения территорий (например, в Карабахе, таджикско-узбекском порубежье и др.). В так называемые годы застоя наблюдалось оживление ряда архаических социально-экономических структур, особенно у народов, не прошедших до Великой Октябрьской социальной революции стадии промышленного капитализма. Таким образом, сегодня мы стоим перед необходимостью развертывания третьей составляющей перестройки — наряду с перестройкой экономики и социально-политических основ жизни общества, — перестройкой всей сферы национальных отношений.

Однако обществоведение не вполне готово к такой перестройке, как не готовыми к ней оказались сегодня и те, кто принимают решения по национальным вопросам (достаточно проанализировать решения по крымско-татарской или карабахской проблеме). Национальная политика не обладает ни гибким современным методическим арсеналом, ни разработанными юридическими нормами; не учитывается богатый и разнообразный зарубежный опыт или опыт национального строительства в СССР в 1920-х гг. Отсюда такая медлительность и неэффективность в принятии национально-политических решений. Вакуум обществоведческой мысли, отмеченный еще на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г., слабо заполняется. Отчасти его стремятся восполнить литераторы и публицисты, выступающие в ряде журналов («Знания», «Дружба народов», «Век XX и мир», «Радуга» и др.), однако в свете начавшейся подготовки Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР выходящие осторожные публикации представляются явно недостаточными, не отражающими истинной серьезности проблем: их трудно назвать широким обсуждением, достойным эпохи гласности.

К сожалению, в общественно-политической литературе, в прессе продолжают господствовать старые социальные ориентиры и критерии оптимума национальных процессов (например, добровольная естественная ассимиляция и т. п.), уже не отражающие современных реалий; стереотипность оценок (национализм, экстремизм и т. п.) объективно способствует увеличению национальной розни. Сохранение «белых пятен» в теории нации, теории национальных процессов вынуждает неспециалистов заполнять эти лакуны примитивными, обывательскими схемами, заменяющими истинный анализ причинно-следственных связей и серьезный прогноз событий. Так, например, очень живучим (в действительности восходящим к архаическому сознанию, делящему всех на «своих» и «чужих») в политическом мышлении оказался предрассудок чуждого «злого умысла», заговора или сговора, подстрекательства из-за рубежа и т. д. В частности, делаются попытки таким образом объяснить массовые национальные выступления последних лет и месяцев. Однако концепция заговора (будь его субъектом мировая буржуазия, коррумпированная верхушка республики,

«жиды и масоны») — неотъемлемая принадлежность всякой идеологии тоталитаризма и обязательно сопровождается неверием в мыслительные способности представителей народа.

Народ по этой средневековой схеме — слепая игрушка темных сил, которая по незрелости своей не может разобраться, куда ее толкают внутренние и внешние враги, «злоумышленники» или «инородцы».

В национальной политике наблюдается также крайняя непоследовательность и противоречивость — в частности, в отношении идеи суверенитета республик и соответствующих этой идее правовых актов. С одной стороны, взят курс на демократизацию и отказ от излишней централизации государства. В соответствии с ним недавно была продемонстрирована реальная действенность статей Конституции, защищающих приоритет республик в решении ряда вопросов (например, об изменении территории или границ республик — ст. 78). С другой стороны, продолжают действовать или даже создаются новые законодательные нормы, не учитывающие или прямо нарушающие принцип определения союзных республик как суверенных государств. Например, закрепленная в специальных юридических актах подчиненность должностных лиц, осуществляющих надзор за соблюдением законности (прокуроров, включая прокуроров республик) исключительно Генеральному прокурору страны, а не высшим органам Советской власти республик. Или подчинение специальных подразделений внутренних войск Министру внутренних дел страны¹ запрет на их подчинение органам советской власти, и т. д. Очевидную противоречивость этих юридических норм, затрагивающих суверенность права республик, раньше официального общественного мнения попытались осмыслить и преодолеть представители неформальных движений. Так, на межрегиональном совещании групп и ячеек движения «Народный фронт в защиту перестройки» (Ленинград, 27—28 августа 1988 г.) были, в числе прочих, сформулированы такие требования к решению национального вопроса: считать, что важнейшую роль в решении национальных проблем в СССР должны играть государственно-правовые аспекты; признать необходимым пересмотр и конкретизацию принципов федеративного государственного строительства СССР, в частности, определение круга социально-политических и экономических полномочий, которые республики делегируют центральному федеральному правительству². Возможно, указанные предложения небесспорны, и спецнасты должны начать открыто обсуждать эти темы, тем более, что приближается Пленум ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений. Как видно из приведенных высказываний, дискуссии неспециалистов на эту тему уже идут.

Далее Г. В. Старовойтова отметила, что Секция социологии национально-политических отношений видит одну из своих задач в том, чтобы разорвать «заговор молчания» вокруг этой тематики, сняв сохраняющиеся и в эпоху гласности «табу» с представляющего для всех насущнейший интерес вопроса дальнейшего национального развития нашего государства. Начав разговор в профессиональной среде, мы надеемся сделать первые шаги в направлении нового осмысления обслуживающей эту тему терминологии, в частности, дать рабочие определения таким понятиям, утратившим свой первоначальный научный и пропагандистский смысл, как «интернационализм», «космополитизм», «национализм», «патриотизм», «шовинизм», «экстремизм» и др. Предполагается издать по материалам обсуждений сборник под условным названием «Этносоциология и политика». Г. В. Старовойтова выразила надежду, что в рамках секции легче будет преодолеть разобщенность специалистов разных профилей, работающих в различных научных учреждениях и общественных организациях. Среди участников инициативной группы и других ученых, желающих принять участие в работе создаваемой секции, есть представители Ин-та социологии АН СССР, Ин-та экономики АН СССР, Ин-та этнографии АН СССР, Ин-та научной информации по общественным наукам АН СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова, Советского фонда культуры, Ин-та языкознания АН СССР, Ин-та мировой лит-ры АН СССР, Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, научно-исследовательских институтов системы Госстроя СССР; представители неформальных организаций, прессы. Подготовительная работа инициативной группы позволила наметить ряд специалистов в республиках, которые составят ячейки будущих филиалов Центральной секции на местах: в Ленинграде, Ташкенте, Якутске, Махачкале, Орджоникидзе, Нальчике, Киеве, Минске, Таллине, Тбилиси, Ереване. Уяснение взаимных позиций учредителей секции происходило на заседаниях Московского филиала Всесоюзного Географического о-ва, на «круглых столах» при журнале «Век XX и мир», в «Литературной газете» и газетах «Известия», «Социалистическая индустрия». Секция рассчитывает ориентировать свою работу не только на теоретические проблемы, но и на выработку практических рекомендаций.

С докладом о задачах новой секции выступил И. И. К р у п н и к.

Примечания.

¹ См. Ведомости Верховного Совета СССР. № 31(1988 г.). № 505.

² См. Вестник Народного фронта Эстонии. № 8. 30 сентября 1988 г.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

(Состояние национальных отношений
в СССР и задачи науки)

В последние полтора года и особенно за последние месяцы «национальный вопрос» стал третьим наиважнейшим элементом нашей общественной жизни наряду с экономической реформой и демократизацией политически-правовой системы. Этот факт жестко и недвусмысленно пришлось почувствовать всей системе управления, гуманитарной науке, средствам массовой информации, обществу в целом. Массы населения на глазах захвачены «национальным прозрением», пробуждением этнического чувства.

На волне этой небывалой общественной активности прежние идеологические схемы «расцвета и сближения наций» в СССР, неизбежности национально-государственного устройства подвергаются быстрой эрозии. Альтернативные лозунги выглядят пока слишком зыбкими или имеют заведомо узкорегionalный характер, не решающий проблемы страны в целом. Скорость нарастающих событий делает крайне сложной спокойную оценку и прогнозирование ситуации.

Новым элементом стал взрыв массовости национальных выступлений. Проявления экономических, территориально-административных, экологических и особенно историко-культурных противоречий все чаще приобретают облик национальных движений. К унаследованным от прошлого очагам национальной напряженности на глазах прибавляются новые. При этом происходит отчетливый рост радикализма вплоть до появления откровенно шовинистических движений, требующих расовой чистоты и изгнания из «народного тела» иноверцев и инородцев.

Массовость сочетается со все более заметной организованностью национальных движений. Народные фронты в прибалтийских республиках или движение за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией стали мощной общественно-политической силой. Невижданной за последние шестьдесят лет истории государства. По всей стране растут национально-культурные объединения, ассоциации, землячества, общественные группы, выдвигающие свои программы и лозунги и привлекающие сотни и даже тысячи людей.

Еще один исключительно важный элемент нынешней ситуации — появление национального насилия или угрозы его применения. Хотя вспышки насилия и вандализма периодически возникали и в предшествующие годы, никогда еще с послевоенного времени они не привлекали такого общественного внимания и не затрагивали (прямо или потенциально) такого количества людей. Рубежом здесь стали кровавые события в Сумгаите, за которыми последовала цепь конфликтов, закончившаяся введением особого положения в Нагорном Карабахе. Но однажды примененное, насилие становится фактором общественного сознания, повергая народы в состояние взаимной подозрительности, неустойчивости и страха. Насилие или даже его угроза немедленно стимулируют массовость, делают ситуацию еще более трудноуправляемой и непредсказуемой.

Фактически сейчас поставлен вопрос: способно ли наше общество найти гармоничное (или хотя бы разумное) сочетание интересов входящих в него народов или нас ждет дальнейшее нарастание напряженности межнациональных отношений. Для федеративного государства, каким является СССР, такое развитие очевидно представляет самую серьезную опасность, о чем свидетельствует пример Югославии или Индии. Суть, однако, состоит в том, что вся структура национальных отношений, национального представительства и выражения национально-культурных интересов оказалась в значительной мере устаревшей и пронизанной наследием сталинизма, как и система экономики

или сфера правового и политического устройства. Ее несоответствие современной жизни все более становится фактором дестабилизации, препятствием на пути широких общегосударственных преобразований. Обществу предстоит признать это и чем скорее, тем лучше.

Сложность нынешней ситуации состоит в том, что процессы национального развития до сих пор не имели четких диагностических критериев или же эти критерии оказались недостаточными, либо противоречивыми. В особенности это касается степени распространения русского языка и числа национально-смешанных семей. Для многомиллионных масс двуязычие обернулось *полужазычием* с утратой или упадком родных языков¹, а смешанные браки почти на 80% состоят из браков между представителями трех славянских народов, которые как правило, ведут к ассимиляции белорусов и украинцев в русской среде. Приходится признать, что в области национальных отношений нет характерных для экономики прямых статистических критериев, позволяющих четко оценить направления и перспективы развития. Не было здесь и какой-либо системы обратной связи, т. е. регулярного общесоюзного сбора и постоянного анализа (мониторинга) диагностически ценной информации.

Конечно, сбор информации сам по себе не является спасением, как наличие метеостанции не избавляет нас от дождя, снега или тропического урагана. Но он отражает *качество* диагностики, т. е. степень заботы общества о своем сегодняшнем и завтрашнем дне. Между тем в нынешнем обострении межнациональных отношений отчетливо видны *разные* процессы, которые требуют своих методов оценки и научного анализа. Главные среди них:

- общее движение за децентрализацию прежде авторитарной системы управления; требование права народов на самостоятельные национально-культурные интересы и принятие решений в области собственной культурной, языковой, экономической и другой политики;

- требования многих народов на изменение их нынешнего, по сути давно устаревшего экономического и политического статуса, т. е. неизбежная корректировка ролей в развивающейся динамичной системе;

- требование права на «национально-культурный престиж», что по сути есть охранительное этническое движение перед угрозой обезличивания и бюрократической русификации общесоюзной культуры;

- связанная с этим озабоченность состоянием национальных культур утратой языков, когда многие народы — как большие, так и малые — неожиданно почувствовали *исчерпаемость* своего наследия, его неустойчивость под давлением внешних сил;

- национальные языки, доставшиеся от прежнего времени: судьба крымских татар, проблема Нагорного Карабаха, нерешенные территориальные споры на Северном Кавказе и в Средней Азии, антисемитизм, будущее советских немцев и т. п.

До последнего времени многие видели (а некоторые видят и до сих пор) единственный источник равновесия в буквальном сохранении старых схем, старой системы межнациональных отношений. Нежелание перемен или неподготовленность к анализу лучше всего объясняет популярное стремление расчленивать очаги национальной напряженности, представить их как «отдельные» или «периферийные» нарушения, не затрагивающие систему в целом. Но неподготовленность к анализу межнациональных отношений означает лишь, что в таком случае их развитие: 1) происходит непредсказуемо; 2) у государства не находится организационных форм и продуманных средств решения, а часто даже в времени на обдумывание и отбор таких средств (чему пример февральская ситуация в Нагорно-Карабахской АО или трагические события в Сумгаите); и, наконец, 3) резко возрастает риск скоропалительных или заведомо неудачных решений.

Итак, наряду с необходимостью экономической и политической реформы общество стоит перед проблемой переоценки существующей системы межнацио-

нальных отношений, коррекции старых или выработки новых концепций своего дальнейшего развития. Перед системой в целом и перед ее отдельными элементами поставлены совершенно новые задачи. Каково место науки в этом процессе?

Проблемы науки. Приходится признать, что общественная наука оказалась столь же неподготовленной к нынешнему развитию национальных отношений в стране, как и все прочие элементы социальной системы. Долгие годы изучение национальных процессов было разорвано между этнографией, считавшейся второстепенной исторической дисциплиной, в целом весьма далекой от практических проблем, и философией, которая занималась общим обсуждением проблем «расцвета и сближения наций при развитии социализме». Эмпиризм и схоластика, к сожалению, оказались неплодовитыми партнерами. Явно недостаточна и сама генеральная схема преобразования конгломерата этносов и языков $1/6$ части мира в то, что так красиво было названо «новой исторической общностью — советский народ».

В равной мере не избежала наука разъедающего воздействия того, что столь невнятно именуется сейчас «периодом застоя». Огромный урон был понесен сразу по трем направлениям. Жесткий идеологический отбор мнений и концепций заведомо отсекал все попытки критического анализа и независимое прогнозирование. Закрытость демографических, социологических — практически всех современных статистических данных разрушала для большинства ученых возможность независимого творческого поиска, механизм обратной связи в виде широких дискуссий и обсуждений, стимулирующих реакцию научного сообщества. Наконец, возможность анализа реальных сложных проблем только на уровне закрытых записок или служебных публикаций оставляла для «открытой печати» лишь узкоспециальные, преимущественно исторические темы, либо требовала апологетических публикаций.

Последствия такого развития нам всем хорошо известны; их можно назвать удручающими. Прямым результатом этого стал острый недостаток квалифицированных этнографических кадров, минимальное финансирование прикладных исследований, ограниченность технических возможностей, скудность высокопрофессиональных публикаций и крайне низкий престиж большинства наших изданий в глазах международного научного сообщества.

Было бы несправедливым, однако, заявлять, что все эти годы мы существовали в бесплодной пустыне. Опыт десятков и сотен наших коллег с уверенностью говорит об обратном. Но, как представляется, был утерян основной механизм естественного развития науки — *свободное обсуждение* накопленного знания. Отсюда пошло удаление, а потом и нарастающая сепаратизация представителей разных общественных дисциплин. В результате были ослаблены единая основа и общий язык гуманитарного познания, навыки профессионального взаимодействия и делового сотрудничества. Разбившись на профессиональные или ведомственные клетки и клеточки, мы неизбежно все более погружались в прошлое. Изучение истории всегда (или предпочтительно) индивидуально; анализ настоящего и прогнозирование будущего требуют коллективных обсуждений.

«Ведомственное» разделение коснулось не только внутренней жизни нашей науки. Заведомая идеологическая невозможность стыковки концепций советских и зарубежных ученых (кроме тех, кто был выделен в небольшую группу «прогрессивных» или марксистских исследователей) воздвигла между ними стену непонимания. Это проявлялось на конгрессах и симпозиумах, в дискуссиях, где как на параллельных прямых, с одной стороны, шли «современные этнические процессы», а с другой — «этничность», «национализм», «антропология стратифицированных обществ» и т. п. Но даже по нашу сторону стены в десятках обстоятельных очерков национальной ситуации в различных зарубежных странах не было и мысли использовать чужой опыт для понимания собственных проблем. Это казалось вполне естественным, поскольку опыт

трайбализма и расизма, иностранных мигрантов и национально-освободительных движений был как бы в принципе несопоставим с нашей действительностью.

Радикально изменить ситуацию в изучении национальных отношений в СССР может только «информационный бум» в стыковых областях этнографии, социологии, культурологии, лингвистики, страноведения и других пограничных дисциплин. Как живой организм наука имеет свои принятые формы реагирования на всякую новую ситуацию. Первая и самая эффективная из них — резкая активизация *обсуждений*, дискуссий, личных и профессиональных контактов. Создание действующего *механизма обсуждения* есть, на мой взгляд, начало начал любого развития. Следующими шагами должны стать взаимопонимание, выработка общего языка, взаимодействие и, наконец, объединение усилий.

Организация независимого и квалифицированного форума для анализа современных национальных отношений в СССР и является основной целью новой секции социологии национально-политических отношений. Этой цели нельзя достигнуть одним лишь желанием или энтузиазмом участников. Процесс перехода к иному мышлению сложен и потребует длительных усилий. Предстоит восстановить весь процесс естественного воспроизводства науки, который включает как минимум четыре главных элемента: *знать, формулировать, обсуждать и печатать*. Все эти задачи будут поставлены в рамках работы новой секции Советской социологической ассоциации.

Задачи работы секции. На обсуждение выносятся программа научной и организационной деятельности секции на ближайшие годы, которую мы назвали «Многонациональное общество». Она призвана подготовить научное обеспечение для анализа современного состояния и перспектив развития национальных отношений в СССР, формулирования принципов новой национальной политики.

Мы строим эту программу на основе общего убеждения, что устойчивое социальное и экономическое развитие федеративного многонационального государства в огромной степени зависит от гармоничного взаимодействия всех входящих в него народов — как больших, так и малых. «Многонациональное общество» в нашем понимании — это не просто констатация мозаичности, множественности составляющих его элементов. Такая множественность уже давно является фактом и главной тенденцией развития современных государств, а внутри них — наиболее передовых сфер жизнедеятельности: крупных городов, передовых видов производства, науки и т. п. «Многонациональное общество» — это скорее механизм сосуществования или, точнее, поиск такого механизма, который обеспечивал бы развитие всех элементов, смягчение неизбежно возникающих трений и напряжений в рамках более крупных объединяющих структур — социальных, территориальных, административных и др.

Поэтому свою главную цель мы видим в выработке концепций и методов оценки сложных межнациональных ситуаций — прошлых, современных и будущих. Первая конкретная задача здесь состоит в том, чтобы стимулировать *сбор и обмен информацией* о состоянии современных национальных отношений в стране для получения максимально полной картины. И хотя эту же задачу в той или иной степени выполняют разные научные подразделения, у новой секции могут быть свои преимущества. Как общественное профессиональное объединение ученых она облегчает оценку и обмен первичными данными вне ведомственных или региональных амбиций.

Наибольший интерес, естественно, представляют две темы: освещение текущей ситуации в различных частях страны (прежде всего с помощью данных экспертных наблюдений и социологических исследований); и анализ опыта национальной политики — включая правовое, административное, культурно-языковое строительство, разрешение конфликтных ситуаций и т. п. Здесь заведомо противопоставлены какие-либо ограничения: прошлый и нынешний опыт нашей страны столь же важен и интересен, как и примеры национальной политики других государств. С этой целью планируется провести ряд специальных засе-

даний, чтобы детальнее познакомиться с опытом национального строительства в СССР в 1920—30-е годы, подходами и методами решения национального вопроса в разных странах, прежде всего в США, Китае, Испании, Югославии, других государствах Восточной и Западной Европы.

Следующую задачу мы видим в формулировании *научного языка* национальной политики. Сюда включаются: выработка гибких типологий и необходимого понятийного аппарата; изложение различных подходов к будущему многонационального государства и отдельных входящих в него народов; проверка возможностей этнографии, социологии и целого спектра других гуманитарных наук — экономики, демографии, политологии, лингвистики, культурологии и др. — как на уровне первичных данных, так и методов исследования. Поэтому участие представителей соответствующих областей знания выглядит не только желательным, но и необходимым для выработки общего языка взаимодействия и совместного поиска.

Важнейшей задачей секции, как уже говорилось, мы считаем профессиональное *обсуждение*. Отсутствие в нашей науке культуры заинтересованной многосторонней дискуссии до сих пор было наиболее досадным пробелом в изучении национальных отношений. Поэтому большой интерес представляет проведение специально подготовленных «круглых столов» и обсуждений по типу «деловых игр» с коллективной оценкой наиболее сложных национальных проблем и межнациональных ситуаций в СССР. Первые и наиболее актуальные темы для такого обсуждения: проблема Нагорного Карабаха и возможные пути ее решения²; ситуация в Прибалтике и соответствующие республиканские программы по национальному вопросу; будущее «репрессированных» народов — крымских татар, месхетинцев (месхов), немцев, корейцев; судьба малых народов Крайнего Севера; этнокультурное развитие советских евреев; перспективы культурно-языковой ситуации на Украине и в Белоруссии; политические аспекты русского национально-культурного движения; организационные формы жизни этнических меньшинств в крупных городах и др. Проведение всех подобных дискуссий потребует специальной подготовки с отбором квалифицированных экспертов-докладчиков, приглашением компетентных специалистов, представительством всех заинтересованных сторон.

Думается, что гласные профессиональные обсуждения помогут сформулировать нашу точку зрения или основные точки зрения на фундаментальные вопросы национальной политики. Прежде всего необходимо понять, что представляет собой нынешняя ситуация — принципиально новый виток взаимоотношений между народами в федеративном государстве или же своеобразную реакцию, которую можно охарактеризовать взятым из географии термином «изостазия», когда после таяния многотонных ледников происходит быстрое поднятие придавленной их тяжестью суши. Здесь мы особенно остро нуждаемся в хорошем знании форм и программ национальной политики 1920—1930-х гг., правовых основ создания союза республик, главных концепций развития народов в условиях федеративного государства. Заполнять эти пробелы можно только совместными усилиями.

Если удастся выйти на такой уровень обсуждений, реальной для нас станет важнейшая цель научного поиска — *прогнозирование*. Было бы чрезвычайно заманчиво не только сформулировать разные взгляды на перспективы развития отдельных народов и регионов страны, но и предложить их независимую всестороннюю оценку. До того, как те или иные идеи станут идеологическими и практическими лозунгами, они должны подвергнуться критическому обсуждению и проверке научным сообществом, т. е. стать как бы «вчерашним днем» науки. Наука должна неизменно идти впереди политики и идеологии, а не наоборот, как было до последнего времени. Только так может быть создан действенный механизм *отбора*, позволяющий отделить профессионально составленные прогнозы от конъюнктурных заказов, значит, выявляющий в научной среде наиболее компетентных экспертов.

С этим тесно связана еще одна задача, которую хотела бы взять на себя новая секция ССА — *независимая экспертиза*. В стране постоянно принимаются десятки решений в области национальной политики и национальных отношений и сотни экономических и социальных проектов, затрагивающих интересы разных народов. Но национально-политическая экспертиза этих решений, если она и проводится, происходит закрытым способом и остается не известной научному сообществу. Печальные результаты такой практики все мы хорошо знаем. Новая секция ССА, объединяющая квалифицированных специалистов из разных областей науки, могла бы стать одним из таких центров независимой всеведомственной экспертизы.

Но если право на свободное обсуждение является личным делом любой группы ученых, то право на научную экспертизу надо заслужить профессиональным авторитетом, уровнем критического анализа и рекомендаций. Для этого потребуется время, а также некоторое число публикаций, успешно реализованных программ и проектов — т. е. обычный путь завоевания авторитета в научном сообществе.

В значительной степени успех новой секции в этой и многих других областях будет зависеть от выполнения еще одной задачи — *координации* научной деятельности в сфере национальной политики и национальных отношений. Как центральная секция Социологической ассоциации мы обязаны взаимодействовать с отделениями и учеными, работающими на местах, оказывать им необходимую поддержку. Но право на координацию, как и право на экспертизу может быть получено только на основе добровольного «общественного договора». Можно сказать, что оно явится своего рода наглядным результатом проводимой работы, подтверждением приобретенного авторитета в изучении национальных отношений.

Однако уже сейчас можно говорить о вполне реальных перспективах сотрудничества с другими объединениями ученых, работающих в близких направлениях — прежде всего смежными секциями Социологической ассоциации, комиссиями этнографии и медицинской географии Московского филиала Географического общества СССР, общественной группой ученых «Тревожный Север», Научным советом по национальным меньшинствам Советского фонда культуры, другими общественными объединениями. Особенно важен будет контакт с национальными землячествами, культурными центрами и ассоциациями, действующими как в Москве, так и в других городах и республиках.

Эти контакты и сотрудничество помогут, как мы надеемся, выполнить еще одну функцию в рамках деятельности новой секции ССА. Речь идет о стимулировании *прикладных, практических программ* в области национальной политики и национальных отношений. На Западе эта сфера именуется «прикладной антропологией»; она находится сейчас в стадии наивысшего подъема с точки зрения финансирования, кадров, общественного и научного внимания.

У нас, к сожалению, прикладная ориентация науки о национальных отношениях имеет крайне односторонний характер и определяется узкими интересами и жесткими требованиями заказчиков. Но если секция сможет разработать программу работы национальных клубов или культурной деятельности землячеств, или хотя бы оказать помощь этим клубам и землячествам *по их собственной просьбе* (а не по заданию вышестоящих организаций), то это и будет наш реальный практический вклад в совершенствование национальных отношений. Если секция будет получать такие заказы, она сможет, видимо, формировать из числа своих членов конкретные группы содействия или сама приглашать специалистов для выполнения соответствующих программ.

И, наконец, как всякое объединение ученых мы хотели бы наглядно продемонстрировать результаты своей работы в виде тематических *конференций и публикаций*. Ближайшая наша цель — организовать в 1989 г. в рамках секции специальную научную сессию «Многонациональное общество», посвященную различным аспектам национальной политики и национальных отношений. Мате-

направления сессии предполагается издать в виде сборника, предоставив авторам наибольшее количество докладов возможность развернуть свою аргументацию. Одновременно секция будет всячески содействовать публикации прочитанных на заседаниях докладов, материалов «круглых столов» и дискуссий, других текстов, представленных на обсуждение.

Разумеется, время внесет свои коррективы в предлагаемые планы. Но с самого начала ясно, что мы создаем не дискуссионное объединение и не политический клуб для высказывания разных точек зрения, а профессиональное сообщество ученых. Обращение к сложным, а зачастую и болезненным темам нашего общества потребует от нас высокой ответственности, честности, умения находить и соблюдать взаимные договоренности, личной требовательности. Все эти качества входят в профессиональный этический кодекс ученого. Особенности нашей работы предполагают, видимо, еще более строгое соблюдение этических норм. Поэтому я призываю всех участников будущей работы ценить и беречь нормы, которые будут положены в основу нашего научного сообщества.

Примечания.

¹ Развернутый анализ этого см. Гусейнов Г. Речь и насилие // Век XX и мир. 1988. № 9. С. 36—41.

² Первое из таких заседаний, посвященное обсуждению основных предложений и программ решения проблемы Нагорного Карабаха, состоялось 25 октября 1988 г. (прим. ред.).

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

И. И. Крупнику было задано несколько вопросов. Они касались, в частности, возможности освещения работы секции в популярных изданиях. Связи с такими изданиями организаторы секции пока не имеют, напротив, они попросили присутствующих содействовать возможно более широкой информации о проводимой работе. Поскольку в докладе шла речь об экспертных оценках этнической ситуации и рекомендациях для ее улучшения, то естественно возник вопрос о действенности этих мер. Конечно, секция не располагает инструментами контроля за принятием и выполнением решений, затрагивающих интересы этносов. Однако здесь, как и в других областях политики, гласность — важнейшее средство привлечь внимание общественности к осуществлению проектов, выработанных учеными. Так, в настоящее время строительство Туруханской ГЭС, грозившее нарушить жизненный уклад ряда народов Севера, законсервировано. Получив научно обоснованную информацию о последствиях этого строительства, Исполком Окружного совета Эвенкинского автономного округа воспользовался предоставленным ему правом *veto*.

Отвечая на вопрос о возможных контактах секции с Международной социологической ассоциацией, Б. В. Ракитский назвал ряд исследовательских комитетов, с которыми такие контакты были бы целесообразны, например, 05 — «Проблемы этнических и расовых отношений и национальных меньшинств» и 16 — «Национальные движения и империализм». Он также предложил, чтобы результаты работы секции были представлены на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде в 1990 г.

В своем выступлении И. И. Крупник объединил теоретическое обоснование с организационными и содержательными моментами работы секции. В дальнейшем многократно прозвучали предложения сотрудничества со стороны специалистов разного профиля и представителей общественных организаций. Такой энтузиазм подтверждает актуальность намеченной работы, но и в некоторой степени усложняет стоящую перед бюро секции задачу, поскольку ему придется координировать весьма разнообразную деятельность.

Э. А. Паин (Москва, НИИ Градостроительства) заметил, что работа ряда секций ССА, в которых он участвует, сводится к семинарам и обсуждениям. Вместе с тем в области национальной политики существует значительное число «белых пятен». Целесообразно было бы, по его мнению, к уже перечисленным в докладе И. И. Крупника направлениям работы добавить организацию исследований. При их проведении можно было бы обращаться за помощью к хозяйственному центру, существующему при ССА. В качестве ближайшей задачи исследований он предложил выявление и картографирование проблемных ареалов.

Представитель научно-общественного Совета по сохранению и развитию культур малых народов при Советском фонде культуры Э. А. Чамоева (Москва) предлагала содействие своей организации инициативам открывающейся секции. Совет проводит региональные совещания представителей местных властей, научной и художественной интеллигенции малых народов. На ближайшее время запланировано провести в Петрозаводске такое совещание, посвященное проблемам вепсов.

А. С. Эпштейн (Москва, ВНИИТАГ) остановился на роли экономической политики в возникновении конфликтных национальных ситуаций. Экономические интересы народов, по его мнению, в основном определяют характер межэтнических отношений, но это до сих пор игнорировалось в решениях по вопросам хозяйства. Отсюда нарастание национальных противоречий. Поэтому стоит проанализировать экономическую стратегию, вырабатываемую в ходе перестройки с точки зрения ее влияния на национальные процессы.

Сотрудник Института языкознания АН СССР С. И. Трескова (Москва) выступила с предложением о сотрудничестве между новой секцией и группой социолингвистов своего института. Она отметила, что освещение проблем национальной культуры прессой проводится в такой форме, которая обостряет противоречия между народами СССР. Интересны были приведенные ею сведения о распространении русского языка и характере двуязычия в нашей стране. Вместе с тем существующая модель двуязычия рассматривалась не как единственно-возможная. В качестве альтернативной была предложена другая модель, включающая региональный язык и английский язык как язык международного общения.

Руководитель секции этносоциологии Л. М. Дробизева (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) высказала замечания по плану работы новой секции с учетом уже накопленного опыта. Она говорила о необходимости выделить наиболее существенные для современного момента национально-политические вопросы, а также дифференцировать национальные движения и конфликты разного уровня, не ставя в один ряд, например, «Народный фронт» Эстонии и движение в Армении. Важнейшие вопросы в настоящее время — реализация суверенитета республик. Важно выработать понятие нации и определить ее интересы, которые не являются лишь этнокультурными. Опыт и программа «Народного фронта» Эстонии убедительно свидетельствуют об этом.

Поскольку секция национально-политических отношений действует в условиях, когда по данной тематике работают также политологи и этносоциологи, руководству новой секции целесообразно более четко сформулировать свои задачи. Важно также координировать деятельность секции с другими подразделениями ССА. Л. М. Дробизева пожелала участникам большего профессионализма в подходе к исследуемому предмету.

По вопросу о типологии национальных движений выступил сотрудник Института мировой литературы АН СССР Г. Ч. Гусейнов (Москва). По его мнению, все национальные движения и конфликты имеют в своей основе те или иные неудовлетворенные потребности народов. Вряд ли стоит одни принимать во внимание, а другие игнорировать (как, например, метеоролог изучал бы иней, оставив без внимания и дождь и снег).

Он выразил сомнение, что члены новой секции ССА на практике смогут многое сделать для улучшения взаимоотношений народов СССР. Достаточно, по его мнению, если это научное содержание хотя бы будет способствовать осознанию национальных ситуаций. Неудовлетворительная (по общему мнению) трактовка этих вопросов обусловлена не только недобросовестностью, но и просто непониманием происходящего. Г. Ч. Гусейнов предложил Ассоциации контакт с новым неформальным объединением, представителем которого он сам является, — интернациональной группой «Общий дом», а также выход на страницы ее органа «Космополис».

В. А. Чаликова (Москва, ИНИОН) высказала мнение, что содержание выступления Г. В. Старовойтовой и доклада И. И. Крупника интересны, но вызывает сомнение формула конечной цели нашей деятельности — гармоничные социальные отношения. Значит, мы все еще живем под знаком веры, что «в одной отдельно взятой стране» можно создать то, чего не было и нет в остальном мире. Отчуждение и агрессия разделяют людей не только в Ирландии и на Ближнем Востоке. Там же невозможно выделить нацию на этнической основе, находится другая основа — «москвичи» и «лимита» из Курской, Воронежской, Тульской и других областей. И это гармоничные отношения? Надо поставить реальную цель: деловое и культурное сотрудничество. Для этого придется отказаться от таких привычных категорий описания национальных отношений, как «любовь», «расцвет» и др.

Из универсальности национальных проблем следует необходимость изучения зарубежного опыта: классических работ Адорно по предрассудкам, Горера — по национальному характеру. В плане Отдела научного коммунизма ИНИОН исследования ксенофобии XX в. Члены новой секции приглашаются к совместной работе.

В. Г. Садур (Москва, ИНИОН) говорил о сложности взаимодействия секции социологии национально-политических отношений с существующими национальными клубами и с теми национально-культурными организациями, которые могут появиться.

С особым вниманием присутствующие выслушали информацию этнопсихолога из Ташкента В. Ф. Енгальчева (Республиканский пединститут русского языка и литературы), который охарактеризовал общественную организацию — «Инициативную группу за перестройку», созданную в Ташкенте и взявшую на себя роль посредника между органами государственной власти и национальными общественными организациями. Он подробно описал современное положение национальных меньшинств в Узбекистане — армян, корейцев и др. и подчеркнул их стремление к созданию культурных ассоциаций. В. Ф. Енгальчев рассказал о движении крымских татар за возвращение на свою историческую родину и создание там автономии.

Л. Я. Гозман (Факультет психологии МГУ) отметил, что во всем мире национальная политика строится с учетом исследований и рекомендаций психологов. Он перечислил разнообразные темы, входящие в предмет психологии межнациональных, межгрупповых отношений. Это этнические стереотипы, национальное восприятие в конфликтных ситуациях, образ мигранта и эмигранта в обыденном сознании и т. д.

Г. Л. Хитъ (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) предложила содействие антропологов в разработке национальной проблематики — изучении роли межэтнического восприятия антропологических признаков в формировании этнических установок и стереотипов.

В конце заседания его участники получили отпечатанный проект программы ближайших встреч. Состоялись выборы Бюро секции. В него вошли: Е. Г. Андрущенко (ст. научный консультант Президиума Верховного Совета СССР, д. философ. н.), И. А. Гришаев (Ин-т этнографии АН СССР), Г. Ч. Гусейнов (Ин-т мировой литературы, к. филолог. н.), В. Ф. Енгальцев (РПИРЯЛ, Ташкент), И. И. Крупник (Ин-т этнографии АН СССР, к. и. н.), Л. В. Разумова (Ин-т социологии АН СССР), Г. В. Старовойтова (Центр по изучению национальных отношений, к. и. н.), В. А. Чаликова (ИНИОН, к. филолог. н.), Э. А. Чамокова (Фонд культуры, к. филолог. н.), Н. В. Юхнева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинградская часть, д. и. н.). И. И. Крупник и Г. В. Старовойтова были избраны сопредседателями секции «Социология национально-политических отношений».

В итоге обсуждения в программу работы были внесены небольшие изменения и дополнения. Первоочередными присутствующие сочли проблему Нагорного Карабаха, а также анализ зарубежного опыта правового регулирования национальных отношений. Перед участниками развернулась панорама неформальных организаций, как выражающих интересы отдельных этнических групп Советского Союза, так и содействующих установлению более гармоничных отношений между народами нашей страны.

Время покажет, какие виды деятельности возобладает в работе секции — исследовательская, консультативная или информационная. Пока акценты еще не расставлены. От того, какая линия станет основной, зависит и круг постоянных участников будущих заседаний.

Н. Я. Дараган, В. В. Коротева

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. Козлов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ

Основная (теоретическая) часть этой статьи была написана к концу 1987 г., но драматическое развитие национальных отношений между армянами и азербайджанцами из-за самоопределения Нагорного Карабаха, а также расширение движений за большую национальную самостоятельность в республиках Прибалтики вызвали желание доработать ее, сильнее приблизив теорию к практическим задачам решения национального вопроса. Со временем, однако, я понял, что такое благое намерение не может быть полностью реализовано, поскольку национальные отношения продолжают развиваться и видоизменяться, и поспевать за конъюнктурой более приличествует журналистике, нежели науке. Наука должна помогать политике (в данном случае — национальной политике), оставаясь при этом ее мудрой сестрой, а не послушной служанкой, как нередко случалось в прошлом и приносило вред как науке, так и политике.

Завершению моих размышлений отчасти способствовала и публикация статьи С. В. Чешко о национальном вопросе в СССР¹, почти не обремененной цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма и ссылками на современные «авторитеты» в области национальной проблематики. В этой статье есть оригинальные интересные идеи, вместе с тем в ней встречаются и отдельные спорные утверждения, обусловленные односторонним подходом к проблеме; с теми и другими можно соглашаться и спорить относительно свободно, но боюсь, что

многим читателям, привыкшим к солидной аргументации, такой диалог покажется легковесным. Разработка национального вопроса имеет прямые выходы в национальную политику, а всякая политика связана с определенной идеологией. В данном случае приходится считаться с фактом существования огромной литературы по национальному вопросу, методологически основанной (по крайней мере внешне) на идеологии марксизма-ленинизма, с использованием высказываний ее создателей. Можно установить, конечно, что национальная (этническая) терминология, употреблявшаяся классиками марксизма-ленинизма в прошлом, не вполне совпадает с современной и что по этой причине, а также в силу изменения исторической ситуации какие-то их высказывания не вполне приложимы к современности; можно доказать, что тот или иной наш автор приводит некоторые высказывания классиков марксизма-ленинизма некорректно, выпячивая частное и игнорируя концептуальное, но мне представляются в принципе недостаточными попытки создать новые прагматические концепции как бы на чистом месте, исходя из конъюнктуры и того «здравого смысла», который обычно не видит альтернатив. Поэтому в дальнейшем мне придется не раз обращаться и к концептуальным положениям марксизма-ленинизма.

И еще одно предварительное замечание. После возведения статьи И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (в первом разделе которой было дано определение понятия нации) в ранг «крупнейшего», как сказано в его краткой биографии, «выступления большевизма по национальному вопросу на международной арене», появилась установка, а со временем и продолжающаяся до сих пор «традиция» неразрывно соединять теорию нации с теорией национального вопроса. В действительности же — это две связанных, но относительно самостоятельных теории. «Национальный вопрос» вошел в марксистско-ленинскую литературу как вопрос о месте и роли национальных факторов в революционной борьбе трудящихся за социализм и коммунизм и о гармонизации с этой целью национальных отношений. Поэтому теория национального вопроса имела в основном практически-политическую направленность. Основные компоненты этой теории, охватывающие национальные или этнические общности (как их теперь называют) классовых формаций, были разработаны классиками марксизма-ленинизма. Что же касается теории нации как исторической общности людей, то она относится к этносоциологическим теориям, научная разработка которых в СССР развернулась по существу лишь в последние десятилетия².

В работах классиков марксизма-ленинизма имеются высказывания о сущности нации, но они не оставили нам четкого определения нации и нередко употребляли этот термин в расширенном смысле, близком к понятию «народ»; именно такое значение этот термин имеет, например, в известном тезисе о праве наций на самоопределение³.

Относительная самостоятельность теории нации и теории национального вопроса — достаточно очевидна, если учесть, что самое точное определение нации может сочетаться как с более, так и с менее правильными путями решения национального вопроса, в том числе и с националистической политикой, превозносящей одну нацию над другими. Кстати сказать, сталинская концепция нации не нашла заметного применения при решении национального вопроса после 1917 г.; при создании национальной государственности для туркмен или, скажем, бурят никто, кажется, не проверял, отвечают ли они всем четырем обязательным по Сталину признакам нации. А разработка теории нации нашими общественоведами (преимущественно философами), ограничивавшаяся долгое время расширенным комментированием положений Сталина, во многом сводилась к созданию псевдотеории, не имевшей выхода в практику. Что же касается теории национального вопроса, то она почти не разрабатывалась до последнего времени из-за сложившегося убеждения будто бы национальный вопрос в СССР уже давно решен, а какие-то возникающие частные проблемы национальных отношений могут решаться административным путем без применения теории.

Необходимый глубокий анализ национальных проблем заменялся, как отметил М. С. Горбачев, трактатами «заздравного» характера в честь дружбы советских народов⁴; большое внимание в последние два десятилетия уделялось показу растущей крепости «советского народа» как интернациональной общности всех советских народов. Однако жизнь приносила и приносит все новые и новые факты нерешенности национальных проблем как в СССР, так и в других многонациональных социалистических странах, и разработка национального вопроса весьма актуальна.

* * *

Подходя к национальному вопросу исторически, как всегда рекомендовал В. И. Ленин, следует отметить, что он определился в начале XIX в., хотя крупные нации стали формироваться в странах Западной Европы значительно раньше — по Ф. Энгельсу еще в XV в. в ходе возникновения централизованных государств на базе сравнительно однородного в языковом отношении населения⁵. Впрочем, создание таких национальных государств, хотя и присоединяло к признаку общности языка и территории определенную общность хозяйственной жизни, а также расширило употребление объединяющих названий типа «французы» (наряду с еще сохранявшимися региональными — «гасконцы», «пикардийцы» и др.), не означало еще окончательного становления нации. Для этого требовалась «субъективизация» такой общности, развитие ее сознания и самосознания. Этот процесс, обусловленный распространением образования на родном языке (вместо употреблявшейся с этой целью латыни), созданием и развитием национальной литературы, разработкой национальной истории и обращения общественных деятелей к национально-культурным ценностям, потребовал времени и был связан с развитием капитализма. В своей завершающей стадии он особенно ярко проявился во Франции в годы буржуазной революции конца XVIII в., когда термин «нация» стал означать государство и народ как политическую цельность и противопоставлялся понятию «король», прежде олицетворявшему государство, а теперь ставшему лишь «слугой нации». Собрание представителей сословий — Генеральные штаты — превратилось в Национальное собрание, и в битве при Вальми новая революционная армия впервые пошла в атаку с возгласами «Да здравствует нация!». Деятели Французской революции, кстати сказать, был пущен в оборот термин «национализм» для обозначения преданности своей нации без того отрицательного смысла, который мы теперь в него вкладываем. Был сформулирован «принцип национальности», который собственно и лег в основу первой трактовки национального вопроса; согласно ему каждый народ суверенен и имеет право на образование своего национального государства⁶. Идеи Французской революции, как известно, оказали сильное влияние на последующее общественно-политическое развитие других стран; в частности, они, наряду с другими факторами, явно способствовали политическому объединению Италии и Германии, а также развитию национальных движений в тех полиэтнических государствах, где социально-экономическое и культурное развитие этносов ставило на повестку дня достижение ими национальной государственности. Ведущую роль в этих движениях играли национальная буржуазия и интеллигенция.

Творцы научного коммунизма — К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли основное внимание социально-политической ситуации в экономически развитых странах Европы, где обострение противоречий капиталистического способа производства и обострение классовой борьбы должно было, по их мнению, уже в ближайшем будущем создать условия для успешной пролетарской революции и перехода к строительству коммунизма. Но как раз в этих, этнически более или менее однородных странах национальный вопрос уже был в значительной степени решен буржуазно-демократическим путем или, во всяком случае, отступал на задний план перед классовым. Правда, при анализе взаимоотношений англичан

с ирландцами, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули тезис, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, — и придал ирландскому вопросу относительно самостоятельное значение, однако в большинстве других случаев национальный вопрос в их работах подчинялся общему вопросу борьбы за диктатуру пролетариата. Уничтожение эксплуатации человека человеком в сфере производства должно было, по их мнению, привести к ликвидации имеющегося национального неравноправия. Считалось, что в условиях капиталистической эксплуатации рабочие различной национальной принадлежности «не имеют отечества» и должны создавать интернациональные союзы для борьбы против международных союзов капиталистов.

Ситуация в многонациональной России начала XX в. требовала дальнейшей разработки национального вопроса. В. И. Ленин развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической тенденции и экономической основе образования национальных государств. «Во всем мире, — писал он, — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»⁷. Вместе с тем В. И. Ленин отметил, что такая тенденция, связанная с опорой поднимающейся буржуазии на свой национальный рынок, охраняемый государством, исторически ограничена начальным этапом капитализма. Он указывал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁸.

Каждая из определенных В. И. Лениным тенденций в национальном вопросе предполагала свой путь его решения: первая — соблюдение «принципа национальности», создание условий для формирования национальной государственности; вторая — создание условий для межнациональной интеграции, для сближения и слияния наций. Первый путь, как ясно из изложенного выше, объективно создавал условия для раннекапиталистического развития, а обеспечение этого пути являлось задачей буржуазно-демократической революции. В многонациональной Российской империи, названной В. И. Лениным «тюрьмой народов», приближение такой революции ощущалось еще в конце XIX в. Поэтому РСДРП, стремившаяся к объединению трудящихся всех национальностей в борьбе за пролетарскую революцию, включила в свою Программу (1903 г.), наряду с тезисом о всеобщем избирательном праве, о свободе слова и другими требованиями буржуазно-демократических свобод, и тезис о праве наций на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. В. И. Ленин специально отметил, что национальная программа марксистов (в данном случае — РСДРП) «...относится к буржуазно-демократическим национальным движениям»⁹.

Включение в Программу РСДРП тезиса о праве наций на самоопределение вызвало некоторые возражения. Полемизируя в связи с этим с Розой Люксембург, В. И. Ленин в специальной статье «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), сравнив это право с демократическим правом на развод, указал, что его непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения

той или иной национальности. Крупное государство, как считал В. И. Ленин, во многих отношениях гораздо предпочтительнее нескольких мелких: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»¹⁰.

Гибкость позиции В. И. Ленина, который, отстаивая право наций (народов) на самоопределение, вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства, отнюдь не ратовал за практическое осуществление этого права, вполне понятна, ибо речь шла о России, где, как и в других многонациональных государствах, по В. И. Ленину, нации «...связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»¹¹. Нетрудно понять, что В. И. Ленин в то время был в принципе сторонником решения национального вопроса с учетом его второй тенденции, характерной для развитого капитализма, «идущего к всеем превращению в социалистическое общество». Развитие российской экономики, — считал он, — неизбежно сплывает живущие в одном государстве национальности, ломает «застарелые» национальные перегородки, приводит к территориальному смешению национальностей в городах и промышленных районах, все более отодвигая национальный вопрос на задний план: «В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»¹². Всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, — подчеркивал В. И. Ленин, — с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм¹³.

Следует особо отметить мысли В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции сближения и слияния наций. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями...»¹⁴. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»¹⁵. Сказанное, вероятно, не следует истолковывать в смысле полной нивелировки при социализме прежних этнических (языково-культурных) различий; из-за неоднородных природных и других условий жизни людей региональные культурные различия будут существовать всегда; В. И. Ленин считал, что падение всех и всяких национальных перегородок не уменьшит, а в «миллионы раз» увеличит «дифференцирование человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни...»¹⁶. Но это означало, что уже в ходе развития социализма национальный вопрос, как таковой, может быть решен полностью на определенном этапе слияния наций и снят с повестки дня.

Развитие второй — интегрирующей — тенденции в национальном вопросе В. И. Ленин, как уже отмечалось выше, считал исторически закономерным явлением. О том, каким образом пролетарская партия может содействовать прогрессу в этом отношении, В. И. Ленин говорил мало, ограничиваясь заявлениями о необходимости достижения равноправия наций (народов), о том, что пролетариат должен поддерживать «все, помогающее стиранию национальных различий, ... все, ведущее к слиянию наций»¹⁷, и т. п. Тем не менее, его дореволюционные высказывания по данному вопросу складываются в цельную логическую концепцию, четко отражающую исторические закономерности развития национальных и шире — этнических явлений. Однако в нашей литературе по национальной тематике эта ленинская концепция по существу игнорировалась.

Основной причиной этого, видимо, было то обстоятельство, что практика решения национального вопроса пошла в русле первой — разделяющей — тенденции путем претворения в жизнь тезиса о праве наций на самоопределение, вошедшего в принятую почти сразу же после Великой Октябрьской революции 1917 г. «Декларацию прав народов России».

Переход от идеи борьбы против всего, что мешало сближению и слиянию наций к практике разделения наций по «своим» союзным и автономным республикам, от негативного отношения к федеративной форме государства к более свободной союзной форме требует своего объяснения, могущего составить предмет особой статьи. Насколько можно понять (прямых разъяснений на этот счет у В. И. Ленина нет), практическое решение большевиками национального вопроса в русле его первой тенденции было во многом обусловлено незавершенностью буржуазно-демократических преобразований в России после свержения царизма. Временное правительство декларировало национальное равноправие, признало независимость Польши, занятой в то время германскими войсками, а позже декретировало автономию украинской Центральной Рады, но этим по существу и ограничилось. Между тем, общий дух либерализации, распространившийся по многим национальным областям, при некотором ослаблении центральной власти, способствовал возникновению различных национальных организаций и движений как с общекультурной, так и с политической направленностью, причем не только автономного, но и сепаратистского типа; ведущую роль в них обычно играли буржуазные (преимущественно мелкобуржуазные) слои и национальная интеллигенция.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что национально-государственное строительство в Советской России развернулось в тяжелые годы гражданской войны. В некоторых частях страны, где находились германские войска (например, в Прибалтике), или откуда были выведены демобилизованные части российской армии (например, в Закавказье), усилились национально-сепаратистские тенденции. Осуществление Советским правительством права народов на самоопределение (в то время как почти все контрреволюционные силы ратовали за «единую и неделимую» Россию) позволяло нейтрализовать или привлечь на свою сторону многие национальные группы. В ходе разгрома основных контрреволюционных сил или сразу же после этого осуществлялась задача утверждения в национальных областях Советской власти и усиление в них влияния интернационалистической партии большевиков при сохранении возникших национальных автономий.

Вероятно, были и какие-то другие причины решения национального вопроса в русле его исторически первой тенденции, но так или иначе национальное строительство после 1917 г. быстро развивалось. В первом советском правительстве был организован специальный Комиссариат по делам национальностей во главе с И. В. Сталиным, курировавший это строительство. Возможно, что среди некоторых народов, почти не имевших своей национальной буржуазии, интеллигенции и отрядов рабочего класса, тенденция к созданию собственной государственности побуждалась директивами Наркомнаца. Национально-территориальное размежевание во многих случаях осуществлялось не по принципу преобладания той или иной национальности, а с учетом экономических и других факторов; достаточно показательна в этом отношении история создания автономии для башкир вначале в виде «Малой Башкирии», а затем в более широких границах с присоединением районов, большинство жителей которых составляли русские. Для национальных групп, оказавшихся вне своих автономий, создавались национальные районы и сельсоветы. Окончательная форма Советского многонационального государства вызвала, как известно, споры, в которых Сталин и его сторонники выступали за федерацию, а В. И. Ленин, поддержанный большинством членов ЦК и ВЦИК, — за союз национальных республик.

В день открытия I Общесоюзного съезда Советов, провозгласившего создание Союза Советских Социалистических Республик (30.XII.1922 г.), В. И. Ле-

нин, возмущенный грубым поступком Орджоникидзе в Грузии, диктует письмо-статью «К вопросу о национальностях или об «автономизации» — по существу единственное специальное выступление его по национальному вопросу после 1917 г. Основная идея этого небольшого произведения сводится к необходимости борьбы против рецидивов великорусского шовинизма (в том числе и в области языковой политики), за подлинное равенство наций; при этом «... не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных (очевидно, республиканских — В. К.) наркоматов»¹⁸. Но этот тезис отражал возможность, а не необходимость такой меры, и до реализации его в то время дело, как известно, не дошло.

Создание для крупных народов страны национальных республик союзного и автономного типов (различие между теми и другими было закреплено конституционно) расценивается почти всеми нашими авторами как стержень ленинской (ранее она называлась «ленинско-сталинской») национальной политики, способствовавшей прогрессу народов, ранее отстававших в своем социально-экономическом и культурном развитии. В действительности национальная государственность как таковая способствовала главным образом модернизации социальной структуры соответствующих народов и развитию национальной сферы в ее языково-культурной форме: сюда относится коренизация управленческого аппарата, т. е. создание национальных административно-бюрократических кадров, расширение функций национальных языков, развитие национальной литературы и искусства, формирование и умножение новой национальной интеллигенции и национальных отрядов рабочего класса и т. д. Что же касается экономического развития, то оно имело больше общегосударственный и интернациональный, нежели национальный характер. Экономические связи не совпадали с этническими, на фабриках и заводах трудились бок о бок рабочие и служащие различных национальностей; дотации из союзного бюджета обычно нацеливались на объекты общегосударственного значения, будь то Донбасс в Украинской ССР или Магнитогорск в Челябинской области РСФСР, а не на поощрение экономического развития отдельных национальностей; одним из немногих исключений были малочисленные народности Севера, имевшие преимущество по налогодобложению, по видам занятий и т. п.

Уместно заметить также, что национальная политика (как в сущности и любая другая) во многом диалектична: наряду с позитивными результатами той или иной политики, в ходе ее осуществления почти неизбежно возникают какие-то негативные явления. Для уменьшения или устранения последних требуется какая-то новая политика, которая, в свою очередь, может дать и негативные результаты, и т. д. В связи с этим еще раз напомним, что создание национальных республик означало лишь реализацию тенденции в национальном вопросе, характерной по В. И. Ленину для стадии развивающегося капитализма. История дает много примеров того, как в ходе реализации такой тенденции буржуазия в конкурентной борьбе старается опереться на свою национальность (распространяются, например, призывы покупать только у своих торговцев и т. п.). Национальные призывы воспринимаются и умножаются значительной частью национальной интеллигенции, особенно ее гуманитарными слоями, тесно связанными с национальным языком, историей, литературой и искусством, и также использующими эту связь в конкурентной борьбе с инациональной интеллигенцией, могущей проникнуть на ее территорию. Действия этих двух высших групп капиталистического общества зачастую встречают поддержку снизу, со стороны трудящихся масс, которым по мере демократизации жизни становятся отнюдь не безразличны судьбы национального отечества. Социализация людей с раннего детства происходит обычно в определенной этнокультурной среде, что приводит к естественному этноцентризму, т. е. к оценке всего

иностреческого через призму приобретенных этнокультурных ценностей и установок. Под действием направленной пропаганды через систему образования, средств массовой информации, литературу и искусство такой этноцентризм может превратиться в буржуазный национализм, возвышающий свою нацию над всеми другими, призывающий к прекращению классовой борьбы во имя достижения «общенациональных» целей и противостоящий по своей сущности пролетарскому интернационализму.

Сформировавшись и окрепнув на стадии раннего капитализма, национально ориентированная парадигма продолжает бытовать и на стадии развитого капитализма, «ломающего национальные рамки»; сохраняются и возможности использования ее в националистических целях. Последнее было убедительно продемонстрировано гитлеровским «национал-социализмом», сумевшим за сравнительно короткий срок превратить большинство жителей Германии, еще недавно в значительной степени воспринявших, казалось, интернационалистические идеи коммунистической и социал-демократической партий, в базу оголенного воинства, стремившегося во имя господства германской нации поработить или истребить другие народы.

Существование в Советском Союзе установок на развитие принципов интернационализма (что сочеталось с деятельностью III Интернационала) препятствовало, конечно, проявлению негативных потенций национальной государственности в их открытой форме. Приходится, однако, признать, что такие потенции появлялись и продолжали существовать в скрытой форме выражаясь в признании некоторых преимуществ, которые имеет та или иная национальность на территории «своей» республики. Предсказанный В. И. Лениным процесс сближения и слияния наций при социализме, после разделения наций по их республикам, естественно, осложнился и замедлился; он требовал для своего развития каких-то специальных мероприятий в области национальной политики, которые, так или иначе, были связаны с ослаблением национальной государственности, а это вызывало возражения.

Расхождения между концепцией В. И. Ленина о полном решении при социализме национального вопроса в духе его второй — интеграционной или интернациональной — тенденции и фактическим развитием национальной ситуации в стране в духе первой — национально раздельной — тенденции, поддержанной им самим же, но не получившей в послереволюционные годы должной теоретико-концептуальной разработки, не дают возможности адекватно оценить решение национального вопроса в сталинский период. Есть основания считать, что Сталин стремился к созданию мощного централизованного государства, способного противостоять капиталистическому окружению. Он жестоко расправлялся с реальными и кажущимися проявлениями национализма, ограничил prerogative союзных республик, сведя их в ряде случаев к полномочиям автономных республик. Получившее в то время распространение определение, по которому сущность национальной культуры сводилась к ее «форме» при общем, якобы, ее «социалистическом содержании», было также направлено на умаление роли национального в жизни людей. Прекратили свое существование национальные районы и сельсоветы. Вместе с тем, проводились и мероприятия противоположного характера. В резолюции XIII съезда ВКП(б) по национальному вопросу на первый план была выдвинута задача борьбы с «пережитками великорусского шовинизма»¹⁹, что наряду с позитивным действием, из-за игнорирования опасности местного национализма объективно способствовало и ослаблению цементирующей роли русских, живущих в различных национальных республиках. При Сталине закрепились практика предоставления нерусским национальностям льгот для получения высшего образования в местных и центральных учебных заведениях, при занятии престижных и хорошо оплачиваемых должностей в соответствующих национальных республиках и т. д., что не вполне соответствовало принципам национального равноправия. Важным средством осуществления национальных

привилегий стала введенная в начале 1930-х гг. система паспортов с отметкой о национальности, а также графа о национальности в различных служебных анкетах («пятый пункт»).

Принято считать, что проводившаяся в то время национальная политика выдержала испытания в суровые годы Великой Отечественной войны. Действительно, люди различной национальности в чрезвычайных обстоятельствах общей смертельной опасности дали многочисленные примеры интернационализма и советского патриотизма. Наряду с этим, в предвоенные и послевоенные годы значение фактора национальной принадлежности в ряде случаев усилилось; по этому признаку, как известно, проводились по существу поголовные репрессии против немецких граждан страны и против народов, обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами. В послевоенные годы сталинская кампания против «безродных космополитов», а также акции против еврейского населения (трагическое развитие которых было прервано лишь смертью Сталина), несомненно, способствовали развитию национальных, а возможно и националистических, чувств.

В послесталинский период и особенно в годы «застоя» развитие национальных отношений также шло неоднозначно. С одной стороны, развитие экономики вело к расширению межнациональных контактов. Продолжались массовые межрегиональные миграции, главным образом из РСФСР в южные, отстававшие в своем экономическом развитии республики, для работы на создаваемых там промышленных предприятиях, в районах разработки полезных ископаемых или освоения новых земель и т. п. Это приводило к территориальному смешению национальностей, к национально-смешанным бракам и другим проявлениям межнациональной интеграции. По материалам проведенных в 1970-х гг. этносоциологических обследований получалось, что большинство молдаван, грузин, узбеков и эстонцев относятся безразлично к национальной принадлежности брачного партнера, к национальному составу своего производственного коллектива, положительно относятся к работе в многонациональном коллективе и т. п.²⁰ Распространилась, как уже отмечалось выше, официальная концепция о сложении в СССР новой интернациональной общности людей — «советского народа».

С другой стороны, стали умножаться неофициальные, так сказать, свидетельства дальнейшего развития «национального», особенно в его национально-республиканской форме с некоторым ущербом для развития интернационального, общесоветского. Восторжествовала парадигма, по которой дальнейший прогресс советского общества мыслился только в такой национальной форме. Ленинский тезис о возможности сближения и слияния наций при социализме был как бы «забыт» и заменен тезисом о «расцвете и сближении» советских наций, понимаемом как усиление дружбы между равноправными нациями, укрепляющими свою языково-культурную и другую специфику. Для подкрепления равноправия наций был взят курс на их выравнивание в социально-классовом отношении, не учитывавший традиционных особенностей хозяйственного развития в различных природных условиях и отчасти сводившийся к переводу колхозов, совхозов с довольно искусственным повышением за счет этого доли «рабочих» и «служащих» в структуре соответствующих наций. Сохранились привилегии для поступления нерусских национальностей в центральные высшие учебные заведения и в аспирантуру, а для окончивших их — привилегии по служебному продвижению в «своей» национальной республике. В начале 1970-х гг. было принято более четкое постановление, согласно которому при получении паспорта юношами и девушками выбор национальности проводится фактически по генетическому принципу — по национальности родителей (или одного из них), а не по самосознанию. Таким образом, в то время как социально-классовая стратификация становилась все более гибкой и подвижной, национальная стратификация граждан СССР стала более жесткой, сильнее формализуя и некоторые национальные привилегии.

Усиление упора на «национальное» было во многом вызвано усилением деятельности умножившейся национальной «обществоведческой» интеллигенции, в том числе ее высших «научных» (часто, к сожалению, полунучных) кадров, укрепившихся в республиканских академиях наук и высших учебных заведениях. Интересы многих из них были ограничены рамками своей республики и своего народа, ссылками на принадлежность к которому они отесняли инонациональных конкурентов; в их книгах обычно восхвалялась история и различные исторические деятели своего народа, удревялось его происхождение и т. п. В аналогичном направлении действовали национальные работники в области искусства и писатели, особо подчеркивавшие непреходящее значение национального языка и культуры; в республиках Закавказья национальные языки получили статус «государственных». Различная трактовка исторических событий нередко приводила к конфликтам между учеными соседних республик: чуваша спорили с татарами из-за «булгарского наследия», армяне — с азербайджанцами из-за этнического облика древней Кавказской Албании и т. д. Проникая в массы через школьные учебники и средства массовой информации, произведения литературы и искусства, национальные идеи в сочетании с естественным этноцентризмом, могли приобретать и нередко приобретали националистические оттенки возвышения своей нации над другими.

Следует особо отметить, что в период «застоя» руководители некоторых союзных республик (особенно в Средней Азии), заручившись тем или иным способом (путем дутых обязательств, лести, ценных подарков и т. п.) покровительством Центра, старались превратить свои республики в некие княжества, состоящие из вассальных областей или районов с местными полуфеодалами. Развивавшаяся на этой основе система иерархической круговой поруки коррумпированных государственных и партийных чиновников имела, как правило, национальный облик и также способствовала росту местного национализма отчетливо проявившегося, например, в Алма-Ате после смены первого секретаря ЦК компартии республики. Подкрепляющие его рассуждения сводились к тому, что наша, дескать, энская республика законно принадлежит нам, людям энской национальности, на ее территории мы имеем преимущества перед другими живущими здесь национальностями, а если им это не нравится, то они могут переселиться на территорию «своих» республик и пользоваться там законными правами «хозяев». Языково-культурные и другие права национальных меньшинств фактически не соблюдались. Упраздненные многочисленные национальные районы и сельсоветы не были восстановлены; через систему образования сильнее внедрялся язык «коренных» наций. Некоторые сравнительно небольшие этнические группы (например, талыши и таты в Азербайджане) подвергались искусственной ассимиляции: их просто причисляли к преобладающей нации. Оказавшись в неравноправной ситуации, будучи отесненными о престижных или доходных занятий, «некоренные» национальности, в том числе русские, были вынуждены мигрировать из некоторых инонациональных республик обратно в РСФСР.

Закономерный для такой ситуации рост национального (а не интернационального) сознания, национальных (а не интернациональных) чувств в той или иной степени прикрывался показным интернационализмом, а иногда и фальсифицированными данными; в Узбекистане, например, перепись населения 1979 г. была проведена таким образом, что по проценту лиц, свободно владеющих русским языком, как основным языком межнационального общения, узбеки сравнивались с украинцами, что явно не соответствовало действительности. В обществоведческой литературе четкие ленинские идеи о прогрессивности расширения интернационального за счет национального стали заменяться туманными рассуждениями о некоем «единстве» интернационального и национального, о том, что интернациональное, якобы, входит в национальное, причем роль последнего постепенно возрастает. Так, известный философ М. И. Куличенко писал: «Жизнь убедительно опровергла мнение, получившее распростра-

нение среди части исследователей, о том, что интернациональное будет утверждаться путем умаления роли и значения национального. Диалектика жизни состоит как раз в противоположном...»²¹. Термин «диалектика жизни» здесь употреблен явно не к месту, а если в жизни советского общества действительно шло усиление национального, а не интернационального, как ожидал В. И. Ленин, то не следовало бы подкреплять это ссылками на марксизм-ленинизм. Конечно, национальные чувства в принципе более естественны, они опираются на естественный этноцентризм, на особенности языково-культурной апперцепции в ходе социализации каждого нового поколения, но потакать им довольно опасно. По данным упомянутых выше этносоциологических обследований, интернационалистические установки у национальной молодежи оказались менее выраженными, чем у старшего поколения. И для того, кто хоть раз видел, например, кипящие национальные страсти на бакинском стадионе во время футбольного матча между азербайджанской командой «Нефти» и армянской командой «Арарат», даже кровавые события в Сумгаите были, вероятно, не столь уж «неожиданными».

Провозглашенное Конституцией СССР равноправие перед Законом всех гражданам, независимо от «расовой и национальной принадлежности» и «языка», и наказуемость за предоставление «прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам» (ст. 34 и 36) до сих пор не вполне реализованы. Многие аспекты фактического неравноправия или, точнее, неравных возможностей различных национальностей страны обусловлены неравным статусом и прерогативами союзных и автономных республик, автономных областей и обычных областей, что отражается в неравных материальных и духовных благах, приходящихся на душу населения. Эстонцы могут гордиться, например, своим сравнительно высоким социально-экономическим и культурным развитием, а также уровнем благосостояния перед русскими трудящимися соседней Псковской области, но полагаю, что это в значительной степени объясняется не особыми талантами эстонцев, а просто тем, что при примерно равной численности с эстонцами псковичи не имеют союзно-республиканских прав большей автономии, не имеют своего ЦК, Совета Министров, Академии наук и прочих учреждений с престижными и хорошо оплачиваемыми должностями и т. п. Впрочем, и сами народы союзных республик были и остаются неравными как по численности, так и по природным условиям обитания, особенно отражающимися в специфике сельского хозяйства, а также по специфике историко-культурного развития и этническим традициям.

К сказанному необходимо добавить, что национальная (языково-культурная, политико-правовая и социально-экономическая) проблематика сочетается с возникшими в СССР демографическими проблемами и усложняется ими. В послевоенные десятилетия в стране отчетливо выделились национальности с сильно снизившейся рождаемостью и низким естественным приростом (русские и большинство народов Европейской части страны), что привело к прекращению роста трудовых ресурсов и поставило некоторые области на грань депопуляции, и национальности с сохранившейся высокой рождаемостью и очень высоким естественным приростом (коренные народы Средней Азии, многие народы северо-восточного Кавказа и др.), что привело к явлениям трудонизбыточности в соответствующих республиках, тормозит их социально-экономическое и культурное развитие и повышение уровня благосостояния²². Особенно сложные демографо-экономические и социально-культурные проблемы вызваны продолжающимся ростом и переуплотнением сельского населения, численность которого только в Узбекской ССР с 1959 по 1988 г. при слабом приросте посевных площадей и внедрении механизации возросла более чем вдвое (с 5,4 до 11,5 млн. чел.). По ряду причин, в частности из-за сопротивления республиканских властей и местных «ученых», считающих многодетность незыблемой «национальной» традицией, эффективные меры

демографической политики до сих пор не выработаны, рождаемость снижается очень медленно; в силу большой демографической инерции чрезмерно быстрый рост населения будет продолжаться в таких республиках еще по крайней мере несколько десятилетий, что обострит прежние и может вызвать новые проблемы общесоюзного значения. Пропорции национальной структуры в этих республиках и по стране в целом существенно изменятся; достаточно сказать, что численность узбеков уже в первые десятилетия XXI в. превзойдет число украинцев и они станут вторым, после русских, крупнейшим народом страны. Консервативность быта в таких республиках (особенно у сельских жителей) поддерживается сохранившимися установками ислама (также выдаваемыми за «национальные» традиции) и плохим знанием русского языка, объективная потребность изучения которого в связи с развитием национальной инфраструктуры и сокращением инонациональных групп — уменьшилась.

* * *

В настоящее время вырисовываются два основных альтернативных и во многом противоположных пути решения национального вопроса и дальнейшего национально-политического развития страны. Концепция первого из них может быть названа национально-разделительной; она основана на факте национально-государственного устройства страны и на парадигме примата национального в развитии общества, логически продолжает тенденции послевоенных десятилетий и сводится к возможно более автономному развитию («расцвету») наций в пределах своих суверенных национальных республик. В последнее время эта концепция, представляющаяся многим отнюдь не «альтернативной», но единственно возможной, подкрепляется ссылками на вскрытую неспособность центральных органов страны эффективно руководить местной экономикой. В связи с этим выдвигаются предложения о введении республиканской хозяйственной автономии, когда связь с центром сводится к выплате в общегосударственный бюджет определенного «налога», а экономические связи с другими республиками (как и с зарубежными странами) строятся на договорной основе; выдвигаются предложения о введении своей валюты и каких-то таможенных барьеров. Особенно активны в этом направлении сейчас организации Народного фронта в республиках Прибалтики, которых, видимо, привлекает пример успешного самостоятельного развития Финляндии; но такой путь может показаться заманчивым и для национальных деятелей других республик.

Не берусь основательно судить об экономических выгодах такого пути развития, но отмечу, что он сочетается с предполагаемым усилением заботы республиканских органов об укреплении и развитии национального языка и культуры, очевидно, путем сокращения русского языка, как основного языка межнационального общения, и общесоветской интернациональной культуры. Весьма характерно в связи с этим высказывание эстонского литератора Мати Хинта, который утверждает, что изучение русского языка нерусскими детьми замедляет, якобы, их интеллектуальное развитие, «... порой возникает опасность речевых расстройств и так далее» и что «внедрение концепции так называемой интернационализации оказывает неблагоприятное влияние на национальные культуры, на культурный облик Советского Союза как целого» (!?)²³. Проведенные в республиках Прибалтики по инициативе организаций Народного фронта законы об утверждении национальных языков в статусе «государственных», дополняются требованиями об ограничении притока инонациональных групп, об урезывании социальных прав таких мигрантов путем введения республиканского гражданства, о поощрении реэмиграции инонациональных жителей и т. д. Наиболее радикальными, но в общем достаточно логичными представляются призывы к формированию национальных воинских частей и установлению самостоятельных дипломатических и экономических отношений

с другими странами, праву переутверждения законов СССР и т. д., что фактически ведет к дальнейшей дезинтеграции Советского Союза.

Встречающиеся при этом ссылки на письмо-статью В. И. Ленина об «автономизации» некорректны, так как он даже в то время, говоря о *возможности* большей суверенности республик, отнюдь не имел в виду *необходимость*, да еще столь радикальных мероприятий. Следует учесть также, что такой «маневр» в конечном счете не отвечал его основной концепции о сближении и слиянии наций при социализме. Правда, история последних десятилетий принесла много случаев этнических конфликтов в развитых капиталистических странах, но установленные В. И. Лениным закономерности интеграционного развития продолжают действовать. Это хорошо видно на примере стран Европейского Экономического Сообщества, ликвидировавших все таможенные барьеры, допустивших свободную миграцию рабочей силы и реальнодвигающихся к намеченной государственно-политической интеграции. На фоне этого, тенденция некоторых наших социалистических республик к обособленному развитию выглядит каким-то странным анахронизмом, а не прогрессом.

Признаюсь, что мне по-человечески близки многие чувства и стремления латышей, литовцев, эстонцев, а также армян и других национальностей страны. Но с гражданской точки зрения, я не вижу особой необходимости именно сейчас, в период борьбы за реальный социализм выдвигать на передний план не столько перестройку социально-экономической и административно-правовой системы, сколько узконациональные (прежде всего языково-культурные) интересы. Важных и трудных проблем у нас и без того больше, чем хотелось бы. Да простят меня армянские коллеги, выступающие за самоопределение армян Нагорного Карабаха, но, например, судьба каракалпаков, жизнеобеспечение которых оказалось под угрозой экологической катастрофы в Приаралье, волнует меня не меньше, чем это самоопределение. Кроме того, у меня есть и азербайджанские коллеги, от которых я узнал о чувствах их соплеменников и о непримиримости их позиции в вопросе о статусе Нагорного Карабаха. Отделить «национальное» от «националистического» в таких спорах труднее, чем «объективное» от «объективистского», но ясно, что «национальные джины» здесь уже вышли, так сказать, на свободу, поэтому включение Карабаха в состав Армении привело бы не к росту интернационализма, а к необходимости ввести дополнительные (к сожалению, преимущественно русские) воинские части вместо Еревана — в Баку и другие города Азербайджана. Чувство этнической солидарности есть не только у армян. Пусть не обижаются на меня прибалтийские коллеги, выступающие за обособление «своих» республик, но меня беспокоит будущее положение в их республиках инонациональных групп, представленных главным образом русскими, среди которых уже сейчас проявилась оппозиция к деятельности Народных фронтов. Есть опасность, что и там возникнут серьезные национальные конфликты.

Некоторые негативные явления, возникающие при логическом развитии событий по пути национального (национально-республиканского) разделения можно смягчить, например, введением национальных районов, но при существовании административной иерархии их нельзя устранить полностью, а потому кардинального решения национального вопроса на этом пути не предвидится. Подлинную демократизацию здесь обеспечить трудно, так как стремление к расцвету своей нации в пределах своей республики логически связано с понижением статуса инонациональных групп.

В околоисторических публикациях периода гласности неоднократно поднимался вопрос об альтернативах развития нашей страны после смерти В. И. Ленина. К сожалению, большинство таких рассуждений не служит целям определения возможных альтернатив нашего развития в будущем, а именно этого, по моему мнению, требуют задачи перестройки. Сказанное целиком относится и к альтернативам решения национального вопроса, об одной из которых — «национально-разделительной», судя по всему, наиболее вероят-

ной — речь шла выше, а к другой — «национально-интеграционной» следует, как мне представляется, перейти.

Концепция национально-интеграционного пути развития основана на парадигме примата «интернационального» и логически продолжает идеи В. И. Ленина, связанные с преимуществами большого централизованного государства и с возможностью развития процесса сближения и слияния наций. Такая альтернатива явно пугает многих наших авторов, в том числе и С. В. Чешко, который осуждает «интернационалистский детерминизм», называет практическое осуществление идей В. И. Ленина «неосторожным», предостерегает против «абсолютного интернационализма», ведущего к «безэтничности» и т. п. Не знаю, что будет через несколько столетий, но в обозримом будущем «безэтничности» бояться, очевидно, не следует. Что же касается закономерно развивающихся процессов интернационализации, то они по своей сущности прогрессивны. В данном же случае речь идет о том, чтобы уже сложившуюся тенденцию к достижению большей самостоятельности наций за счет расширения функций их республиканской государственности постепенно заменить тенденцией достижения большего равноправия граждан всех национальностей, где бы они ни проживали, т. е. к достижению демократических прав на личностном уровне и к уменьшению возможности использования государственно-республиканских органов для удержания привилегий «коренной» нации.

Мероприятия по практическому осуществлению этой концепции включают решение кадровых вопросов с учетом прежде всего деловых качеств, а не национальной принадлежности, для чего следует изъять отметку о национальности из паспортов и служебных анкет, расширив в последних учет владения языками и сохранив, разумеется, учет национальной принадлежности в переписях населения. Важные стороны национальной политики должны, очевидно, быть отнесены к общегосударственной сфере. Это касается и языковой политики. Централизованное государство в принципе обязано поддерживать распространение основного языка межнационального общения, каковым в СССР является русский, отвергая упреки «националов» в каком-то «шовинизме»; выбор языка школьного образования должен определяться не указаниями республиканских органов, опирающихся на статус «государственного» языка, а демократическим волеизъявлением жителей соответствующих школьных округов; известно, что в Швеции, например, даже отдельная иммигрантская семья имеет право, чтобы ее детей учили на том языке, который они выбирают. В Советском Союзе можно было бы централизованно поддерживать также распространение общесоветской интернациональной культуры; развитие национальной (в том числе, разумеется, и русской) культуры целесообразно, видимо, лишить республиканской поддержки и передать в ведение культурных общин, свободно формирующихся и вступающих в различные ассоциации безотносительно к существующим республиканским границам. Наука по своей природе интернациональна, поэтому нынешнее преобладание у республиканских обществоведов национальной тематики, явно сковывающее ее развитие, должно быть устранено. В экономической области принципу демократического равноправия больше отвечает не хозрасчет национальных республик, а хозрасчет промышленных и сельскохозяйственных коллективов, где национальная принадлежность трудящихся не столь значима. Совершенно ясно, что человек имеет право селиться где угодно и потому всякое ограничение этого права (например, путем введения республиканского гражданства) — недемократично. Что же касается упомянутых выше этнодемографических проблем, то их можно успешнее решить на пути интеграционного, а не разделительного развития.

В целом интеграционный путь развития страны — более сложен, труден и длителен, но он представляется мне более перспективным для развития советского общества. Попытки игнорировать возможность его осуществления и представить национально разделительный путь как единственно возможный — несостоятельны; необходимость его со временем станет более очевидной.

Возможно и заимствование некоторых элементов интеграционного пути для «улучшения» национально-разделительного пути, хотя из-за их противоречивой сущности это может дать лишь временный успех. Сторонники национально-разделительной концепции развития советского общества нередко аргументируют ее тем, что человек, который не любит свой народ, не может любить и другие народы. В чем-то это верно, хотя националисты сильнее других любят свой народ, а от них трудно ждать «любви» к другим народам. Для меня же интернационалист — это не столько тот, кто любит другие народы «наравне» со своим, сколько тот, кто любит других людей вне зависимости от их национальной принадлежности.

Кроме общего национального вопроса в СССР имеются более или менее частные национальные вопросы широкого типа (русский и еврейский) и локального (армяно-азербайджанский, узбекско-таджикский и др.), заслуживающие специального анализа. Однако решение их будет во многом определяться выбором того или иного пути решения общего национального вопроса для будущего развития страны.

Примечания.

¹ Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы // Сов. этнография. 1988. № 4.

² См. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

³ См. Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства. М., 1960. С. 71 сл.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 40.

⁵ Это показано главным образом в статье «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21).

⁶ См. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М., 1941. С. 537—538.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

⁸ Там же. Т. 24. С. 124.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 268.

¹⁰ Там же. Т. 34. С. 379.

¹¹ Там же. Т. 24. С. 175.

¹² Там же. Т. 24. С. 134.

¹³ Там же. Т. 24. С. 126.

¹⁴ Там же. Т. 30. С. 36.

¹⁵ Там же. Т. 27. С. 256.

¹⁶ Там же. Т. 26. С. 281.

¹⁷ Там же. Т. 24. С. 133.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361—362.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 52.

²⁰ См. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического обследования). М., 1986. С. 359 сл.

²¹ Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981. С. 41.

²² Подробнее см. Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982.

²³ Хинт Мати. Двуязычие и интернационализм // Дружба народов. 1988. № 5.

В. А. Тишков

О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Сложившаяся в стране острая и во многом кризисная ситуация в сфере межнациональных отношений, грозящая самому существованию Советского многонационального государства, а не только ходу перестройки, требует осуществления глубоких реформ. Эти реформы должны быть основаны на действительно новых подходах, которые учитывали бы как специфический опыт со-

ветской действительности, так и некоторые закономерности глобального характера, свойственные современному миру, общие тенденции, действующие в общественной жизни многонациональных государств в конце XX века. Эти реформы должны преследовать не только задачи устранения деформаций и накопившихся кризисных проблем, но и главные наши цели — строительство справедливого, демократического гражданского общества. Для этого необходимо изменить политику в сфере межнациональных отношений, которая в настоящем ее виде, включая концептуально-теоретический багаж и государственно-правовую практику, устарела, во многом просто неверна и превратилась в тормоз дальнейшего развития советского общества.

1. К оценке этнической ситуации и общих подходов. В нашей стране действительно произошел стремительный рост национального самосознания народов, проявившийся не только в форме историко-культурного движения, но и в общественно-политической деятельности, что в значительной мере было стимулировано политикой перестройки. Но феномен так называемого «этнического возрождения», наметившийся в 50—60-е годы, имеет место во всем мире. В последние годы с возрастанием влияния этнического фактора в общественной жизни и возникающими на этой основе проблемами (включая этнические конфликты, сепаратистские движения) столкнулись в различной степени многие страны мира, независимо от их географического положения и характера социального устройства.

Из 120 войн и военных конфликтов, имеющих место в современном мире, 86 (72%) носят этнический, этнорасовый или этнорелигиозный характер. Бурлящие по всему земному шару очаги этнических конфликтов некоторые зарубежные авторы называют «невидимой третьей мировой войной»¹. Подавляющее большинство этих конфликтов приходится на страны Азии, Африки и Латинской Америки, где этнические противоречия проецируют на себя бремя острейших социальных и политических проблем. В развитых буржуазно-демократических государствах этот процесс идет почти исключительно в мирных формах политической борьбы и общественных движений, но и здесь во многих случаях он выдвигается на передний план общественной жизни в разных своих аспектах: этнорасовом (США), религиозном (Великобритания), языковом (Канада). Непростая ситуация в сфере межнациональных отношений складывается и в некоторых социалистических странах с полиэтническим составом населения.

Каковы причины глобального явления этнического возрождения? В ряде, а может быть, и в большинстве случаев, это — стремление устранить исторические, социально-политические несправедливости (накопившиеся за долгие годы существования колониальных империй и неокOLONиалистской политики в отношении многих народов), а также дискриминацию иммигрантских, расовых и этнорелигиозных групп в многонациональных государствах. Другая причина заключается в реакции этнокультурных общностей на некоторые объективные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, распространением нивелирующих тенденций массовой культуры, интернационализацией сфер материальной культуры и быта. Этническая специфика, культурное своеобразие, переход из сферы материальной (жилище, одежда, хозяйственная деятельность) в сферу духовную, стали все чаще служить своего рода «охранительной реакцией» на отчуждение и дегуманизирующее воздействие некоторых сторон современной цивилизации. Не следует сбрасывать со счетов и усиливающуюся в мире напряженность на почве конкурирующей деятельности человеческих сообществ по использованию ресурсов жизнеобеспечения в условиях обостряющихся экологических проблем.

В СССР при анализе кризисных или просто острых ситуаций в сфере межнациональных отношений можно обнаружить проявления почти всех названных причин. Есть и накопившиеся неразрешенные проблемы исторического и социально-политического характера. Есть и реакция на разрушительное воз-

действие технологической цивилизации и современного образа жизни, особенно осязаемое в сфере культурных традиций, исторической памяти, размывание культурной мозаики по пугающим законам энтропии. Негативно отражается на межнациональных отношениях и не всегда продуманная хозяйственная деятельность, особенно в районах, где проживают народы, сохраняющие традиционный способ хозяйства (охота, рыболовство, промысел и т. п.), а также ограниченность природных ресурсов и территории в районах проживания тесно контактирующих народов при недостаточном объеме производимых материальных благ.

Необходимость глубоких реформ и преобразований в этой области выявилась как одно из наиболее важных и неотложных дел для советского государства и правящей партии в ходе перестройки. Целью этих реформ должно быть не «решение национального вопроса» или «проблем», а создание как можно более благоприятных условий для проявления и обеспечения специфических интересов советских граждан, обусловленных их принадлежностью к той или иной историко-культурной общности. Необходимо исходить из того, что сфера межнациональных отношений, ее внутренняя динамика и проблемы в многонациональном государстве являются такой же объективной реальностью, как и сфера экономических и социально-политических отношений. Социальные и культурные общности, осознание ими своей самобытности не есть что-то изначально заданное, а конструируемое (на длительном или кратком отрезке времени) в процессе исторических перемен и потрясений. Со стороны государства и политических сил в союзе с наукой требуется постоянный анализ этой меняющейся ситуации, включая выявление факторов, которые вызывают «всплеск» этничности или, наоборот, «охлаждают» этнические чувства. Даже такие феномены и понятия, как «культура» и «традиции», должны восприниматься как живые, рождающиеся и угасающие явления, конструируемые людьми в процессе взаимодействия прошлого опыта и настоящей действительности.

Отсюда вторая важнейшая исходная посылка: к этнической ситуации в стране необходимо подходить не как к чему-то извечно заданному, а как к подверженным изменениям процессам проявления этнического. Эти процессы на данном историческом отрезке времени в мире в целом, а в СССР в условиях перестройки тем более, переживают этап наибольшей «интенсивности» и требуют по отношению к себе гибкого, многовариантного и чувствительного взаимодействия без их обязательной фиксации в конституционных структурах.

Сомнительным, на наш взгляд, представляется тезис, что сфера межнациональных отношений — особо деликатная, и неосторожные высказывания и оговорки могут привести к непредсказуемым реакциям и даже открытым конфликтам (имеется в виду обычно в республиках). Но это, как показывают последние события, далеко не так. Никакие, даже самые острые высказывания ученых, не вызвали такой бурной и действительно взрывной реакции, как полугласность в прессе, недостаток информации, сеявшие ложные слухи и взаимные подозрения. Ссылка на деликатность долгое время служила одним из обоснований обета молчания и бездумного приукрашивания действительности, оправданием для тех ученых, кто не хотел или боялся писать об острых проблемах. Поэтому полная гласность, особенно когда речь идет о позиции ученых, — одно из неперемennых условий обновления в наших исходных позициях. Причем гласность, обязательный компонент которой — честность и открытость в изложении своих концепций, их целей и возможных результатов. Наивно думать, что в сложном поиске и часто в трудном противостоянии какая-то из сторон может «переиграть» друг друга, что какой-то предложенный план или реформа могут содержать скрытый смысл и необъявленные возможные результаты.

И, наконец, очень важным для формулирования научных позиций является

отказ от унитарного мышления, от наивной веры, что возможна выработка какой-то единой концепции, которая, будучи принятой в научной среде, должна быть проведена через весь процесс принятия политических решений. Дискуссии в Институте этнографии АН СССР, особенно в связи с событиями в Закавказье, с подготовкой XIX партийной конференции и предстоящего Пленума ЦК КПСС показали широкую поляризацию взглядов ученых, а порою даже слишком поспешную их эволюцию, граничащую с давно скомпрометировавшей себя конъюнктурностью. Было бы более верным и действительно научным подходом признание возможности и даже необходимости существования различных альтернативных позиций и вариантов, которые учитывались бы на всех стадиях подготовки и решения вопросов, вплоть до самого высокого государственного уровня, когда наряду с соображениями специалистов по национальным отношениям должны учитываться и другие факторы. Желательно чтобы при этом сохранялась индивидуальная ответственность ученых, а не безответственная анонимность в виде коллективных, спешно составленных по просьбе «сверху» материалов, последующая судьба которых, как правило, оказывается не известной, зависящей от мнения и амбиций аппаратных работников. Ученые должны иметь возможность непосредственно доложить и обосновать свои позиции в ходе обсуждения вопросов на самом высоком уровне, включая прежде всего законодательные органы. Это является принятой практикой парламентской демократии. Именно так я понимаю решение Политбюро ЦК КПСС от 13 октября 1988 г., предусматривающее привлечение ученых к подготовке Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР.

2. Об основных понятиях и категориях. Некоторые понятия, хотя и вошли в наши основные программные и конституционные документы, при строго научном подходе оказываются далеко не точно отражающими исторические и сегодняшние реалии. Расхожая фраза «в СССР живет более 100 наций и народностей» содержит в себе сомнительный постулат выделения типов этнических общностей (народов) по трехчленной формуле «племя — народность — нация». Даже в своем наиболее приемлемом стадийном (или вертикальном) варианте (племя — доклассовый уровень общественного развития, народность — добуржуазный, нация — буржуазная и социалистическая стадии развития) эта формула до сих пор содержит много неясностей, требующих дополнительного научного осмысления. Тем более трудно согласиться с «горизонтальным» делением современных народов нашей страны на нации и народности, осуществляемым на основе практически единственного критерия — наличия или отсутствия государственности на уровне союзной или автономной республики. Ибо даже по признаку численности, не говоря уже о внутренних структурах, социально-экономических и культурных характеристиках, принципиальную грань между нацией и народностью провести сегодня невозможно. Нейтральный и обобщенный термин «народы» или «национальности» СССР, который, кстати, также присутствует в наших программных документах, в том числе в тексте Конституции и в резолюции XIX партконференции, представляется в настоящее время более уместным и более точным. Такое определение снимает ненужные противоречия и недоумения на уровне массового сознания и общественной практики, когда часть равноправных граждан страны должна относить себя к этнической общности более низкой категории, чем большинство населения. Меньше будет и путаницы в определении основных этнических единиц, составляющих население страны, как это сейчас имеет место.

Но как быть со столь, казалось бы, основополагающим термином, как «нация»? Представляется, что многолетние дискуссии о его содержании не случайно оказались малопродуктивными. До сих пор наша обществоведческая мысль пытается найти новую дефиницию взамен неудовлетворительной сталинской формулировки, которая, в свою очередь, основывалась на концепции, родившейся в Европе еще в конце XVIII в. и служившей почти два столетия

мощной интегрирующей идеей в процессе становления государственности многих народов мира в эпоху развития капитализма. Но, кстати, в той же Западной Европе, достигшей к концу XX в. качественно нового уровня интеграции всех сторон общественной жизни народов и государств, эта идея нации как чего-то отличного от государства ныне проявляет явные признаки ослабления. Ее наиболее активные сторонники продолжают существовать в тех районах мира, где еще не завершился процесс национального освобождения и утверждения государственного суверенитета, или же в тех развитых странах, где с требованиями признать их самостоятельными нациями выступают некоторые этнические группы с приниженным социальным статусом. Например, индейские народы в США и Канаде, называющие себя «первыми нациями» (имеется в виду фактор первозаселения континента).

Может быть, выход из теоретического тупика в отказе от термина «нация» в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, т. е. нация — это совокупность граждан одного государства. ООН объединяет не «этнонации» (такой термин сейчас пытаются ввести некоторые специалисты), а нации-государства. Правда, встает вопрос о новом определении типов этнических общностей, но, как мы знаем, дискуссия в этом направлении уже начата в нашей литературе². В этом случае из нашего терминологического арсенала исчезнет хотя бы одно из трех равнозначно употребляемых определений: нации и народности, национальности, народы СССР, как это сейчас имеет место. Достаточно двух последних понятий, чтобы отразить реальную действительность СССР как многонационального (много национальностей) государства, не создавая при этом теоретическую неясность и ненужную усложненность категорий в общественно-политическом лексиконе. Вопрос этот, конечно, огромный теоретической важности. Он затрагивает саму суть марксистско-ленинского учения о национальном вопросе, которое, на мой взгляд, ныне нуждается в творческом обновлении.

Как известно, у основоположников марксизма-ленинизма этнические категории не были разработаны с достаточной дифференцированностью. К. Маркс иногда применял термин «нация» по отношению к народам, не обладающим своей государственностью или входящим в состав многонациональных государств, но чаще это означало государственное образование. Что касается В. И. Ленина, то суммарный вывод из анализа его работ также вполне однозначен. Для В. И. Ленина понятия «нация», «народность», «национальность», «народ» были синонимичны, и он не делал особых теоретических разработок этих понятий. В важнейшем документе «Декларация прав народов России» использованы только термины «народ» и «этнографическая группа».

Понятийным анахронизмом представляется нам и деление проживающих в республиках граждан на «коренные нации» и «некоренное население». Долгое время эти термины широко использовались в нашей стране. На основе этих понятий в значительной мере строилась политика в области национальных отношений и даже некоторые юридическо-правовые нормы на протяжении того периода в истории нашего общества, когда решалась задача преодоления отсталости и выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития. При внешней нейтральности этих понятий, они все же неизбежно содержали оценочные моменты, характеризующие различия в уровнях развития. Иначе невозможно объяснить, почему эти же понятия и связанные с ними привилегии (например, в области получения высшего образования) не распространялись на русских в РСФСР или на старожильское русское население в Казахстане.

Опыт государственной политики, прежде всего зарубежных развитых стран, свидетельствует, что термины «коренное» или «аборигенное» население, или народы, употребляются преимущественно в отношении отставших в своем развитии народов, сохраняющих традиционную хозяйственно-культурную специ-

фику. В зарубежном общественно-политическом понимании «коренные» или «аборигенные» народы употребляются в том же самом смысле по отношению к полукочевым, изолированным и другим сохраняющим традиционную культуру народам и группам автохтонного населения Азии, Африки, Австралии и Океании, находящимся в приниженном социальном положении. Эти народы все чаще объединяет понятие «четвертый мир», имея в виду его особый социально-культурный статус и стоящие перед ним специфические проблемы. Именно там сегодня все чаще и настойчивее звучит понятие «нация» как та самая символическая категория прежде всего политического содержания, которая позволяет достичь необходимого уровня суверенитета и государственности. Как заявили вожди племен общинной организации «Ассамблея первых наций в Канаде», «...мы являемся нациями. Мы всегда были нациями, и в качестве таковых мы имеем исторические права, которых никогда не уступали. Мы имеем право определять наше гражданство. Мы имеем право на самоопределение. Мы через наше собственное правительство будем иметь полный контроль над нашей землей, включая также воздушное пространство, воды, минералы, леса и животный мир»³.

В отношении основных групп населения, формирующих современный облик народов прежде всего развитых стран мира, термин «коренные» или «аборигенные» не применяется, хотя, скажем, ни у кого нет сомнений в том, что греки, итальянцы, норвежцы в своих странах принадлежат к категории «коренных» народов.

В СССР в последние десятилетия с уменьшением разрыва в уровнях социально-культурного развития народов, урбанизации, миграций, интернационализации культуры и быта и, в то же время, роста национального самосознания больших и малых народов вполне естественно возникает вопрос о нелогичности и устарелости вышеупомянутых категорий.

Как показывает зарубежный и наш собственный опыт, сама по себе национальная государственность и статус «коренных» народов не являются достаточными для достижения вышеуказанных целей развития. В условиях унаследованного от Российской империи неравенства, отсталости и сравнительно низкого уровня накопленных материальных благ и общегосударственного национального продукта политика «коренизации» в первые десятилетия после революции приносила положительные результаты. В условиях достигнутого примерного равенства, выросшего материального благосостояния людей деление равноправных по закону граждан одной страны на категории «коренных» и «некоренных» не только утратило свое практическое значение, но и вносит неизбежно новые формы неравенства и ущемления демократии. Существованием данных различий наносится ущерб не только жителям республик «некоренной» национальности, но и не в меньшей степени самому «коренному» населению, ибо оно лишается притока в республику или область наиболее квалифицированных хозяйственных, научных и прочих кадров, которых сдерживает фактор потенциального отнесения их к «некоренному» населению и связанные с этим возможные ограничения в жизненном продвижении.

Задача демократизации общественных институтов и совершенствования национальных отношений определяет тенденцию не дальнейшего насыщения, а тем более усложнения используемых в общественно-политической практике понятий и терминов в сфере межнациональных отношений, а, наоборот, их упрощения с подчеркиванием общегражданских, общесоюзных и общереспубликанских моментов.

И в этой связи вызывает сожаление поспешный отказ некоторых ученых и публицистов от понятия «советский народ как новая историческая общность людей». Хотя и сформулированное далеко не в самую плодотворную пору теоретических изысканий, оно все же, на мой взгляд, отражает реальный феномен складывания на основе союзной государственности однотипных социальных и культурных условий, своего рода метаэтничности, нового уровня осоз-

нения своей принадлежности к более широкой социально-культурной общности людей. Мы уже не просто сограждане, представители различных народов, но и обладатели целого комплекса общих черт, включая отдельные культурные характеристики, чувство общности исторической судьбы, некоторые черты социально-политического поведения, жизненные понятия и ценности.

Поэтому вполне можно говорить о наличии двух уровней самосознания у советских людей: о возможности одновременно ощущать себя и представителем собственного этноса, и представителем более широкой общности — советского народа.

Вновь рождающаяся этничность на основе определенной государственности не является чем-то исключительным и хорошо известна в мире. Если на ранних этапах истории преобладал процесс оформления в государство определенной этнической общности, то в современную эпоху гораздо чаще государство выступает фактором складывания новых историко-культурных общностей. Так, сравнительно недавно сформировались латиноамериканские народы и многие, скажем, мексиканцы или перуанцы могут обладать двойным этническим самосознанием, считая себя принадлежащими к народу индейцев-ацтеков или индейцев-кечуа, так же как и к нации мексиканцев или перуанцев. Родается новое этническое самосознание у населения вновь образовавшихся на разнородной основе африканских государств; формируются новые народы в пределах молодых стран Карибского бассейна. Процессы эти длительные, занимают не годы и даже не десятилетия, но и Советский Союз уже существует 70 лет, и нет оснований считать его каким-то исключительным случаем в истории.

3. О правах народов. В 60—80-е годы произошел знаменательный прорыв в мировом общественном сознании в отстаивании и утверждении прав и специфических интересов народов, расовых, религиозных и национальных групп. В настоящий момент мировым сообществом признается, что существующие национальные законодательства и международно-правовая практика не обеспечивают интересов, которые имеют люди на основе своей принадлежности к той или иной общности историко-культурного, этнорасового, языкового или религиозного характера. Вопрос о правах народов нашел свое отражение не только в национальных законодательствах многих стран, но и на уровне важнейших международных договоров и деклараций, документов ООН и других международных организаций, в деятельности многочисленных и влиятельных неправительственных организаций и групп. Вокруг этих вопросов развернулась острая идеологическая и политическая борьба во многих странах.

В последние два десятилетия обогатилась и реальная общественная практика: возникли десятки новых внутригосударственных автономий, разного рода самоуправляющихся анклавов, имели место многочисленные территориально-административные изменения на этой почве. В 70-х годах добились самоуправления жители Гренландии. В Испании за последние 10—12 лет оформилось 17 автономий и страна превратилась фактически в сообщество регионально-коммуналистских образований, имеющих историко-культурную специфику. В США и Канаде многие индейские общины получили самоуправление, включая права на контроль за ресурсами, налогообложением, отправлением правосудия и т. д. В сентябре 1988 г. многолетняя борьба коренного населения канадского Севера завершилась подписанием соглашения о создании в составе федерации самостоятельного территориального образования в районе западной Арктики. В Центральной Америке автономии получили индейцы-мискито после периода трудных взаимоотношений с сандинистским правительством Никарагуа. В Эфиопии добились автономии жители Эритреи, в Шри Ланке — тамилы.

Право народов на самоопределение стало одним из наиболее притягательных лозунгов и идеалов в борьбе людей за улучшение условий своего существования. В этой связи нельзя не вспомнить, что впервые право на самоопре-

деление на уровне государственной политики было провозглашено и осуществлено в ходе Великой Октябрьской Социалистической революции. Принятая в ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» в этом плане является документом всемирного значения, а создание сильного многонационального советского государства — действительное завоевание социализма. В последующем как сама концепция, так и практика обеспечения прав народов, проживающих в СССР, пережили трудную судьбу и в какой-то момент стали отставать от меняющейся действительности, не отвечать в полной мере новой исторической ситуации. Представляется, что в настоящий момент развитие и углубление концепции прав народов и ее последовательное осуществление в духе провозглашенных Великим Октябрем принципов являются одним из важнейших моментов в области национальной политики.

Попробуем определить некоторые из этих прав, как они ныне все более отчетливо оформляются в мировом общественном сознании.

Во многих международных документах одним из первейших формулируется право народов на существование. Нет оснований говорить о намеренных угрозах физическому существованию проживающих в СССР народов или насильственных действиях по отношению к ним со стороны государства. Хотя не нужно забывать о тяжелых последствиях в виде, прежде всего, массовых жертв, которые пережили некоторые «наказанные» народы.

Вышеназванное право включает и признание самого факта существования той или иной национальной общности со стороны государства. Важнейшим инструментом такой фиксации являются общегосударственные переписи населения, в ходе которых определяется этническое происхождение граждан по их самосознанию. Действующая в СССР практика официального «встречного» списка народов накладывает определенные ограничения на их волеизъявление: некоторые небольшие народы или этнические группы, сохраняющие до сих пор свое историко-культурное и языковое своеобразие, в ходе ряда последних переписей были вынуждены относить себя или к доминирующему этническому окружению, или к некоему более широкому новообразованию. Имели место и обратные ситуации.

Само по себе существование научно разработанного списка народов для проведения переписей необходимо. Это помогает гражданам и переписчику принять более квалифицированное решение, устраняющее некоторые aberrации, связанные с локально-этнографическими или этнорелигиозными отличиями. Но в то же время представляется целесообразным при подведении итогов переписи 1989 г. избежать излишней «жесткости» списка, вызванной в свое время стремлением ускорить процесс интеграции небольших народов в более крупные этнические общности.

Широко признанным является и право на самоидентификацию, т. е. определение самими гражданами своей национальной принадлежности. Действующая в СССР практика фиксации национальности в паспортах по национальности одного из родителей накладывает определенные ограничения на выражение своего собственного этнического самосознания, а также лишает возможности граждан, утративших свою четкую этническую принадлежность или имеющих сложное (двойное или тройное) самосознание, отнести себя к более широкой категории «советский» или указать сложное происхождение. Во многих многонациональных странах сейчас при определении этнической принадлежности (вернее, происхождения) допускается множественный ответ или же самоидентификация на уровне общегосударственной общности. Жители СФРЮ могут относить себя не только к одному из проживающих там народов, но и просто к «югославам», и таких в ходе последней переписи оказалось 1,5 млн. чел. В США по переписи 1980 г. 12 млн. граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым «американское», а более 80 млн. указали смешанное происхождение.

Вполне возможно, что и в СССР, если в ходе предстоящей переписи предоставить возможность в перечне национальностей выбрать категорию «советский», некоторое число граждан отнесет себя к последней. Это будут, прежде всего, потомки от смешанных браков, особенно дети, выросшие в семьях со сложной этнической родословной. Мы знаем достаточно примеров, когда человеку трудно определить, кто он по национальности, как этого требуют наши жесткие правила паспортной фиксации или инструкции переписчиков.

По крайней мере, если феномен двухуровневого этнического самосознания еще можно отнести к разряду дискуссионных, как некую перспективную тенденцию, то факт сложного этнического происхождения и самосознания, оспаривать невозможно. А это означает, что необходимо и официальное признание права человека считать себя принадлежащим не обязательно к одному народу. Почему нельзя быть одновременно литовцем и белорусом, если вы одинаково впитали в себя культуру и язык матери-литовки и отца-белоруса? А если ребенок из литовско-белорусской семьи вырос в районе новостроек БАМа, в русском окружении и достигнув совершеннолетия, считает себя русским, почему он, согласно нашим правилам, получая паспорт, должен записать себя только литовцем, или белорусом? Это, прямо скажем, практика определения национальности по крови. Хотя национальное самосознание — понятие социально-культурное, с ним не рождаются, его обретают в ходе воспитания и социализации личности. Это — аксиома современного научного знания. И пора привести в соответствие с ней некоторые наши правовые регламентации в сфере национальных отношений.

Что касается малых народов Севера и некоторых других групп, пользующихся определенными привилегиями и специфическими правами, то существующая паспортная фиксация может быть заменена практикой официальных списков коренных жителей на уровне местных властей. И здесь сугубо индивидуальное право самоидентификации должно дополняться коллективным правом местных общин и органов власти определять принадлежность граждан к той или иной группе, чтобы избежать возможных попыток намеренно отнести себя к национальности, члены которой пользуются в данных условиях определенными привилегиями и специфическими правами. В мире сейчас все шире распространяется практика предоставления аборигенным общинам, племенным советам права самим определять состав своей группы. Многие из этой практики может быть заимствовано, кроме, пожалуй, принципа устанавливать в качестве критерия этнической принадлежности ту или иную долю «аборигенной крови», которым пользуются некоторые аборигенные группы США и Канады.

Право на суверенитет, самоопределение и самоуправление обеспечено в СССР в его «одноразовом» варианте, который закреплен административно-государственным делением страны по национальному признаку и конституционным представительством в общесоюзных органах власти. Однако, если принцип разового осуществления народом или группой народов права на самоопределение в форме создания суверенного государства является, видимо, верным, то на внутригосударственном уровне этот принцип нуждается в модификации. В многонациональном государстве в силу демографических, миграционных, хозяйственно-культурных процессов, а также в результате действия общественно-политических сил и факторов, могут возникать ситуации, диктующие необходимость создания или упразднения тех или иных национально-государственных образований или изменения их статуса и границ. Эти структуры не должны создаваться на века; в противном случае они могут превратиться в стагнирующие факторы общественного развития. И здесь следует напомнить, что структура национально-государственных образований существует в СССР уже более полувека и никакими конституционно-правовыми нормами не предусмотрена процедура ее изменения. Видимо, необходимы серьезные коррективы в юридическом понимании права самоопределения народов на внутригосударственном уровне. Причем в данном чрезвычайно важно

вопросе демократизация в сфере национальной политики требует предусмотреть не столько систему декретирования и решений «сверху», сколько обращение к различным формам волеизъявления групп населения. При решении вопросов о государственных автономиях, затрагивающих территориальный аспект, волеизъявление должно касаться представителей всех народов, проживающих на территории, в пределах которой предполагаются упразднение, изменение или образование национальных автономий. Подобные референдумы в последние годы имели место при решении вопросов о самоопределении жителей Гренландии, населения провинции Квебек и Северо-Западных территорий в Канаде и в некоторых других странах.

Хотя народы стремились и стремятся для обеспечения своих интересов обрести ту или иную форму государственности, принцип создания государств «по национальности» (один народ — одно государство) не реализовался в истории: подавляющее большинство человечества живет сегодня в многонациональных государствах. Это означает, что понятие суверенитета, как правило, включает в себе неполный, «разделенный» суверенитет, а самоопределение и самоуправление не обязательно предполагают проведение государственных границ по границам этнических территорий, что, конечно, не отрицает существования последних, как, кстати, и возможности для той или иной территории принадлежать не только одному народу, а двум или даже нескольким одновременно.

Становится все более очевидным, что в условиях действия современных мировых хозяйственных связей и сохраняющейся социально-политической неоднородности мира сама по себе возведенная в абсолют национальная государственность не гарантирует народу главного — процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов, включая сохранение их культурной самобытности, отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований, в которых обеспечены необходимые социальная гармония и демократические гарантии волеизъявления на индивидуальном и коллективном уровнях. В этом плане разработка и углубление понятия автономии в ее сущностном, содержательном, а не только формально-конституционном, аспекте является одной из задач строительства правового государства в нашей стране.

Что касается прав на сохранение культурной самобытности, включая сферы языка и образования, культурного наследия и народных традиций, то здесь отрицать наши огромные завоевания было бы просто несправедливо. И они широко признаны во всем мире. Хотя многое сегодня нас не может устроить и в этой сфере, о чем свидетельствуют бурные дискуссии, особенно в среде творческой интеллигенции. Возрождается интерес к различным формам национально-культурной автономии, которая на начальных этапах нашей революции была сурово осуждена как недостаточная для осуществления радикальных социальных преобразований, а в новых исторических условиях может сыграть огромную позитивную роль. И в этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги. Особенно они необходимы в сфере языка и образования.

В ряде случаев для малых народов Севера и некоторых других регионов, не менее важным условием сохранения культурной самобытности является традиционная хозяйственная деятельность. Традиционные виды хозяйства ныне во всем мире переживают кризис под влиянием процессов индустриализации и урбанизации, интенсивного промышленного освоения новых территорий, осуществления крупных хозяйственных проектов. Советский Союз не исключение. Вопрос заключается в том, как гармонично соединить закономерный процесс модернизации хозяйственной жизни в масштабах страны с традиционными занятиями, которые не исчерпали своих возможностей и играют важную роль в сохранении не только культурных ценностей, но и физического

здоровья и морально-психологического состояния представителей малых народов.

Правильное решение этого вопроса не может быть найдено в узких рамках хозяйственного практицизма. Перспективным является внедрение достижений научно-технической революции, модернизации труда, а вместе с этим и условий жизни в рамках традиционных хозяйственных систем. Речь идет прежде всего об обеспечении населения современными видами транспорта и связи, более эффективными орудиями труда, используемыми при добыче и обработке продукции и т. д.

Жизнеспособной и эффективной формой хозяйственной организации, учитывающей традиционный опыт и культурно-ценностные ориентации народа, проявила себя в последние годы организация мелких кооперативов из числа коренных жителей. В Канаде в 70—80-е годы среди северных народов возникло более 300 кооперативов, занятых изготовлением предметов искусства и ремесла, одежды, рыболовством, обслуживанием туристов и т. д. Оживление советской кооперации создает для развития этих форм благоприятные условия.

В связи с обострением экологических проблем все большее значение приобретает вопрос о праве народов на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания. Во многих странах мира, особенно в зонах хозяйственного действия крупного монополистического капитала, эта проблема сегодня выдвигается на передний план общественно-политической жизни. Достаточно назвать такие регионы, как Австралия, Амазония или Аляска и Канадский Север. В ряде случаев аборигенному населению удалось добиться некоторых прав и участия в решении вопросов об осуществлении крупных нефтегазовых или гидроэнергетических проектов. На некоторые проекты в Канаде был наложен мораторий до осуществления более глубоких научных изысканий (прокладка нефтепровода в долине р. Маккензи). В ряде случаев выплачивались денежные компенсации и выделялись особые зоны с преимущественными правами использования их ресурсов коренными жителями (гидроэнергетические комплексы залива Джеймса).

В СССР, даже при наличии общенародной собственности на землю и средства производства и общегосударственном хозяйственном организме данный вопрос также все чаще встает на повестку дня. Более того, есть свидетельства, что одной из причин конфликтных событий в Якутии была неудовлетворенность якутов тем, как идет промышленное строительство и как влияет современная индустрия на природную среду их обитания и традиционные занятия. В Ханты-Мансийском национальном округе в 1987 г. местные власти вступили в конфликт с хозяйственными ведомствами и организациями в связи с осуществлением строительства газопроводов, поскольку считали, что оно нанесет крупный ущерб традиционным оленеводческим районам. Негативные последствия для культуры малых народов Сибири уже проявились при использовании территории их проживания под зону строительства БАМ.

Для того чтобы избежать обострения положения в данной области, прежде всего необходимы более тщательная научная проработка хозяйственных проектов в зонах проживания малых народов, включая изучение их общественного мнения, специфических запросов и нужд, тщательную экспертизу антропогенного воздействия на природу. В социально-правовом плане необходимо предусмотреть не только определенные отчисления от прибыли с используемых ресурсов на нужды коренного населения, его участие в контроле за хозяйственной деятельностью ведомств, а также предотвращение ущерба хозяйству и культуре этих народов.

В ряде стран сейчас практикуется создание обширных национальных парков-заповедников в районах с хрупким экологическим равновесием, экстремальными природными условиями, где на принадлежащих государству землях коренные жители получают исключительное право заниматься хозяйст-

венной деятельностью. Создание таких заповедных зон также представляется необходимым в ряде северных районов СССР.

Перечень прав можно было бы продолжить, особенно тех, которые касаются духовной культуры, включая сферы языка и образования, сохранения и развития культурного наследия, но об этом в последнее время сказано было уже достаточно, особенно представителями творческой интеллигенции. Но один, на мой взгляд, важнейший аспект жизни современных народов, главное условие их существования и развития, до сих пор не привлёк должного внимания. Это право народов на доступ к достижениям мировой цивилизации и их использование.

Идея сохранения культурных «резерватов» и «счастливого первобытности» давно себя скомпрометировала в мире, хотя у нее до настоящего времени есть сторонники из числа ученых, политиков и представителей делового мира. Прежде всего, сами народы стремятся организовать систему своего жизнеобеспечения на основе наиболее эффективных форм производственной деятельности, обеспечить как можно более высокий уровень материального существования, используя новейшие достижения и блага современной цивилизации. Адаптивные возможности народов, даже совсем недавно пребывавших на ранних стадиях исторической эволюции, поистине удивительны. Об этом свидетельствуют примеры быстро шагнувших в век электроники бывших кочевников-бедуинов в арабских эмиратах, переселившихся в современные жилища и вооруженных средствами компьютерной связи жителей даже самых отдаленных эскимосских общин американского Севера и многих других народов Земли во второй половине XX века.

Можно и нужно гордиться глубиной исторических корней своего народа, но следует помнить и о том, что подавляющему большинству современных американцев не пришлось и одного дня прожить без канализации и центрального водоснабжения, а тем более, топить печи и носить воду из колодца, как это приходится делать до сих пор жителям российских деревень и многих малых и средних городов. Авторитет народа, хорошее социальное самочувствие его представителей и патриотизм в нынешнем мире питаются не только факторами численности, размерами территории, глубиной корней, но прежде всего — его современными достижениями и способностью обеспечить достойное существование. Патриотизм и четко выраженное самосознание японцев, их авторитет во всем мире основаны не только на уважении и сохранении традиционной культуры, но и на всемирном признании огромных достижений этого народа в сфере технологии, бизнеса, науки.

Восстанавливая свои храмы, укрепляя национальные языки, но не овладев премудростями информатики и робототехники, вернувшись к земле, но не расставшись с косой, укрепив устои семьи как хозяйственно-производственной единицы, но не обеспечив поголовного обследования ультразвуком женщин-рожениц, низкого уровня детской смертности и повсеместно доступного богатого пищевого рациона, смогут ли большие и малые народы нашей страны сохранить чувство гордости и свою культуру, обеспечить себе надежное будущее? «Гордые духом и нищие телом», сможем ли мы как союз народов чувствовать себя достаточно уверенно в сообществе людей XXI века?

4. Каким должно быть многонациональное государство? В какой мере государственное устройство СССР, правовая практика, политические установки и идеологические воззрения по вопросам государственности соответствуют современным реалиям советского общества и потребностям нашего дальнейшего развития? Как известно, Л. И. Брежнев в докладе о проекте Конституции на Майском (1977 года) пленуме ЦК КПСС заявил: «Опыт показал, что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации»⁴. В итоге новая Конституция СССР фактически сохранила структуры Конституции 1936 г., а незначительные из-

нения носят противоречивый характер и к «совершенствованию» межнациональных отношений мало что добавили.

Прежде всего, сохраняется ограниченное понятие социалистического федерализма: «Союз ССР учрежден в результате свободного самоопределения наций на основе принципа социалистического федерализма, то есть на национально-территориальных началах, началах добровольности объединения и равноправия субъектов федерации»⁵. За социалистический принцип советской федерации выдается тот факт, что «в состав СССР входят не географические районы или административные единицы, а национальные государства»⁶. Соответственно и было изменено название раздела конституции: вместо «Государственное устройство» (1936 г.) теперь «Национально-государственное устройство», что, строго говоря, означает отсутствие у союзного государства федерации административного деления (им обладают союзные республики, имеющие соответствующие разделы в своих конституциях), ибо субъектами федерации выступают 15 «национальных государств».

Не говоря о том, что само это понятие применительно к союзным республикам является неточным, так как последние многонациональны по составу, как и союзное государство, в данном виде принцип социалистического федерализма плохо соотносится как с духом марксистко-ленинского учения о государстве, так и с мировой практикой федерализма, да и с нашим собственным прошлым опытом. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчеркивал, что государство отличается от старой родовой организации «разделением подданных государства по территориальным делениям»⁷. Эту характеристику до сих пор сохраняют практически все государства мира, особенно крупные, в том числе образованные на принципе федерации. И нет никаких оснований считать территориально-географическое деление федеративного государства принципом буржуазных федераций, противопоставляя его национально-государственному делению как принципу социалистического федерализма.

Среди многих десятков ныне существующих федеративных государств, пожалуй, только СССР и СФРЮ имеют субъектами федерации «национальные государства», в остальных же случаях таковыми являются административно-территориальные единицы (провинции, штаты, кантоны и пр.), которые, конечно же, во многих случаях образованы с учетом национального состава населения. Так обстоит дело и с маленькой Швейцарией, и с огромной Индией, расовый, этнический и религиозный состав населения которой не менее разнообразен, чем в СССР. Все же главными факторами, влияющими на административно-территориальное деление государств, являются пространственно-хозяйственные связи. Да и сами государства, в том числе федеративные объединения возникают и существуют для наиболее успешной организации производственной деятельности человеческого общества — главного условия материального бытия человека. Не случайно при формулировании целей образования Союза ССР в Декларации об образовании СССР они были определены как — «обеспечение внешней безопасности» (вполне понятный приоритет первого социалистического государства в условиях враждебного окружения), «внутреннее хозяйственное преуспевание», «свобода национального развития» и т. д. В Конституции СССР 1936 г. по этому вопросу ничего не говорилось. В Конституции 1977 г. в статье 70 говорится в общей форме, что СССР «сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма».

Так как же быть с «хозяйственным преуспеванием»? — вопрос, в нынешних условиях равнозначный вопросу об «успешном строительстве коммунистического общества». Нужно ответить определенно: если мы ставим цель создания подлинно современного сообщества, способного обеспечить наилучшие условия социального существования его членов на основе самых передовых форм труда и демократического устройства, то такое сообщество и его государственная форма несовместимы с абсолютизацией статуса части состав-

ляющих его единиц. По крайней мере, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добились разительных успехов в своем развитии при том, что его народы «разбежались по своим этническим квартирам». Эффективные хозяйственные связи и промышленные комплексы должны строиться с учетом климата, ресурсов, рынка, социально-экономических факторов, а не с учетом престижных ориентаций на создание «национального рабочего класса» и однотипной социальной структуры «советских наций». Эта схожесть должна в конечном итоге быть достигнута не намеренным созданием своих диверсифицированных экономик в пределах национально-государственных образований, а высокой мобильностью представителей всех национальностей. Без этой мобильности населения, готовности любого работника-специалиста, независимо от этнического происхождения, сменить место жительства в интересах лучшего применения своих профессиональных возможностей высокоэффективного хозяйства нам не создать. А уж тем более невозможно совместить организацию современного высокоэффективного производства с хозяйственной автаркией «национальных государств». Последняя, вполне возможно, в ряде районов (республик) сможет вытащить экономику из кризисного состояния, но впоследствии станет тормозящим фактором развития.

Выбор в качестве субъектов федерации «национальных государств» ослабляет по ряду причин суверенитет общесоюзного государства. Трудно согласиться, что добавление в тексте новой Конституции в определение нашего государства слова «единое» (статья 70) «отражает прежде всего процесс укрепления союзных начал в нашем государстве, прогрессирующее сближение наций и народностей СССР»⁸. На конституционном уровне общесоюзный суверенитет выражен в СССР гораздо слабее, чем в других странах, прежде всего, по той причине, что не очень ясно, чей суверенитет выражает наше государство. Мы лишены столь мощного консолидирующего начала, как общенациональная идея, которая, родившись в эпоху буржуазных революций конца XVIII в., продолжает и сегодня служить делу государственного суверенитета. Трудно найти государство, где бы не считалось, что объектом его суверенитета является «нация». И хотя хорошо известно, что, скажем, в Испании проживает как минимум четыре крупных народа, а в Индии их десятки, но все же существуют и такие понятия, как «испанская нация», «индийская нация», целостность которой выражена государством. Как известно, «советской нации» не существует, а СССР — это государство, выражающее суверенитет советского народа, с пониманием целостности которого, как отмечалось выше, у нас не все обстоит благополучно.

Единство нашего Союза за время его существования основывалось скорее не на конституционно-правовых принципах, а на других началах, даже парадоксально — противоположных. С одной стороны, это — вера людей в социалистический идеал, сила и монолитность политической системы прежде всего в лице правящей партии. С другой стороны, на ограничениях демократии и волеизъявления в условиях командно-административной системы, доходящих до откровенно тоталитарных форм власти на протяжении довольно длительного исторического периода. В условиях процесса демократизации общественной жизни всего нашего государства, возрастающего плюрализма и элементов саморазвития, укрепление конституционно-правовых основ общесоюзного суверенитета становится задачей исключительно актуальной.

Как же в этих условиях должно обстоять дело с реализацией одной из целей нашего союза — обеспечением «свободы национального развития»? Здесь, на наш взгляд, необходимы существенные изменения наших взглядов и политико-государственной практики. Наиболее остро стоит вопрос о концепции «национальных государств» и «национально-территориальных образований». Как уже отмечалось, подавляющее большинство человечества живет сегодня в много национальных государствах. Огромные трудности оказались и на пути обес-

печения национальной государственности внутри многонациональных образований. Еще до революции С. Г. Шаумян писал: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федеративные или автономные органы»⁹. Фактически с самого начала советские республики складывались как многонациональные образования. Процесс межэтнического смешения происходил за годы советской власти и будет происходить в будущем.

Все же наша реальная практика свелась к абсолютизации прав республик, имея в виду права «коренных наций». Но, во-первых, сама по себе государственность оказалась недостаточной для обеспечения этих прав в условиях социально-экономических деформаций и нарушений общедемократических норм и принципов. Эти права зачастую сводились к приобретению престижных атрибутов власти и форм проявления национальной культуры. Во-вторых, вне субъектов этих национальных прав оказались многие десятки народов, не имеющих никакой государственности. В-третьих, такое понимание национальных прав и их конституционно-государственное обеспечение не распространялось на 55 миллионов советских граждан, живущих за пределами своих собственных национальных образований.

Генеральной линией в обеспечении национального развития составляющих союз этнических единиц должно быть обеспечение прав народов на общегосударственном уровне, соответственно закрепленное в Конституции СССР. Но еще более важным представляется обеспечение этих прав через развитие и углубление индивидуальных прав и свобод советских граждан. Только путем реализации этих прав возможно создать в стране ситуацию, когда каждый гражданин, независимо от своего этнического происхождения, чувствовал бы себя как дома в любом уголке Советского Союза. Именно так была сформулирована Политбюро ЦК КПСС одна из задач перестройки в сфере межнациональных отношений.

Укрепление общесоюзных начал и общегражданских прав должны в конечном итоге перевести вопрос об определении национальности граждан нашего государства из сферы политической и законодательной деятельности в сферу науки и статистики. Высокий материальный уровень жизни и гармоничные социальные отношения, подлинная демократия составят надежный и долговременный фундамент сохранения и развития культурного многообразия народов нашей страны.

5. О первоочередных реформах. Многие из сказанного выше может показаться слишком поспешным, забеганием вперед в политике межнациональных отношений. Логика здесь простая: «На улицах Еревана танки, а Вы — о референдумах». Согласен — многое из вышеизложенного относится скорее к программе-максимум и связано с долговременными тенденциями общественного развития, с конечными целями перестройки. Мы же в настоящий момент в сфере межнациональных отношений пока разгребает завалы прошлого, выявляем позиции, с удивлением обнаруживаем очередные «горячие точки», глубоко переживаем кризисные и даже трагические ситуации, довольно неуклюже (как бы не вышло чего похуже!) пытаемся их разрешить.

Этот этап оплаты срочных долгов необходим, и у него также должна быть своя программа-минимум, суть которой в удовлетворении, поддержке, развитии многообразных интересов составляющей союз этнической мозаики: слишком долго этот процесс сдерживался и «канализировался» по верхушечным структурам административной системы. Это необходимо для более прочного и осознанного единения народов и укрепления государства-федерации.

К числу самых неотложных реформ программы-минимум я бы отнес конституционное оформление некоторых общих принципов межнациональных отношений и принятие в их рамках Декларации о правах народов СССР, которая обеспечивала бы в интересах национального развития гражданам различной национальности специфические одинаковые права. Некоторые из

них нами были сформулированы. Они могут быть более детальны и дробны, но, во всяком случае, должны быть широко обсуждены и впитать в себя международно-правовой опыт и позитивный опыт зарубежных стран.

В комплексе срочных мер нужны некоторые решительные шаги по упрочению общесоюзного суверенитета и общегосударственных прав, имеющих самое прямое отношение к внутренней жизни многонационального государства. Это, прежде всего, конституционное закрепление языка, которым владеет большинство населения (русского), в качестве официального, общегосударственного. Никакое государство не может существовать без единого языка, на котором действовала бы система государственных учреждений, а граждане осуществляли свои права на всей территории. Должна быть такая ситуация, при которой существовал бы язык, на котором любой гражданин в любом месте страны мог обратиться к продавцу в магазине или аптеке, в билетную кассу или к оператору междугородней телефонной станции, зная, что по закону имеет право получить ответ на этом языке. Только нашей низкой потребностью в гражданско-правовой защищенности можно объяснить растерянность гостя в той или иной республике за пределами РСФСР, получившего надменное молчание в ответ на вопрос, заданный на русском языке тому или иному работнику государственного учреждения.

Официальный общегосударственный язык должен дополниться законами об официальном двуязычии (или многоязычии) в национально-государственных образованиях, позволяющими народам обеспечить аналогичное право на территории своего преимущественного проживания. Но официальное одноязычие (только национальный язык) создаст немыслимую ситуацию для нормальной государственной жизни и обеспечения равноправия граждан независимо от национальной принадлежности на всей территории СССР. Ссылка на то, что русский язык добровольно избран языком межнационального общения не является достаточной гарантией по одной простой причине — «добрая воля» не может быть основой обеспечения права, ибо подвержена, особенно на индивидуальном уровне, самым элементарным переменам и даже капризам.

Как же все обходилось с русским языком до сих пор? Уверен, что не только добрая воля, но и жесткая система централизации власти, репрессивные меры и прочие силовые подходы обеспечивали существование единого общегосударственного языка. На смену последним факторам должна придти конституционная гарантия, которая вместе с доброй волей (необходимость которой никто не отрицает) составит основу нашей языковой жизни.

Глубоко демократической (и давно назревшей) мерой было бы упразднение паспортной системы в СССР, вместе с которой исчезла бы и сохраняющаяся со сталинских времен практика государственной фиксации этнического происхождения граждан. Все, в том числе многонациональные государства, обходятся без этой практики. Если в СССР Конституцией гарантированы одинаковые права граждан, независимо от национальности, то зачем и для чего гражданин должен «докладывать» свою национальность бесчисленным чиновникам, от директора до библиотекаря? Зато случаев, когда эта запись в документе служила поводом для нарушений прав личности или для получения незаслуженных привилегий, можно привести более чем достаточно.

Мы назвали лишь некоторые из назревших реформ по программе-минимум. Что же касается преобразований с расчетом на дальние перспективы, то было бы самым разумным подождать результатов перестройки нашей хозяйственной жизни, демократизации политических структур, возрастающей зрелости общественного сознания людей, которые не могут не дать улучшения материальных условий жизни и социального самочувствия советских людей. И тогда новый мир межнациональных отношений утвердится через более спокойные и гармоничные формы, чем это приходится делать сейчас в начале пути.

¹ *Nietschmann B.* The Third World War // *Cultural Survival Quarterly.* 1987. № 3.

² См. Сов. этнография. 1986. № 3, 4, 5.

³ *Ontario Indian.* 1980. Nov. Vol. 3. № 11. P. 27.

⁴ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978. С. 382.

⁵ Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. М., 1982. С. 207.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170.

⁸ Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. С. 209.

⁹ *Шаумян С. Г.* О национально-культурной автономии. М., 1959. С. 10.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОММЕНТАРИЙ К РУБРИКЕ «НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»

Представленные в этом номере журнала материалы отражают некоторые важные тенденции в развитии современной отечественной науки, изучающей национальные процессы и национальные отношения в СССР. Прежде всего обращает на себя внимание то, что наука выходит из состояния коллапса и идейного бесплодия, когда одни ее сегменты пребывали в благой дремоте, отгородившись от действительности ширмой придуманных мифов о гармонии в области национальных отношений, а другие, не всегда, правда, успешно, все же пытались оправдывать свое предназначение в рамках дозволенного.

Наблюдается явное нарушение баланса в старой идейно-теоретической системе, которую по традиции все еще называют «советской», «марксистско-ленинской» теорией нации (хотя на деле она не является ни теорией в полном смысле этого слова, ни марксистско-ленинской). Это выражается в признании наличия в обществе серьезных национальных проблем (даже теми, кто раньше утверждал совершенно противоположное), в переориентации науки с идеологии на исследовательские задачи, в разрушении монополии философии псевдонаучного толка при интерпретации национального вопроса. Осознание сложности факторов, влияющих на национальные отношения, вызвало необходимость привлечения к изучению национальных проблем экономистов, юристов, социологов, представителей других дисциплин. Предметная область исследований расширилась за счет тех сфер общественной и государственной жизни, которые раньше были табуированы для научного анализа: права и интересы народов, законодательство по национальному вопросу, взаимоотношения республик и их отношения с союзным государством, механизмы разработки и принятия политических решений и др.

Важно отметить, что все эти изменения обусловлены не только характером ведомственного заказа («госзаказа», сформулированного в известных партийных документах), но и явно существующим социальным заказом, предъявленным ученым самим обществом, жизнью. Как ответ на этот социальный заказ можно рассматривать создание Секции национально-политических проблем в Советской Социологической ассоциации (организации общественной, а не государственной), активизировавшееся использование специалистами средств массовой информации для пропагандирования новых идей. Растет понимание того, что сами специалисты (администраторы, идеологические работники, ученые) не имеют исключительного права решать судьбы народа и народов без их непосредственного участия.

Переход от неподвижности к динамизму, который испытывает научная и общественно-политическая мысль, свершается беспрецедентными темпами. Самые радикальные идеи, высказывавшиеся год-два назад, сегодня нередко кажутся безнадежно устаревшими, робкими, наивными. Бурные события общественной жизни, национального развития «вводят в научный оборот» все новые проблемы, побуждают ученых искать на них ответы, отказываться от традиционных взглядов. Темп поддерживается подготовкой к Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР. Перед наукой встала задача — в считанные месяцы провести генеральную ревизию ее концептуального хозяйства, хотя бы в общих чертах сформулировать обновленную концепцию национального строительства. Не удивительно, что в столь жестких условиях в науке обнаружили признаки некоторой неразберихи. Не случайно и то, что уже раздаются сдержанные призывы притормозить, оглянуться, реабилитировать отвергнутое.

Интеллектуальные усилия, направленные на осмысление национального вопроса, по существу вылились в широкую научную дискуссию. Возникла она отчасти спонтанно, протекает вне фиксированных организационных рамок и зачастую в форме заочной, несколько завуалированной полемики между различными научными учреждениями и группами ученых.

В деятельности всех этих организаций принимают активное участие сотрудники Института этнографии АН СССР (давние и постоянные авторы нашего журнала). Возможно, эта форма

полюмики, когда публичная критика взглядов оппонентов чаще всего носит безадресный характер. Вызвана к жизни нашим подозрительным нежеланием, опасением внести в дискуссию по столь серьезному, общественно значимому вопросу элементы политического критиканства. А возможно, в условиях только еще складывавшихся демократических норм научного дискутирования, мы просто боимся нанести личное оскорбление оппоненту, подвергнув содержательной критике его взгляды. Но и то и другое — издержки прошлого, и свидетельствуют они не о повышенной щепетильности в научной этике, а о ее незрелости.

Пожалуй, острота дискуссии усиливается по мере углубления анализа национальных проблем. Появляются некоторые принципиальные, фундаментальные вопросы построения и развития советского общества. Приходится задуматься, что такое интернационализм и как он соотносится с национальными интересами, как, в свою очередь, национальные интересы соотносятся с объективными потребностями национального развития всех народов СССР. Приходится задуматься, от какого наследства в теории и практике национальных отношений мы отказываемся и что из этого наследства следует сохранять и развивать.

Разногласия между учеными в этих и других вопросах имеют отчетливо не только «редакционный» характер. Для всех очевидна необходимость улучшения ситуации в области национальных отношений, однако это — едва ли не единственное, что объединяет существующие точки зрения. Предлагаемые пути решения задачи свидетельствуют о том, что в научной среде формируются (в основных своих чертах уже сформировались) весьма отличающиеся друг от друга идейно-теоретические течения.

Одно из них, генетически связанное со старой официальной теорией наций, тяготеет к преемственности в идеологии и политике как основе дальнейшего развития советского многонационального общества. Базовыми для этого направления являются, насколько можно судить, следующие положения. Национальная политика государства во все времена была в основном правильной, ленинской по сути. Отсюда — неоспоримые успехи в решении национального вопроса. Имеющиеся проблемы — это скорее побочные продукты развития, следствия недоучета национального фактора

в жизни общества и ошибок в практической политике. В области теории отстаивается неизбежность того комплекса идей, который принято считать ленинским учением о нациях. Стратегия развития видится в обеспечении неуклонного приоритета интернационализма, в подчинении ему национальных интересов (интересов отдельных народов). В политическом плане это означает сохранение и даже укрепление «централистского федерализма» как формы государственного устройства СССР. Иными словами, выдвигается задача не столько реформирования существующей системы национальных отношений, сколько повышения эффективности ее функционирования.

Другое течение, еще довольно аморфное, включает несколько концептуальных вариантов. Эта неоднородность вполне объяснима. Если первое течение опирается на складывавшуюся десятилетиями идейную базу, то второе, по своему характеру критическое, альтернативное, ориентируется прежде всего на борьбу со стереотипами прежней теории наций, что, конечно, осложняет созидательную мыслительную деятельность. Тем не менее, второе течение обнаруживает гораздо большую продуктивность в выработке программ регулирования национальных отношений.

В критическом направлении можно, в свою очередь, выделить некоторые «фракции», различающиеся, впрочем, не столько по своим идейно-теоретическим воззрениям (хотя имеются и таковые), сколько по характеру предлагаемых реформ. Споры ведутся о степени, пределах децентрализации государственного устройства, о том, какие сферы общественной жизни она должна затрагивать, как лучше обеспечить реализацию принципов федерализма, равноправия народов. Несколько особняком стоит точка зрения крайних радикалов, которые абсолютному централизму готовы предпочесть превращение единого государства в конфедерацию независимых государств.

В целом для второго течения характерны определенный релятивизм в осмыслении результатов национального строительства за годы Советской власти, в применении теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма для решения современных национальных проблем, некоторый «прагматизм» в формулировании стратегии национального строительства. Его задачи связываются не с достижением абстрактных идеалов, а с учетом реальных тенденций общественного развития, характера этнических процессов, с удовлетворением в первую очередь национальных прав всех без исключения народов СССР. По существу именно это течение стремится выработать новую концепцию национального вопроса эпохи социализма, которая основывалась бы на марксизме-ленинизме, очищенном от его произвольных интерпретаций и налетов догматизма.

Различия между двумя выделенными направлениями отражают, по-видимому, нечто большее, нежели размежевание в среде специалистов по национальному вопросу. Они означают перенос в эту область науки идейной борьбы, развернувшейся в общественном сознании в связи с осмыслением исторического прошлого нашего государства, анализом социальной природы советского общества, определением путей его развития на современном этапе. Это и естественно. Общий кризис ряда структур советского общества больно ударил и по сфере национальных отношений. Перестройка всей системы регулирования национальных процессов и национальных отношений, необходимость которой объективно назрела, не может происходить в обстановке единодушия и единогласия. Отсюда — необходимость дальнейшего выявления складывающихся среди исследователей точек зрения и их обсуждения, с тем, чтобы на базе объективного и представительного фактического материала иметь возможность рекомендовать разумные, реалистические подходы к решению назревших проблем.

Т. А. Бернштам

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА И НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ*

Русской народной культурой занимается в наше время ряд наук; все они имеют свой предмет изучения и свой взгляд как на этот предмет, так и на культуру в целом. Объем постоянно поступающей новой информации так велик, что мы не успеваем не только освоить его для личного и научного обогащения, но и просто следить за исчезновением «белых пятен» в культурном наследии. Можно сказать, что это наследие разрастается «на глазах» и каждая из дисциплин претендует стать той «каплей воды», в которой отражается весь мир, т. е. представлять свою область знания как наиболее полно отразившую национальные духовные ценности: литературоведение, фольклористика, искусствоведение — от иконописи до народно-прикладного творчества, архитектуры, музыковедения. Выдающиеся успехи в изучении перечисленных областей культуры известны любому современному человеку, интересующемуся историей своей страны, так как большинство из культурных памятников зримы, читаемы, слышимы. Их безымянность и количество — свидетельство массовости, порождения народной стихией, а шедевры стали символами русской культуры, о которых принято говорить, что в них главным образом выразился художественный гений русского народа.

Но понятие «народная культура» не исчерпывается суммой знаний о культурных вершинах-символах, сколь бы велика эта сумма ни была. Историками народной культуры это понятие трактовалось по-разному: а) либо как культура социальных низов, б) либо — «неграмотных» низов и верхов (бесписьменная), в) либо как созданная элитой и «спущенная» вниз. Подобные и иные определения имеют познавательный и исследовательский смысл лишь в том случае, если рассматриваются в соответствующем историческом контексте. В России (как, впрочем, и в ряде стран Западной Европы) центр тяжести социально-экономической жизни находился в деревне вплоть до рубежа XIX—XX вв., даже с учетом всего спектра влияния городской культуры, начиная со средневековья.

Традиционная крестьянская культура сформировалась, как известно, на базе религиозного сознания, которое было не только духовным «ядром», но и духовным *наполнением* жизни, обуславливая мироощущение (способы видения мира и его восприятия), приемы освоения чувственного и сверхчувственного, эмоциональный строй и кодекс нравственных критериев. Религиозное сознание не разделяло жизненный опыт или культуру на бытовую (мирскую) и сакральную стороны, что дает нам основание вслед за А. Я. Гуревичем поставить знак равенства между понятиями «народная культура» и «народная религия» (религиозность)¹.

В XIX в. народная религия русских получила в научных и церковных кругах два названия, определявших ее сущность как синтез христианского верования и «языческих» верований, — «двоеверие» и «бытовое православие». Термин «двоеверие» до сих пор используется в научном обиходе и понимается некоторыми исследователями прямолинейно — как достаточно формальное, поверхностное соединение в народной религии «двух вер». В довольно многочисленных общих и частных исследованиях религиозных верований восточных славян, и в том числе русских, основной интерес этнографов вызывают «языческие переживания», их интерпретация и реконструкция архаических

форм, обычно прямо возводимых к праславянскому мифологическому фонду. При этом такой подход часто детерминирован условием, что «язычество» составляет большую и существенную часть народной системы верований, плохо и прозрачно прикрытую христианством, которое достаточно «снять», чтобы обнажить дохристианскую архаику почти в «чистом виде». В лучшем случае мы присоединяемся к выводу А. Н. Веселовского о постоянстве мифотворчества вследствие единства психического процесса, воссоздающего сходные формы в различные исторические периоды². Интерес к язычеству и мифологии восточных славян понятен, так как в этой области, как показала энциклопедия «Мифы народов мира», еще заметно сильное отставание. Вместе с тем большой вред приносит науке, в частности русской этнографии, наше предвзятое отношение к христианской культуре, необразованность в истории христианства, ограничения на использование его огромного книжного и письменного наследия — от первоисточников — Ветхого и Нового Заветов до богословской литературы. Без этого невозможно исследовать феномен русской народной культуры / религии в целостном единстве и равноправной связи ее мировоззренческих слагаемых — «язычества»³ и христианства.

Дальнейшие рассуждения я предлагаю в качестве поиска *новых* подходов к этнографическому изучению народной культуры / религии с учетом становления и развития как русского официального православия, так и народного христианства⁴. Начну с обобщений исторического порядка о соотношении двух процессов массовой христианизации: *сверху* — «учащей церкви» и *снизу* — «церкви пасомой»; оба пути были неразрывны изначально, хотя их соотношение и эволюция каждого из них не были однозначны в разные периоды.

1. Христианизация протекала в русле этнической истории восточных славян, характерной особенностью которой у русских была непрерывная *миграция*. В период Древнерусского государства и после его распада расширялась европейская территория будущего великорусского массива. После образования Русского государства идет активное заселение севера и востока Европы, включая Поволжье и Предуралье, а с конца XVII в. — областей Зауралья, Сибири и Дальнего Востока. Огромное число коренных народов Европы и Азии было вовлечено в этот процесс и оказалось причастным к христианизации. Уже одна эта особенность обусловила многовековую длительность христианизации и постоянную необходимость решения сугубо *практических* задач, стоящих перед церковью вплоть до начала XX в.: возведение храмов, организация приходов, увеличение штата служителей, миссионерская деятельность и т. д. Все это требовало надлежащего духовного оснащения, начиная с элементарного образования священно- и церковнослужителей, которое церковь не была в состоянии обеспечить.

Символический акт «крещения Руси» объявил о появлении народов-неофитов в христианском мире, которые пока не представляли себе сущности и значения для них новой религии. Древнерусская церковь также находилась в стадии «рождения» и должна была развивать и внедрять полученную религию в трудных условиях разделения христианской церкви на православную и католическую. Владимиру был предложен Символ веры и совокупность догматов и установлений в объеме, принятом на Никео-Цареградском соборе под названием «чин православия»⁵. Первым догматом православия являлась троичность божества, возводимая к новозаветному преданию о Богоявлении и благословении Христом апостолов на всемирную проповедь (Мф. 28. 16—20. Мк. 16.15—18). Православная церковь в отличие от католической продолжала сохранять в неизменности догматы древнего вероучения, утверждавшие: божественная истина, относящаяся к сущности учения веры, дается в откровении и формулируется только *церковью*, авторитет которой для христианина непререкаем. Таким образом, с позиции православных верхов христианизации должна была заключаться в принятии народом Символа веры и догматов в церковном изложении, что в свою очередь изменило бы сознание, нравственное поведе-

ние и образ жизни. Для внедрения канона православного вероучения русская церковь следовала древнехристианским способом: а) церковное богослужение; б) устная проповедь и личный пример (подвижники, миссионеры, монашествующие); в) распространение христианской литературы — канонического кодекса и богословия.

Посмотрим, как же складывалась ситуация по этим трем направлениям, особенно в первые пять веков христианизации, заложивших фундамент специфики и русского православия в целом и его народных вариантов. К сожалению, я не обладаю необходимой полнотой источников, поэтому расцениваю дальнейшие наблюдения как предварительные.

1. Известно, что периоду феодальной раздробленности соответствовала раздробленность культа. Центрами религиозной жизни становились княжеские и боярские дворы, вследствие чего христианизация вначале охватывала население городов и крупных торговых поселений, где концентрировались храмы и монастыри.

Православная митрополия получила от Византии минимальный набор канонов и вещественного обрядового «инструментария»: книги для общественного богослужения, включая нотные (Евангелие и Апостол-апракос, Минеи, Триодь, Часослов и др.)⁶, иконы, сосуды и проч. Собственно обрядовая сторона не была устойчивой, она развивалась вместе с церковью: исчезали одни обряды — появлялись другие; это допускалось, так как обряд не отождествлялся ни с верой, ни с догматом⁷.

Местные церкви должны были строить богослужение по образцу митрополии, но здесь-то и обнаружилась первая невозможность подобия, с чего начинались различия между центральным и местными православными культами, поскольку отдельные церкви возникали одновременно и были неодинаковы по положению, состоянию средств для приобретения необходимых предметов богослужения и уровню священнослужителей. В лучшем положении, естественно, находились городские церкви русских княжеств (Киев, Новгород, Псков, Владимир, Суздаль), где митрополит, епископы и великие князья были инициаторами участниками развития церковного дела⁸. С конца XI — начала XII в. русская церковь начинает создавать свой пантеон святых, реликвии, отмечать события, учреждать праздники, составлять на них молитвы, каноны, службы. Так, во второй редакции Пролога (известны списки XII—XIV вв.), в отделе праздников, перечисляются уже собственно «русские»: перенесение мощей Бориса и Глеба, память Феодосия Печерского, Жития Ольги, Владимира, варягов-мучеников, епископа Леонтия Ростовского, пришествие апостола Андрея на Русь, перенесение мощей Николая Мирликийского⁹. Местные церкви наряду с принятием этих новшеств (а иногда и не зная о них) творят свои пантеоны, состоящие из святых, чудотворных икон, патронов; среди последних большое место занимают феодальные владыки (и их семьи). Создаются замкнутые миры «своей» веры, враждующей с «чужой» верой соседей при помощи захвата в плен икон, уничтожения и поругания святынь, развенчания чудес и т. д. Это была эпоха, когда, по словам автора Жития Прокопия Устюжского, «каждая страна и град блажит и славит и похваляет своих чудотворцев»¹⁰, эпоха, когда складывались областные варианты христианской культуры верхов и низов, бытовых святцев, календарей, обрядов и обычаев церковно-мирской жизни. Локальному разнообразию способствовало и отсутствие единообразия в богослужении (чинов, уставов, предметов и действий), и — еще больше — неразработанность *частных треб* для населения, входивших в разряд «обычного права» церкви (кстати, до XX в.)¹¹. К сфере обычного права относились: свершение обрядов жизненного цикла (крестины, брак, погребение), праздничное славение по домам, участие в деревенских праздниках и обходах полей, крестные ходы, помощь при стихийных бедствиях¹². Многие церковные обычаи на местах рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь населения. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов «по христианскому закону», что не могло находить в то время широ-

кого отклика и оставалось в рамках митрополии или богословия: например, вопросы Кирика Новгородца и ответы архиепископа Новгородского Нифонта о церковном праве и обрядности (XII в.), поучение митрополита «всех Руси» Петра о свершении треб крещения, венчания и др. (XIV в.)¹³. Добавим к сказанному, что понимание произносимых или распеваемых текстов было исключительным явлением не только на периферии, а «немнога» и разучивание «со слуха» — повсеместным (и наблюдалось в сельской местности еще в XIX в.).

II. Если все же официальное православие стремилось следовать канону, то многие представители устной проповеди — местные священники, богословы, миссионеры — использовали для своих выступлений все известные им христианские источники, среди которых огромную часть составляли в то время *апокрифы*. Поскольку устная проповедь имела большое значение для христианизации неграмотных (низов и верхов), а проблема апокрифичного христианства тесно связана со «стыком» *устной и письменной традиций*, то в дальнейшем я рассматриваю их вместе.

Апокриф изначально был основной духовной пищей христианизирующихся народов, хотя в различные времена и в разной среде в понятие «апокриф» вкладывалось разное содержание и разные книги считались апокрифическими. Апостолы пользовались ветхозаветными преданиями и книгами, не включенными в библейский канон, так как они были написаны после его составления; в Откровении Иоанна Богослова отразилась апокалиптическая книга Еноха; отцы и святители церкви называли «священными» не только библейские апокрифы с прообразами Христа (например, о Мельхиседеке), но и античные трактаты, пророчествующие о явлении Мессии («Сивиллины книги») или содержащие его образ (Орфей). У славян апокрифы появились очень рано, и их расцвет пришелся на подъем богомильского движения в XIII в., оказавшего большое воздействие на южнославянскую христианизацию и проникшего на Русь (богомилам приписывалось также и создание ряда апокрифов).

В XII—XV вв. в русской среде имели хождение относительно многочисленные списки переводных апокрифов и сочинений, содержащих отдельные апокрифические сюжеты. Церковь не могла ни ориентироваться в этом потоке, ни тем более контролировать его распространение. Даже высшее духовенство и богословы не всегда различали канон и апокриф, совмещая их в поучениях, толкованиях, молитвах, проповедях. В качестве наиболее ярких примеров приведем Послание Василия Калики (архиепископ Новгородский) тверскому владыке Феодору о «земном рае» (см. апокриф с этим сюжетом «О Макарии Римском») ¹⁴ и установление с XV в. службы Илье пророку в день 20 июля (по апокрифу «Илиино обавление» о вознесении его на небо в огненной колеснице). Апокрифические сказания включались в Палеи, Четьи-Миней, Хронограф, Жития, что приводило к появлению сюжетов русского происхождения («Слово на Лазарево воскресение», «Слово о силах небесных», XII—XIII вв.) ¹⁵. Апокрифы широко отразились в иконописи и миниатюре, например, Житие Богородицы — во фресках Снеготорского монастыря (XIII в.), «Сказание об Единороге» — в Киевской псалтири 1397 г., «Китоврас и Соломон»; «Сцены из жизни Давида», «Сошествие во ад» — на царских вратах Софийского собора в Новгороде (середина XIV в.) и многие другие.

Глубоко проникновение апокрифа в письменную и изобразительную культуру средневековья — свидетельство его раннего и широкого устного распространения, а также большой впечатляющей силы. Так, наряду со «словами о лживых учителях», с голосами «ревнителей по правой вере» и канонистов высокого уровня типа Кирилла Туровского звучали проповеди Авраамия Смоленского, использовавшего апокрифы в молитвах для вызова дождя в засуху, и Моисея, выступавшего против язычества «без цитат» из Святого Писания ¹⁶. К тому же апокриф (даже для церкви и богословов) восполнял элементарную нехватку канонической литературы, поскольку полный свод новозаветных книг был переведен на церковно-славянский язык значительно позднее, а «служебные типы» Евангелия и Апостола — *апракос* (т. е. отрывки в порядке

календарного богослужения) имели средства приобретать и переписывать только крупные церкви и монастыри (о чем мы говорили выше). От XI—XII вв. известно всего несколько Евангелий-апракос — общерусских (Саввина книга, Остромирово Евангелие) и областных (Архангельское, Мстиславово, Юрьевское, Галицкое, Добрилово). В дальнейшем события ветхо- и новозаветные помещались в виде отдельных циклов в Хронографе, Хрониках, где сосуществовали с событиями историческими (например, с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия), апокрифами, Беседами отцов церкви, Шестодневами и т. д.¹⁷ Эта литература была доступна в те времена лишь узкому кругу образованных людей, ее влияние обнаруживается значительно позднее, с развитием печатного дела, грамотности, появлением «народных картинок» и проч.

Впервые самобытность народной религии «во весь рост» проявлялась в ходе централизации государства и церкви в XV—XVI вв. В этот период закрепляется намечавшийся исподволь разрыв между «культурами» низов и верхов, между ними начинается диалог-конфликт. Централизованная церковь активизирует борьбу по искоренению «неправедной» веры народных масс, которых она называет «полуязычниками»: увеличивается поток поучений, постановлений духовных соборов; то и другое никогда полностью до низов не доходило. Реальная христианизация оставалась обязанностью *местной* — сельской, приходской — церкви, занимавшей и в церковном домостроительстве, и в уровне грамотности служителей, и в авторитете у прихожан на подавляющей территории России крайне низкое положение вплоть до рубежа XIX—XX вв. Будучи частью сельского коллектива — общины или прихода, сельский клир вольно (или невольно) продолжал участвовать в творчестве народной религии.

Со второй половины XVII в. православная христианизация встретила с серьезными трудностями в связи с расколом церкви и переходом в «староверие» (в широком значении) большого количества русского и иноэтнического населения. Староверы (всех толков) составляли значительный контингент переселенцев в европейской и азиатской частях, встречая сочувствие у местных жителей. С этого времени (и до XX в.) православная миссионерская деятельность, особенно на Севере и в Сибири, имела целью обращение официальной церковью не только «народов-язычников», но и «еретиков-старообрядцев», обладавших высоким пафосом устной проповеди своих идей и чрезвычайно развитой письменной культурой, соединившейся с грамотностью, предпринимательством и внутренней консолидацией¹⁸. Вокруг староверия (главным образом беспоповщины) группировались и постоянно возникавшие русские секты¹⁹.

Обратимся теперь к христианизации «снизу».

II. Наукой ныне признается, что в среде восточнославянских племен не сформировалось развитой языческой религии с «институтом» жрецов; этому помимо прочего способствовало и разобщение племенных сообществ, постоянно двигавшихся по Восточной Европе. Основная масса восточных славян христианизировалась (после распада Древнерусского государства) в составе русских княжеств, о чем мы частично сказали выше. В XIII—XV вв. шло постоянное дробление княжеств на уделы; князья нуждались в заселении своих владений и гарантировали приходящим «свободу переселений» (иначе к ним бы никто не шел). Население уделов продолжало передвигаться, чему способствовали разорение центральных княжеств монгольскими завоевателями, экстенсивный характер использования природных ресурсов, «полукочевое» земледелие лесной зоны и другие факторы.

Учредив церковь, Владимир не издал никакого законодательства о ее владениях, правах, судебных и прочих функциях; приписываемые ему и Ярославу «Уставы» относятся, по мнению исследователей (в том числе и церковных)²⁰, к XIV в. По мере учреждения новых епископий местные князья наделяли их землей и давали уставные грамоты; среди ранних привилегий и льгот церкви было и право призывать на свои земли людей, и освобождение духовенства с работающим на него населением от податей и повинностей. Ханы

Золотой Орды подтвердили все права церкви ярлыками. Все это, несомненно, привлекало на церковные и монастырские земли переселенцев. В течение XIII—XVI вв. церковно-монастырские владения увеличивались с поразительной быстротой, что вызвало не только государственную, но и внутрицерковную оппозицию.

Приводя эти известные исторические факты, я хочу обратить внимание на следующее. В XI—XIV вв. христианизировалось, т. е. в той или иной степени приобщалось к христианству, *городское и сельское* население княжеских *центров* (и их уделов), церковных и монастырских владений. Этим же населением в XV—XVII вв. осваивались и заселялись земли расширявшегося Русского государства. Переселенцы несли с собой христианство в тех локальных вариантах, которые сложились в период раздробленности культа, и дальнейшая христианизация на старых и новых местах зависела от конкретных этнокультурных и социальных факторов в контексте общегосударственных процессов.

В народной христианизации постоянно взаимодействовали два направления: *официальное* и *стихийное*. Но если до образования Русского государства это взаимодействие объединяло «неграмотных» — верхи и низы, то впоследствии произошло их разделение. И стихийное начало возобладало у переселенцев, в XV—XVIII вв. своими руками и по своему «христианскому разумению» устраивавших религиозную жизнь на новых местах: строили часовни или храмы, выбирали лиц для богослужения и отправления частных треб, справляли известные им церковные праздники по выбору. С самостоятельно организованным церковно-религиозным порядком иногда приходилось считаться и появлявшемуся здесь позднее приходскому духовенству. Во многих северных и сибирских областях население и вовсе обходилось без церкви. В церковь приезжали за сотни верст креститься и одновременно миропомазаться перед смертью (сообщения об этом клириков с мест многочисленны еще в начале XX в.)²¹. Таким образом, раздробленность культа, низкий уровень местной церкви, разнотактность христианского «материала» и его толкований, разновременность и различная степень приобщения к христианству социальных низов обусловили чрезвычайную пестроту христианских представлений, не просто включавшихся в архаическую систему воззрений, но активно *воздействующих* на нее, формирующих локальные и региональные особенности народной религии.

Множественность народно-религиозных форм — не единственное последствие христианизации за первые пять веков. Происходило, по словам Б. Д. Грекова, *«обрусение»* (курсив наш. — Т. Б.) христианского вероучения и церкви, которое началось очень рано и шло в двух направлениях: борьба за свою национальную церковную организацию — в верхах и за свою народную веру — в народных массах; «обе струи в конечном счете приводили к одному результату»²². В национальном масштабе это выразилось к рубежу XVI—XVII вв. в оформлении русского *самосознания*, в тождестве понятий *русский* — *православный*, и не только в собственно русскоязычной среде, но и христианизированной иноэтничной (например, в карельской).

Этот духовный итог дает нам основание выделить предшествующий ему период в качестве *первого этапа* русской христианизации (с учетом его внутренней структуры), отличительной чертой которого было преобладание *апокрифической сущности* усваиваемой христианской веры верхов и низов, по крайней мере до рубежа XV—XVI вв. «Апокрифичность» (как мы коротко показали) была заложена и в самом православном вероучении, что обнаружилось в печально известной истории с исправлением богослужебных книг в XVI—XVII вв., когда афонские старцы сожгли московские книги «с ересями» и по указу Никона были привезены канонические книги для нового перевода. Важная роль апокрifa в утверждении православия не является особенностью только русской христианизации: повторялась закономерность начального этапа любой массовой христианизации во все времена и у всех народов (см., например,

борьбу с «ересями» в Деяниях апостолов и Посланиях Павла). Христианство как идеология несло с собой переворот в языческом мире: оно отрицало государственные и племенные границы, провозглашало равенство людей, говорило о ценности человеческой личности; «освобождение личности понималось как моральное совершенствование человека, установление его личной связи с Богом, личной ответственности за грехи»²³. Как показывает история христианства и церкви, эти идеалы всегда находились в противоречии с социально-экономическими процессами, государственным и национальным самоопределением. Задачи социализации, а также определение позиции в условиях формирования государств и наций выходили для церкви на первый план, и она предоставляла «пастве» самостоятельно разбираться в иерархии духовных ценностей христианского вероучения. Объективная роль христианизации в ходе этнической истории русского народа состояла в *духовном* оформлении его как соборной личности (по выражению Ф. М. Достоевского), т. е. в идеале она должна была бы привести к новому уровню коллективного (общественного) сознания. Но кроме убеждения в действенной силе христианского вероучения ранняя церковь не обладала никакими реальными способами воздействия на архаическое коллективное сознание. И в этом деле стихийную помощь оказало «апокрифическое христианство», в котором вследствие его полужазыческого-полухристианского характера изначально были заложены возможности апелляции не только к индивидуальному, но и к коллективному сознанию. Иными словами, апокриф осуществил роль *переходного* звена в процессе христианизации, если так можно выразиться, в изменении *стереотипа* коллективного мировоззрения. И с этой точки зрения значение апокрифа на начальном этапе русской христианизации и сложения народной культуры (как, впрочем, и любого другого народа) трудно переоценить.

С рубежа XVII—XVIII вв. принято отсчитывать новый этап христианизации, трудноно вызревший в предшествующие века, но заявивший о себе во всеуслышание после раскола церкви. С последовавшим за ним распространением староверия в широкой народной среде происходит разделение христианского вероисповедания, условно говоря, на «две веры». Возникает парадоксальное противоречие между субъективными названиями и оценками содержания понятий «старая и новая вера» в устах идеологов оппозиций и их объективной значимостью в масштабе народной христианизации и изменениях культурного порядка. «Новая вера» для оставшегося верным православию населения ограничилась в основном лишь перемены в «обрядовери», в котором церковь обвиняла, наоборот, сторонников старой веры. А для последних конфликт в обрядовери оказался только внешним поводом, давшим выход глубоким духовным исканиям, свидетельствующим, кстати, о росте *христианского* коллективного сознания: активный интерес к канонической и богословской литературе, самостоятельное осмысление раннехристианских идей и символики, стремление к нравственному совершенствованию и грамотности всех членов своей общины для полного постижения сущности Христа и его учения. Самое понятие «духовность» приобрело у староверов особое значение, что отразилось в самосознании своей веры — «духовная» в отличие от «мирской», «казенной», «гражданской» веры православных христиан²⁴. Не будучи однородным, староверие в немалой степени способствовало развитию инакомыслия в русском христианстве, охватившего в XVIII—XIX вв. значительные части бывшего православного населения, главным образом в Поволжье, центральных и южных губерниях. Свидетельства с мест говорят о доминирующей популярности беспоповщины и сѣкт «духоборов»²⁵, удовлетворявших народную потребность в «духовной пище», которую давно оторвавшаяся от народа церковь дать не могла.

Обобщая изложенное; можно сказать, что *второй этап* христианизации *разрушил* представление церкви и верхов о единстве православной веры, показал ее подвижность и эволюцию во «*многоверие*», в том числе и развитие более высокого уровня самого православия. Эти изменения существенным образом сказывались на народной культуре и сложившихся ранее формах

язычески-христианского синкретизма. Очевидно, что на фоне этой картины теряется целесообразность употребления придуманных терминов «двоеверие» и «бытовое православие», а исследования по народной религии в общерусском объеме невозможно проводить без изучения староверческих и сектантских групп, фиксируемых в русской среде с XVII в.²⁶

На втором этапе, собственно говоря, и обнаружилась та роль, которую сыграл апокриф в народной христианизации предшествующих веков, а также его дальнейшая эволюция и соотношение с каноническим кодексом, становящимся доступным народным массам по мере развития книгопечатания, грамотности, создания «книг для народа», а также широкого распространения рукописной традиции. «Очищение» православного вероучения, сопровождавшееся полным и точным переводом канонических книг (в том числе и богослужебных), развитием богословской литературы и печатного дела, было неразрывно связано с выявлением ходивших списков апокрифического содержания и составлений индексов «запрещенной / отреченной» литературы. Эти индексы постоянно пополнялись, и Духовный регламент XVIII в. содержал уже более 100 наименований рукописей разновременного и разнохарактерного содержания. Печальную славу апокрифу в глазах официального православия создали главным образом так называемые «суеверные книги», которых со временем на Руси появилась тьма, с весьма неоднородным составом: от компиляции древних космогонических / астрологических представлений и магического знания до сочинений самого низкого «ширпотреба». Суетверные книги были как переводного, так и отечественного производства, и последние по-своему тоже отражали этапы народной христианизации, так как в них магия, анимизм и т. п. выступали в сплаве с апокрифическими сюжетами и образами (различные лунники, колядники и проч.). Тесное взаимодействие подобной литературы с апокрифом и народными архаическими представлениями привело к тому, что в списки «лжеучения» стали заносить и народные верования, бытовавшие в рукописной традиции: сборники заговоров, молитв, народной медицины (травники, лечебники), мифологические былички (например, об оборотнях) и т. п.

Христианское самосознание староверов питалось и за счет традиционного канона, и в еще большей степени — за счет апокрифа, который проходил в этой среде очищение, подобно православному учению в церкви: так, любопытно, что и церковь, и староверие оказались единодушно нетерпимыми (хотя и с разных позиций) в отношении к магии и колдовству, считая, в частности, заговоры большим грехом²⁷. Доминирование личностного религиозно-нравственного аспекта в христианском мировоззрении староверов повышало значимость идей возмездия и спасения, бренности бытия и ответственности за грехи, отразившихся в различного рода эсхатологических сочинениях, избразительной культуре и духовных стихах.

Духовный стих — замечательное и малоизученное явление русской христианской культуры. Его истоки теряются в глубине веков, но очевидно, что духовный стих рождался на скрещении устной и письменной традиций, язычества и христианства (так же как апокрифические легенды, мистерии и проч.). В ходе эволюции менялись формы, виды и тематика духовного стиха, ставшего своеобразным «зеркалом» постепенно христианизировавшейся народной культуры / религии — от стихов эпического (былинного, апокрифического) и обрядового (заговоры-молитвы, «колядные» пожелания, месящеслов-календарь) жанра до гимнов (типа «Евангелической песни») ²⁸. О значении русского духовного стиха ярко свидетельствует «Стих о Голубиной (Глубинной) Книге» — произведение, которое В. Н. Топоров назвал «энциклопедическим компе-диумом по мифопоэтической космологии от времени творения до того рубежа, с которого начинается падение Святой Руси» ²⁹. Исполнители верили в существование этой «Книги», в то, что она хранится в «Старом Иерусалиме», отождествляли ее с Псалтирью или приписывали авторство Иисусу Христу, кому-ли-

бо из пророков, апостолов³⁰. Недавно предложенное А. А. Архиповым истолкование названия «Голубиная Книга» как перевод слова «Пятикнижие»³¹ по существу говорит о тенденции к созданию в устной традиции русского «Святого Писания» — свидетельства определенного итога и самостоятельности народной христианизации. Социальная категория носителей духовного стиха — бродячие певцы, нищие, «калеки переходящие» и содержание самих стихов «старшего извода» (например, «Сорок калик со каликою») показывают существование еще одного аспекта народной христианизации (о которой мы говорили вначале) — ее распространение в процессе постоянного передвижения, будь то паломничество к святым местам, переселенческое движение или поздняя «бродячая Русь».

Примечания

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на XXI научно-технической конференции «Древнерусская культура и современное музыкальное искусство (К 1000-летию принятия христианства на Руси)», состоявшейся 13 апреля 1988 г. в Ленинграде (конференция организована Ленинградским гос. институтом театра, музыки и кинематографии и Ленинградской гос. консерваторией).

¹ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом (народная и ученая традиции в понимании магии) // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 25—26.

² Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 10—12.

³ Под «язычеством» я буду понимать слой воззрений внехристианского происхождения или архаические формы синкретизма.

⁴ Особенности христианизации украинского и белорусского народов требуют отдельного исследования.

⁵ В восточной церкви в то время употреблялось понятие «учение, изложение веры», слово «символ» пришло позднее с запада.

⁶ Эти книги известны с XI—XIII вв. (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI — первая половина XIV в., Л., 1987. С. 98. Далее — Словарь).

⁷ См. Марков С. (свящ.). О праве церкви изменять церковные постановления, обряды и обычаи, существа веры не касающиеся. М., 1901.

⁸ В XI—XIV вв. писали службы, поучения, переписывали богослужебные книги митрополиты Киприан, Иоанн, Максим, епископы Иоанн и Леонтий Ростовские, Василий Новгородский, Серапион Владимирский, великие князья Андрей Боголюбский, Владимир Васильевич Волинский (Словарь. С. 37, 95, 98, 159, 164, 206, 211, 230, 254, 387—390).

⁹ Словарь. С. 377—378.

¹⁰ Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 53.

¹¹ Энциклопедический словарь / Сост. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Т. XXIV-а. С. 914—915 (Обычное право церкви).

¹² Так, например, средневековый обычай славенья по всем домам и во все праздники (а не только на Рождество) удержался во многих местах после отмены его Петром I.

¹³ Словарь. С. 215—216, 281, 328.

¹⁴ Апокриф с XIV в. в индексе «запрещенных книг» (Словарь. С. 42, 95).

¹⁵ Там же. С. 428—431.

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ Были и полные переводы библейских книг: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судьи, Руфь, 1—4-е книги Царств — в Хронографе Архивском (XV в.) и Виленском (XVI в.); оба списка восходят к XIII в. (Словарь. С. 475—477).

¹⁸ «Отдельные раскольничьи общины находятся в постоянном общении друг с другом: для этого у них есть своя почта, язык, шифры, есть даже „полиция“... Сектантские общины устраивают соборы, съезды» (Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 54).

¹⁹ Там же. С. 79—80.

²⁰ См., например: Суворов Н. Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889.

²¹ Вместо родившегося могли «крестить» предмет, его символизирующий, например головной убор его отца (см. о таком случае: М. Г. Дорожные заметки // Олонецк. губ. ведом. 1868, № 23—24).

²² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 392.

²³ Ковалев С. И. Происхождение христианства: основные вопросы. М.; Л., 1964. С. 47.

²⁴ Один беспоповец говорил И. С. Аксакову, изучавшему «раскол» в Ярославской губернии: «Ваша православная вера — есть вера казенная, гражданская, не на живом искреннем убеждении основанная, а служащая одним из орудий правительству для поддержания порядка» (См. Пругавин А. С. Указ. раб. С. 18).

²⁵ Там же. С. 64—65.

²⁶ Буткевич Т. И. (протоиерей). Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. С. 18—21; например, хлысты во Владимирской губ.

- ²⁷ Никитина С. Е. Жанр заговора в народном представлении // Этнолингвистика текста: семиотика малых форм фольклора. I. Тез. в предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 25—26.
- ²⁸ Безсонов П. Калики переходные. I. 1—3. М., 1861.
- ²⁹ Топоров В. Н. «Голубиная Книга» и «К плоти»: состав мира и его распад // Этнолингвистика текста. С. 169—174.
- ³⁰ Безсонов П. И. Указ. раб. № 76—92.
- ³¹ Архипов А. А. К истолкованию названия «Голубиная книга» // Этнолингвистика текста. С. 174—177.

Э. Л. Нитобург

«ЧЕРНО-БЕЛЫЕ» СМЕШАННЫЕ БРАКИ В США

Особое место среди семей афроамериканцев занимают так называемые черно-белые семьи — продукт межрасовых браков между черными и белыми американцами. Уже в XVII в. — с самого начала ввоза африканцев в североамериканские колонии Англии — происходил процесс мисцегенации, т. е. физического, в основном внебрачного, но также и брачного смешения их с индейцами и белыми колонистами. В то время африканцы и многие белые колонисты были там сервентами — кабальными слугами на срок. Поскольку негритянок в колониях тогда было мало, браки обычно заключались между сервентами — белыми женщинами и черными мужчинами, причем эти браки, по-видимому, были довольно многочисленными, ибо в ряде колоний появились законы, запретившие их под страхом наказания. Когда же негры стали там пожизненными сервентами, а затем рабами, правящая верхушка колоний, а позднее США сделала все, чтобы не допускать браков между черными (даже если они были свободны) и белыми. Поэтому вплоть до Гражданской войны 1861—1865 гг. процесс мисцегенации продолжался уже почти целиком за счет внебрачных сексуальных связей белых мужчин (в основном рабовладельцев, их сыновей и надсмотрщиков) с рабынями. Ко времени ликвидации рабства уже $\frac{1}{10}$ всех рабов и более $\frac{1}{3}$ свободных американских «цветных» были мулатами¹.

После ликвидации рабства законы о запрете межрасовых браков были отменены, и в годы Реконструкции даже на Юге были заключены многие сотни, а возможно, и тысячи таких браков². Однако на рубеже XIX—XX вв. в рамках созданной для сохранения возможностей сверхэксплуатации теперь уже «свободных» потомков черных рабов системы Джим Кроу в южных (а позже в ряде северных и западных) штатах были приняты законы о подсчете доли «негритянской крови», а также о запрете браков и внебрачных связей между белыми и «цветными». Накануне второй мировой войны в 31 штате (16 — на Юге, 15 — на Севере и Западе) межрасовые браки под страхом наказания все еще были запрещены законом³.

Тем не менее процесс внебрачного расового смешения продолжался, и за три века физическая ассимиляция американских негров, по оценкам американских антропологов, зашла настолько далеко, что к началу второй мировой войны удельный вес «чистых» негроидов среди афроамериканского населения США не превышал 22—25%⁴. Само понятие «негр» давно уже в США являлось весьма условным, ибо основывалось на мифологии о «крови», и в законах разных штатов определялось различно: человека, считавшегося в одном штате белым, в другом штате могли отнести к «цветным» со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Не существует никакого точного или единообразного определения по вопросу о том, кто является негром, и в штатах, где этот вопрос поднимается, суды далеки от единодушия относительно доли африканской крови, необходимой для того, чтобы классифицировать того или иного человека в качестве негра», —

писал в 1940 г. американский исследователь этой проблемы⁵. Тем не менее законы о подсчете доли «негритянской крови» у того или иного человека дожили на Юге США до последней трети XX в. Еще в 50-х годах во Флориде, Мэриленде, Миссури «цветным» считался каждый, кто имел хотя бы 1/8 «негритянской крови», в федеральном округе Колумбия — 1/16, в Луизиане — 1/32, а в Алабаме, Арканзасе, Джорджии, Оклахоме, Теннесси, Техасе — 1/64 ее долю. Даже в 1970 г. законодательное собрание Луизианы обсуждало законопроект о снижении «квоты», определяющей уровень «расовой чистоты» в этом штате до 1/16, но под нажимом расистов он был провален⁶. Существовало и популярное определение: «Одна доля негритянской крови делает человека негром». Не случайно известный американский этнограф М. Херсковиц еще в 1928 г. пояснял: «Мы говорим о неграх в нашей стране, но ясно, что было бы абсурдным употреблять слово „негр“ в его биологическом смысле. Американский негр — результат смешения, и применение к нему термина „негр“ — чисто социологическое»⁷. И в этой связи уместно напомнить, что хотя в большинстве штатов вплоть до самого последнего времени существовали законы, запрещающие небелым выдавать себя за белых, за последние 100 лет многие миллионы людей в США, имевших не поддающуюся определению примесь «негритянской крови», успели войти в число белых американцев. Установить точно, сколько в среднем светлокожих мулатов ежегодно осуществляют нелегальное перевоплощение из «цветных» в «белых», получившее в США название «пассинг» (passing — букв. «переход»), едва ли возможно. Оценки колеблются от 2—3 тыс. до 50 тыс. Однако социолог Р. Стакерт из университета в штате Огайо, используя метод «генетической вероятности», подсчитал, что к концу 50-х годов 28 млн., или 21 %, белых американцев имели частично африканское происхождение. С тех пор прошло еще 30 лет, и доля «чистых» негроидов среди черных американцев сейчас, на наш взгляд, едва ли превышает 15—18%⁸. Остальные — мулаты, причем часть их по цвету кожи, шевелюре, а иногда и чертам лица мало отличается от белых американцев.

Не менее интенсивно, чем физическая ассимиляция, происходил процесс культурной — а в последние десятилетия и социальной — ассимиляции черных рабов и многих поколений их потомков в США. Уже к концу XVIII в. только 20 %, а к концу XIX в. лишь 1 % представителей негритянского населения США были рождены в Африке. Африканцы в США постепенно превращались в американских негров, а затем в темнокожих американцев. Именно поэтому не только они сами, но и американские ученые называют их ныне не неграми, а черными (Black) или афроамериканцами⁹.

Процесс расового смешения черных и белых американцев, несомненно, развивался бы еще более интенсивно, если бы не упорное сопротивление межрасовым бракам со стороны большинства белых американцев, с раннего детства зараженных вирусом расизма, пропитавшего все поры американского общества. Даже в штатах, где законов, запрещающих браки между белыми и черными, не было, таких браков было очень немного. Тем не менее сотни голубоглазых и внешне не отличимых от белых американцев мулатов и мулаток бежали из родных мест, переходили нелегально в ряды белых и женились либо выходили замуж за белых или таких же светлокожих мулатов, которые могли сойти за белых. А их дети росли, не подозревая, что у них в жилах имеется «негритянская кровь». «Только таким путем, — писал социолог афроамериканец Э. Ф. Фрэйзер, — «цветные люди» могли ассимилироваться там, где межрасовые браки запрещены законом или осуждаются общественным мнением»¹⁰.

В 1934 г. в фильме «Искусственная жизнь» Голливуд впервые затронул эту проблему, показав трагедию светлой мулатки, выдавшей себя за белую и вынужденной отречься от родной матери-негритянки. В 1940 г. был снят фильм «Пинки», героиня которого также, оказавшись «ни белой, ни черной», полюбила белого американца. Она столкнулась с отчуждением и ненавистью, но не сдавалась. И все же ей пришлось отказаться от своего белого жениха — еще не на-

ступило в США время показывать на экране счастливый брак негритянки и белого. В 1949 г. появился фильм «Утраченные границы» о светлом мулате в маленьком городке Новой Англии, выдавшем себя за белого из страха потерять работу. Когда же выяснилось его расовое происхождение, от него отвернулись не только соседи, относившиеся к нему и его жене с симпатией, но и родные дети¹¹.

К сожалению, точных данных о динамике численности межрасовых браков вообще, и черно-белых в частности, по стране за первую половину XX в. нет ибо в подавляющем большинстве штатов данных такой статистики не сохранилось и не публиковалось. За последние 100 лет социологи и этнографы Ф. Гофмэн, А. Стоун, Д. Дрэкслер, Л. Вирт, Г. Голдхэммер, Д. Голден, Б. Барма, Т. Павелла, П. Якобсон, Д. Хиир и др. провели эмпирические исследования в ряде штатов и крупных городов. Но только в переписи 1960 г. появились данные о положении дел по стране в целом. Известно, что в Бостоне доля черно-белых браков максимального уровня — около 5% всех браков — достигла в 1914—1918 гг., но затем сократилась до менее 3% в 1934—1938 гг. В штате Нью-Йорк она в 1921 г. достигла 6,2%, к 1950 г. постепенно сократилась до 1,5%, а к 1963 г. снова выросла до 5,6%. Однако в среднем доля таких браков, по оценке Э. Фрэйзиера, даже в крупных городах до 1940 г. не превышала 3%, а по США в целом была во много раз ниже¹².

До второй мировой войны даже там, где не было законов о запрете черно-белых браков, на долю пары, заключившей такой брак, выпадали тяжкие испытания. Им не сдавали квартир в белых кварталах, и они жили обычно в черной общине либо в периферийных зонах на границе между белыми районами и черными гетто. Им трудно было взять такси или попасть в рестораны, где посетители — белые. Они испытывали трудности с устройством на работу и сохранением ее — приходилось скрывать правду о своем браке от хозяина и коллег по работе. Проблемой были отношения с церковью, с соседями, воспитание детей, если супруги решались завести их. Приходилось остерегаться всего, ибо, хотя насильственное вмешательство в их личную жизнь случалось редко, на улице обращение к ним незнакомых «должностных лиц» с требованием предъявить документы было обычным явлением. Полицейскому трудно было в те времена представить себе черно-белую пару в качестве мужа и жены. Женщина обычно рассматривалась как проститутка или психически больная, мужчина — как насильник или шофер¹³.

Положение стало постепенно меняться после второй мировой войны, и американские историки и социологи (Г. Боумэн, К. Деглер и др.) приводят перечень способствовавших этому факторов: возвращение многих солдат из стран Тихого и Индийского океана с женами «восточного происхождения»; резко возросшие темпы урбанизации афроамериканцев; увеличение притока в страну иностранных студентов, а также иммигрантов из Азии и Латинской Америки; распространение коммерческих и политических «интересов» США по всему миру; решение Верховного суда США в 1954 г. о запрещении расовой сегрегации в школах; подъем самосознания афроамериканцев; успехи их в борьбе за равные гражданские права и законы 1964 и 1965 гг. о гражданских правах, ликвидировавшие юридическую структуру системы Джим Кроу и разделение рас¹⁴.

В результате с 1940 по 1965 г. были отменены законы о запрете межрасовых браков в 15 штатах и число черно-белых браков заметно возросло. Так, в штате Мичиган с 1953 по 1963 г. оно удвоилось, а в Лос-Анджелесе за 11 лет, с 1948 по 1959 г., утроилось, хотя доля их по стране в целом сохранялась незначительной¹⁵. Отношение к таким бракам со стороны подавляющего большинства белых американцев все еще оставалось враждебным. Анджела Дэвис, член руководства Компартии США, в своей «Автобиографии» рассказывает, как после поездки в Нью-Йорк из Бирмингема (где она девочкой жила с родителями) она узнала, что «среди знакомых мамы была супружеская пара, бесплодные попытки которой снять квартиру приводили в отчаяние всех друзей! Разговоры на

эту тему мне были непонятны, пока взрослые не объяснили: причиной всех затруднений оказалось то, что она — черная, а он — белый!»¹⁶.

Перепись 1960 г. зарегистрировала в США 141,6 тыс. смешанных в расовом отношении пар, что составляло менее 0,4% всех брачных пар. Лишь 51,4 тыс. из них (или 0,13%) были черно-белыми. Примерно те же результаты были получены Центром медицинской статистики на основе собранных им отчетов о браках всех типов за 1963 г. Однако, как заявил тогда руководитель отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в Нью-Йорке, с учетом тех брачных белых пар, в которых кто-то из супругов является когда-либо нелегально перешедшим в белые «цветным», фактическое число черно-белых пар составляло более 600 тыс.¹⁷

В середине 60-х годов из 1,8 млн. в среднем ежегодно заключавшихся в США браков было около 8 тыс. межрасовых, в том числе менее 2,4 тыс. черно-белых¹⁸. Выпущенный в 1964 г. независимыми кинематографистами на экраны фильм «Раз картошка, два картошка», посвященный проблеме черно-белых браков, показал, что эта проблема теперь также выступила на авансцену развернувшейся в стране борьбы афроамериканцев за равные гражданские права. И если в первой половине XX в. большинство черно-белых браков заключалось среди лиц, занятых неквалифицированным и малоквалифицированным трудом, то в 50—60-х годах все больше их встречалось среди студентов колледжей и университетов, журналистов, артистов и других работников искусств, а также наиболее образованных и прогрессивных представителей интеллигенции¹⁹.

Но когда молодая американка Маргарет Раск весной 1967 г. вышла замуж за Гая Смита — это стало сенсацией, ибо Маргарет была дочерью государственного секретаря США Дина Раска, а Гай — «негром». И хотя многие американцы осудили этот «эксцентричный брак», считалось, что он касается только личного престижа госсекретаря. Однако 12 июня 1967 г. Верховный суд США единогласно принял решение, объявляющее все законы о запрещении межрасовых браков, существовавшие еще в 16 штатах, противоречащими конституции и недействительными²⁰.

Успокаивая, видимо, некоторых своих читателей и сообщая, что социологи предвидят лишь «умеренный рост» числа черно-белых браков, а отнюдь не опасность превращения американцев в «гибридную расу», журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» приводил в этой связи мнения проф. Эли Гинзберга из Колумбийского университета. «Я бы ожидал, что число межрасовых браков возрастет. В моих кампусах вы увидите молодых людей различных рас, социально принявших друг друга, — заявил он. — Но я не ожидаю более чем весьма скромного роста таких браков. Вероятно, не более 1% негров, которые вступят в следующем поколении в брак, заключат его с белыми». Тем более, добавил он, что, «вступая в брак с белой, негр иногда оказывается фактически в изоляции среди людей своей расы»²¹.

Иначе говоря, хотя юридически черно-белые браки теперь были узаконены, практически, зная о силе укоренившихся в сознании американцев предрассудков и стереотипов расистской мифологии о возможности «загрязнения белой расы», мало кто из американских социологов, так же как и из осведомленных о расовых отношениях в США людей за рубежом, полагал, что решение Верховного суда резко изменит ситуацию в этом вопросе. Так, корреспондент французского журнала «Нуво Кандид» летом 1967 г. обратился к 32-летней француженке, которая девять лет назад вышла замуж за писателя-афроамериканца, с вопросом: «Вы находитесь в положении дочери Дина Раска и, кроме того, имеете многолетний опыт совместной жизни смешанной пары. Скажите, трудно быть женой негра в том мире, в котором мы живем?» — «Да, особенно в Америке, — ответила она. — Маргарет Раск и ее мужу понадобится огромное мужество. Мы прожили с мужем в США два года и, не выдержав этой пытки, переехали во Францию. Находясь в Соединенных Штатах, я не могла думать ни о чем другом. Трудно представить себе, до какой степени все пропитано там расизмом». И да-

лее автор статьи в «Нуво Кандид» заключает: «Расовая проблема в США остается очень острой. Законы различных штатов расходятся в определении расовой принадлежности человека. Гражданин США, которого законы штата Джорджия называют негром, так как его прабабушка была мулаткой, во Флориде по всем правилам окажется белым, ибо негром там считается лишь тот, чья прабабушка была чистокровной негритянкой»²².

Характерно, что даже в ноябре 1970 г., т. е. спустя 3 года после отмены Верховным судом законов о запрещении межрасовых браков, суд в штате Алабама на основе существовавшего еще там местного закона против расового смешения отказал черной девушке мисс Филисс Бет, 18 лет, из Эннистона, в разрешении на брак с сержантом Луисом Вейером, белым, 21 года, из Хадсона, пробывшим 1,5 года во Вьетнаме и награжденным за мужество. Судья Клайд Бриттэйн отказал им, ибо в противном случае ему самому пришлось бы заплатить штраф в 1 тыс. долларов и отсидеть 6 месяцев в тюрьме²³.

Еженедельник «Тайм» в апреле 1970 г. сообщал, что проведенный незадолго до того агентством Л. Харриса опрос общественного мнения показал, что 72% белых американцев отрицательно отнеслись бы к браку их близких друзей или родственников с негром или негритянкой, тогда как 61% опрошенных афроамериканцев ответили, что их эта проблема «не волнует». В то же время опрос, проведенный в начале 1970 г. бостонской газетой «Глоб» среди студентов колледжей, показал, что 78% их одобряют межрасовые браки. Заметив, что «в последнее время даже невооруженным глазом» видно, как растет число таких браков, автор репортажа предсказывал, что перепись 1970 г. зарегистрирует большее число их, чем перепись 1960 г.²⁴

Так и оказалось: в 1970 г. черно-белых брачных пар было на 27% больше, чем в 1960 г., составив 65 тыс. Еще более быстрым темпом оно росло в последующие 15 лет, увеличившись в 2,5 раза и составив в 1985 г. 164 тыс. черно-белых брачных пар²⁵.

Наиболее полная монография профессора Алабамского университета Э. Портерфилда «Черные и белые смешанные браки» обобщила результаты сводных данных о числе и характере черно-белых браков в США и эмпирических исследований, проведенных в отдельных штатах и городах за время с 1874 по 1965 г., дополненных исследованиями, проведенными в 1971—1974 гг. самим автором. На основе накопившихся за 100 лет данных, полученных многими социологами, и собственных опросов респондентов он сгруппировал мотивы черных и белых американцев, вступивших в межрасовый брак, в три общие категории: 1) не связанные с расовыми аспектами — любовь, совместимость, беременность; 2) связанные с расовыми аспектами — другая раса более привлекательна и интересна; бунт против общества; белая женщина — «символ статуса»; белая женщина менее властолюбива; черная женщина более независима и самостоятельна; 3) маргинальное положение человека в своей расовой группе — желание иметь мужа, подходящего по образованию и профессиональному статусу; человек подвергается остракизму в своей расовой группе.

Полнобро анализируя характер всех трех категорий мотиваций, Портерфилд подчеркивает, во-первых, что, хотя они взаимно исключают друг друга, мотивы вступления в брак иногда представляют их комбинацию, и, во-вторых, что в связи с изменениями в системе расовых отношений в 60—70-х годах эти мотивы резко отличаются от тех, какими они были одно, два или три тысячелетия назад (в частности, большинство как черных, так и белых респондентов назвали в качестве своих мотивов «любовь» и «совместимость»)²⁶.

Что касается социальной характеристики лиц, вступавших в черно-белые браки, то результаты эмпирических исследований, особенно в конце XIX — начале XX в., были противоречивы. Часть социологов (П. Брюс, Ф. Гоффман, Э. Рейтер, С. Дрейк, О. Кэйтон, Э. Ф. Фрэйзиер) показали, что в такие браки чаще вступали процветающие черные и представители низшего слоя белых, причем последние нередко были недавними иммигрантами и, вступая в такой брак, не

осознавали его социальных последствий. В то же время У. Дюбуа, Д. Голден, Д. Бернард, Т. Павелла и др. считали, что в такие браки (особенно после второй мировой войны) вступали и квалифицированные рабочие, и представители интеллигенции. Они считали также, что большинство таких браков отличалось тенденцией к гармонии, т. е. к примерно равному социальному и профессиональному статусу вступивших в брачный союз лиц. Средний возраст их был, однако, выше, чем средний возраст сторон в однорасовых браках, поскольку для многих межрасовый брак был вторичным браком²⁷.

Исследования, проведенные самим Портерфилдом в начале 70-х годов в Шампань-Урбане (Иллинойс), Кэмбридже (Огайо), Бирмингеме (Алабама), Джексоне (Миссисипи), показали, что большинство черных и белых мужей и жен имели среднее и высшее образование и занимались квалифицированным трудом. И если средний возраст мужей, когда они вступали в смешанный брак, все еще несколько превышал средний возраст женихов во всем населении, то средний возраст жен, когда они вступали в черно-белый брак, был примерно тот же, что и у невест по стране в целом. Все это, как полагает Портерфилд, означает, что черно-белые браки постепенно становились подобными однорасовым не только по возрасту, но и более гомогенными в социальном и образовательном аспектах, несмотря на расовые различия партнеров²⁸.

Большинство проведенных с 1874 по 1965 г. эмпирических исследований показало, что в черно-белых браках преобладали гипогамные, т. е. включающие черного мужчину и белую женщину, хотя некоторые исследования (П. Якобсона и др.), а также перепись 1960 г. показали, что соотношение численности черно-белых гипогамных и гипергамных (белый мужчина — черная женщина) брачных пар оказалось 1:1 с незначительным превышением последних. Зато перепись 1970 г. показала 41 тыс. гипогамных и 24 тыс. гипергамных пар, перепись 1980 г., соответственно, 122 тыс. и 45 тыс. пар, данные 1985 г. — 117 тыс. гипогамных и 47 тыс. гипергамных пар²⁹. Явное преобладание числа гипогамных черно-белых пар над гипергамными подтвердили и результаты региональных исследований Портерфилда, объясняющего это преобладание, во-первых, уже перечисленными выше мотивами черных мужчин (бунт, против белого общества; белая женщина означает символ статуса; белая женщина меньше стремится властвовать в семье) и, во-вторых, такими причинами, как разница в положении черных и белых мужчин в США и роль эталона красоты в процессе брачного отбора.

Хотя белый мужчина, несомненно, имел большие возможности брачного выбора среди черных партнерш, это случалось крайне редко, ибо сексуальные отношения с черными женщинами для белых мужчин в США традиционно были относительно открыты и чтобы узаконить их, брак не был необходим. Если же черный мужчина испытывал влечение к белой женщине, то строгость существующих норм такова, что он был вынужден хоть в какой-то мере узаконить это влечение и соответствующие отношения браком³⁰.

Что касается эталона красоты, то в американском обществе (да и вообще в современном мире) для мужчин, в том числе и черных, таким считается красота белой женщины. Тем более, что черные американцы в течение ряда поколений рассматривали свой цвет кожи как негативное, нежелательное качество. Это было обусловлено шкалой ценностей, созданной белыми правящими классами во всех странах Америки еще в эпоху рабства африканцев, и именно эта шкала веками служила основой для того, чтобы судить о привлекательности других, так же как и давать оценку себе. Не случайно черные мужчины в странах Америки, и в том числе в США, всегда предпочитали в качестве брачных партнерш мулаток, а темнокожие мулаты — светлых мулаток³¹. Лишь в последние 15—20 лет в США значение цвета как определителя статуса, по мнению некоторых авторов, стало падать. Однако другие наблюдатели, и в том числе Портерфилд, считают, что «этот синдром, — как он пишет, — исчез отнюдь не полностью».

И это обстоятельство, по его убеждению, также объясняет тенденцию к гипогамным бракам³².

Исследования С. Дрейка и О. Кэйтона (в Чикаго), Д. Голдена (в Филадельфии) и др., проведенные в 40—50-х годах, свидетельствуют, что в прошлом даже в тех штатах, где никогда (либо уже) не было законов, запрещающих черно-белые браки, сила и эффективность социальных условностей и социального контроля были настолько велики, что период ухаживания у лиц, намеренных вступить в брак, проходил «подпольно», ибо не только белые родители и друзья, но и большинство черных таких отношений не одобряли. Поэтому о них ни родители, ни друзья часто не знали. Свадьба обычно была также тайной и чаще не церковной, а гражданской. Белые родители обычно старались вообще не сообщать знакомым и на работе о таком браке сына или дочери³³.

Однако экономические, социальные и политические изменения последних трех десятилетий привели к определенным переменам в области расовых отношений в США. В частности, Портерфилд сообщает, что многие, особенно молодые американцы, ныне меньше заботятся о том, что «люди скажут» о них, если они ухаживают или женятся на человеке другой расы. Исследования самого Портерфилда и ответы его респондентов показали, что число ухаживаний между белыми и черными растет и к ним стали относиться гораздо терпимее, с большей степенью «приемлемости», по крайней мере на Севере — в Иллинойсе и Огайо. Это подтвердили и проведенные тогда же (в начале 70-х годов) в масштабе страны службой Л. Харриса для журнала «Лайф» опросы общественного мнения, судя по которым почти 1 из каждых 5 американцев (в том числе на Западе среди молодежи до 25 лет — 1 из 3, а на Юге — 1 из 10) ухаживал за кем-либо (ею или им) иной расовой принадлежности. Свидания, вначале тайные, происходили затем не только в квартирах, но часто в кино, клубах, студенческих городках. Согласие родителей на брак получить было все еще трудно, но в остальном ухаживание, по свидетельству Портерфилда, не отличалось от «однорасового». Тем не менее, поскольку черно-белые браки в целом по стране пока еще далеки от получения всеобщего одобрения, большинство вступающих в них предпочитают устраивать малую и спокойную свадьбу с приглашением только самых близких родственников и друзей. И лишь в тех районах, где наблюдается наименьшее сопротивление черно-белым бракам, такие свадьбы иногда проходят в церкви и с сообщением в газете. Тогда, став «гвоздем сезона», они привлекают множество любопытных³⁴.

Во всяком случае, в ходе проведенного в 1975 г. опроса американских женщин на вопрос, как бы они реагировали, если бы их дочь решила выйти замуж за человека другой расы, только 14% белых женщин ответили, что согласились бы с этим, 38% — что согласились бы, но не одобрили, 44% — не одобрили бы и не согласились, и около 5% — что не знают. Среди афроамериканок подобные ответы дали, соответственно, 33, 29, 16 и 22%³⁵. Опрос явно показал, что даже согласие еще отнюдь не означало одобрение.

Выше уже отмечалось, что раньше черно-белая семейная пара практически оказывалась в изоляции. Семья родителей белого супруга обычно старалась свести контакты с ними до минимума. Родители черного если и хотели встречаться, то одобрение сделанного им выбора отнюдь не было автоматическим, поскольку черная община вообще осуждала браки с белыми и некоторые родственники считали черного участника межрасового брака «предателем». Тем не менее черной семьей и общиной белый супруг все-таки принимался, если были приемлемы его личные качества. В прошлом ряд исследователей (Р. Бэйбер, Р. Вирт, Г. Голдхэмер и др.) нашли, что примерно треть черных и белых невест, вступающих в черно-белый брак, до этого уже были замужем (а некоторые из них даже дважды); что доля вдовых среди черных и белых невест и женихов, вступающих в такой брак, была значительно выше, чем их доля в сравнимых возрастных группах населения города; что гипогамные браки (муж — черный, жена — белая) обычно были более стабильны и счастливы, чем гипергамные. Считалось

Характер реакции белой и черной общины на черно-белые семьи

Община и характер отношения	Общее число пар	Брачные комбинации	
		гипогамная (черный мужчина — белая женщина)	гипергамная (белый мужчина — черная женщина)
Белая община			
Положительное	8	2	6
Нейтральное	12	12	0
Отрицательное	20	18	2
Черная община			
Положительное	14	14	0
Нейтральное	16	8	8
Отрицательное	10	10	0

также, что в целом черно-белые браки были менее стабильны, чем однорасовые ³⁶.

Однако более поздние исследователи (У. Кепхарт, Т. Монэхэн, Д. Голден, Т. Павелла) опровергли эту точку зрения, показав, что черно-белые браки, как правило, оказываются более стабильными, чем однорасовые. «Это были не импульсивные юношеские браки. Эти пары имели сильную эмоциональную привязанность, независимо от того, была ли она основана на разуме или на чувствах», — комментировал результаты эмпирического исследования в штате Индиана один из социологов. Характерно, что, несмотря на обычные семейные конфликты и ссоры, вызываемые еще и психологической напряженностью супругов, обусловленной обстановкой, в которой приходилось и еще приходится жить черно-белым семьям, именно это внешнее давление и нажим нередко укрепляли связь супругов в таких семьях. Во всяком случае, Э. Портерфилд на основе своих исследований приводит как примеры счастливых и стабильных черно-белых семей, так и обратные примеры ³⁷.

Исследовав положение 40 черно-белых семей в двух северных и двух южных городах, он обнаружил, что и в 70-х годах большинство их испытывали неодобрение и враждебность со стороны окружающего общества. Только восемь из этих семей (в том числе шесть гипергамных) сохранили близкие отношения с белой общиной, соседями и друзьями. 12 семей сообщили, что в белой общине их подвергают остракизму и полной изоляции все, включая соседей и бывших друзей. В черной общине 14 семей встретили положительную реакцию, 16 — нейтральную и 10 — отрицательную.

Из семей, живших преимущественно в белых кварталах, девять находились в университетском городе Шампань-Урбана (Иллинойс) и одна — в Кэмбридже (Огайо). Другие семьи жили в черных либо в относительно смешанных кварталах. На Юге, в Бирмингеме (Алабама) и Джексоне (Миссисипи), все черно-белые семьи жили в черных кварталах ³⁸.

Новым оказалось не то, что к черно-белым семьям относились негативно в белых кварталах, а то, что они (особенно белые партнеры) в 70-х годах встретили враждебность к себе и в черных кварталах. Если раньше на афроамериканца, женившегося на белой женщине, другие черные нередко смотрели с благоволением, как на смельчака, нарушившего одно из «табу» белого общества, то в конце 60-х — начале 70-х годов в связи с ростом этноцентристских тенденций среди афроамериканцев многие из них воспринимали черных, вступивших в брак с белым партнером, как предателей своей «расы». Поэтому и белый партнер в черно-белом браке, в прошлом в большинстве случаев принимавшийся и живший в черной общине, столкнулся теперь с негативным отношением к себе там. При этом особенно враждебным стало и ранее отрицательное (из-за нехватки мужчин в черной общине) отношение к гипогамным бракам и семьям со стороны афроамериканок ³⁹.

Портерфилд выявил также, что некоторые из черных мужей и белых жен были уволены после того, как наниматели и фирмам, где они работали, стало

известно о характере их браков, хотя другие фирмы отнеслись к этому спокойно. В целом он вынужден был признать, что, несмотря на постепенно пробивающую себе дорогу тенденцию к ликвидации дискриминационных барьеров и ослаблению расовых предрассудков в США, черно-белые браки все еще осуждаются большинством белых американцев ⁴⁰.

Как правило, большинство черно-белых семей, подвергаясь социальному ostracismu и не чувствуя себя достаточно обеспеченными в семейной жизни, воздерживались от риска заводить лишних детей. К тому же в процессе воспитания детей они сталкивались с множеством проблем, непонятных тем, кто состоял в браке с представителем своей расы. Некоторые исследователи полагали, что часто дети-мулаты из-за неопределенности их идентификации оказываются в большей мере «жертвами» черно-белых браков, чем их родители. Такие дети сталкиваются с ситуациями, вызывавшими у них реакцию вины и тревоги, ощущение незащищенности и эмоциональной нестабильности. Кроме того, желая идентифицировать себя с обоими родителями и разрываясь между лояльностью к ним обоим, они оказывались в очень трудном для подростка положении. В результате у них нередко развивалось чувство недовольства против одного или обоих родителей ⁴¹.

По мнению Д. Долларда, особенно трудно приходилось в прошлом из-за своей внешности светлокожим детям-мулатам на Юге. Чем ближе она была к европеоидной, тем острее ощущалась вероятность того, что это — результат запрещенных сексуальных контактов. Р. Бэйбер также отмечал, что не имеющие «расы» дети из черно-белых семей отвергались как белыми, так и черными сверстниками, обзывающими их «полукровками» и т. д. Да и в самих таких семьях, где один ребенок был черным, а другой — белым, это иногда приводило к ссорам не только детей, но и родителей. Описывался, например, случай, когда в семье у белого мужа и черной жены сын был белым, а две его сестры — черными, и когда они ссорились, самым эффективным аргументом для брата было назвать сестер «ниггерами» (букв. «черномазыми», так называют в США черных расисты). Это не только приводило девочек в бешенство и отчаяние, но и возбуждало родителей. В другом случае в семье с черным отцом и белой матерью черная девочка ненавидела мать за то, что она — белая, а отца любила потому, что он тоже был черный. Ее маленький белый брат, наоборот, любил мать, но ненавидел сестру за то, что она не терпела мать. В третьем случае, с белым отцом и черной матерью, последняя была в постоянной обиде на обеих дочерей, стеснявшихся представлять ее как свою мать друзьям и стремившихся знакомить их только со своим отцом ⁴².

Портерфилд, отметив, что к 70-м годам положение несколько изменилось, тем не менее подтверждает сложность положения детей в черно-белых семьях. Респонденты, пишет он, говорили, что достаточно в такой семье, живущей в черной общине, иметь одного светлокожего ребенка, чтобы когда-нибудь, вернувшись из школы, он спросил: «Кто я? Белые ребята в школе говорят, что я негр, а негритянские на соседней улице, — что я белый. Черный я или белый?». И многие матери, отвечая, предпочитали теперь в таких случаях термин «коричневый». Социолог Д. Вашингтон пишет в этой связи, что в черной общине такой ребенок считается черным, но ко времени поступления в колледж или при подыскании работы светлый цвет кожи может оказаться ему выгодным ⁴³.

Некоторые из светлокожих детей-мулатов, подрастая и становясь взрослыми, решали свои проблемы путем «пассинга». Иногда они покидали родителей еще совсем молодыми, в других случаях — после завершения образования либо делали это после смерти родителей. При не очень тесных семейных связях и глубоких корнях в черной общине «пассинг» был и остается лучшим выходом из их трудной ситуации и способствует ускорению не только культурной, но и социальной ассимиляции этих афроамериканцев. Большинство же детей-мулатов остаются в черной общине, тем более что некоторые черно-белые семьи вообще не информировали своих белых родственников о наличии у них детей

из страха, что те откажутся от родства с ними, ибо редко белые родственники, даже если они терпимо отнеслись к межрасовому браку, приветствовали детей от него.

Портерфилд считает, что в будущем черно-белые браки смогут «оказать огромное воздействие на расовые отношения в США», и в заключительной части своей книги выражает надежду, что в перспективе для таких браков «сложится более благоприятный климат... ибо общество продолжает становиться более расположенным в пользу свободы и личных прав человека, независимо от его расы, цвета кожи, убеждений или религии»⁴⁴.

Однако в сентябре 1980 г. газета «Лос-Анджелес Таймс» сообщала, что даже на Западе, не говоря уж о Юге, черно-белые семейные пары сталкиваются с широко распространенной расовой дискриминацией. В 1982 г. редактор монографии «Афроамериканская семья» и автор статьи в ней — Б. Э. Басс, заметив, что климат межрасовых отношений по сравнению с концом 60-х годов стал несколько мягче и в торговых центрах больших городов черно-белые пары теперь могут чувствовать себя относительно спокойно, далее писала: «...но в маленьких городах и на Севере и на Юге они еще привлекают к себе большое внимание. Хотя кое-что могло измениться, но восприятие многими людьми черно-белых пар и отношение к таким бракам не изменилось»⁴⁵.

Более того, в годы пребывания у власти администрации Р. Рейгана напряженность в расовых отношениях в стране не только не ослабла, но даже вновь усилилась. Это сказалось и на отношении к черно-белым семьям, рискнувшим приобрести дом в белом квартале. Так, осенью 1986 г. поселившегося со своей белой женой Мариэт и семилетней дочкой в белом квартале Филадельфии афроамериканца Чарльза Уильямса уже через неделю вынудили выехать оттуда и покинуть город. Толпа в 400 разъяренных белых расистов окружила их дом и грозила расправиться с Чарльзом и дочкой. В той же Филадельфии в подобном положении оказались Джеральд Фокс и его белая жена Кэрол с двумя детьми, фотографию которых воспроизвел рассказавший об этих фактах журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт»⁴⁶.

О том, насколько малореальной представляется выраженная Э. Портерфилдом надежда на «более благоприятный климат» в обозримом будущем для черно-белых браков, говорят и данные социальной статистики. Хотя число межрасовых брачных пар за четверть века, с 1960 по 1985 г., выросло почти в 5,6 раз, а доля их в общей численности брачных пар в США — с 0,36 до 1,5%, число черно-белых брачных пар за это время выросло лишь в 3,1 раза, и поэтому доля их в общем числе межрасовых брачных пар даже сократилась с 36,2 до 20,1%⁴⁷. Показывая, как высок еще уровень расовой эндогамии в области брачного отбора в американском обществе, эти данные свидетельствуют, насколько далека перспектива полной интеграции переходной субэтнорасовой общности афроамериканцев в состав гетерогенной североамериканской нации⁴⁸ при существующих в стране общественных отношениях.

Примечания.

¹ Африканцы в странах Америки. М., 1978. С. 8, 18, 19, 365; Нитобург Э. Л. Негры США. XVII — начало XX в. М., 1979. С. 111, 114; Green L. J. The Negro in Colonial New England, 1620—1776. N. Y., 1945. P. 198—200; Reuter E. B. The Mulatto in the United States. N. Y., 1918 (1969). P. 82, 158; Bennet L. Before the Mayflower. A History of Black America. Chicago, 1969. P. 243—249, 263—270.

² Bennet L. Op. cit. P. 263—264.

³ Kennedy S. Jim Crow-Guide to the U. S. A. L., 1959. P. 15—71; Ethnic Leader in America. Baltimore, 1978. P. 95.

⁴ См.: Herskovits M. The Anthropometry of the American Negro, N. Y., 1930. P. 177; DuBois W. E. B. Black Folk, Then and Now. N. Y., 1939. P. 197.

⁵ Mangum C. S. The Legal Status of the Negro. Chapel Hill, 1940. P. 1.

⁶ Чиркин В. Е. Дискриминация национальных меньшинств в США. М., 1958. С. 11; Известия. 14.VI.1970.

⁷ Herskovits M. The American Negro: a Study in Racial Crossing. Bloomington, 1964. P. 17.

- ⁸ *Stuckert R. S. African Ancestry of the White American Population // Ohio Journal of Sci.* May 1958. V. 59. № 3. P. 155; *Грубогин Л. Э. Белые «негры» // Новая и новейшая история.* 1985. № 1. С. 202—205.
- ⁹ *Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross.* Boston, 1974. P. 23—24; *Blassingame J. W. The Slave Community.* N. Y., 1975. P. 2; Африканцы в странах Америки. С. 55—58.
- ¹⁰ *Frazier E. F. Race and Culture Contacts in the Modern World.* N. Y., 1957. P. 317.
- ¹¹ *Боноски Ф. Две культуры.* М., 1978. С. 293—294.
- ¹² *Frazier E. F. The Negro in the United States.* P. 698; *Berry B. Race and Ethnic Relations.* Boston, 1965. P. 280, 291, 292; *Bennet L.* Op. cit. P. 271; *Porterfield E. Black and White Mixed Marriages.* Chicago, 1978. P. 25—26; U. S. News and World Report. 26.VI.1967. P. 25.
- ¹³ *Drake S., Cayton H. Black Metropolis: A Study of Negro Life in a Northern City.* N. Y., 1945. P. 141—149; *American Sociological Review*, April 1954. V. 19. № 2. P. 145—147.
- ¹⁴ *Frazier E. F. Race and Culture...* P. 83; *Bowman H. A. Marriage for Moderns.* N. Y., 1965. P. 207—297; *Degler C. N. Neither Black nor White.* N. Y., 1971. P. 286.
- ¹⁵ *Social Forces.* Dec. 1963. V. 42. № 2. P. 156—165; U. S. News and World Report. 26.V.1967. P. 25.
- ¹⁶ *Davis A. An Autobiography.* N. Y., 1974. P. 84.
- ¹⁷ *Heer D. M. Negro-white Marriages in the United States // Journal of Marriages and the Family.* August 1966. V. 27. № 3. P. 262—273; U. S. News and World Report. 26.V.1967. P. 25; *Bennet L.* Op. cit. P. 271; *Social Forces.* Dec. 1963. V. 42. № 2. P. 156—165; *The Time.* 6.IV.1970. P. 52; *Social Biology.* 1970. V. 17. № 4. P. 292—298.
- ¹⁸ U. S. News and World Report. 26.V.1967. P. 25.
- ¹⁹ *Боноски Ф. Указ. паб. С. 292—293; Bennet L.* Op. cit. P. 271; *Larsson M. Marriage Across the Color Line.* N. Y., 1965. P. 37; *Staples R. Negro-white sex Fact and Fiction // Sexology.* 1968. V. 35. P. 49—58; *Day B. Sexual life between Blacks and Whites: the Roots of Racism.* N. Y., 1972. P. 257, 266, 267, 275, 276.
- ²⁰ U. S. News and World Report. 26.V.1967. P. 25; *Negro History Bulletin.* May 1971. V. 34. № 5. P. 101, 103.
- ²¹ U. S. News and World Report. 26.V.1967. P. 25.
- ²² *За рубежом.* № 44. 27.X.1967. P. 19.
- ²³ *Daily World.* 9.XII.1967.
- ²⁴ *The Time.* 6.IV.1970. P. 52.
- ²⁵ *Statistical Abstract of the United States (далее — SA).* W., 1987. P. 39.
- ²⁶ *Porterfield E.* Op. cit. P. 62—83.
- ²⁷ *Sdem.* P. 33—37; *Family and Marriage Living.* 1964. V. 26. P. 209.
- ²⁸ *Porterfield E.* Op. cit. P. 45—53, 87.
- ²⁹ *Carter H., Glick F. Marriage and Divorce.* Cambridge, 1976. P. 119—180; SA — 1987. P. 39. Гипогамия — форма смешанного брака, когда мужчина женится на женщине, обладающей более высоким статусом, и тем самым поднимает свой статус (раса, класс, каста). Гипергамия — женщина выходит замуж за мужчину с более высоким статусом.
- ³⁰ *Porterfield E.* Op. cit. P. 92—93, 96—97.
- ³¹ См.: Африканцы в странах Америки. С. 366, 368, 376—378, 380; *Нитобург Э. Л. О «капле крови» в странах Америки // Советская этнография (далее — СЭ).* 1987. № 5. С. 541—555.
- ³² *Porterfield E.* Op. cit. P. 94—95.
- ³³ *Drake S., Cayton H.* Op. cit. P. 129—154; *Golden J. Characteristics of the Negro-White Intermarriage in Philadelphia // American Sociological Review.* 1953. V. 18. № 2. P. 177—183; *idem. Patterns of Negro-White Intermarriage // American Sociological Review.* 1954. V. 19. № 2. P. 144; *Hunt C., Collier R. Intermarriage and Cultural Change // Social Forces.* 1957. V. 37. № 3. P. 229.
- ³⁴ *Porterfield E.* Op. cit. P. 99—103.
- ³⁵ *Ebony.* Sept. 1975. P. 144—151.
- ³⁶ *Baber R. A Study of 325 Mixed Marriages // American Sociological Review.* Oct. 1937. V. 2. P. 705—716; *Characteristics of the American Negro / Ed. Klineberg O.* N. Y., 1944. P. 276, 277; *Berry B.* Op. cit. P. 293.
- ³⁷ *Porterfield E.* Op. cit. P. 40—42, 105—110.
- ³⁸ *Porterfield E.* Op. cit. P. 126—130, 136. В 1920 г. на 100 черных женщин в США приходилось 99, в 1976 г.—91,4, а в 1984 г.—89,8 черных мужчин.
- ³⁹ *Ibid.* P. 140—148. См. также: *The Afro-American Family. Assessment. Treatment and Research Issues.* N. Y., 1982. P. 352; *Day B.* Op. cit. P. 201, 211—212, 220.
- ⁴⁰ *Porterfield E.* Op. cit. P. 141—142, 144, 149.
- ⁴¹ *Gordon A. Intermarriage.* Boston, 1964. P. 333—334; *Berry B.* Op. cit. P. 293.
- ⁴² *Dollard J. Caste and Class in a Southern Town.* N. Y., 1949. P. 156—157; *Baber R. E.* Op. cit. P. 705—706.
- ⁴³ *Porterfield E.* Op. cit. P. 111—115; *Washington J. Marriage in Black and White.* Boston, 1970. P. 296.
- ⁴⁴ *Porterfield E.* Op. cit. P. 171.
- ⁴⁵ *The Afro-American Family...* P. 353, 355.
- ⁴⁶ *Комсомольская правда.* 19.XII.1986.
- ⁴⁷ Подсчитано по: SA — 1974. P. 40; SA — 1987. P. 39.
- ⁴⁸ См.: *Нитобург Э. Л. О характере этнической общности афроамериканцев США // СЭ.* 1985. № 5. С. 36—47.

Р. Р. Рахимов

ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАРУБИН
(1887—1964)

Жизнь, научная и педагогическая деятельность профессора Ивана Ивановича Зарубина, 100-летие со дня рождения которого недавно исполнилось, уже привлекали внимание его учеников, коллег, людей, близко знавших замечательного ученого и педагога¹.

И. И. Зарубин в Советском Союзе и за его пределами широко известен как выдающийся ученый-иранист, основоположник научного таджиковедения и памироведения. И. И. Зарубин был человеком широкого исследовательского диапазона, создателем советской школы живых иранских языков и диалектов, автором многих оригинальных трудов по этнографии, языкам и фольклору ираноязычных народов, обитающих на территории Советского Союза. Его труды в высокой степени содействовали расцвету советской иранистики, а его методика лингвистического анализа живых языков пользуется широкой популярностью. Достойны подражанию четкость, строгость и ясность, характерные для работ И. И. Зарубина.

Педагогическая деятельность И. И. Зарубина долгие годы была связана с Туркестанским (Среднеазиатским) восточным институтом (1919—1920 гг.), Ленинградским институтом живых восточных языков (1925—1933 гг.), Историко-лингвистическим институтом (1930—1937 гг.), Курсами национальных меньшинств Советского Востока (1932—1933 гг.), Курсами редакторов и переводчиков классиков марксизма (1934—1935 гг.) и Ленинградским гос. университетом, где он работал с 1928 по 1949 г. сначала на кафедре этнографии, а затем на кафедре иранской филологии восточного факультета, где преподавал таджикский, белуджский и памирские языки. В период эвакуации с сентября 1942 по сентябрь 1944 г. он вел педагогическую деятельность в Таджикском педагогическом институте в Сталинабаде (Душанбе).

Прекрасный педагог и воспитатель, И. И. Зарубин обладал незаурядной способностью сочетать блестящее педагогическое мастерство с исключительной добросовестностью, будучи одинаково требовательным как к себе, так и к своим ученикам. Он придавал большое значение подготовке кадров из числа представителей национальностей среднеазиатских республик. У него учились представители иранских народов — таджики, осетины, курды, белуджи, памирцы, таты и др. Многие советские исследователи иранских языков являются его учениками.

И. И. Зарубин родился 10 октября (27 сентября) 1887 г. в Петербурге в семье врача. Среднее образование получил в гимназиях Одессы и Петербурга. В 1905—1906 гг. учился на социологическом факультете Высшей вольной школы при Биологической лаборатории профессора Лесгафта, где, по сообщению В. С. Расторгуевой, он посещал лекции Д. Н. Овсяннико-Куликовского по введению в языкознание². В 1907 г., став студентом Петербургского университета, И. И. Зарубин занимался одновременно на двух факультетах — историко-филологическом (дальневосточном отделении) и юридическом³.

За участие в студенческих беспорядках в 1910 г. он был исключен из университета. Экзамены за университетский курс сдал экстерном. В 1911/1912 учебном году учился в Практической Восточной Академии.

В студенческие годы И. И. Зарубин работал в составе Дальневосточной этнографической экспедиции под руководством Л. Я. Штернберга «по фотографической обработке и регистрации коллекций»⁴ (1910 г.). Работа в составе этой экспедиции надолго связала И. И. Зарубина с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ). Вскоре появилась возможность для поездки в Среднюю Азию «для этнографических, антропологических, лингвистических исследований и сбора коллекций»⁵. Надо сказать, что молодого Зарубина привел туда случай, сделавший его впоследствии иранистом. В 1914 г. в соответствии со своей университетской специализацией он просил направить его на Дальний Восток. Но такой экспедиции тогда не предвиделось. Л. Я. Штернберг предложил ему поехать на Памир вместе с известным французским иранистом Р. Готье. Готовясь к этой поездке, И. И. Зарубин самостоятельно начинает изучать таджикский язык⁶. Данная экспедиция, организованная совместно МАЭ и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, отправилась на Памир для систематического и по возможности исчерпывающего обследования припамирских ираноязычных народов. Но работа вскоре была прервана разразившейся первой мировой войной. Руководителю экспедиции — профессору, французскому офицеру запаса Р. Готье пришлось оставить полевою работу и срочно выехать на родину, где ему суждено было стать не только участником, но и жертвой этой войны — он скончался в Париже в сентябре 1916 г. от полученных на фронте ран.

«Хотя экспедиция была непродолжительной, — отмечается в экспедиционном отчете Р. Готье и И. И. Зарубина, — она собрала немало материалов и уже дала определенные... результаты»⁷. Как явствует из отчета, участники экспедиции собрали лингвистический и этнографический материалы, в том числе по обычаям и религии, выполняли антропологические измерения, проводили фотографирование предметов быта и культуры местного населения.

Основные результаты экспедиции 1914 г. И. И. Зарубин изложил в самостоятельной работе⁸. Первоначально И. И. Зарубин не предполагал издавать эти еще необработанные материалы, «собиравшиеся в течение всего только четырехнедельного пребывания в стране припамирских таджиков...»⁹. Однако отсутствие этнографических материалов, в частности о долине Бартаंगा, о которой не было даже небольших заметок этнографического или лингвистического характера, заставило И. И. Зарубина, не дожидаясь результатов последующих исследований, опубликовать собранные в 1914 г. материалы. «По необходимости, — замечает автор, — они должны быть отрывочны и не полны... в этом отношении могут быть ошибки и погрешности, которые я надеюсь исправить в будущем»¹⁰. Но в следующей поездке на Памир он занимался преимущественно фольклором и лингвистикой, и это издание осталось первоисточником по этнографии припамирских таджиков.

Во время работы в МАЭ молодой Зарубин познакомился и сблизился с выдающимся русским тюркологом академиком В. В. Радловым, оказавшим большое влияние на формирование взглядов и методов исследовательской работы молодого ученого¹¹. В. С. Расторгуева установила, что именно по настоятельному ходатайству академика В. В. Радлова Зарубину было разрешено сдать экзамены за университетский курс экстерном¹²; впоследствии И. И. Зарубин становится одним из учредителей Радловского кружка. Среди тех, кто оказывал влияние на формирование научных взглядов молодого Зарубина, были не только Л. Я. Штернберг и В. В. Радлов, но также В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Л. В. Щерба и другие выдающиеся ученые.

В МАЭ, а затем с 1933 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР И. И. Зарубин работал с 1910 по 1934 г., занимая последовательно должности научного сотрудника, ученого хранителя и старшего

специалиста, зав. отделом мусульманских народов Средней Азии (впоследствии отдел Передней и Средней Азии). В 1941 г. был вновь утвержден (с сохранением по совместительству работы в Институте языка и мышления) в должности зав. отделом Передней и Средней Азии. В ней И. И. Зарубин находился до 1946 г. После этого он стал сверхштатным научным сотрудником без содержания, поскольку с 1934 г. сохранял работу по совместительству в Институте языка и мышления, где он в 1944—1946 гг. был зав. иранским кабинетом.

В науке И. И. Зарубин не замыкался в рамках узкой специализации — иранистики. Он интересовался целым комплексом проблем иранистики, принесших ему в равной мере известность в области этнографии, языкознания, истории, фольклористики, музееведения. И. И. Зарубин создал собственное направление в науке и свою научную школу. Впервые в истории иранского языкознания им было поставлено планомерное изучение таджикского языка, впервые приведены научные сведения о ванчском языке. Широко известны его описания и материалы по орошорскому, бартангскому, рушанскому, шугнанскому, мунджанскому, ваханскому, белуджскому, вершикскому языкам. Осуществленные им записи текстов, как и описание лингвистических, фольклорных или этнографических фактов, отличаются образцовой точностью и совершенством.

И. И. Зарубин активно выполнял также научно-общественную работу. Он принимал живое участие в создании алфавитов и литературных языков — таджикского, еврейско-таджикского, белуджского и др. В 20-е годы он много участвовал в многочисленных конференциях и съездах по изучению производительных сил Средней Азии, в совещаниях по районированию Узбекской ССР и Таджикской АССР, привлекался к консультациям по национальным и демографическим вопросам различными правительственными, партийными и общественными организациями, как центральными, так и местными. По сведениям В. С. Расторгуевой, получив диплом в Харьковском университете на юридическом факультете, И. И. Зарубин занимался также адвокатской практикой¹³.

Жизнь этнографа-полевика, каким был И. И. Зарубин, трудно представить без научных экспедиций. За время работы в МАЭ И. И. Зарубин предпринял семь поездок в разные районы Средней Азии (всего им было совершено туда 13 поездок). Он выбрал один из наиболее отдаленных районов и едва ли не самый трудный путь — исследователя Памира. Рассказывая об одном из своих путешествий в долину Бартанга, он пишет: «Тропинка проходит по берегу, то поднимаясь очень высоко, то опускаясь к самой воде; кой-где нужно просто опускаться в воду, чтобы обогнуть неприступный утес. Несколько раз разгружали лошадей и на руках переносили багаж... в темной воде озера не видно подводных камней. Лошади боятся и скользят. Несколько раз случалось, что какая-нибудь из лошадей оступалась, падала в глубокую воду, и, конечно, наши вещи промокали насквозь...»¹⁴. Нередко маршрут исследователя проходил там, где вовсе не было следа какой-либо тропинки.

И. И. Зарубину было свойственно упорство и настойчивость исследователя, непоколебимый характер человека, всецело отдавшего себя интересам избранного пути. «Глубокоуважаемый Лев Яковлевич, — пишет он в письме к Л. Я. Штернбергу 2 августа 1914 г., — 30 июня мы выехали из Памирского поста и направились в долину Бартанга... Первая часть нашего путешествия продолжалась ровно месяц, но из этого месяца пришлось работать только 14 дней... дорога страшно трудная, верхом можно проехать сравнительно небольшую часть пути, почти все время приходилось идти пешком, местами босиком, карабкаясь и цепляясь за камни, или плыть на турсуках, причем и мы, и все вещи... промокли... насквозь»¹⁵.

Летом 1915 г. И. И. Зарубин снова уезжает на Памир, на этот раз на полтора года. Предполагалось не только продолжить исследования языка и

быта народов Памира, но и расширить районы обследования. Прodelанный исследователем в труднейших условиях путь подробно описан в его небольшой «Записке», опубликованной в 1916 г.¹⁶

Вторая поездка на Памир оказалась очень плодотворной. Уже в сентябре 1915 г. И. И. Зарубин сообщает Л. Я. Штернбергу: «Почти закончена записка и наблюдением одна сторона жизни таджиков (впрочем, одна из самых серьезных) — земледелие и связанные с ним праздники и обычаи. На Язгуляме я нашел один обряд, показавшийся мне чрезвычайно любопытным... Но я не буду Вам писать больше о собранных материалах — пришлось бы писать слишком много; уже имеются 12 тетрадей лингвистических и этнографических записей»¹⁷.

Накопленные в результате этой поездки богатейшие материалы впоследствии легли в основу целой серии работ И. И. Зарубина. Одна из наиболее ранних публикаций этой серии — небольшая, но очень информативная работа под названием «Образец припамирской народной поэзии»¹⁸ — содержит колыбельную песню на бартангском языке. Тексту, снабженному русским переводом и примечаниями, предпослан небольшой очерк, в котором автор говорит о поэтических особенностях этого жанра народной поэзии, о чертах, роднящих его с лирической песней. По такому же принципу построены «Два образца припамирской народной поэзии» и «Сказание о первом кузнеце в Шугнane». Текст легенды о первом кузнеце невелик, состоит всего из 11 строк. Но автор подверг его столь тщательному и глубокому анализу, что легенда «дала» буквально все, что могла дать фольклористике, этнографии и лингвистике¹⁹.

Вторая поездка И. И. Зарубина на Памир была более чем успешной. «Я работой и достигнутыми результатами доволен, — сообщает он Л. Я. Штернбергу. — Только теперь вижу, насколько полезной и необходимой была прошлогодняя поездка при всем ее разведочном и скоропалительном характере. Она не дала больших и серьезных результатов, но зато она подготовила почву для моей теперешней работы, указала мне путь и методы, которыми нужно пользоваться, чтобы, при сравнительно малой затрате времени и труда, подойти к интересному материалу. Я склонен думать теперь, что всякому мало-мальски продолжительному и длительному исследованию должна предшествовать подобная подготовительная поездка»²⁰.

Фольклорно-этнолингвистические работы, опубликованные И. И. Зарубиным по результатам экспедиции 1915—1916 гг., ввели в науку обширный новый материал не только по лингвистике и фольклористике, но и по этнографии припамирских народностей. Готовя к публикации «Одну орошорскую сказку», автор преследовал в основном лингвистические цели. Но избранная И. И. Зарубиным методика исследования позволила данной публикации служить также целям этнографического изучения культуры. Таким образом, обнаруживается прямая связь между статьей И. И. Зарубина «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги» и указанными работами, построенными на фольклорном материале: если в статье о рождении шугнанского ребенка описываются обряды рождения, то в «Образце припамирской народной поэзии» дан этнографический материал о колыбельной песне, о роли и значении последней в процессе воспитания детей. Что касается «Одной орошорской сказки», то в ней определенным образом отразилось представление орошорцев о детях, об их волшебной невосприимчивости к насильственной смерти.

Сказанное можно отнести и к работам И. И. Зарубина, посвященным фольклору. Примером тому служит устная традиция белуджей, зафиксированная И. И. Зарубиным²¹. В сборнике белуджских сказок есть сказка «О Джантеге и Деде-гаргашанге», которая дает представление об отношении изучаемой народности к детям. Эта сказка представляет собой вариант широко известного фольклорного сюжета ираноязычных народов. Белуджская версия повествует о том, как царь, опечаленный тем, что у него нет детей, соглашается даже на рождение мертвого ребенка. Через год у царской жены родился ребенок,

ю тут же появился ангел смерти — Азраил и унес новорожденного на небо. «Азраил, — повествует сказка, — его отнес и оживил; ребенок вырос. Спустя несколько лет, юношей, он прибывает в царство отца; родитель бросается ему на шею и долго рыдает от счастья».

«Белуджские сказки», вследствие их насыщенности мотивами, имеющими отношение к детской тематике, заслуживают пристального внимания. Но прежде следует сказать, что этому изданию предшествовала интересная работа И. И. Зарубина по белуджскому языку и фольклору²², связанная с его двумя поездками к белуджам (в 1928 и 1929 гг.). Записи и наблюдения проводились исследователем в Байрам-Алийском и частично Йолатанском р-нах Туркменской ССР, а также в Мерве (совр. Мары). И. И. Зарубин обратил внимание на то, что к моменту фиксации данных по изучению языка и фольклора белуджей сведения о белуджах, населявших указанные районы, отсутствовали не только в научной литературе, но и в общей печати. В данной статье приводятся несколько песен, сопровождаемых русским переводом. В них отражен жизненный идеал белуджей, их представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества (*марди*), недостаток которого — величайший позор. Живописные образы, рисующие поведение, достойное доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымышлены, и содержание песни — правда (одновременно правда-истина и правда-справедливость). И. И. Зарубин много внимания уделял общественному положению певца эпической поэзии. Почти каждая песня — плод его личного творчества. Область народного творчества, где белуджская фантазия проявлялась с особой силой, это сказки, преимущественно волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами.

Что касается «Белуджских сказок», изданных И. И. Зарубиным вслед за указанной статьей, они достойны внимания по многим причинам, и в первую очередь потому, что в них отражены черты социально-возрастной специфики белуджей. И. И. Зарубин предупреждает читателя, что эти сказки не должны считаться лучшими образцами белуджского сказочного творчества, поскольку он собирал сказочный материал главным образом не у сказителей или сказочников-специалистов, а среди белуджской молодежи, учившейся в 1928—1929 гг. в Мерве и частично в Ленинграде²³. Информаторами И. И. Зарубина часто были подростки 14—15 лет.

Как известно, в сказочном репертуаре подростков имеются особенности, характерные для подросткового сказочного творчества; в них отражены черты, свойственные детскому языку и стилю. Они еще не успели «повзрослеть». Юные рассказчики И. И. Зарубина распоряжались сказочным материалом довольно свободно: отдельные эпизоды переносились из одной сказки в другую, сюжеты вливались и переходили один в другой, создавались новые варианты одних и тех же сказок. Сказки, записанные И. И. Зарубиным, удовлетворяли художественные потребности белуджских подростков, отражали их взгляды и воззрения. В них, как в фокусе, отражена социализирующая функция сказки. Отсюда и интерес к «Сказкам» как к миру белуджских детей, своеобразной их субкультуре.

Когда И. И. Зарубин записывал «Белуджские сказки», ему было 41—42 года. Казалось бы, подростки вследствие неизбежной возрастной дистанции не должны были ему — этому, с точки зрения детей, взрослому «цензору», да еще «не своему» — доверять свои тайны. Но они ему доверяли вполне. И. И. Зарубин как бы «растворялся» в белуджской подростковой среде, став для местных детей социально: «однородным» участником общения, так сказать, «своим» компаньоном. Дети доверяли Зарубину все, включая особенности своей лексики, часто неодобряемые взрослыми. Так, в сказке «Об исполнении завета покойного отца» младший из трех братьев-царевичей напоминает старшим братьям о просьбе похороненного накануне отца оберегать его могилу в течение первых трех ночей. Те ему отвечают грубо: «Совокупимся с матерью

твоего отца» (ti pišāi māsā bgāyan), — мол, убирайся, кто исполняет наказ мертвеца?

Интерес исследователя к особенностям языка подростков не случаен: указанное выше выражение, судя по материалу, относящемуся к другим ираноязычным народам, для фольклорных сюжетов взрослых запретно и, как показывают наблюдения автора этих строк, является типичной чертой языка холостой молодежи, своеобразной маркировкой данной социально-возрастной категории. У таджиков, в том числе таджиков Афганистана, например, выражение, подобное приведенному И. И. Зарубиным, означает определенную заявку подростка, уровень его притязаний, его биосоциальную готовность принять на себя роль взрослого. В белуджской сказке старшие братья хотя и заявляют о своих притязаниях, но для их реализации ничего не предпринимают. Это и понятно: хлопоты о женитьбе сына обычно входят в обязанность отца, а его у них нет.

Интересен и подтекст, так сказать, мораль, которая вытекает из этой сказки: нельзя не выполнять заветов покойного отца; кто выполняет их, того бог награждает. Казалось бы, вопреки логике: бог щедр и к тому, кто выполняет завет отца защитить его могилу в течение первых трех ночей, и к тому, кто его не выполняет. Но данные этнографии по ираноязычным народам позволяют найти объяснение этому явлению. Дело в том, что младший брат (он же младший сын) в фольклоре, да и в быту, представляется живым воплощением умершего отца; он как бы одинаково заботится о благополучии остальных детей.

Сказки, опубликованные И. И. Зарубиным, интересны также с точки зрения их социально-возрастной специфики. Герой сказки — обычно неженатый подросток в предъюношеском возрасте. Он готовится вступить в жизнь окружающих его взрослых, «примеряет» их сложные роли. В этой ситуации он испытывает жгучий интерес к коллективному опыту — фольклорным сюжетам, где можно найти способы разрешения той или иной проблемы. Юные герои сказок — пастухи мечтают о женитьбе на царевне. Наиболее ловкие, смелые и отважные добиваются этого. Пример тому — сказка «О внуке старика, научившемся чародейству» и ставшем благодаря этому царским зятем.

Таким образом, И. И. Зарубину принадлежит заслуга в открытии «мира детей» на белуджском материале. Исключительная ценность и значимость «Белуджских сказок» для сегодняшнего этапа интереса к этнографии детства очевидна. Данная публикация И. И. Зарубина может оказать самое благотворное влияние на процесс научного осмысления детского фольклора в контексте его социализирующей функции, тем более что подобный материал сегодня, по-видимому, уже не доступен исследователям.

Интерес к работам И. И. Зарубина, посвященным фольклористике, этнографии, языкознанию и др., в научном мире никогда не ослабевал. Но особую актуальность и значимость они обрели в наше время. Достаточно сказать, что его «Список народностей СССР»²⁴, изданный в 1927 г., до сих пор пользуется репутацией надежного справочника по национальному составу нашей страны.

В 1918 г. Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран командировает И. И. Зарубина в Среднюю Азию, где он пробыл полтора года. Одна из задач указанной комиссии, членом которой И. И. Зарубин был с 1918 по 1931 г., заключалась в сборе необходимых статистических и этнографических материалов для составления списка народов, населявших Среднюю Азию. В 1922 г. этот список был закончен и подготовлен к печати, но вышел в свет лишь в 1925 г.²⁵ Список был задуман как пособие при составлении этнической карты Средней Азии. Главным источником И. И. Зарубину служили материалы переписей; результаты которых сопоставлялись с данными других источников²⁶.

«Список» И. И. Зарубина (так же как и другая его работа о населении Самаркандской области²⁷) рисует этнолингвистическую ситуацию, сложившуюся в этом регионе; он не потерял своего значения по настоящее время. Кроме сведений о численности и расселении различных народов в трудах И. И. Зарубина дана этнокультурная характеристика каждого из них, с учетом этнического или родоплеменного самосознания населения, что, как известно, является одним из важных факторов этнической классификации. Значительное внимание ученый уделял вопросам этнической истории узбеков. По словам И. И. Зарубина, узбекская народность возникла «на глазах истории»²⁸, из «соединения части турецких (тюркских.— Р. Р.) племен, которые легли в основу казаков» (казахов. Р. Р.)²⁹. «Оседая в Мавераннахре,— подчеркивает далее исследователь,— узбеки претерпели крупные изменения, приняв в свой состав различные в разных местах турецкие родовые группы, прибывшие в страну задолго до них, и в различной степени смешиваясь с оседлым турецким и иранским населением»³⁰. И. И. Зарубин, таким образом, стоит на общеизвестной точке зрения, согласно которой оседание узбеков ускорило процесс тюркизации ираноязычного населения. «Это — уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению — население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками именем сартов, нигде не создало для себя особого этнического определения»³¹.

Говоря о неоднородном этническом составе узбеков, автор «Списка» особо подчеркивал, что сельскохозяйственная перепись 1917 г. в терминологическом отношении страдает непоследовательностью: «Уже во время работ руководителями было разъяснено сотрудникам, что особого народа сарт не существует и что этот термин всюду должен быть заменен словом „узбек“»³². В другом месте он пишет о существовавшей тенденции полного устранения этнонима сарт и его замене словом узбек, «объединяя таким образом совершенно отуреченных иранцев в общеузбекской массе. Едва ли могут быть существенные возражения против такого расширенного понимания узбекской народности, раз оно желательно в целях национально-культурного объединения»³³. «Однако,— отмечает И. И. Зарубин,— в интересах научного анализа могут быть случаи, когда необходима дальнейшая дифференциация узбекской (в широком смысле слова) национальности на ее составные элементы»³⁴. Исследователь рекомендует выделить тюркизированных сартов, например Самаркандской обл., в особую группу³⁵.

Там, где ираноязычное население окружено массой не отличающихся от них по быту узбеков, первое принимало «имя последних, конечно, этим вовсе не входя в их родовую организацию»³⁶. И. И. Зарубин обратил внимание на все возраставший еще в начале 30-х годов процесс узбекизации таджикского населения Средней Азии. В этой связи он приводил свидетельства жителей селения Ургут Самаркандской обл.: «Мы таджики, но наши дети уже будут узбеками»³⁷. Схожую ситуацию отметила также О. А. Сухарева в Бухаре, где на вопрос о национальности ей отвечали: «Раньше (до национально-государственного размежевания 1924 г.— Р. Р.) мы были таджиками, а теперь стали узбеками»³⁸. Как видно, приведенные примеры, кроме всего прочего указывают на наличие этнонима «таджик». О. А. Сухарева со ссылкой на источники подчеркивает, что «бухарцы называют себя таджиками»³⁹. В опубликованных материалах переписи 1920 г. сказано, что таджики Самарканда «называют себя таджиками и свой язык таджикским»⁴⁰. В Средней Азии широко известна тюркская пословица: *Турку тожик бир киши*, т. е. «тюрк или таджик — единый человек». К сказанному следует добавить свидетельство В. В. Бартольда о том, что в XI в. жители Бухары в разговоре с тюркскими владетелями говорили: *Мо, тозикон*, т. е. «Мы, таджики»⁴¹. Герой произведений классика персидско-таджикской литературы Муслахиддина Саади (XIII в.), обойдя «весь мир за долгий век», встречает таджиков, тюрков и др.⁴²

И. И. Зарубин специально описывал этнолингвистическую ситуацию в

среднеазиатском городе, в особенности в Самарканде. Он установил, что в 1915 г. в традиционно многонациональном Самарканде насчитывалось: 59901 таджик⁴³ и 819 узбеков⁴⁴. В 1920 г. здесь таджиков было 44578⁴⁵ узбеков — 3311⁴⁶. Отмеченное И. И. Зарубиным уменьшение численности таджикоязычного населения в 1920 г. по сравнению с 1915 г. объясняется тем, что голодная зима 1917—1918 гг. в Самарканде унесла значительную часть коренных жителей. Одновременное увеличение численности узбекоязычного населения, можно предполагать, шло, в частности, за счет таджикоязычного населения, сартов и др.

Суммируя свои этностатистические данные, И. И. Зарубин отмечал, что в 1920 г. в Самарканде, где жили также русские, среднеазиатские евреи, группа ираны, армяне и др., таджики составляли 54,4%, узбеки — 4% населения города⁴⁷.

Представляется возможность сопоставить этнодемографические результаты, полученные И. И. Зарубиным, с другими данными.

Л. Ф. Костенко указывает, что в конце прошлого века основу населения Самарканда составляли таджики⁴⁸. Это вытекает также из Справочных книжек Самаркандской обл.⁴⁹ Согласно Н. М. Вирскому, опубликованная статистическая таблица которого по Зеравшанскому округу относится к 1876 г.⁵⁰ в Самарканде насчитывалось 35326 жителей. Из них таджиков было 33622. Остальная часть населения города — персы, индийцы, среднеазиатские евреи, узбеки. По материалам первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., в городах Самаркандской обл. «преобладают таджики (60,58% мужчин, 66,58% женщин), узбеки (13,59% мужчин, 13,55% женщин), сарты (11,32% м., 11,97% ж.)»⁵¹. В том же источнике в Самарканде численность таджикоязычного населения дается равной 36845 чел.⁵² Что касается узбекоязычных жителей Самарканда, то в таблице распределения населения по родному языку их 5506⁵³. Сартов, по данным указанной переписи, в Самарканде числилось 287, а «тюрок без распределения» — 77⁵⁴. В опубликованных материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР таджиков в Самарканде значится 10716, а узбеков — 43304⁵⁵.

Как видно, этнодемографические подсчеты И. И. Зарубина расходятся с результатами переписи 1926 г. в Узбекской ССР. Это обстоятельство обнаруживает проблему, на которой мы немного остановимся.

В результате национально-государственного размежевания в Средней Азии (1924 г.) Самарканд и Бухара были отнесены к Узбекистану. С этого момента в массовом сознании таджикоязычного населения названных городов стала доминировать тенденция отнесения себя к узбекам. На данное обстоятельство указывал И. И. Зарубин, отмечавший, что ираноязычное население, оказываясь в окружении узбеков, принимало имя последних. В этом случае, называя себя узбеками, таджики понимали термин «узбек» как житель Узбекистана⁵⁶. И. И. Зарубин, как было сказано выше, приводил подтверждающие факты по Ургуту. Это легко можно понять: Узбекская ССР в результате размежевания была образована в 1924 г., а перепись началась 17 декабря 1926 г. Таджикистан тогда был автономной республикой в составе Узбекской ССР. На выбор таджиками узбекской национальности оказало влияние и то обстоятельство, что Самарканд был объявлен столицей Узбекской ССР (оставаясь ею с 1924 по 1930 г.). О. А. Сухарева обратила внимание на то, что в результате переписи 1926 г. из 41839 жителей Бухары (Старая Бухара) 27823 чел. называли себя узбеками, 8646 — таджиками⁵⁷. «Таким образом, — пишет исследовательница, — несмотря на таджикоязычность подавляющего большинства жителей Бухары, только примерно четвертая часть их определила себя как таджиков»⁵⁸. Перед нами тот случай, когда часть жителей Самарканда и Бухары, начиная с 1924 г., не может мыслить себя иначе, как жителями Узбекистана (фактор стереотипа).

По-видимому, в ходе переписи 1926 г. допускались известные перегибы.

В «Предисловии» президиума ЦСУ УзССР к «Материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР»⁵⁹ говорится: «Основной формуляр переписи /—/ личный листок, составлявшийся на каждого гражданина республики, был отпечатан на двух языках — узбекском и русском»⁶⁰. Там же сказано: «Была проведена широкая агитационная работа по подготовке населения к переписи. Отпечатанные на узбекском и русском языках брошюры, листовки и воззвания широко распространялись среди масс...»⁶¹.

Итак, сопоставление накопленного И. И. Зарубиным этнографического материала по национальному составу среднеазиатского города с данными переписи населения 1926 г. выявляет проблему, которая, по-видимому, существует в реальной жизни Бухары и Самарканда. Она требует дальнейших исследований в этом направлении. Как видно, этностатистические работы И. И. Зарубина оказываются весьма ценными для сегодняшнего активного интереса к проблемам современных межнациональных отношений (в частности, в Среднеазиатском регионе).

Неутомимый ученый, И. И. Зарубин продолжал поиски, наметил задачи новых исследований. В своей небольшой статье «Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан»⁶² он поставил такие вопросы этнографического изучения традиционной материальной и духовной культуры, которые оказали огромное влияние на разработку ключевых проблем этнографии таджиков (и после смерти ученого). Реализации целей, намеченных И. И. Зарубиным в указанной статье, послужила, в частности, его экспедиция 1926 г. в Среднюю Азию. Основные ее результаты подробно освещены в научной литературе⁶³. В результате И. И. Зарубину удалось собрать сведения по материальной культуре, главным образом по жилищу и основным хозяйственным занятиям, по народной медицине, а также фольклору; велись и диалектологические записи⁶⁴. Весьма удачной оказалась собирательская деятельность экспедиции. Около 1150 предметов, доставленных в Ленинград, широко отражают быт и культуру таджиков и узбеков.

Деятельность И. И. Зарубина как собирателя и музейного работника довольно подробно рассмотрена в упомянутой выше статье Э. Г. Гафферберга и Н. А. Кислякова. Поэтому, не повторяясь, следует лишь отметить, что И. И. Зарубин не только сам собирал экспонаты, но и мобилизовал на это других сотрудников отдела, использовал зарубежные поездки разных ученых. В письме от 18 февраля 1926 г., адресованном акад. В. В. Бартольду, он, в частности, сообщает: «На днях МАЭ перевел ей (Марье Алексеевне — жене В. В. Бартольда. — Р. Р.) еще 300 руб., удалось получить их при единогласной поддержке Совета. Так же единогласно поддержана дополнительная ассигновка Маррам⁶⁵ на персидские коллекции: всего им послано также 500 руб.

Эти успехи меня окрылили, и я через МАЭ представил С. Ф. (акад. С. Ф. Ольденбург. — Р. Р.) прилагаемую записку о работах в отделе, а также просил Игн. Юл. (акад. И. Ю. Крачковский. — Р. Р.) взять на себя сборы среди арабов. Игн. Юл. согласился, и АН обещала дать до 500 р.; МАЭ дает столько же. Если поездка Игн. Юл. осуществится, мы сразу получим турок, персов и арабов. Тогда действительно будет настоящий отдел»⁶⁶. Здесь же в письме сообщается о необходимости сборов коллекционных предметов среди афганцев.

Энергичная научно-педагогическая деятельность И. И. Зарубина продолжалась и в последующие годы. Он работал, как уже говорилось, на кафедре иранской филологии восточного факультета ЛГУ, а затем в Институте языкознания АН СССР. Именно там были подготовлены и изданы «Шугнанские тексты и словарь». В 1962 г. коллеги и ученики И. И. Зарубина при участии этнографов отметили 75-летие со дня рождения ученого. Этому событию был посвящен указанный «Иранский сборник».

И. И. Зарубин придавал особое значение подготовке кадров иранистов. За время работы в Институте языкознания он организовал у себя на квартире еженедельный семинар по языку, фольклору и этнографии ираноязычных

народов. Участниками семинара были его ученики — ныне крупные специалисты в области иранистики. Много внимания И. И. Зарубин уделял методике исследования и описания иранских языков. Как лингвист и этнограф, И. И. Зарубин настаивал на изучении языка в его системе, в тесной связи с жизнью народа, с его материальной культурой и историей⁶⁷.

Вклад И. И. Зарубина в науку поистине неоценим. Ему принадлежит достойное место в замечательной плеяде классиков этнографической науки.

Примечания.

¹ *Расторгуева В. С.* И. И. Зарубин — лингвист // Иранский сборник. К 75-летию профессора И. И. Зарубина. М., 1963. С. 3—16; *Гафферберг Э. Г.*; *Кисляков Н. А.* И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник // Там же. С. 17—21; *Розенфельд А. З.* Личный фонд проф. И. И. Зарубина (предварительное сообщение) // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. М., 1975. С. 296—297.

² *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 3.

³ Там же.

⁴ Архив востоковедов Ленинградского отд. Ин-та востоковедения АН СССР (далее — Архив ЛО ИВ). Ф. 121. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Позже он выучил персидский, белуджский, а также другие иранские языки.

⁷ См. Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии в истор., археол., лингвистич. и этнографич. отношениях. Сер. II. № 3. СПб., 1914. С. 79—84.

⁸ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / Сб. Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ). Т. V. Пг., 1918. С. 100—101. Этой работе предшествовал прекрасно иллюстрированный натурными рисунками этюд. «Обувь горных таджиков долины Бартанга» // Сб. МАЭ. Т. III. Пг., 1916. С. 89—94.

⁹ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии... С. 97.

¹⁰ Там же. С. 98.

¹¹ *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 3—4.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии... С. 100—101.

¹⁵ Ленинградское отд. Архива АН СССР (далее — ЛО ААН). Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 99.

¹⁶ *Зарубин И. И.* Записка о командировке на Памир в 1915—1916 гг. // Протоколы заседаний Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 3. 1916; *его же.* Путь с р. Ванч на р. Язгулям, р. Бартанг и р. Гунт // Изв. Туркестанского отд. Имп. Русск. геогр. о-ва. Т. XII. Вып. 2. Ташкент, 1916.

¹⁷ ЛО ААН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 91.

¹⁸ *Зарубин И. И.* Образец припамирской народной поэзии // Докл. Российской Академии наук (далее — ДРАН). Сер. В. Л., 1924. С. 82—85; *его же.* Два образца припамирской народной поэзии // Там же. С. 177—180; *его же.* Сказание о первом кузнеце в Шугнани // Изв. АН СССР (далее — ИАН). Сер. V. Т. XX. 1926. № 12. С. 1165—1170; *его же.* Одна орошорская сказка // Восточные записки. Т. I. Л., 1927. С. 297—318. Ряд фольклорно-этнолингвистических работ И. И. Зарубина, которые относятся к памирской серии, построены на фольклорных текстах: *Зарубин И. И.* Орошорские тексты // Памирская экспедиция 1928. Тр. экспедиции. Вып. VI. Лингвистика. Л., 1930; *его же.* Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.; Л., 1937; *его же.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960. К памирской серии публикаций И. И. Зарубина относятся его интересные этнографические работы: Дополнение к статье Н. В. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» // Зап. Коллегии востоковедов (далее — ЗКВ). Т. I. Л., 1925. С. 91—96; *его же.* Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 362—373; *его же.* К списку памирских языков // ДРАН. Сер. В. Л., 1924. С. 79—81.

¹⁹ *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 8.

²⁰ ЛО ААН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 92.

²¹ Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным // Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. IV. Л., 1932.

²² *Зарубин И. И.* К изучению белуджского языка и фольклора // ЗКВ. Т. V. Л., 1930. С. 653—679.

²³ Белуджские сказки... С. 6.

²⁴ *Зарубин И. И.* Список народностей Союза Советских Социалистических Республик // Тр. Комисс. по изучению племенного состава России и сопредельных стран (далее — Тр. КИПС). № 13. Л., 1927.

²⁵ *Его же.* Список народностей Туркестанского края // Тр. КИПС. № 9. Л., 1925.

²⁶ Об этих источниках см.: Отчет И. И. Зарубина о поездке в Туркестан // Отчет о деятельности Российской Академии наук по отд. физ.-мат. наук, ист. наук и филологии за 1919 (далее — ОИФ). Пг., 1920. С. 305—306.

- ²⁷ Зарубин И. И. Население Самаркандской области // Тр. КИПС. № 10. Л., 1926.
- ²⁸ Его же. Список народностей Туркестанского края. С. 4.
- ²⁹ Там же. С. 14.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 14—15.
- ³² Там же. С. 15—16.
- ³³ Его же. Население Самаркандской области. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 21.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Его же. Список народностей Туркестанского края. С. 4.
- ³⁷ Там же. С. 7.
- ³⁸ Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX века // Позднефеодальный город и его население. М., 1966. С. 122.
- ³⁹ Там же. С. 119.
- ⁴⁰ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 48.
- ⁴¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 459.
- ⁴² Родник жемчужин. Персидско-таджикская классическая поэзия. Душанбе. 1986. С. 330.
- ⁴³ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. С. 7; его же. Население Самаркандской области. С. 23.
- ⁴⁴ Его же. Население Самаркандской области. С. 23.
- ⁴⁵ Его же. Список народностей Туркестанского края. С. 7.
- ⁴⁶ Его же. Население Самаркандской области. С. 33.
- ⁴⁷ Его же. Список народностей Туркестанского края. С. 15; см. также материалы Всероссийских переписей 1920 г. С. 31.
- ⁴⁸ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. Т. I. СПб., 1880. С. 440.
- ⁴⁹ Справочная книжка Самаркандской области на 1893 год. Вып. I. Самарканд, 1893. С. 19; Вып. II. Отд. III. Самарканд, 1894. С. 24.
- ⁵⁰ Вирский Н. М. Сведения о Зеравшанском округе // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876. С. 30—31.
- ⁵¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. С. VI.
- ⁵² Там же. С. 48—49.
- ⁵³ Там же. С. 3.
- ⁵⁴ Там же. С. 49.
- ⁵⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. М., 1928. С. 27—28.
- ⁵⁶ Сухарева О. А. Указ. раб. С. 122. (Еще до сих пор пожилые таджикские жители г. Канибадама, выезжая в Душанбе, говорят, что отправляются в Таджикистан. Дело в том, что Канибадам с 1924 по 1929 г. относился к Узбекской ССР)
- ⁵⁷ Там же. С. 121—122.
- ⁵⁸ Там же. С. 122.
- ⁵⁹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. I. Самарканд, 1927. С. I.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Зарубин И. И. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан // Приложение к протоколу XVI заседания ОИФ АН СССР, 2 декабря 1925 г. С. 2—4.
- ⁶³ Его же. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 года // ИАН. Сер. VI. Л., 1927. № 5—6. С. 351—360; Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 19—21.
- ⁶⁴ Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 19.
- ⁶⁵ Сын Н. Я. Марра — Ю. Н. Марр и его жена С. М. Марр в это время находились в Иране и закупали коллекции для МАЭ.
- ⁶⁶ ЛО ААН. Ф. 68. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 9.
- ⁶⁷ Расторгуева В. С. Указ. раб. С. 15—16.

В. В. Сажин

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ
В СОВЕТСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

Этническая география является одной из немногих этнографических субдисциплин, где активно используются различные математические методы¹.

Как раздел этнографии этногеография оформилась в начале 1960-х годов, этнографические же исследования велись с незапамятных времен² в комплексе с географическими (как известно, они объединялись в единую науку вплоть до XIX в.) и были, понятно, сугубо фактографическими³. Исследователей интересовало, где и в каких границах проживают народы, какова их численность (пусть и примерная), каковы направления их миграций и т. д. Все эти вопросы оформились позднее как предмет этногеографии.

Впервые термин «этногеография» был применен в 1920-х годах известным советским этнографом В. Г. Богораз-Таном, им же была предпринята попытка выделения этнической географии в особую научную дисциплину⁴. Попытки эти были неудачными, и об этом говорится в статье С. И. Брука, В. И. Козлова, М. Г. Левина: «...Богораз-Тан понимает этногеографию слишком широко, включая в ее состав почти всю этническую антропологию, этнографию современных народов и их историю»⁵. Тогда же, в 1920-х годах, появляется ряд взаимосвязанных этнографических и географических работ, правда, с известной долей антропогеографических воззрений. Исследовались, в частности, зависимость размещения и миграции населения от характера окружающей среды и влияние последней на культуру и быт⁶.

Вновь работы по этногеографии начинают появляться лишь два десятилетия спустя (в 1930—40-х годах связи этнографии и географии были значительно ослаблены). Прежде всего это монография П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы». Монографию в какой-то степени можно считать классической: она затронула такие важнейшие теоретические понятия этногеографии, как территория проживания этноса и границы этой территории; в работе представлен богатый фактический материал. В то же время Кушнер обошел молчанием другие этногеографические проблемы и не возобновил попытки выделить этногеографию в отдельную субдисциплину⁷.

В 1950-е годы активно развивается вошедшая позднее в состав этногеографии этническая картография⁸, базировавшаяся на богатом опыте как дореволюционных, так и советских картографов — П. И. Кеппена, А. Ф. Ритиха, Л. С. Берга, П. Е. Терлецкого и др.⁹ Заканчивая предысторию рассматриваемой дисциплины, следует упомянуть доклад Ю. Г. Саушкина на I Межведомственном совещании по географии населения, в котором, в частности, было сказано: «Особо надо выделить новую отрасль этнографии — этногеографию. Она еще не вполне сложилась, и главной ее задачей считают еще лишь составление и анализ географических карт. Между тем эта отрасль науки имеет гораздо более глубокий смысл, раскрытый в работе П. И. Кушнера; она призвана анализировать сложные, исторически опосредствованные взаимоотношения между той или иной этнической группой населения и заселенной ею

территорией. Эта проблема, стоящая на грани этнографии и географии, является подлинно комплексной и имеет большое значение для широкого научного изучения населения СССР»¹⁰. И наконец, в 1963 г. выходит статья С. И. Брука, В. И. Козлова, М. Г. Левина «О предмете и задачах этногеографии», которая становится для рассматриваемой дисциплины программной¹¹.

Следует отметить, что этническая география всегда была связана с математическим аппаратом (в ее состав входит этническая статистика), но математические методы в рассматриваемой дисциплине начинают применяться только в 1970-е годы, причем в своем большинстве — на стыке с этносоциологией.

К этому времени математические методы уже широко использовались во всех разделах географии, в том числе в близкой к рассматриваемой дисциплине географии населения¹², активно применялся математический аппарат и в исторических исследованиях¹³, этносоциологами разрабатывалась методика определения показателей однонациональной и смешанной брачности¹⁴. Таким образом, этногеографы могли использовать богатый опыт стыковых наук.

Первым сугубо этногеографическим понятием, связанным с математическим моделированием, стала этническая мозаичность. Термин впервые предложен В. В. Покшишевским¹⁵; формула же выведена в работе Л. Ф. Моногаровой¹⁶. Индекс мозаичности M_j города j , по Моногаровой, представляется в виде

$$M_j = \sum_{i=1}^{i=m} |n_{ji} - n_m| / 100\%,$$

где m — число национальностей, $n_m = 100\% / m$, n_{ji} — доля i -й национальности в j -м городе.

Использование индекса этнической мозаичности Моногаровой дает интересные результаты (в качестве примера может служить разработка на его основе комплексной типологии городов Таджикской ССР). Область применения предложенного показателя, однако, сравнительно невелика: оперировать им можно только для населенных пунктов, входящих в регион с общей этнической структурой, поскольку его величина находится в зависимости от максимального числа национальностей, учитываемых при расчетах¹⁷.

Б. М. Эккелем в 1976 г. предложен другой вариант расчета этнической мозаичности, причем в отличие от методики Моногаровой не только для отдельных населенных пунктов, но и для административно-территориальных единиц. Индекс мозаичности Эккеля выглядит следующим образом:

$$P_j = \sum_{i=1}^m \pi_i(1 - \pi_i),$$

или, после упрощения

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2,$$

где P_j — индекс мозаичности национального состава j -го района, m — число национальностей в j -м районе, π_i — доля (частота) i -й национальности во всем населении j -го района, $\pi_i(1 - \pi_i)$, $(\pi_i)^2$ — теоретическая вероятность вступления в меэтнические контакты i -й национальности в j -м районе¹⁸.

Преимуществом индекса Эккеля является его однозначность. Каждый населенный пункт и каждая территориальная единица (район, область и т. д.) имеют конкретное значение индекса мозаичности вне зависимости от совокупностей, в которых они рассматриваются. Интересен индекс в сравнении — будь то динамика показателя или сопоставление различных территорий и населенных пунктов. Рассматриваемый показатель учитывает все националь-

ности, проживающие на данной территории (или в данном населенном пункте), но практически на его величину влияют лишь сравнительно крупные по численности национальности.

Индекс мозаичности Эккеля был взят автором данной статьи за основу при выявлении этнодемографической типологии областей и районов Украинской ССР¹⁹. Кроме того, им же была исследована зависимость между коэффициентом этнической мозаичности городов и прилегающей сельской местности; в качестве примера использовалась Волынская область²⁰.

Упомянем представляющую большой интерес для этнографии методику определения разноразличия, предложенную Джозефом Гринбергом (хотя она и выходит за рамки данной статьи). Методика включает целый ряд формул. Наиболее прост и доступен расчет степени разноразличия:

$$A = 1 - \sum_i (j_i)^2,$$

где A — показатель разноразличия, $\sum_i (j_i)^2$ — сумма квадратов отношений числа носителей языков ко всему населению²¹.

Нетрудно заметить сходство формул Гринберга и Эккеля. Приоритет в данном случае за Гринбергом — методика определения меры разноразличия была им разработана в 1950-е годы.

Еще один показатель, предложенный этногеографами, — коэффициент этнической (этнотерриториальной) общности. Определяется он по формуле

$$K = k_1 k_2,$$

где K — коэффициент этнической общности, k_1 — доля представителей какой-нибудь этнической группы в населении данной территории, k_2 — доля представителей этой этнической группы, живущей на данной территории, в общей численности этнической группы²².

Смысл методики в определении так называемой оптимальной этнической территории (для этой территории коэффициент этнической общности имеет максимальное значение). Хотя результаты в некоторой степени условны, они все же позволяют уточнять этнические границы на территориях со смешанным расселением.

Формула этнической общности была разработана Ю. Г. Липецем²³ и апробирована в работах Н. Н. Чижова (расчеты показателей для провинций и областей Танзании)²⁴ и А. Д. Коростелева (иллюстрация методики на примере Шри Ланки и Кипра)²⁵. А. Д. Коростелев к тому же предложил алгоритм определения совокупности городов и районов, составляющих основную территорию расселения какого-либо этноса в данном регионе. Однако этот алгоритм оказался довольно трудоемким, поэтому возникла необходимость его упрощения или замены. Формула нового алгоритма приводится в коллективной монографии «Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования»:

$$\lambda_{ai} = \left\{ \left(\sum_{i=1}^n p_a^i \right)^2 : \sum_{i=1}^n p_i \right\} \max,$$

где λ_{ai} — коэффициент этнической общности, $\sum_{i=1}^n p_a^i$ — доля представителей этнической группы A , живущих в городах исследуемой территории, от общей численности этой группы в регионе, $\sum_{i=1}^n p_i$ — доля населения этих городов во всем населении региона²⁶.

Главное преимущество вышеприведенной формулы — отсутствие необходимости постоянного пересчета значения P_{Σ}^a , весьма трудоемкого при большом числе территориальных образований.

На стыке этносоциологии и этногеографии осуществлена работа А. А. Сусоколова, в которой исследовались межэтнические контакты в зависимости от

характера расселения национальностей. В качестве примера предложенной методики фигурируют показатели совместного расселения представителей различных национальностей в городах и селах Молдавской ССР²⁷.

Наконец, автором данной статьи предложена методика определения компактности расселения этносов²⁸. Сводится она к вычислению двух показателей — условной плотности и коэффициента компактности этноса:

$$P_y = N/S_y, \quad K = P_y/P_\phi = S_\phi/S_y,$$

где N — численность этноса на исследуемой территории, S_ϕ — фактическая площадь расселения этноса (или общая площадь этнических ареалов), S_y — условная площадь расселения этноса (или территория проживания), P_ϕ — фактическая плотность этноса на данной территории, P_y — условная плотность этноса на исследуемой территории, K — коэффициент компактности этноса²⁹.

Предложенная математико-картографическая модель (методика базируется на использовании этнических карт) проиллюстрирована на примере небольшой по размерам и многонациональной Черновицкой области. Практическая значимость методики — дополнительные сведения о характере расселения этносов и об изменении картины их расселения во времени.

В целом возможность использования математических методов в этногеографии весьма широка, вполне употребима для исследований и электронно-вычислительная техника. Последняя применима, в частности, при введении в исследования многомерного статистического анализа (МСА).

Методы МСА в последнее время используют не только экономисты и естественники, но и представители гуманитарных наук, в том числе историки³⁰. Показательна в этом плане монография Л. И. Бородкина «Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях», а которой не только разработана методика, но и приведены содержательные примеры применения МСА в задачах типологии аграрного развития губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. при изучении нарративных источников³¹.

Итак, что такое МСА? Это совокупность различных математико-статистических методов, ориентированных на исследование статистических массивов, в которых для их объектов характерен определенный набор признаков. МСА включает методы многомерной классификации и распознавания объектов, множественной регрессии, компонентного и факторного анализа, многомерного шкалирования. В основном методы многомерного статистического анализа направлены на выявление типологии изучаемых многомерных объектов и характеристики типов. По мнению Л. И. Бородкина, методы МСА позволяют определить структуру как совокупности объектов, так и набора признаков, выявить группы «однородных» объектов и обобщенные факторы их развития, а также оценить значение и влияние различных факторов на какой-либо существенный, результирующий признак³².

Предпринята попытка применения метода МСА и в этнической социологии; для апробации был взят кластерный анализ. В качестве примера кластеризации с помощью ЭВМ определена классификация городов Молдавской ССР в зависимости от этнического состава их населения. Рассмотрен и пример с признаками, имеющими различное численное выражение, при классификации союзных республик с целью формирования стратифицированной выборки³³.

По аналогии с монографией Л. И. Бородкина и работами этносоциологов автором данной статьи предлагается разработка методики применения МСА в этногеографии. Для ее иллюстрации с помощью электронно-вычислительной техники будут типологизированы административно-территориальные единицы Украинской ССР.

Таким образом, нами рассмотрены различные математические методы, используемые в советской этнической географии. В перспективе их применение будет расширяться как в этногеографии, так и в других разделах этнографии.

- ¹ См.: Коростелев А. Д. Об одном возможном применении коэффициента этнотерриториальной общности // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 63—71; Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности населения // Сов. этнография. 1972. № 6. С. 52—63; Сусоколов А. А. Влияние совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов (К методике измерения) // Сов. этнография. 1979. № 1. С. 84—91, и др.
- ² Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 11—25.
- ³ Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978. С. 7.
- ⁴ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этнографии. М., 1928.
- ⁵ Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. Указ. раб. С. 13.
- ⁶ Крүбер А. А. Общее землеведение. Ч. III (Биогеография и антропогеография). М., 1922.
- ⁷ Синицкий Л. Д. Лекции по землеведению (Антропогеография). М., 1929, и др.
- ⁸ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- ⁹ Берзина М. Я. Карта народов Индостана. М. 1:5 000 000. М., 1956; Брук С. И. Карта народов Китая, МНР и Кореи. М. 1:5 000 000. М., 1959; *его же*. Карта народов Индостана. М. 1:5 000 000. М., 1959; Терлецкий П. Е. Об опыте этнического картографирования // Сов. этнография. 1952. № 2. С. 92—97, и др.
- ¹⁰ Кеплен П. И. Этнографическая карта Европейской России. М. 1:3 150 000. СПб., 1851; Риттиг А. Ф. Этнографическая карта Европейской России. М. 1:2 520 000. СПб., 1875; Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность (с 10-верстной картой). Пг., 1923; Терлецкий П. Е. Карта расселения народностей Крайнего Севера. М. 1:5 000 000. М., 1933, и др.
- ¹¹ Саушкин Ю. Г. География населения и смежные науки: Материалы I Межведомственного совещания по географии населения. М.; Л., 1961. Вып. 1. С. 83—84.
- ¹² Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. Указ. раб.
- ¹³ Гуревич Б. Л., Саушкин Ю. Г. Математический метод в географии // Вестн. МГУ. Сер. геогр. 1966. № 1. С. 3—12; Давериани В. С. Опыт математической постановки задач и обоснования методов географии // Математические методы в географии. М., 1968. С. 6—9; Математика в экономической географии. М., 1968; Медведков Ю. В. Экономико-географическая изученность капиталистического мира. М., 1965—1966, и др.
- ¹⁴ Кахк Ю., Лици Х. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в. (Опыт применения электронно-счетных машин в исторических исследованиях) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964; Ковальченко И. Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // История СССР. 1964. № 1; *его же*: О применении ЭВМ для обработки историко-статистических материалов // Вопр. истории. 1964. № 5; Мионов Б. Н. Применение выборочного метода при анализе движения хлебных цен в XVIII в. в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г. Кишинев, 1966; Устинов В. А. Применение электронных математических машин в исторической науке // Вопр. истории. 1962. № 8, и др.
- ¹⁵ Ганцкая О. А., Дебец Г. Ф. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков // Сов. этнография. 1966. № 3. С. 109—118; Козенко А. В. Моногарова Л. Ф. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе // Сов. этнография. 1971. № 6. С. 112—118; Першиц Ю. И. О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 129—136.
- ¹⁶ Покишиевский В. В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Сов. этнография. 1969. № 5. С. 3—15.
- ¹⁷ Моногарова Л. Ф. Указ. раб. С. 52—63.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См. Сов. этнография. 1976. № 2. С. 34.
- ²⁰ Сажин В. В. Тенденции изменения этнической мозаичности населения областей и районов Украинской ССР // Сов. этнография. 1987. № 1. С. 80—85.
- ²¹ Там же.
- ²² Greenberg J. The Measurement of Linguistic Diversity. Language. 32. 1956. № 1. P. 109—115.
- ²³ Гринберг Дж. Определение меры разноязычия // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 204—214.
- ²⁴ Коростелев А. Д. Указ. раб. С. 63.
- ²⁵ Липец Ю. Г. Юго-Восточная Африка: Дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГ АН СССР, 1964. С. 7—8.
- ²⁶ Чижов Н. Н. Танзания. М., 1972. С. 78—86.
- ²⁷ Коростелев А. Д. Указ. раб. С. 63—71.
- ²⁸ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 196.
- ²⁹ Сусоколов А. А. Указ. раб. С. 84—91.
- ³⁰ Сажин В. В. Определение компактности расселения этносов // Сов. этнография. 1984. № 5. С. 94—97.
- ³¹ Там же. С. 94.
- ³² Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983. С. 8—9; Математические методы в социально-экономических и археологи-

ческих исследованиях. М., 1981; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984; *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, и др.

³¹ *Бородкин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

³² Там же. С. 4.

³³ *Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Указ. раб. С. 165—170.

В. П. Алексеев, Р. А. Мкртчян

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В АРМЕНИИ И ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА НАСЕЛЕНИЯ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Куро-аракские памятники представляют исключительно интересный пример того, как археологическая культура может быть открыта не с помощью раскопок, а в процессе кабинетной работы — розысков в музеях и литературного обобщения ранее опубликованных и сохранившихся в архивах данных. Итог этих поисков в архивах и тщательного штудирования литературы был подведен Б. А. Куфтиным в специальной работе, написанной еще до Великой Отечественной войны¹, но она была опубликована позже, чем его монументальная книга о периодизации триалетской культуры эпохи бронзы², в которую был включен и небольшой раздел о куро-аракских памятниках. Куро-аракская культура была охарактеризована Б. А. Куфтиным как энеолитический этап в жизни закавказских культур эпохи бронзы, были показаны ее связи с синхронными памятниками Передней Азии, в весьма осторожной, сугубо предварительной форме было высказано предположение, что носителями этой культуры были митанийско-хурритские племена. Отчетливо осознавая значение сделанного им открытия для понимания истоков формирования кавказского культурного очага (что он постоянно подчеркивал), Б. А. Куфтин стремился расширить находившийся в его распоряжении фактический материал, раздвинув район поисков за пределы долины р. Цалки, где он работал первоначально, в то же время продолжая раскопки и в уже исследовавшемся им районе³.

Выделение куро-аракской культуры оказалось исключительно плодотворным для археологии Кавказа и окружающих его районов и инспирировало большое число исследований, которые ввели в науку как огромный новый материал из раскопок куро-аракских поселений и могильников, так и новые аспекты его интерпретации. Достигнутые успехи обстоятельно освещены в ряде исчерпывающих историографических обзоров⁴, и на них нет нужды останавливаться. Отметим лишь важность изучения хозяйства куро-аракских племен, опирающегося на ряд вновь открытых и тщательно исследованных памятников⁵: оно показало, что куро-аракская культура расцвела на базе комплексного хозяйства, включавшего земледелие и скотоводство с известным преобладанием овцеводства. Такая хозяйственная многоукладность объясняет до некоторой степени широчайший ареал куро-аракских памятников в Закавказье и Малой Азии, особенно восточной Анатолии, вскрытый раскопками последних десятилетий⁶. Раздвинулся по сравнению с датировкой Б. А. Куфтина, относившего куро-аракскую культуру к III тыс. до н. э., и хронологический диапазон этой культуры, углубившейся в своих истоках в предшествующее тысячелетие⁷.

К сожалению, состояние изучения палеоантропологии населения, оставившего куро-аракскую культуру, далеко не соответствует богатству археологической

Индивидуальные измерения черепов из могильника Беркабер

№ признака по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа			
Возраст	Ad.	Mat.	Ad.	Mat.	Mat.	Mat.	Ad.	Ad.	Mat.	Ad.
1	199	178	186	190	197	194	179	180	182	186?
8	136	138	140	146	143	139	137	134	131	139
17	—	—	—	—	—	—	128	—	—	133
20	—	112	118	121	119	—	—	111	111	117
5	—	—	—	—	—	—	95	—	—	—
9	—	103	104	100	98	94	97	94	—	101
10	—	125	129	122	127	108	117	109	—	113
12	—	109	—	117	—	—	106	103	102	108
32	—	83	75	82	90	—	—	76	90	—
gl—met	—	78	70	77	84	—	—	69	84	—
8:1	68,3	77,5	75,3	76,8	72,6	71,6	76,5	74,4	72,0	74,7?
17:1	—	—	—	—	—	—	71,5	—	—	71,5?
17:8	—	—	—	—	—	—	93,4	—	—	95,7
9:8	—	74,6	74,3	68,5	68,5	67,6	70,8	73,1	—	72,7
9:10	—	82,4	80,6	82,0	77,2	87,0	82,9	86,2	—	89,4
9:12	—	94,5	—	85,5	—	—	91,5	91,3	—	93,5
40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102
43	—	111	113	110	107	—	102	99	—	107
45	—	133	137	135	136?	—	—	122	128?	123
46	—	94	103	98	106?	—	—	—	96	89
47	—	—	122	—	—	—	—	—	—	—
48	—	68?	69?	73?	74	—	—	64?	71	—
51	—	44 (пр.)	46	46	44	—	—	36 (пр.)	45	—
51a	—	40,5 (пр.)	42 (пр.)	40,5	40	—	—	—	42	—
52	—	32 (пр.)	32	28	35,5	—	—	31 (пр.)	—	28
54	—	20	25	20?	19	—	—	23	26	25
55	—	50	52	51	52	—	—	53	51	—
DC	—	—	20,0	—	22,5	—	—	—	—	—
DS	—	—	—	—	13,1	—	—	—	—	—
SC	—	—	12,0	10,0	11,9	—	—	11,7	—	—
SS	—	—	—	4,5	6,0	—	—	—	—	—
72	—	96	82	—	82	—	—	87	89	—
73	—	101	85	89	88	—	—	91	95	—
74	—	80	71	—	66	—	—	66	73	—
75	—	—	—	66?	46	—	—	—	—	—
75(1)	—	—	—	—	36	—	—	—	—	—
43(1)	—	102	107	104,5	99,5	90	95	92	—	—
IOW sub.	—	19	16	14	19	18	16	20	—	—
77	—	139	147	150	138	136	143	133	—	—
Zm'—zm'	—	—	102	98	—	—	—	—	98,5	—
Zm'—sub.	—	—	24	25,5	—	—	—	—	22	—
Zm'	—	—	130	125	—	—	—	—	132	—
45:8	—	96,4	97,9	92,5	95,1?	—	—	91,0	97,7?	88,5
47:45	—	—	89,1	—	—	—	—	—	—	—
48:45	—	51,1?	50,4?	54,1?	54,4?	—	—	52,5?	55,5?	—
52:51	—	72,7	69,6	60,9	80,7	—	—	86,1	—	—
52:51a	—	79,0	—	69,1	82,8	—	—	—	—	—
54:55	—	40,0	48,1	39,2	36,5	—	—	43,4	51,0	—
DS:DC	—	—	—	—	58,2	—	—	—	—	—
SS:SC	—	—	—	45,0	50,4	—	—	—	—	—

информации и отражает описание лишь единичных и плохо сохранившихся находок из разных могильников в Грузии и Армении⁸. Поэтому серия из 10 взрослых черепов, происходящих из одного памятника, приобретает значительный интерес для понимания генезиса антропологического состава населения Закавказья в эпоху бронзы. Именно к этой эпохе относится могильник близ селения Беркабер (бывшее название — Джогаз) Иджеванского р-на АрмССР, раскопанный летом 1986 г. Раскопки велись под руководством Г. Е. Арешяна и А. Е. Симоняна. Все черепа не очень хорошей сохранности, и потребовалась реставрационная работа, которая была выполнена Р. А. Мкртчян. Ею же были проведены все измерения (таблица).

Вся серия отличается исключительной длинноголовостью, черепной указатель на шести мужских черепах равен 73,7. Такая величина получается за счет очень большой длины (продольный диаметр 190,7 мм) и умеренной ширины (поперечный диаметр 140,3 мм) черепной коробки. Четыре женских черепа дают черепной указатель, равный 74,4, примерно при том же соотношении размеров — довольно большом продольном (181,7 мм) и малом поперечном (135,2 мм) диаметрах. Высота черепной коробки средняя или низкая — высота от порионов на четырех мужских черепах 117,5 мм. Лобная кость средней ширины (99,8 мм на пяти мужских черепах, 97,3 мм на трех женских), но при такой ширине черепа оказывается относительно широкой (лобно-поперечный указатель равен соответственно 70,7 и 72,2); поставлена она наклонно (угол лба назион-метопион на четырех мужских черепах 82,5°). Затылочная кость узкая (103,8 мм на четырех женских черепах). Рельеф черепа умеренный.

В общем как ни скептически относятся некоторые специалисты к вариациям черепной коробки в качестве диагностирующих признаков в силу их изменчивости, все же их использование в практической работе очень широкое, и их дифференцирующее значение оказывается эффективным при разграничении не только близких между собой узколокальных комплексов, но и типологических сочетаний, занимающих большие ареалы. Перед нами то сочетание размеров черепной коробки, которое постоянно повторяется при палеоантропологической характеристике тех или иных вариантов южной средиземноморской ветви европеоидов. Абсолютного значения это сочетание не имеет, оно с теми или иными модификациями встречается иногда и на севере, но преимущественно локализовано в прибрежных районах Европы и Передней Азии, частично и Северной Африки, примыкающих к Средиземному морю. В советской литературе была распространена до недавнего времени тенденция рассматривать эту форму строения черепной коробки как отличительную черту не южноевропеоидной расы в целом, а ее местной разновидности — так называемого восточносредиземноморского типа⁹. За тенденцией этой, строго говоря, не стояло какой-нибудь специальной морфологической проработки материала; специфическое своеобразие восточносредиземноморских форм, распространенных в древности преимущественно в Средней и Передней Азии, никогда не было доказано, поэтому тенденция эта имеет лишь историческое значение. Перед нами на территории Армении один из местных вариантов южной ветви европеоидов, и этим приходится ограничиться, пока мы имеем дело с вариациями черепной коробки.

Переходя к лицевому скелету, сразу же нужно отметить небольшую высоту лица (71,0 мм на четырех мужских черепах, 67,5 мм на двух женских). Но ширина лица выше средней (135,2 на четырех мужских и 124,3 мм на трех женских черепах), для европеоидов ее можно считать даже высокой. Дивергенция северных и южных европеоидов по ширине лица носит вполне определенный характер как в древности, так и в современную эпоху — северные европеоиды более широколицы, чем южные. Но это справедливо на юге лишь по отношению к современным равнинным популяциям; в горных районах носители алийской, дианарской, кавказийской комбинаций признаков достаточно широколицы, а на Кавказе сосредоточен даже максимум величин скулового диаметра в рамках европеоидного ареала. По отношению к древности граница менее ясна, и широколицые серии встречаются и на юге, и на севере. Следует подчеркнуть, что обнаружение в эпоху бронзы относительно широколицых форм на территории Армении в свете имеющейся информации о современном очаге широколицести на Кавказе не выглядит полностью неожиданным. Любопытно отметить, что подобное сочетание высотного и широтного диаметров лица дает верхнелицевой указатель, средняя величина которого все же превышает средний вариант (52,5 на четырех мужских черепах и 54,0 на двух женских).

Помимо сказанного в строении лицевого скелета обращают на себя внимание низкоорбитность (высота орбиты на четырех мужских черепах 31,9 мм, на двух женских — 29,5 мм) и резко выраженная узконосность (ширина грушевидного

отверстия на четырех мужских черепах 21,0 мм, на трех женских — 24,7 мм). И то и другое — признаки в целом северного тяготения. Более того, носовой указатель, равный 40,9 (четыре мужских черепа) и 47,2 (два женских черепа), редко встречается даже на севере Центральной и Восточной Европы и в Скандинавии. Орбитные указатели также крайне малы: указатель от максилло-фронтале равен на четырех мужских черепах 71,0. Следовательно, уже сопоставление этих признаков с вариациями черепной коробки показывает, что наличие сочетания признаков, которое, начиная с работ А. И. Ярхо, часто называют противоречивым, подразумевая под этим случаи нарушения сложившихся в ту или иную эпоху исторических корреляций между признаками.

Сохранность лицевого скелета такова, что осуществить характеристику горизонтального и вертикального профиля можно лишь весьма приблизительно. Вертикальный профиль скорее ортогнатный, хотя представлены и мезогнатные варианты, носовые кости в единственном зафиксированном случае выступают очень сильно, горизонтальный профиль — острый. Все это — бесспорное свидетельство сильной выраженности европеоидного комплекса признаков, но он был резко выражен во всех древних европеоидных группах, и поэтому это наблюдение трудно как-нибудь использовать в генетическом плане.

Подводя итог морфологическому описанию изученных черепов, можно сделать вывод, что серия из Беркабера европеоидная, внутри европеоидов относится к резко выраженным долихокранным вариантам, в лицевом скелете несет сочетание признаков, свойственных представителям как южной, так и северной ветви европеоидной расы. В качестве ближайшей географической аналогии можно назвать единичные черепа из погребений у Шенгавита, раскопанных С. А. Сардаряном¹⁰. Они имеют то же сочетание признаков, что и вышеописанная серия — достаточно крупные и длинноголовые, с умеренно широким и средневысоким лицевым скелетом, профилированным в горизонтальной плоскости, с сильно выступающими носовыми костями¹¹. Вместе с ними были описаны черепа из Джарарата. Как считали тогда археологи, эти черепа синхронны шенгавистским, но очень грацильные и узколикие, а также обнаруживающие сдвиг к брахикрании. В настоящее время можно высказать предположение, что эти черепа относятся к более позднему времени, и поэтому их не следует рассматривать вместе. Носители куро-аракской культуры на территории Армении, как это сейчас вырисовывается на основании доступных данных, были антропологически более или менее гомогенны.

Популяции рассматриваемой культуры, проживавшие в южных районах Грузии, отличались от армянских как будто несколько более коротким черепом и повышением черепного указателя, несколько более узким лицом¹². Однако число наблюдений по каждому признаку так мало, что на этих различиях трудно настаивать: возможно, они и отражают реальную действительность, но скорее всего представляют собой просто результат случайности выборки. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем исходить из гипотезы, что зафиксированный в могильнике Беркабер комплекс признаков более или менее типичен для населения куро-аракской культуры в Закавказье в целом, иными словами — при несомненно существовавшем локальном своеобразии антропологического состава куро-аракского населения в отдельных районах наиболее распространенное сочетание признаков было более или менее близко к описанному выше.

На юге памятники близкородственной куро-аракской хирбет-керакской культуры уходят через Малую Азию в Сирию и Палестину, на севере поселения куро-аракской культуры не заходят дальше западных районов Имеретии и северных горных районов Дагестана. Таким образом, и географический ареал, и археологические параллели, вскрытые исследованиями многих археологов¹³, заставляют в поисках исходной территории формирования этой культуры обращаться к южным по отношению к Закавказью районам или пытаться найти аналогии ей в местных неолитических памятниках. Очевидно, палео-антропологические аналогии нужно искать в тех же направлениях.

Последнее из них исключается автоматически, так как ни на Северном Кавказе, ни в Закавказье нет достоверных находок скелетов неолитического времени. Все описанные в литературе черепа, относимые к этому периоду, не имеют на самом деле отчетливой датировки¹⁴. Что касается переднеазиатских аналогий, то здесь поле сравнений шире, и можно будет привлечь несколько серий, морфологические особенности которых неоднократно обсуждались в литературе под самыми разнообразными углами зрения¹⁵. Но все они отличаются крайней узкокопостью и грацильностью лицевого скелета. Исключение составляют лишь черепа из Сиалка (могильник А), достаточно широколицые и массивные¹⁶, т. е. пригодные в этом отношении для сравнения с сериями из Беркаберского могильника. Но они высоколицы, отличаются от закавказских вариациями некоторых других признаков и поэтому не могут рассматриваться как форма, морфологически тождественная или даже очень близкая к беркаберской популяции, хотя сходство в данном случае, конечно, больше, чем со всеми другими переднеазиатскими сериями. В культурном отношении Сиалк также входит в иной круг археологических памятников. Здесь уместно заметить, что в целях объективности, конечно, следовало бы количественно взвесить степень схождения и различия беркаберской популяции с палеоантропологически зафиксированными переднеазиатскими популяциями, но при таком числе наблюдений любое количественное сопоставление может дать искаженные и даже прямо противоречащие действительности результаты, которые нельзя будет разумно корректировать и истолковать. Кстати говоря, все сказанное остается в силе и для последующего изложения, также построенного на качественных визуальных оценках.

Совершенно своеобразная и исключительно богатая майкопская культура, ареал которой примыкает к ареалу куро-аракской культуры с северо-запада и северо-востока, не охарактеризована палеоантропологически. Но в степных районах Предкавказья, входящих в громадный пояс степей, простиравшихся с небольшими перерывами от Дуная до Енисея, были в III — начале II тыс. до н. э. распространены памятники ямной культуры, преимущественно скотоводческой, имевшей огромный ареал и оставленной, надо думать, весьма многочисленным населением. Начиная со сводки Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР¹⁷, палеоантропологический материал неоднократно вводился в науку¹⁸, и в настоящее время мы имеем возможность судить о локальных вариациях антропологического типа населения ямной культуры по всей степной зоне — от Днепра на западе до Волги на востоке. Г. Ф. Дебеч рассматривал ямников в качестве классических представителей того типа, который он вообще считал характерным для древнего населения Европы и который называл кроманьонским в широком смысле слова. С небольшими модификациями эта дефиниция дожила до наших дней, хотя все последующие работы выявили значительный полиморфизм населения ямной культуры от могильника к могильнику, достаточно существенные различия между отдельными группами населения в ширине лица и массивности черепа. В принципе локальная изменчивость антропологических особенностей в географических границах ареала ямной культуры могла бы составить предмет специального интересного исследования, но для нас это вопрос второстепенный, для нашей темы важно, что в составе ямников в значительной степени был представлен антропологический компонент, по пропорциям и размерам лица близкий или тождественный популяции, оставившей Беркаберский могильник. Низкоорбитность и узконосность, характерные для этой последней популяции, также типичны для этого компонента. В нем, следовательно, можно видеть достаточно убедительную морфологическую аналогию тому населению куро-аракской культуры, которое проживало на территории Армении.

Итак, вопреки линии культурных связей, реконструируемой с помощью археологических данных и уходящей в Малую и — в более широком смысле — в Переднюю Азию, антропологические особенности куро-аракского населения

таковы, что они не дают оснований для однозначного решения. Куро-аракские популяции сближаются с некоторыми южными по отношению к ним переднеазиатскими, но имеют одновременно большое сходство и с популяциями ямной культуры, составлявшей северную периферию их ареала. Можно пойти и дальше: исходя из широко распространенного мнения об исключительной таксономической ценности вариаций лицевого скелета по сравнению с мозговым, придать наибольшее значение строению лица и постулировать на этом основании преимущественную связь куро-аракского населения с ямным. Тогда антропологические данные будут указывать на поиск генетической преемственности в прямо противоположном направлении, чем археологические. Но все подобные априорные операции по определению таксономического веса признаков достаточно условны даже при работе с данными о современных популяциях, где эти данные достаточно полны, тем более они мало оправданы применительно к талеоантропологическому материалу. Поэтому самое разумное — рассматривать зону куро-аракской культуры как промежуточную между севером и югом, населенную группами смешанного происхождения, может быть, даже имевшими в своем облике черты не только южных, но и северных европеоидов. Кстати сказать, подобный подход возвращает нас к некоторой переоценке имевшей место дискуссии между В. В. Бунаком и Г. Ф. Дебецом о наличии примеси северной расы или северной ветви европеоидов у древнего населения Армении: речь шла о черепах раннего железного века из могильников на юго-восточном побережье оз. Севан¹⁹. В. В. Бунак писал о наличии северной примеси, Г. Ф. Дебеч отрицал ее. Сейчас ясно, что наличие северных элементов нельзя отрицать на территории Армении и в более раннее время.

Каково этногенетическое значение всех этих антропологических соображений? Закончить изложение на этом — значит остаться в рамках объективности, не выходить за пределы фактов и предоставить их интерпретацию другим. В то же время все лингвистические привязки для этой эпохи более чем спорны и носят самый общий характер. Авторы данной статьи не рискнули бы сами выступить с такими привязками, но коль скоро они есть в литературе, правомерно и необходимо рассмотреть их под антропологическим углом зрения.

Сразу же обращает на себя внимание противоречивость существующих точек зрения. Кавказоведы склоняются к тому, чтобы видеть в носителях куро-аракской культуры предков современных народов Кавказа, говорящих на кавказских языках: О. М. Джапаридзе видит в них предков картвелов²⁰, Р. М. Мунчаев — предков иберокавказцев в целом²¹, что затем нашло дополнительную аргументацию в серии статей Е. И. Крупнова²². Историки древнего Востока видят проблему этнической принадлежности куро-аракской культуры по-иному и решают ее с помощью более широких сопоставлений. Г. А. Меликишвили высказал гипотезу о связи носителей этой культуры с индоевропейским этническим миром, с появлением в Закавказье индоевропейцев, растворением их в местной среде и сложением в ходе этого процесса куро-аракского культурного единства²³. И. М. Дьяконов также в весьма предположительной форме реконструировал ареал обитания хурритских и родственных им племен, сопоставил его с ареалом куро-аракской культуры и получил значительное совпадение обоих ареалов²⁴. Эта точка зрения наиболее близка к взглядам Б. А. Куфтина.

Приведенные мнения, как видим, противоречивы, и не очень ясно, каким образом можно примирить их. Если ареал хурритских и родственных им языков действительно совпадал с ареалом хирбет-керакских памятников, то хурриты, очевидно, должны были занимать большую часть Закавказья. Весьма вероятно, что огромный неиндоевропейский пласт в армянском этногенезе частично восходит ко времени хурритского расселения²⁵. Современная лингвистика, похоже, отрицает генетическую связь между кавказскими языками, в том числе и картвельским, и древними языками Передней Азии²⁶. Но никем еще не были оспорены старые наблюдения о лингвистических и историко-культурных связях

кارتвельских народов с Передней Азией и о переселении части их древнейших предков на юг²⁷. Опубликованный Р. В. Гордезиани список шумерско-картвельских сходжений, состоящий из 101 лексемы, подтверждает реальность этих старых наблюдений²⁸. В то время как хурриты расселились по Закавказью из Восточной Анатолии, предки картвелов могли продвинуться туда из древней Месопотамии. Их встречи в Закавказье объясняют отдельные включения в картвельские языки лексических элементов из древних языков Передней Азии. Таким образом, какие-то южные связи, выявленные в антропологическом составе куро-аракского населения, не противоречат этой части лингвистических данных, если их интерпретировать, как это было сделано выше.

Если принять гипотезу Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова об индоевропейской прародине в Малой Азии²⁹, то для индоевропейцев в рамках приведенных рассуждений не остается в Закавказье места, или, точнее говоря, не остается путей, пройдя по которым, они могли бы попасть в Закавказье. Но гипотеза эта встретила ряд существенных возражений³⁰. Внимательное штудирование текста капитальной книги Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова оставляет впечатление, что им не удалось достаточно убедительно исключить из области индоевропейской прародины Балканский полуостров. Если же индоевропейцы расселились с Балканского полуострова, то носителей ямной культуры очень легко представить в качестве одной из древнейших ветвей индоевропейских народов. Возможно, это справедливо и по отношению к каким-то еще не открытым аналогичным доямным памятникам. Из прикавказских степей индоевропейцы могли тогда попасть на Северный Кавказ и в Закавказье, встретиться там с хурритами и протокартвелами и в силу недостаточной численности раствориться в среде последних лингвистически и культурно, но в то же время оставить какие-то свои антропологические особенности. Этим можно объяснить и отсутствие памятников ямной культуры в горных районах Кавказа, и индоевропейские включения в картвельских языках. В рамках более или менее традиционной гипотезы находит, следовательно, себе место и мнение об участии индоевропейцев в формировании куро-аракской культуры и оставившего ее населения, подкрепляемое описанными выше палеоантропологическими данными.

Разумеется, эти данные очень важны и для понимания ранних этапов расогенеза на территории Армении, преемственности куро-аракского населения с более поздним, в конечном счете этногенеза армянского народа в свете антропологических данных. Однако территории Армении в отношении палеоантропологии пока не повезло — эпохи бронзы, раннего железа, средневековья изучены крайне слабо. По мере роста наших знаний о динамике антропологического состава Армянского нагорья будет расти и научная ценность палеоантропологического материала из погребений куро-аракской культуры для реконструкции антропологических особенностей и генезиса того субстратного населения, которое проживало здесь до распространения армянского языка — примерно с середины I тыс. до н. э.³¹

Примечания.

¹ Куфтин Б. А. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // Вестн. Гос. музея Грузии. Т. XIII-V. Тбилиси, 1944.

² Он же. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.

³ Он же. Археологические маршруты экспедиции 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949; *его же*. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.

Начиная примерно с 60-х гг. культура куро-аракского энеолита, как ее назвал Б. А. Куфтин, интерпретируется как культура раннебронзового века. Ареал ее охватывает Закавказье, Восточную Анатолию, Северо-Западный Иран и Северо-Восточный Кавказ. Поэтому куро-аракскую культуру часто называют в западной литературе восточно-анатолийско-закавказской культурой раннебронзового века.

⁴ См., например, обстоятельное историографическое введение к книге: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.

- ⁵ *Пиотровский Б. Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // Сов. археология. Т. XXIII. М., 1955; *его же.* Основные этапы древнейшего земледелия в Армении // Историко-филологический журнал. Ереван, 1961. № 3—4; *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- ⁶ См. карту: *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974; *Абдушелишвили М. Г.* Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- ⁹ *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- ¹⁰ *Сардарян С. А.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967.
- ¹¹ *Алексеев В. П.* Указ. раб.
- ¹² *Абдушелишвили М. Г.* Указ. раб.
- ¹³ Обсуждение проблемы и литературу см. в работах, указанных в сносках 2, 4 и 6.
- ¹⁴ Обзор этих находок и литературу см.: *Алексеев В. П.* Указ. раб.
- ¹⁵ Искрывающей сводки данных по палеоантропологии Передней Азии, которая соответствовала бы современному уровню знаний, пока нет. До какой-то степени ее может заменить подборка данных, собранных в сравнительных целях: *Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Х.* Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.
- ¹⁶ *Vallois H.* Les ossements humains de Sialk. Contribution à l'étude de l'histoire raciale de l'Iran ancien. // Girshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. II. P., 1939.
- ¹⁷ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (Нов. серия). Т. IV. М.; Л., 1948.
- ¹⁸ Сводка данных и библиография.: *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди — бронзы. Киев, 1972; *его же.* Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья. Киев, 1984.
- Бунак В. В.* Черепа железного века из Севанского района Армении // Русский антроп.-журнал. 1929. Т. 17. Вып. 3—4; *Дебец Г. Ф.* Указ. раб.
- ²⁰ *Джапаридзе О. М.* Указ. раб.
- ²¹ *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 100. М., 1961.
- ²² *Крупнов Е. И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Сов. археология. 1964. № 1; *его же.* Кавказ в древнейшей истории нашей страны // Вопр. истории. 1966. № 5.
- ²³ *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнем населении Грузии, Кавказа и древнего Востока. Тбилиси, 1965.
- ²⁴ *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- ²⁵ См. об этом: *Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы. Т. I—II. Ереван, 1956—1975.
- ²⁶ *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- ²⁷ См., например: *Март Н. Я.* О дате эмиграции мосехов из Армении в Сванию // Изв. АН ССР. 1916.
- ²⁸ *Гордизани Р. В.* Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- ²⁹ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
- ³⁰ *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вести. древ. истории. 1982. № 3, 4; *Лелеков Л. А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вести. древ. истории. 1982. № 3.
- ³¹ *Джаукян Г. Б.* Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967; *его же.* Принципы периодизации истории армянского языка // Лингвистическая география и история языка. Кишинев, 1973. Повторено в кн.: *Джаукян Г. Б.* Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. В. Чеснов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ АБХАЗОВ

Абхазский язык лингвисты относят к числу фонетически самых богатых из всех языков Земли. По-моему, до сих пор специалисты не могут договориться, сколько же звуков может произнести носитель абхазской речи. Кажется, больше 60. Академик Н. Я. Марр изучал абхазский язык в селе Джгерда. Народная молва гласит, что там он выучил его за две недели. Рассказывают: когда в Петербурге на заседании Академии наук Марра попросили воспроизвести звучание абхазской речи, он взяв в руку коробочку с морскими камнями, потряс ее. Этот случай я рассказал, чтобы как-то оправдать всю условность воспроизводимых далее некоторых абхазских слов.

Ссылка на пребывание Марра в Джгерде важна и потому, что в этом селе я впервые начал записывать народные этимологии абхазских слов. Кстати, лингвисты к таким толкованиям происхождения слов относятся крайне скептически. Но для этнографа народная этимология раскрывает то, что народ считает важным, значащим для жизни, т. е. проясняет особенности этнического восприятия мира. Все нижеследующее в значительной мере основано именно на таких этимологиях, а также на языковых метафорах. Не берусь судить, сыграло ли роль исключительное богатство звуков языка или это идущая от предков высокая ораторская культура, но мои абхазские собеседники независимо от образования всегда проявляли склонность к утонченным этимологическим рассуждениям. А может быть, попросту была права графиня Уварова, которая выделила созерцательность как особую черту абхазов¹.

Во всяком случае наша беседа в Джгерде несколько лет назад со 100-летним Сикуа Сангулиа определенно имела философский оттенок. Был поздний вечер. Мы сидели у очага. Я спросил, с какой стороны положено класть топливо в огонь. Сикуа ответил, что, конечно же, продвигать справа налево и что все надо делать в таком порядке — ведь правая сторона почетная, она и должна давать направление движению. Пока я это записывал, Сикуа, глядя в огонь, сказал, что мелкие сухие дрова для растопки называются *афархь*. Он добавил, что в этом слове присутствует имя божества молнии Афы, «потому что от его искры зажигаются сухие дрова». По мнению Сикуа, *афархь* — очень древнее слово, ибо оно сохранилось от того языка, «который был дан природой». Такова ли настоящая этимология слова, я не знаю. Может быть, оно и не связано прямо с «Афы», а имеет ностратическую основу, т. е. родственно нашему «хворост» и английскому «forest». Но важно, что мой собеседник стал излагать целую концепцию мира, в центре которой находятся огонь, солнце, свет и видение как основа человеческой ориентации в мире.

Беседы такого рода случались не раз. Если суммировать услышанные суждения о свете и видении, то получится примерно такая картина. «Природа» — по-абхазски *ансабара*. Слово это состоит из *ансы* (душа) и *бара* (видеть) и воспринимается со смыслом «то, что душа видит». Зрительный контакт человека с природой в абхазских представлениях не просто выражает один из способов восприятия. Такой контакт этически окрашен. Это подчеркивается представлением о том, что природа показывает человеку лучшее и нужное для него, если он этого заслуживает. От дурного охотника она, например, скрывает дичь.

Тема источника света, выручающего человека в необходимый момент, часто встречается в фольклоре. Знаменем охотничьего счастья может оказаться встреча с туром или оленем со светящимися рогами. Есть народное поверье, что ночью иногда внезапно виден свет, все озаряющий кругом. Считается, что это «раскрылись врата неба». Тогда надо быстро загадать желание, и оно непременно исполнится. В абхазском мифопоэтическом восприятии свет всегда ассоциируется с жизнью и добром. У каждого человека на небе есть своя звезда, которая гаснет с его смертью. Примечательно, что древнее слово *анышь* (земля) некоторые абхазы (может быть, и неправильно, с лингвистической точки зрения) связывают с понятиями «мать» и «свет», т. е. воспринимают землю как свою светоносную мать.

Главным органом человеческого тела считаются глаза. Сердце также наделяется свойством видения. Например, если ночью идешь правильным путем — «идешь сердцем». Любовь — это видение хорошего: фраза «я тебя хорошо вижу» имеет смысл — «я тебя люблю». Достойное, совестливое поведение — *аламыс* в одной формуле. Примечательно, что *аламыс* произносится иногда *анамыс* и это идет от древнегреческого *номос*, попавшего в Абхазию через арабский и турецкий языки.

Почетный посох — *алабашу* тоже воспринимают как предмет, наделенный видением. О гостеприимстве говорят так: «ачеджика — открытые глаза». В старинных молитвах содержится просьба божествам: «Дай теплоту твоих глаз...».

Мой друг рассказывал мне о своем детстве: «Маленьким меня взяли в горы. Там был один человек из старших, который особенно хорошо ко мне относился, всегда помогал. Как будто он был рядом, даже когда отсутствовал, как будто он меня везде видел. Однажды я сидел над обрывом на согнутом стволе дерева. Вдруг услышал его свист, которым он звал меня, и слова: «Ты не бойся, сиди спокойно. Он тебя не тронет». И тут только я заметил, что внизу находится медведь». В этом рассказе видение взрослым ребенком означает не только зрительный контакт, но передает всю полноту внимания, заботы и ответственности.

Отношение к видению как к восприятию чего-то доброго, конечно, не только свойство абхазской культуры. Ведь и по-русски мы о хорошем, и чем-то примечательном человеке говорим «видный человек», а если к кому-то по-доброму отнеслись — «его заметили», в слове же «ненависть» ощутим отказ видеть. Но в абхазской культуре поражает целостный взгляд на все существование человека как на его путь из темноты к свету.

Все знают древнегреческий миф о Сфинксе, задавшем загадку Эдипу о существе, которое ходит сначала на четырех ногах, потом на двух, наконец на трех. В этом мифе человеческий возраст ассоциативно связан с использованием конечностей для передвижения, причем в последней трети жизни человека появляется некая несоматическая часть — посох, необходимый для передвижения. Загадка Сфинкса выглядит как указание на совершенно заурядные бытовые ситуации. В Абхазии тоже удалось обнаружить символику возрастов человека, переданную через части его тела. Но явление оказалось гораздо сложнее: тело человека воспринимается так, будто оно включает в себе какую-то световую субстанцию, укрытую сначала в ногах и с возрастом переходящую к голове. Если в загадке Сфинкса речь идет о физическом передвижении человека по горизонтали, то в абхазском представлении ясно выражена идея

движения жизни как вертикального подъема ее светового компонента от уровня Земли на космический уровень. Эти представления сопряжены с символикой основных возрастных групп в абхазском обществе.

Общее в абхазском представлении с загадкой Сфинкса состоит в том, что особое значение придается символике ног.

Рассмотрим, как решается вопрос о движении в мифопоэтической сфере абхазской культуры, т. е. той сфере, которая дает импульсы многим поступкам и оценкам — короче, этнически окрашивает все отношения человека с окружающим миром. Речь идет о реальности, которую активно строит этническая культура, в данном случае абхазская. В этой реальности особым значением обладают пространство и время.

Пространство в традиционной абхазской культуре имеет центр — неподвижную значимую точку: это человек, группа людей, дом, дерево, святилище, гора. Пространство, имеющее отношение к людям, наделяется их свойствами; оно разное у людей разного пола и возраста. Поскольку части такого пространства, его «куски» относительно независимы друг от друга, назовем его условно «локусным». Одна из важнейших особенностей рассматриваемого пространства, которой мы будем касаться, — искривление маршрута движения людей относительно центра.

Неподвижность центра выявляется в разных ситуациях общения. Большое значение в абхазской культуре придается месту сидения и самой позе сидения. В собрании сидят старший или гость. Неподвижность — свойство высокого статуса. С неподвижностью связаны представления о высоких ценностях. Так, ныне умерший Хсин Пилия, выдающийся человек, разносторонне проявивший себя в колхозном строительстве, в знании обычаев и фольклора, народной медицины и всего того, что можно назвать народной философией, говорил: «Те, кто не ушел в махаджирство (переселение в Турцию во второй половине XIX в. — Я. Ч.), проявили неподвижность». В Абхазии распространена пословица, формулирующая значение мужества, гостеприимства, доброты, взаимного уважения, которые входят в понятие *аламыс* (совесть): «Абхазский аламыс не сдвинешь с места». У абхазов сохранились следы культа безличных природных сил, называемых *аньами*. О них говорят, что они «сидят» в своих святых местах. Бог охоты Ажвейпшаа постоянно сидит на своей постели. Вообще горы — как бы сидения богов. Создается впечатление, что с позой сидения ассоциируется представление о самом высоком статусе.

В таком случае ноги как органы передвижения получают низкий ранг. Отсюда отношение к небольшим ногам как к признаку женской и мужской красоты. Существовал обряд с обведением вокруг головы девочки золотого кольца, после которого, считалось, ноги ее не вырастут. В старину женщины носили сафьяновую обувь, сдерживавшую рост ступни. «Широконогий» — пренебрежительное название грубого, невоспитанного человека. Мясо голяшек, которое, по всеобщему мнению, вкусно, не может быть предложено гостю, это непрестижная пища. Очевидно, при низком символическом статусе ног создались благоприятные условия для возникновения представления о человеке, наделенном «счастливой ногой», — встреча с ним благоприятна, поэтому его просят на Новый год первым из не членов семьи войти в дом. В таком случае «счастливая нога» этого человека делает благоприятным вновь обживаемое пространство. Теперь мы можем поставить вопрос о той половозрастной группе, символика которой связана с ногами. Это наверняка группа женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. Об этом красноречиво говорит обычай абхазов и соседних народов на трапезе давать ноги птицы девушкам семьи: «Вам уходить из дома, вам и ноги!» (Здесь связь ног с перемещением чисто ситуационная, «житейская».) В идеале женской красоты изящество ног стоит на одном из первых мест. В старину у абхазов существовал обычай, согласно которому молодые женщины (чаще невестки) мыли ноги старшим членам семьи или гостям. Это символизировало возрастной статус женщин. Характерно, что

у абхазов и других народов Кавказа существует представление о «счастливой ноге», маркирующей скорее удачное начало времени, нежели пространство.

В мифологии многих народов ноги часто связаны с воспроизводством: вынашивание Зевсом детей в бедре, в колене, обряд сажания на колени у ряда народов, что знаменует признание отцом своего ребенка, и т. п. У абхазов бытует выражение «дети под коленом у тебя», выражающее заботу о малолетних. Потомство может быть метафорически названо «ногой кола».

Концентрация в ногах генеративных сил — более или менее установленный факт в работах, посвященных соматическим представлениям древних народов. Так, в семитских и индоевропейских языках термин для «колена» образует целое гнездо понятий со значением «порождать» и «познавать»².

Нам не удалось обнаружить специфического абхазского жеста для обозначения представительниц половозрастной группы женщин репродуктивного возраста. Международно распространенный жест — плавные вертикальные движения рук, обозначающие бедра, встречается редко. Абхазская культура вообще очень скупа в использовании знаков для обозначения нижней части тела. Но здесь нужно отметить, что привлекательно-знаковой для мужчины частью женского тела в абхазской культуре являются не бедра, а голени. Какое-либо их обнажение в старину было запретным. Выйти с усадьбы без носков считалось для женщины позором. Очевидно, в традиционной абхазской орнаментике изображением голеней и всей женщины в репродуктивном возрасте является прямая вертикальная линия. По крайней мере так можно интерпретировать левую линию в знаке в виде буквы Н, распространенном на старых абхазских коврах³. Здесь правая линия с горизонтальной чертой — скорее всего фаллическое изображение мужчины. Не случайно в абхазском термине «вправо» в отличие от термина «влево» присутствует, казалось бы, непонятно почему формант «самец». Правая сторона — мужская, почетная — всегда активна: движение должно направляться справа налево. В пользу соображений о женской символике ног говорит и встреченное нами выражение «стояла как колышек до самого утра», принадлежащее пожилой женщине, которая описывала свои функции виночерпия в девичестве в доме отца.

Если ноги в метафорическом смысле символизируют вовсе не перемещение, а как бы означают неподвижную точку отсчета, то статусом органов движения в централизованном (локусном) пространстве наделены плечи. Выражение «плечи поют» означает желание куда-то идти. О заблудившемся абхазы говорят: «У него выбито плечо». «Идти плечом» означает движение без строго выбранного маршрута. Очевидно, это — движение по криволинейной траектории, потому что правильное движение, хотя и вслепую, например ночью, обозначается, как говорилось, выражением «идти сердцем».

Движение плечом, именно правым, ритуально выражает благоприятное действие. Это движение, направленное против хода солнца, трактуется как движение навстречу солнцу — самому почитаемому объекту. Можно назвать ряд ситуаций, в которых важным ритуальным элементом выступает круговое движение против хода солнца. Такое движение имеет специальное название — *акуахша*. Это и трехкратный обход матерью жениха, приведенной в дом невесты и обход провинившегося человека вокруг священной кузницы — *ажирьы*, обрядовое круговое движение во время моления, трехкратный обход матери вокруг больного ребенка, что толкуется как ее желание принести себя в жертву вместе больного.

К акуахше очень близок женский жест приветствия (обычно это делают старушки), адресуемый родственнику или дорогому гостю: женщина на расстоянии около полуметра обводит правой рукой вокруг лица приветствуемого и затем касается его лба. Жест имеет значение — «чтобы я долю твоих несчастий себе забрала». После этого женщина обнимает гостя и целует в правое плечо. Семантика описанного жеста строится на воспроизведении структуры локусного пространства, которая состоит из неподвижной точки (в ней нахо-

итет приветствуемый) и пространства, описываемого круговым движением правого плеча вперед.

Криволинейная траектория воспроизводится также женщиной — хозяйкой дома, движущейся навстречу входящему в усадьбу гостю. Последний замедляет шаги (это символизирует неподвижность), хозяйка же идет к гостю по дуге, концы которой представлены выходом из дома (начало ее движения) и гостем (она останавливается в полутора-двух метрах от него). Дуга эта выгнута влевую от гостя сторону так, что женщина приближается к входящему правым плечом. Аналогичная структура воспроизводится во время поминального обряда, когда выражающие болезненное переживание двор по дуге правым плечом вперед, а мимо покойного проходят от его ног к голове.

Перемещение в локусном пространстве криволинейное, его необходимо соотносить с плечами, которые оказываются наиболее ориентированными в направлении движения (сравним воинскую команду поворота). Особенность абхазской культуры в том, что она последовательно наделяет плечи символикой высокого ранга. Между тем у большинства народов Европы плечи считаются непочетной частью тела. В христианских молитвах, например, избегали говорить о плечах из-за того, что на них носят груз. Рассмотрим поэтому подробнее абхазскую символику, связанную с плечами. Как и следовало ожидать, плечи оказались ассоциированными с заботами и тяжелой физической работой. «С плеч снял», — отвечает человек на вопрос о том, завершил ли он строительство дома или другую большую работу. Обычны, конечно, такие выражения о долге и ответственности, которые «лежат на его плечах». Но упоминание плеч («он все снял со своих плеч») в отношении человека, устроившего достойные поминки по родителям, уже немаловажно — плечи ассоциированы с родственниками. Это подтверждается рядом других выражений. «У него сломано плечо», — говорят о человеке, потерявшем близкого. «Что-то на плече у тебя гость», — иносказательное сообщение кому-то о смерти родственника. Ощущение неуютности в плечах считается дурной приметой. «Чтобы плечи были вместе» — пожелание здоровья братьям. Существует иносказательная форма сообщения о том, что у кого-то умер брат: «У тебя правое крыло умерло».

Можно предположить, что плечи олицетворяют в абхазской культуре родство молодых мужчин, младших, но деятельных членов родственной группы. Есть еще одно ценнейшее подтверждение этого факта. В горах у абхазских охотников и пастухов существует так называемый «охотничий язык», в котором для обозначения членов общины, разных объектов природы и вещей используется особая лексика. В горах младшие должны беспрекословно выполнять волю старших. Если все-таки младший мужчина лет до 30 нарушает этот обычай, то от старика он может услышать такую угрозу: «Я тебя за крылья возьму и выброшу». Под крыльями здесь подразумеваются руки и плечи. Материал по абазинам, близкородственным абхазам, подтверждает, что плечами обозначается группа мужчин молодого и деятельного возраста. Таков образ мужчины, плечом пахущего землю⁴. В абазинской сказке мужественные братья девушки в знак любви и уважения к сестре готовы ее носить на плечах⁵.

Метафорическая связь плечей с крыльями еще раз подтверждает их символическую функцию органов перемещения. Показательно также, что жест, означающий «мужчина молодого возраста», исполняется напряжением плеч и отведением их назад с одновременным поднятием грудной клетки.

В том, что голова в абхазской культуре символизирует старшинство, нет ничего удивительного. Стоит только отметить, что в разных ситуациях подчеркивается не сама по себе эта часть тела, а то, что она венчает тело. Голова может символизировать всего человека: «помолился о голове» означает, что человек молился о самом себе. В этом тоже ничего особенного для абхазской этнической культуры с общечеловеческой точки зрения. Очевидно, более специфическим и архаическим является обозначение старика термином «черепа», встречающееся в некоторых местностях Абхазии. Нет ли в этом остатка

представления о возрастной группе стариков, «костяке», обрастающем плотью? В пользу такого предположения говорят и другие факты: анатомические термины обозначают категории родства. Так, абхазский термин «родство» состоит из слов «кожа» и «мускулы».

И еще одно заключение можно сделать по поводу бытования термина «череп». Оно касается пространственного мифопоэтического размещения возрастной группы стариков. Если группа молодых мужчин представляется как бы «летающей» (их плечи — крылья), то этой более почетной группе должен быть предназначен другой, очевидно, более высокий уровень пространства. Не случайно жестовое обозначение старика (причем этот жест обычно сопровождается ссылкой на стариков как авторитетную возрастную группу: «старики сказали», «старики там были», «наши старики») состоит в поднятии правой ладони над головой.

Чтобы объяснить возникновение соматической символики половозрастных групп, нам нужно обратиться к проблеме времени, соответствующего локусному пространству. Оно переложено на масштаб человеческой жизни. Начальная точка — рождение. Считается, что всю дальнейшую жизнь избирает сам человек, цель жизненного пути которого заключается в обнаружении, раскрытии себя для других, в том, чтобы другие тебя увидели. Огромное мотивационное значение «славы» — черта не только мужского, но и женского поведения. Наилучшей судьбой представляется такой жизненный путь, после которого остается в людях крепкая память о человеке.

Соматическая символика трех основных половозрастных групп соотносится не только с телом, но и со всей жизнью человека. Человек появляется на свет благодаря генеративным способностям группы молодых женщин. Жизнь его протекает в труде, олицетворенном усилиями рук и напряжением плечей. Смысл всей жизни должен обнаружиться в старости, старик — это «память», живое доказательство прожитой жизни. Человек, не совершивший должных поступков, не сказавший умных слов, запаздывает с возрастом. На мой вопрос о возрасте одного старого человека мне ответили: «Молодой еще, семьдесят лет недавно было». Сказано это было с насмешкой по адресу не очень уважаемого старика. Не случайно так сильно запаздывал брачный возраст абхазов в прошлом: обзаведение семьей считалось нормальным для мужчины чуть ли не к 40 годам, для женщины к 30—35 годам.

«Счастье днем в ногах, ночью в руках». Иногда уточняют, что днем счастье под ногтями ног, ночью — под ногтями рук. В некоторых вариантах речь идет не о счастье, а о душе. Эти выражения объясняют запрет стричь днем ногти на ногах (надо это делать ночью), а ногти на руках полагается стричь рано утром. Символика этого действия связана с воспроизводством самого человека: «Кто стрижет днем ногти на ногах, никогда не женится». Ноги связываются, таким образом, с темным временем суток, и поэтому они должны быть «невидимы», особенно у женщин.

Жизнь, осмысляемая через понятия души и счастья, появляется утром с солнцем. Солнце — всеобщее условие жизни, поэтому оно в абхазской культуре не наделено четкой половой характеристикой. Солнце — важнейший ориентир локусного пространства, на него направлено престижное движение правым плечом, моления. Существует поговорка «абхаз живет по солнцу», т. е. оно главный показатель времени. День кончается с заходом солнца, вечерние сумерки принадлежат уже следующим суткам. Время нахождения солнца в небе — символический атрибут молодого деятельного возраста, который приравнивается к полету. «Я тогда просто летал», — говорит о своих молодых годах пожилой охотник.

Задача высветить, сделать себя видимым, стоит прежде всего перед мужчинами. К старости мужчина должен сделать видимой свою «головную кость» (так этимологизируется слово «череп», которым называют почетного старика, старейшину). Женщина в репродуктивном возрасте видна сама по себе, благодаря

своей способности породить жизнь. В фольклоре она обладает светоносным телом, как мать нартов Сатаней Гуаша — мизинцем или волосами. Олицетворение старшего возраста в черепе, отношение к дожившим до этого возраста как перешедшим из невидимого состояния к видимому показывает, что время жизни в представлениях абхазов движется в теле человека от ног к голове.

Но жизнь оказывается больше жизни тела: жест для старика указывает, что она продолжается еще вверх, выше головы. В этом случае жизненный путь всего лишь отрезок на вертикальном луче жизни, идущем сквозь тело человека к его голове и далее вверх. По абхазским представлениям, выше человека находится божество. В традиционных молитвах часто говорится о его золотых ступнях. «Ежегодно твою ногу держим», — такое сообщение Богу-кузнецу делалось во время периодических семейных молений о здоровье. Жизнь, таким образом, протекает в определенном ритме: она порождается внизу в ногах, поднимается к голове и снова уходит в ноги космического существа.

В момент рождения человек обращен головой к ногам матери. Это подчеркивается в абхазском речении: «Где человек появился на свет вниз головою, там его родина». Голова, как и ноги, воспринималась в качестве генеративного органа. Поэтому мать Абрскила должна была для зачатия выпить пепел черепа. «Ты мой череп» — есть такое у абхазов ласковое обращение женщины к любимому человеку. Это все тот же круг идей.

Мы подошли еще к одному важному аспекту мифопоэтических представлений, ассоциирующих жизнь со светом. При «невидимости» (отсутствии света) у ног атрибутом света является голова. Спать положено головой на Восток, который противопоставляется темному Западу. Есть абхазское выражение: «То, что увидит глаз, стоит головы». Оно неоднозначно по смыслу — может толковаться как ценность виденного глазами, может относиться к совету не разглашать тайну. Но для нас сейчас важно, что в этом выражении приравнены световая природа глаза и головы.

Родившийся ребенок — носитель света. Если он умирает в младенческом возрасте, не говорят «он умер», но «он погас». Этот свет ребенка ассоциируется с космическим светом, в частности светом луны. «Будь светел, как луна» — такое пожелание делают взрослые новорожденному. Представление о появлении ребенка как результате нисхождения космического света встречается в эпосе разных народов Кавказа.

Но есть еще свет огня и очага. Такой огонь — тоже метафора жизни. Проклятие «чтобы ты воду пролил на свой очаг» означает пожелание смерти человеку. Если очень старый человек, умирая, сильно мучается, то из очага, находящегося рядом, берут горящее полено и кладут его в сторону, чтобы оно погасло. Жизнь, воспринимаемая в этой парадигме, получает также ассоциацию с пищей огня — деревом.

Бытует интересный фольклорный сюжет. Одному охотнику была предсказана смерть после того, как сгорит палочка, на которую он нанизывал мясо дичи, незаконно им убитой, чтобы поджарить. Он услышал это предсказание и сделал палочку из твердого тисса, приготовил мясо, а несгоревшую палочку спрятал в газырницу. Он жил так долго, что пережил своих правнуков и, чтобы умереть, просил вынуть палочку и ее сжечь. Очень дряхлого человека называют *атцлажюста* — «старое дерево».

Есть важное различие жизни, воспринимаемой как огонь, и жизни — света. В первом случае речь идет о короткой жизни одного человека, во второй — о бесконечно долгой жизни коллектива.

Время в единстве с локусным пространством образует время — пространство («здесь / теперь»). Как и у времени, у локусного пространства нет границ. Есть сгусток пространства вокруг человека. Перемещения в нем мгновенны. Если мужчине нужны крылья птицы, то женщина, в большей мере сопричастная этому пространству, должна овладевать всем локусом мгновенно, «невидимо». Весьма устойчивая черта женского идеала у абхазов — ее проворность, ско-

рость ее работы, например в подготовке стола для гостя. И ее деятельность не должна быть заметной постороннему глазу. «В мгновенье ока» или «за один вздох» — вот высшая похвала этим качествам.

Ассоциация плодотворной силы женщины со сгустком пространства / времени объясняет старый обычай вставать мужчинам, даже пожилого возраста, перед женщиной. Это же генеративное могущество женщины может объяснить отсутствие жениха на абхазской свадьбе. Это, возможно, подчеркивает самостоятельную роль женщины в порождении жизни.

Цель жизни, состоящая в том, чтобы сделаться «видимым», предполагает следование этическим нормам. Этическим содержанием наполнены отношения людей в пространстве. Отсюда глубокое уважение к соседям, свойственное абхазской культуре: «Родственники — кровь, а сосед — сердце». Даже в понимании возрастных ступеней обнаруживается этический принцип — каждому возрасту присущи свои этические нормы.

Эти принципы, распространенные на природу, сообщают абхазской культуре экофильный характер. Человек, находящийся в природе, для нее «видим». Отсюда абхазские обычаи, заключающиеся в том, что даже в горах или лесу человек ведет себя так, будто за ним кто-то наблюдает. Это касается его поступков, скрытого отправления надобностей, бережного отношения к растениям и животным. Охотник может убить только то животное, которое «покажет» ему бог охоты Ажвейпшаа. В минуты отчаяния человек просит бога дать ему «теплоту своих глаз», т. е. дать возможность его увидеть. Такая этика согласуется с экофильной позицией, характерной для традиционной абхазской культуры.

При всем этом экофильные черты абхазской культуры не есть только результат адаптации к окружающей среде. Между средой и традиционным абхазским обществом существует дистанция, которая вызвана рассмотренными представлениями о жизни. Это позволяет обществу целенаправленно проявлять свою экофильную позицию. Последняя выражена в массе пословиц и в нормах, регламентирующих отношение к природе. Весь комплекс традиционной абхазской культуры имеет не только земледельческую или животноводческую основы. Немаловажный элемент этого комплекса связан с охотой, окруженной ореолом престижности. Охота — та сфера, где наиболее ощутимы этические принципы, связанные с вмешательством человека в вопросы жизни и смерти.

До недавних пор охота, а также горное пастушество были наиболее экофильными отраслями абхазского хозяйства. Важно, что идеалы жизни в горах, основанные на уважении к природе и к старшим, давали образцы для поведения в обычных сельских условиях. И здесь, в горах, проявлялась и до сих пор проявляется в восприятии людей светоносная сущность жизни. То, что природа «видит» и поэтому человек должен соответственно себя вести в горах (например, купаться, только чем-то укрывшись) — хорошо известный факт абхазской этнографии.

Мы хотим обратить здесь внимание еще и на другое: охотник и пастух находятся в таких же отношениях к добытой дичи и приплоду домашних животных, как мать к ребенку. Может быть, это похоже на правду для тех, кто видел, как пастух обращается с новорожденными козлятами. Но аналогия здесь глубже. Существует внутренняя связь охотничьих обычаев с брачными обрядами: удачливого охотника также осыпают символическим «благополучием» (зерно, листья), как и невесту, и т. д.⁶. Но ведь охотник еще и «невидимый». Он уходит с рассветом, никем не замеченный. От убитой дичи он получает голову. Это его «световая» доля. Приведенные факты говорят о том, что и на охоте жизненный процесс зарождается в символической темноте и стремится к свету, к видимой сущности. А с другой стороны, частица жизни, охотничья добыча посылается из той природы, которая «видит» из мира света. Охотник только своим мужеством, терпением и скромностью может заслужить доверие прекрасной дочери бога Ажвейпшаа, волосы которой светятся во тьме. Теперь можно

понять того моего абхазского друга, который мне говорил: «Ты знаешь, я просто дума схожу, если долго на охоте не был».

Весь изложенный материал показывает, что истоки специфических абхазских представлений относительно жизни надо искать в эпохах, явно предшествовавших производящим формам хозяйства. Судя по сильным экофильным традициям, которые образуют с рассмотренными воззрениями один комплекс, форма охоты абхазских предков вряд ли была степной, скорее — горной. Ведь в горных условиях необходимо строжайшее поддержание экологического равновесия. Думается, и отношение к человеческой жизни с подчеркиванием ценности всех ее этапов связано с обитанием замкнутых общин в горах. Можно было бы для полноты освещения проблемы генезиса кое-что сказать и о других, например степных, компонентах абхазской культуры, о воздействиях на нее со стороны мировых религий. Все это прибавило бы фактов к расшифровке загадочно развитых концепций жизни. Что касается собственно древнегреческой загадки Сфинкса, то она выглядит, пожалуй, упрощенно в сравнении с абхазскими представлениями, в которых с гораздо большей силой выражена идея вертикального хождения человека и его устремлений вверх.

Примечание.

¹ Уварова П. С. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1887. С. 65.

² Tilghecker H. «Zeugen», «Wissen» und «Knie» im Semitischen und Indogermanischen Sehen // *Anthropos*. 1927. Bd 22. Hft 5—6. S. 1000—1003.

³ Малия Е. М. Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивки). Тбилиси, 1970; см. также: К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов // *Изв. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории*. Тбилиси, 1972.

⁴ Абазинские народные сказки / Примеч. В. Б. Тугова. М., 1985. С. 374.

⁵ Там же, с. 387.

⁶ Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. Сухуми, 1979. С. 40—41.

- * В список не включены редактировавшиеся и составленные Е. М. Мелетинским книги, а также статьи в «Истории всемирной литературы» и некоторые рецензии.

- Рец. на кн.: Долгих Б. О. О фольклоре энцев // СЭ. 1963. № 1. С. 157—160.
- Рец. на кн.: Эпос сербского народа // Вопросы литературы. 1964. № 9. С. 208—210.
- К 70-летию Жирмунского В. М. // Проблемы сравнительной филологии. М., 1964. С. 7—11 (совместно с Ярцевой В. Н.).
- О древнейшем типе героя в эпосе тюркско-монгольских народов Сибири // Там же. С. 426—443.
- Жирмунский В. М. // Краткая литературная энциклопедия (далее — КЛЭ). Т. 2. М., 1964. Ст. 942—943.
- Первобытное наследие в архаических эпосах. М., 1964.
- Primitive Heritage in Archaic Epics. М., 1964.
- Народный эпос // Теория литературы. Роды и жанры литературы. Кн. II. М., 1964.
- Фольклор австралийцев // Мифы и сказки Австралии. М., 1965. С. 3—24.
- О структурно-морфологическом анализе сказки // Тезисы докладов во II летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. С. 37—42.
- Мифологические песни «Эдды» // Тезисы докл. «Конференция скандинавистов». Тарту, 1966.
- Рец. на кн.: The Anthropologist Looks at Myth // СЭ. 1967. № 2. С. 178—181.
- Народно-поэтические элементы стиля «Эдды» // Тезисы докл. «Конференция скандинавистов». Петрозаводск, 1968.
- К построению модели волшебной сказки // III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы докл. Тарту, 1968. (в соавт. с Неклюдовым С. Ю., Новик Е. С., Сегалом Д. М.). С. 165—177.
- Титульное редактирование кн.: Каррыев Б. А. Эпические сказания о Кёр-Оглы у тюркоязычных народов. М., 1968. 260 с.
- «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. 364 с.
- Мифологические повествовательные песни «Эдды» и ранние формы эпоса // Скандинавский сборник. XIV. Таллин, 1969. С. 335—353.
- Структурно-типологическое изучение народной сказки // Пронн В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 134—162.
- Вопросы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969 (в соавт. с Неклюдовым С. Ю., Новик Е. С., Сегалом Д. М.). С. 86—91.
- Primitive Heritage in Archaic Epics // VII Международный конгресс этнографических и антропологических наук. VI. М., 1969.
- Die strukturell-typologische Erforschung des Volksmärchens // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. B. 15. Teil I. B., 1969. S. 1-30.
- Миф и сказка // Этнография и фольклор. М., 1970. С. 132—149.
- Вопросы семантического анализа волшебной сказки // Тезисы летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970.
- Леви-Стросс и его принцип структуральной мифологии // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970. С. 360—362.
- Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа // Вопросы философии. 1970. № 7.
- Повествовательный фольклор Океании // Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 8—33.
- Рец. на кн.: Chadwick N. K. and Zhirmunsky V. Oral Epics of Central Asia // СЭ. 1970. № 1. С. 176—178.
- L'étude structurale et typologique du conte // Propp V. Morphologie du conte. P., 1970.
- Die Ehe im Zaubermärchen // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungariae. Tomus 19. Budapest, 1970. 281—292. old.
- Probleme de la morphologie historique du conte populaire // Semiotica. La Haye. 1970. № 2. P. 128—134.
- The Structural Typological Study of Folklore // Social Sciences. USSR. Academy of Sciences. 1970. № 2.
- L'étude structurale et typologique du folklore // Sciences Sociales. 1971. № 3. P. 66—83 (то же на исп. яз.).
- Structuralisme et semiotique en USSR // Diogene. № 73. 1971. P. 94—116 (в соавт. с Сегалом Д. М.).
- Structural-typological Study of the Folklore // Genre. 1971. № 4.
- Вопросы структурного описания волшебной сказки (пенпринт) / Russian Reprints and Printings. München, 1971. 30 p.
- Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971. С. 63—91. (в соавт. с Неклюдовым С. Ю., Новик Е. С., Сегалом Д. М.).

- Клод Леви-Стросс. Только этнология? // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 115—134 (то же на польск. яз.).
- Мифологические теории XX века на Западе // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 165—171.
- Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 68—134.
- Az epikus költészet // Folkloristica. I. Budapest, 1971.
- Štrukturalno-tipologický výskum rozprávky // Propp V. Morfológia rozprávky. Bratislava, 1971.
- Mitoloske teorije XX veka na zapadu // Mit, tradicija, savremenost. Delo argumenti. Beograd, 1972. S. 816—837.
- Estructuralismo e Semiótica en la URSS // La Gaceta de Cuba. № 100. La Habana, 1972.
- Estudio estructural y tipológico del folklor // Cocodrillo Barbado. № 27. La Habana, 1972.
- Die structurell-typologische Erforschung des Volksmärchens // Propp W. Morphologie des Märchens. München, 1972.
- Amess strukturális-typológiai kutatása // Documentatio Ethnographica. Budapest, 1972. 103—153 old.
- Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 149—189.
- Выступление на советско-итальянской писательской встрече (Споры о сущности литературы) // Иностранная литература. 1973. № 1.
- Семантика и композиция мифов северо-восточных палеоазиатов // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 54—56.
- Миф и эпос восточных палеоазиатов // Эпическое творчество народов Сибири. Тезисы докл. Улан-Удэ, 1973.
- От мифа к лирике (Вступление к статье О. Фрейденберг) // Вопросы литературы. 1973. № 11 (в соавт. с Брагинской Н.).
- О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской поэзии и прозе // Скандинавский сборник. XVIII. Таллин, 1975.
- Сравнительная типология фольклора // Philologica. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., 1973. С. 385—394.
- Скандинавская мифология как система // IX Международный конгресс антропол. и этногр. наук. М., 1973. 17 с. (то же на англ. яз.).
- Scandinavian Mythology as a System // Journal of Symbolic Anthropology. 3. The Hague; Paris, 1973. № 1. P. 43—57; № 2. P. 57—78.
- Typological Analysis of the Paleo-Asiatic Raven Myths // Acta Ethnographica. V.XXII. Budapest, 1973. 107—155. old.
- La folkloristica russa e i problemi del metodo strutturale // Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS. Torino, 1973 (в соавт. с Лотманом Ю. М., Успенским Б. А. и др.).
- A húszadik századi nyugati mítosz-elméletek // Ethnographia. V.LXXXIV. Budapest, 1973. 104—114. old.
- Strukturalizmus és szemiotika a szovjetunióban // Helicon. Budapest, 1973. № 2—3.
- Mythological Theories in the West in the 20-th Century // Social Sciences. M., 1973. № 3. P. 109—123 (то же на франц. и исп. яз.).
- Титульное редактирование и предисловие (С. 5—11) кн.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974 (в соавт. с Кононовым А. Н.). 727 с.
- Леви-Стросс К. // БСЭ. Т. 14. 1973. С. 238.
- Структурная типология и фольклор // Контекст. 1973. М., 1974. С. 329—346.
- Древнескандинавская мифологическая система // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974. С. 16—26.
- Структурное исследование мифологии у Леви-Стросса // Направления и тенденции в современном зарубежном литературоведении и литературной критике. М., 1974.
- Структурно-типологический анализ палеоазиатской мифологии // Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 86—102.
- Về nguồn gốc sú thi anh hùng // Tạp chí văn học dân gian. Hà Nội, 1974.
- Soviet Structural Folkloristics. V. I. The Hague; Paris, 1974. 140 p. (соавторы — Неклюдов С. Ю. Новик Е. С., Сераф Д. М.).
- Die Probleme der structurellen Erforschung des Zaubermärchens // Semiotica, Sowjetische Arbeiten zur Theorie und Analyse sekundärer modelierender Zeichensysteme. München, 1975.
- Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. VII. Тарту, 1975. С. 38—52.

- Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 92—140.
- Эпос // КЛЭ. Т. 8. М., 1975. Ст. 927—933.
- Поэтика мифа. М., 1976. 406 с.
- Титульное редактирование и предисловие в кн.: Луомала К. Голос ветра. Полинезийские мифы и песни. М., 1976.
- Perspectives et limites de l'étude structurale du folklore // Proceedings of Congress of SFNR (Studia fennica 20). Helsinki, 1976. P. 94—98.
- Primitive Sources of Verbal Art // Semantics and Structuralism (Readings from Soviet Union) N. Y., 1976. P. 87—153.
- A Structural-Typological Analysis of Paleo-Asiatic Mythology // Ibidem.
- Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 23—41.
- Du mythe au folklore // Diogenes. № 99. 1977. P. 117—142.
- From Myth to Folklore // Ibidem. P. 103—126.
- Principes sémantiques d'un nouvel index des motifs et des sujets // Cahiers de littérature orale. P., 1977. P. 15—24.
- Scandinavian Mythology as a System of Oppositions // Pattern in Oral Literature. The Hague, 1977. P. 251—261.
- La struttura della fiaba. Palermo, 1977. 83 p.
- Рец. на кн.: Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий эпос и поэзия. // СЭ. 1977. № 4. С. 181—182.
- К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 152—170.
- Миф у романі XX століття // Всесвіт, 1977. № 3. С. 155—163.
- Що ж таке миф? // Там же. № 10. С. 212—222.
- Проблемы изучения книжного эпоса // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 7—15.
- «Общие места» и другие элементы фольклорного стиля в эддической поэзии // Там же. С. 68—83.
- O estudo estrutural e tipológico do conto // Propp V. Morfologia do conto. Lisboa, 1978.
- Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона). М., 1979. 229 с.
- Прорицание вёльвы (перевод с древнеисландского) // Скандинавский сборник. XXV. Таллин, 1980. С. 189—196.
- L'épique du Corbeau chez les Paléoasiates. [Rapports de l'Asie septentrionale et de l'Amérique du Nord-Ouest en matière de folklore] // Diogenes. № 110. P., 1980. P. 106—139.
- Il «mitologismo» di Kafka // La cultura nella tradizione russa del XIX e XX secolo (Strumenti critici, 42—43). Torino, 1980. P. 490—511.
- The Epic of the Raven among the Paleoasiatics. Relations between Northern Asia and Northwest America in Folklore // Diogenes. № 110. 1980. P. 97—133.
- Поэтика миту. Warszawa, 1981. 480 S.
- Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 182—190.
- Семантическая структура тлинкитских мифов о Вороне // Труды по знаковым системам. XIII. Тарту, 1981. С. 3—22.
- Проблема типологии средневекового романа // Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 148—151.
- Средневековый роман. Вопросы типологии // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 250—255.
- Титульное редактирование (зам. главного редактора) энциклопедии «Мифы народов мира». Цикл статей по германо-скандинавской, австралийской и полинезийской мифологиям. Т. I. М., 1980. 672 с. Т. II. М., 1982. 720 с.
- Рец. на кн.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981 // СЭ. 1982. № 6. С. 153—154.
- A szó művészetének ősi forrásai // A művészet ősi formái. Budapest, 1982. 147—191. old.
- A mítosz és a folklór történeti poetikája // Helikon. Budapest, 1982. № 2. 171—181. old. № 3. 266—282. old.
- Титульное редактирование и предисловие (с. 3—7) в кн.: И слышно море. М., 1983. 150 с.

- Семантическая организация мифологического повествования // Труды по знаковым системам XVI. Тарту, 1983. С. 115—126.
- Средневековый роман (Происхождение и классические формы). М., 1983. 304 с.
- Фольклор и мифология в трудах Леви-Строса // *Леви-Строс К. Структурная антропология*. М., 1983. 2-е изд. М., 1985. С. 467—523 (в обоих изданиях).
- Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография (у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов). Л., 1984. С. 57—63.
- Структурно-типологическое изучение сказки (перевод на груз. яз.) // *Леви-Строс К. Морфология сказки* (на груз. яз.). Тбилиси, 1984.
- The Semantic Organisation of the Mythological Narratives // *Cahiers roumains d'études littéraires*. Bucarest, 1984. № 1. P. 60—68.
- L'organisation sémantique du récit mythologique et le problème de L'index sémiotique des motifs et des sujets // *Le conte. Pourquoi? Comment?* P., 1984. P. 21—33.
- Poetika mita. Beograd, 1984. 397 S.
- Estudo Estrutural do conto de Magia in Propp V. *Morfologia do conto maravilhoso*. Rio de Janeiro, 1984.
- The Typology of the Medieval Romance in the West and in the East // *Diogenes*. № 127. 1984. P. 1—22 (то же на франц. и исп. яз.).
- Les rites chamaniques à la lumière de la théorie d'A. J. Greimas // *Exigences et perspectives de la sémiotique*. Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 1001—1008 (в соавт. с Новик Е. С.).
- Средневековая литература в свете компаративистики // *Западноевропейская средневековая словесность*. М., 1985. С. 14—16.
- A mitosz poetikája. Budapest, 1985. 518. old.
- Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. 319 с.
- Commonplaces and Other Elements of Folklore Style in Eddic Poetry // *Structure and Meaning in Old Norse Literature*. Odense, 1986. P. 15—31.
- «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» — памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 79—82.
- Историческая поэтика А. Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы // *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. М., 1986. С. 25—33.
- The Origin and Early Forms of Verbal Art // *Social Sciences*. 1986. № 1. P. 110—121 (то же на франц. и исп. яз.).
- A poetica do mito. Rio de Janeiro, 1987. 483 p.
- О малых жанрах фольклора // *Этнолингвистика текста. Семиотика малых жанров фольклора. Тезисы к симпозиуму*. I. М., 1988.
- Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад — Восток) // *Сборник в честь Д. С. Лихачева*. М. (в печати).
- Ответственное редактирование: Мифологический словарь. М. (в печати). 100 а. л.
- Историческая поэтика новеллы. М. (в печати). 19 а. л.
- The Elder Edda and Early Forms of the Epic. Frankfurt/M.; Bern; New York (in press). 20 а. л.

ВСЕСОЮЗНАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР «МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

С 10 по 12 ноября 1987 г. на базе пансионата «Звенигородский» проходила Всесоюзная школа, посвященная обсуждению методологических и методических проблем этнической истории. Представленные доклады и сообщения были призваны осветить два взаимосвязанных аспекта этноисторических исследований: во-первых, определить методологические рубежи, которых достигли здесь смежные исторические дисциплины; во-вторых, наметить возможные пути дальнейшей интеграции этих дисциплин.

На заседаниях семинара присутствовало более 50 специалистов: историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов, представляющих ведущие НИИ и вузы Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Тбилиси, Еревана, Баку, Ферганы, Душанбе, Казани, Чебоксар, Уфы, Саранска, Элисты, Омска, Томска, Улан-Удэ, Тобольска. Было заслушано 10 основных докладов, а также ряд отдельных сообщений, по которым развернулась оживленная дискуссия.

Утреннее заседание 10 ноября открыл С. А. А р у т ю н о в (Москва), подчеркнувший, что пристальное внимание к этнической истории традиционно для русской и советской школы этнографии. В настоящее время круг проблематики этого раздела исторической науки дополнен изучением современных этнических процессов. Особенно важно, что изучение этнической истории рассматривается как комплексная задача, которая должна решаться в тесном содружестве смежных исторических дисциплин.

П. И. П у ч к о в (Москва) предложил вниманию присутствующих доклад «Проблемы типологизации этнических общностей и этнических процессов». Автор раскрыл также современные формулировки основных понятий этнографической науки, таких как «этнический процесс», «межэтническая интеграция», «этническая миксация» и др., подчеркнул динамичность и иерархичность этнических процессов.

Некоторые положения доклада стали предметом дискуссии. Так, В. И. В а с и л ь е в (Москва) считает, что отнюдь не все этносы, возникшие в процессе парциации, «забывают» об исходной этнической общности. По мнению А. И. К у з н е ц о в а (Москва), изменение политической системы не влечет за собой изменения характера этноса. Поэтому понятие «парциация», предложенное докладчиком, нуждается в уточнении. В ходе дискуссии П. И. П у ч к о в выдвинул тезис, вызвавший возражение С. А. А р у т ю н о в а, о том, что в принципе к этническим можно отнести любые процессы, которые приводят к изменениям в этносе.

С докладом «Этническая история и антропология» выступила И. М. З о л о т а р е в а (Москва). Подчеркнув, что антропологические данные являются важным источником для изучения исторических процессов, она охарактеризовала отдельные этапы развития советской антропологической науки. Современный этап отличается биологизацией антропологии. Это предполагает высокий уровень профессионализма не только при проведении собственно антропологических исследований, но и в процессе научного «прочтения» результатов таких исследований специалистами-смежниками. С. А. А р у т ю н о в, поддержав мнение И. М. Золотаревой, в то же время отметил, что антропологи должны сделать язык своих обобщающих исследований более доступным для смежников.

В. П. Ш у ш а р и н (Москва) в докладе «О методике исследования письменных средневековых источников по этнической истории» освещал некоторые общие проблемы методики исторического исследования, говорил об ответственности историков за восстановление доверия к истори-

ческой науке. На примере изучения письменных источников докладчик продемонстрировал некоторые пути, которые могут привести к повышению профессионального уровня подобных исследований.

В развернувшейся по заслушанным выступлениям дискуссии Н. А. Томилов (Томск), положительно оценив попытки дифференциации этнических процессов, указал, что они относятся не только к этносам, но и к метаэтническим общностям. Кроме того, говоря об этнических процессах, следует выделять не только их типы, но и виды — этнокультурные, этноязыковые и др.

А. Ю. Милитарев (Москва) отметил важность для специалистов-смежников картографирования антропологических признаков и их систем. Этот его тезис поддержала В. Ф. Кашибадзе (Тбилиси).

И. И. Пейрос (Москва) считает, что только личное самосознание является определяющим объективным фактором при отнесении индивида к тому или иному этносу. С. А. Арутюнов в данной связи указал на трудности такого подхода, вытекающие из неоднозначности показаний информантов.

Вечернее заседание открылось докладом С. А. Арутюнова «Функции языка в этногенетическом процессе», в котором докладчик охарактеризовал язык как один из важных компонентов этноса. При этом языковое единство далеко не всегда является обязательным фактором его существования. Далее, отметив значение в структуре языка различных диалектов, автор выделил в составе любого этноса групп «централов» и «маргиналов», которым присущи определенные функции как в сохранении языковых традиций, так и в межязыковых контактах.

В докладе А. Ю. Милитарева, И. И. Пейроса и В. А. Шнирельмана (все — Москва) «Методика лингвоархеологических реконструкций этнической истории: проблемы и перспективы» были освещены общие методические принципы сопоставления данных археологии и лингвистики. На конкретных примерах из истории некоторых афразийских общностей авторы продемонстрировали степень сопоставимости результатов, полученных с применением различных методов.

В развернувшейся по докладам дискуссии выступил Е. А. Хелимский (Москва), который подчеркнул при изучении языка методическую важность выявления «централов». Он отметил также, что, хотя язык и считается хорошим маркером этноса, синхронный подход не отражает реально существующей картины и не совсем адекватен ей.

А. Ю. Милитарев высказал мнение, что идеолектные различия не разрушают язык как единую систему, поскольку, как правило, не передаются по наследству, т. е. не сохраняются во времени. Поэтому и праязык не стоит рассматривать как совокупность идеолектов.

Утреннее заседание 11 ноября было открыто докладом В. А. Шнирельмана «Археологическая культура и социальная реальность». Охарактеризовав понятие «археологическая культура», докладчик доказывал сложность ее отождествления с этнической общностью, этнической группой. В качестве одной из наиболее перспективных методик совмещения данных археологии и этнографии, по мнению В. А. Шнирельмана, выступает этноархеологический подход.

В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Этническая история и этническое самосознание» подчеркивалось важное значение этнического самосознания как одной из составляющих категорий этноса. Охарактеризовав многогранность этого понятия, докладчица отметила, что его уровень может стать маркером при выявлении различных стадий этногенеза.

С сообщением «Этническая история глазами лингвиста» выступил А. Ю. Милитарев. Отметив необходимость крайне осторожного подхода в построении историками реконструкций на основе этимологий, он привел конкретные примеры неверного толкования историками данных этнонимии. По его мнению, только историческая лингвистика, обладающая выверенным и достаточно точным методическим аппаратом, способна помочь избежать грубых ошибок в истолковании этнонимов и топонимов.

П. И. Пучков отметил, что непрофессиональное привлечение данных смежных дисциплин, действительно, часто становится причиной ошибок в исторических реконструкциях. По его мнению, лингвисты ушли дальше этнографов в разработке новых подходов к исторической проблематике, что обуславливает, в частности, необходимость тесного содружества этнографов и лингвистов.

В. П. Шушарин в свою очередь упрекнул лингвистов в недостаточно осторожном обращении с историческими данными. Касаясь проблем, связанных с изучением этнического самосознания, он подчеркнул значение такого явления, как авторский этнический стереотип, который часто накладывает определенный отпечаток на результаты конкретного исторического исследования.

А. Н. Анфертьев (Ленинград), не согласившись с некоторыми положениями, выдвинутыми в сообщении А. Ю. Милитарева, высказал встречные претензии к лингвистам-этимологам, часто, по его мнению, использующим недостаточно филологически выверенные данные.

Б. Х. Кармышева (Москва), поддержав позицию А. Ю. Милитарева, отметила значение Института этнографии как головного учреждения по изучению топонимики и ономастики. Несмотря на то, что к таким исследованиям привлекаются специалисты-смежники, их уровень пока недостаточно высок. Одной из причин этого является ошибочное представление о доступности специфических источников для неспециалистов. Касаясь доклада Р. Ш. Джарылгасиновой, Б. Х. Кармышева остановилась на актуальности затронутых в нем проблем для современной ситуации в нашей стране.

Д. М. Исхаков (Казань) подчеркнул необходимость дифференцированного подхода к изучению проблем этнического самосознания. Нужно различать исторически сложившееся и возникшее в современных условиях самосознание.

Э. Л. Мелконян (Ереван) говорил о значении в этнической истории оппозиции «мы — они». Несмотря на негативное восприятие такого явления, как этноцентризм, он является неотъемлемой частью любого этноса и требует пристального изучения.

В. Я. Бабенко (Уфа) остановился также на вопросе о роли антитезы «мы — они», отметив, что разработка типологии этносов не всегда адекватно отражает реальность, существующую в малых национальных группах.

На вечернем заседании с докладом «Этническая история и фольклористика» выступил В. М. Гацак (Москва). Он указал на необходимость переориентации фольклорных исследований в сложившейся на сегодняшний день ситуации, когда в научный оборот введены новые многоязычные материалы, и в общественном и художественном сознании народов нашей страны произошел «фольклорный взрыв».

В докладе «Этническая история и ономастика» С. А. Малиновская (Томск) и В. И. Васильев (Москва), рассматривая этнонимию как основу всех этнических построений, остановились на значении изучения данных этнонимов, топонимов и антропонимов, а также охарактеризовали особенности источников, пригодных для ономастических исследований. Особая роль ономастики для этнической истории и этногенеза, по мнению авторов, заключается в том, что она способствует выявлению этнической дифференциации на разных хронологических уровнях.

Затем состоялась дискуссия по докладам дня. И. М. Золотарева привела некоторые антропологические данные, свидетельствующие, что антропологическая консолидация часто запаздывает по сравнению с этнической. Так, выявление древности саамского пласта затруднено отсутствием достаточно надежных палеоантропологических материалов.

Э. Л. Мелконян посвятил свое выступление проблемам изучения этнических меньшинств, рассмотрев некоторые пути их формирования и способы типологизации. По его мнению, именно этнические меньшинства дают хорошую возможность изучения особенностей самосознания, по-разному проявляющегося в различных этнических общностях.

Н. Ф. Мокшин (Саранск) подчеркнул значение топонимии в ономастических исследованиях. Кроме того, имея в виду иерархичность этносов, он предложил ввести в науку понятия «субэтноним» и «метаэтноним». Это предложение было подвергнуто критике со стороны В. В. Васильева, но встретило поддержку со стороны А. И. Кузнецова и Р. Ш. Джарылгасиновой, которая указала на возможность выделения помимо перечисленных, еще и псевдоэтнонимов.

Н. А. Томилов высказался в пользу достаточности применения терминов эндо- и экзоэтноним. Далее он подчеркнул субъективность этнического самосознания как категории этноса. Касаясь доклада В. А. Шнирельмана, он остановился на актуальности темы, высказав в то же время мнение о трудностях совмещения данных археологии и этнографии. По мнению Н. А. Томилова, необходимо создать на академическом уровне проблемную группу с долгосрочной программой исследований.

Б. Х. Кармышева упомянула о попытках этноархеологических исследований в Хорезме, отметив их эпизодичность и указав на необходимость дальнейшего археологического исследования памятников XVII—XVIII вв. в Средней Азии.

А. В. Головнев (Тобольск) присоединился к мнению об актуальности этноархеологических исследований, упомянув работы западносибирских археологов по изучению заброшенных поселений хантов.

Л. А. Чиндина (Томск) на опыте западносибирской археологии показала перспективность этноархеологических исследований и высказалась в пользу возможности этнической интерпре-

таких археологических материалов. Кроме того, она предостерегла от упрощенного понимания термина «археологическая культура», отметив сложность и разноплановость этого понятия в современной науке.

Р. Г. Кузеев (Уфа) приветствовал доклады, посвященные изучению языка, как попытку проникнуть в начальные стадии этногенеза. Выразив сожаление, что они базируются только на зарубежном материале, он призвал исследователей больше обращаться к источникам, происходящим с территории нашей страны. Р. Г. Кузеев отметил влияние социально-экономических факторов на формирование этнического самосознания.

На третьем, заключительном заседании 12 ноября прозвучал доклад В. И. Васильева «Методические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории». Автор раскрыл основные категории понятийного аппарата этноисторических исследований, рассмотрел хронологические аспекты формирования этноса, охарактеризовал этнообразующие факторы, рассмотрев роль различных типов миграций. Этногенез, по мнению В. И. Васильева, должен быть выделен в отдельную историческую дисциплину, а следовательно, источники, привлекаемые для решения проблем этноисторического и этногенетического плана, несмотря на общие черты, имеют свою специфику.

А. Н. Антефьев, отметив назревшую необходимость подготовки специалистов междисциплинарного профиля на базе кафедр этнографии, присоединился к мнению И. М. Золотаревой, что интеграция смежных дисциплин не предполагает быстрого решения всех проблем.

Затем состоялась общая дискуссия.

И. М. Золотарева дала высокую оценку докладу В. И. Васильева и в связи с некоторыми его положениями отметила, что точка зрения В. П. Алексеева, согласно которой этнические черты проявляются на самых ранних этапах этногенеза, дискуссионна и ее не следует абсолютизировать. Что касается популяционно-генетических исследований, то они весьма перспективны, но могут иметь существенные ограничения, связанные прежде всего со спецификой изменчивости генетических маркеров во времени. Недостаточная репрезентативность палеоантропологических материалов также снижает их научную значимость. В таких условиях, по мнению И. М. Золотаревой, большое значение имеют демографические данные, а также принципиальная возможность экстраполяции антропологических данных по современному населению на древнее.

Л. Т. Яблонский (Москва) подчеркнул, что именно в пограничных, междисциплинарных областях науки в результате неосторожных заимствований чаще всего возникает информационный шум. Междисциплинарная интеграция должна проводиться с учетом методических особенностей каждой из задействованных дисциплин. В археолого-палеоантропологическом исследовании популяционная концепция расы приложима к конкретным погребальным комплексам, которые, однако, требуют детальной археологической разработки. В археолого-этнографическом исследовании хорошие перспективы дает выявление иерархии признаков материальной культуры с учетом иерархии этнических процессов и этнических общностей. Этноархеологические исследования являются одной из методик отработки способов коннексии. Л. Т. Яблонский отметил значение комплексных работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. По его мнению, уже давно назрела необходимость создания проблемной группы для отработки методических приемов междисциплинарных исследований. Такая группа может быть создана на базе Института этнографии, который располагает специалистами различного профиля.

Е. А. Хелмский охарактеризовал некоторые трудности, возникающие при междисциплинарном подходе, обусловленные применением различных методик, приводящих подчас к альтернативному решению проблем.

Р. Г. Кузеев остановился на значении изучения систем взаимосвязанных этносов в этнологических исследованиях. На примере ряда народов Поволжья он показал сложность взаимоотношений между ними. Необходимо, отметил Р. Г. Кузеев, учитывать развитие этносов от древности до современности, причем такие исследования надо вести на уровне этнографических групп различного иерархического уровня, применяя весь комплекс подходов, в том числе с учетом особенностей социально-экономического развития.

Н. А. Томилов высказал мнение, что этническая история представляет собой особую дисциплину на стыке истории и этнографии. Объектом исследования здесь выступает не только этнос, но и другие компоненты этнических общностей. Подчеркнув значение работ Селькупской комплексной экспедиции, он высказал мнение о необходимости создания в различных научных центрах подобных комплексных групп.

Л. А. Чиндига присоединилась к мнению о необходимости комплексного и многопланового подхода к изучению этнической истории, который не ограничивался бы лишь изучением собственно

тноса. Касаясь выделенных В. И. Васильевым двух типов миграционных процессов, она предложит называть их эндо- и экзогамными с учетом их тесной взаимосвязи.

Н. Ф. Мокшин подчеркнул значимость демографических данных и необходимость их публикации с учетом возможного использования в этническом аспекте.

Д. М. Исхаков охарактеризовал некоторые проблемы исторической демографии, связав ее развитие с вопросами этнического самосознания. Далее он подчеркнул необходимость специального и широкого обсуждения методики историко-демографических исследований.

В. М. Гაცак отметил закономерность появления новых методических направлений в науке, в том числе и в фольклористике. Данная школа должна найти продолжение, но ее подоснову целесообразно изменить. Необходимо предварительно формулировать вопросы и рассылать тезисы, ориентирующие специалистов на определенные проблемы этнической истории.

В конце заседания участники школы-семинара составили резолюцию, в которой, в частности, была отмечена плодотворность и актуальность дискуссий, развернувшихся по докладам. В изучении проблем этногенеза и этнической истории за последнее время произошли определенные позитивные сдвиги, и это, в частности, уже нашло отражение в комплексной программе «Этническая история и современные национальные процессы», опубликованной в журнале «Вопросы истории» (1987, № 9).

Однако в ней не затрагиваются некоторые вопросы методики и методологии и недостаточно детально очерчен круг конкретных мероприятий, необходимых для поднятия исследований по этногенезу и этнической истории на новую, более высокую ступень. В свете вышесказанного участники Всесоюзной школы-семинара обращаются к руководству Отделения исторических наук и Института этнографии АН СССР с просьбой рассмотреть возможность осуществления следующих мероприятий и рекомендаций.

1. Нацелить коллективы кафедр этнографии Московского, Ленинградского, Тбилисского, Ереванского, Бакинского, Омского государственных университетов на подготовку кадров студентов-этнографов, специализирующихся по проблемам этнической истории. Рекомендовать ввести в программы указанных университетов чтение спецкурса «Этническая история» начиная с 1 сентября 1988 г.

2. Ввести в научно-исследовательский план Института этнографии АН СССР в сотрудничестве со специалистами смежных институтов создание монографии, могущей служить учебно-методическим пособием по теме «Методика и методология изучения проблем этнической истории».

3. Ввести начиная с 1989 г. специализацию по направлению «Этническая история» в аспирантуре Института этнографии АН СССР.

4. С целью теоретической разработки и практической отработки методики, методологии и источниковедческого изучения этнической истории создать в Институте этнографии АН СССР сектор по этнической истории. В программе работ сектора в числе прочих предусмотреть междисциплинарные темы по этнолингвистической, этноархеологической, этноантропологической и палеодемографической проблематике. С этой целью пополнить состав Института этнографии АН СССР палеоантропологом и лингвистом-компаративистом.

5. Для изучения этнической истории народов СССР предусмотреть организацию комплексных междисциплинарных экспедиций по типу Комплексной экспедиции по изучению этногенеза, этнической истории и современного этнического развития селькупов, а для изучения этнической истории зарубежных народов — научных групп междисциплинарного характера, включающих в свой состав специалистов по этнографии, археологии, антропологии и языкам изучаемых стран и регионов.

6. Признать целесообразным регулярное проведение (раз в 2 года) общесоюзных и региональных школ-семинаров по проблематике этнической истории.

7. Рассмотреть вопрос об издании ежегодника «Проблемы этнической истории». Включить его издание в план Института этнографии АН СССР.

8. Обратить особое внимание на изучение этнической истории тех народов СССР, которые в этом аспекте еще не стали объектом изучения.

9. Развивать кооперацию различных научных учреждений и вузов нашей страны в изучении этнической истории.

10. Предпринять усилия по формированию компьютерного банка данных по различным источникам для этноисторических исследований.

11. Обратиться в Отделение литературы и языкознания с предложением о скорейшем издании уже подготовленных этимологических словарей.

Л. Т. Яблонский

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. В. Шлыгина

ФИНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ О КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТЕ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

В 1960-х годах финские этнографы начали изучение современного быта своего народа, как городского, так и сельского населения. При этом «современность» хронологически понималась ими широко — с 1870-х годов, т. е. с начала индустриализации страны и развития капитализма в сельском хозяйстве вплоть до наших дней.

Предлагая настоящий обзор работ о финском крестьянстве, напомним, что за последние 100 лет оно коренным образом изменилось. Прежде всего крестьяне перестали составлять основную часть финского этноса. Так, если в конце прошлого века 85% населения Финляндии жило за счет сельского хозяйства и лесных промыслов, то в 1980 г. этот показатель снизился до 12,5%, причем только 4,5% занято непосредственно в сельском хозяйстве¹. За это же время произошла перестройка сельского хозяйства: полунатуральные формы сменились капиталистическими, что, естественно, повлекло за собой изменения во всех сферах крестьянского быта². Анализ этих процессов ставил перед финскими этнографами ряд сложных проблем.

За последние 10—15 лет по этим вопросам появилось немало публикаций — от небольших статей по частным вопросам до общих очерков трансформации сельского быта и крупных монографий, в том числе коллективных, написанных в результате больших комплексных исследований. В настоящем обзоре мы остановимся только на трех из них, в которых, на наш взгляд, наиболее широко рассматриваются основные стороны развития крестьянского хозяйства и быта за последние 100 лет.

Прежде всего это работа Вейкко Анттила, названная им «Из крестьян в товаропроизводители» (1974), — первое крупное исследование в этой области. Оно посвящено в основном процессу перехода крестьянского хозяйства на капиталистический путь развития, т. е. изменению форм ведения хозяйства, внедрению нового инвентаря и т. д. Автор отмечает, что новый, фабричный инвентарь в отличие от старых орудий труда с их локальными различиями был однотипен³. Хотя процесс перестройки хозяйства и имел общекрестьянскую специфику, но наряду с этим в разных частях страны существовали и местные особенности. Они определялись как социально-экономическими факторами, так и географическим положением страны (между 60 и 70° сев. широты), в которой успешное развитие сельского хозяйства было возможно лишь до определенных широт. Общей для страны особенностью развития товарно-денежного сельского хозяйства был переход от традиционного зернового хозяйства к животноводству. Финское зерно не могло выдерживать конкуренции на внешнем рынке, особенно после отмены таможенных барьеров в 1864 г., когда европейский рынок был заполнен дешевым американским зерном. Для сбыта молочно-животноводческой продукции, в первую очередь сливочного масла, Финляндия имела неплохие возможности как в рамках Российской Империи (преимущественно в Петербург), так и за рубежом (в Англию) (с. 33—35).

Для развития животноводства необходимо было расширение кормовой базы, увеличение посевных площадей под овес и культурные травы (клевер, люцерну, тимopheевку), т. е. переход к многопольному севообороту. Посевные травы вели к задержанию почвы, что в свою очередь требовало более совершенных пахотных орудий; интенсификация сельского хозяйства была невозможна без применения и другой новой техники — косилок, жнеек, молотилок и т. д.

В. Анттила проводит анализ того, в каких именно социально-экономических условиях происходит перестройка крестьянских хозяйств, какими путями проникают новшества в крестьянскую экономику, как осваивает крестьянин новые хозяйственные навыки, как крестьянское общество адаптирует их.

Немалое внимание уделяет автор и тем факторам, которые тормозили развитие товарного хозяйства в стране. Один из них — сохранившиеся во многих местностях пережитки общинного землепользования, в частности чересполосица, сковывавшая инициативу тех, кто стремился перейти к новым формам полеводства (с. 64). Существенным было еще одно обстоятельство: в конце прошлого века основная масса крестьян-дворохозяев (76,6%) имела пахотные наделы менее 10 га. Кроме того, значительную прослойку среди крестьян (43%) составляли мелкие арендаторы-торпари, у которых пахотные участки были в среднем 3,9 га. После аграрной реформы 1920-х годов, проведенной буржуазным правительством Финляндии, торпари стали собственниками ранее арендуемых участков, что привело к появлению свыше 126 тыс. новых карликовых хозяйств (с. 31—33)⁵. Именно преобладание в Финляндии мелкого землевладения В. Анттила справедливо считает одной из причин медленного развития капитализма в сельском хозяйстве (с. 64—65).

Для определения темпов перестройки крестьянских хозяйств различной экономической мощности и в разных частях страны В. Анттила пользуется таким индикатором, как отвальный плуг⁶. Его наличие свидетельствовало о том, что хозяйство перешло к травосеянию и животноводству. Естественно, фабричные плуги первоначально имелись лишь в поместьях (с. 79), а крестьяне пользовались орудиями, изготовленными по фабричным образцам местными кузнецами. Наибольшее распространение получил так называемый северный плуг, у которого железный лемех и отвал крепились на деревянном корпусе с одной рукояткой. Позже его вытеснил «шотландский плуг» (изобретенный Дж. Смоллетом еще в XVIII в.) — цельнометаллический с двумя рукоятками. В Финляндии его изготавливали с середины XIX в. в мастерских фирмы «Фискарс» и при сельскохозяйственной школе в Мустииала. Но для крестьян он был дорог: в 1860 г. он стоил 85 марок, в то время как северный плуг — всего 15,3 марки (с. 83).

Проведенный В. Анттила анализ материалов, собранных с помощью вопросников, данных посмертных описей крестьянских хозяйств за 1880—1909 гг. и сельскохозяйственных переписей (1910 и 1930 гг.), показал, что в 1880-х годах отвальный плуг имел широкое распространение у всех социальных слоев крестьян лишь в Юго-Западной Финляндии (в 70% хозяйств). Восточнее же, в Южной Хямэ и Южной Карьяла, отвальный плуг имели только зажиточные крестьяне, но уже в 1890-х годах он появился и у бедных дворохозяев. В северных районах страны в конце прошлого века отвальный плуг был только у 50% богатых крестьян.

В начале XX в. фабричные плуги начинают вытеснять кустарные. В первую очередь их приобретают состоятельные дворохозяева. В юго-западных частях страны в начале XX в. фабричные плуги имели уже от 50 до 75% всех хозяйств (с. 24—25, 82—85). Вслед за фабричным плугом появляются металлические бороны (преимущественно типа «гусиной лапы»), конные грабли, а затем и машины: рядовые саялки, косилки, жнейки, молотилки. Их распространение также идет быстрее в южных районах и прежде всего у богатых крестьян (с. 87—136).

Состоятельность двора определяла, разумеется, возможность приобретения новой техники (с. 15), но она была не единственным фактором, действовавшим в сложном процессе перестройки хозяйства. Необходима была и моральная готовность крестьянина к этим переменам, в чем определенную роль играло и его образование, и агротехнические знания, отличные от тех, что он получал ранее от старшего поколения (43). Финские крестьяне в основной своей массе были грамотными. Но, как известно, в Финляндии до середины XIX в. во всех сферах государственной деятельности, экономики, образования и культуры господствовал шведский язык (с. 61). На финском языке издавались только церковная литература и календари с набором элементарных советов по хозяйству.

Однако в конце прошлого века в этой области происходят существенные сдвиги. С 1866 г. создается — хотя и медленно — сеть начальных школ с финским языком обучения как в городах, так и в сельской местности, появляются газеты и литература на финском языке, в том числе сельскохозяйственная, даже бесплатная (с. 52—54, 57—59), что расширяет возможности крестьян получить определенные сельскохозяйственные знания. В это время в сельскохозяйственной школе в Мустииала появляются ученики из крестьян (ранее обучение в ней велось на шведском языке и готовила она профессиональных агрономов и управляющих для поместных хозяйств; с. 45). Еще важнее была организация во всех губерниях страны различных училищ, школ и курсов с кратким сроком обучения, ориентированных на преподавание сельскохозяйственных дисциплин крестьянам. Характерно, что среди учащихся были дети как богатых крестьян, так и торпарей — последние рассчитывали благодаря приобретенным знаниям на определенное продвижение по социальной лестнице (с. 40—46). Активную роль в распространении специальных знаний и новшеств играло в это время «Финское экономическое общество» («Suomen talousseura» основано в 1797 г.), служившее ранее лишь интересам привилегированных слоев населения. Теперь и в нем получил равновесие финский язык. Губернские филиалы общества регулярно устраивали сельскохозяйственные выставки, обучали крестьян работе с новой техникой, давали машины во временное пользование, бесплатно снабжали желающих семенами культурных трав (44—50, 54—56, 67), издавали сельскохозяйственную литературу, причем на финском языке. Действовали и другие местные общества, например в Илмайоки (1803), и, главное, общество Пеллерво (1899). В 1906 г. членами таких обществ состояло 14 тыс. чел. (с. 60). Различные фирмы, поставляющие сельскохозяйственную технику, широко пользовались в это время услугами странствующих торговцев, предлагавших машины крестьянам на местах.

Несмотря на наличие каналов, позволявших осваивать новые агротехнические навыки и технику, процесс внедрения новшеств в крестьянских хозяйствах шел достаточно медленно и трудно. Переход к правильному многополью требовал определенных агротехнических знаний, помощи землемеров и агрономов. Рядовой крестьянин мог только приглядываться к тому, что делалось в име-

ниях и богатых дворах. Поэтому крестьяне обычно сохраняли на основном поле привычное трех поле, а травы сеяли на вновь раскорчеванных или осушенных участках в порядке опыта (с. 69). Существовали и прямые противники новшеств, которые утверждали, что после культурных трай поле ничего не родит, косилка так низко режет стебли, что отава после этого не растет и т. д. (с. 69, 189, 194).

Особое внимание в работе В. Анттила уделено развитию разных коопераций и товариществ, появившихся одновременно с товарными формами хозяйства (с. 46—60, 141—165). Различного рода простые кооперации, связанные с коллективными формами рыбного лова, общедеревенскими и трудоемкими работами, требующими большого числа рабочих рук, были характерны для крестьянского общества и в прошлом (с. 46—60, 64—66, 67). На новом этапе товарищества и кооперации возникают, во-первых, в связи с приобретением на паях дорогостоящей техники, особенно молотилок, которыми дворы пользовались поочередно (с. 149). Бóльшую роль в создании различных кооперативных объединений на новой основе сыграло общество «Пеллерво». Как правило, крестьяне основывали товарищества по приобретению инвентаря без официального оформления (с. 141), на паях, причем размеры пая были пропорциональны земельным угодьям. Наряду с обществами, покупавшими лишь одну дорогую молотилку, были и такие, которые приобретали богатый набор инвентаря — сеялки, канавокопатели, жатки и др. Характерно, что наряду с обычными «групповыми» и родственными объединениями некоторые имели социальный характер — так, например, торпари объединялись особо (с. 151, 162, 165).

Развитие молочного хозяйства привело к созданию молочно-сливных пунктов — «мейерей», которые первоначально были также кооперативными. Кооперативно велась и мелиорация земель. В. Анттила, анализируя крестьянские кооперации того времени, выделяет три формы: простую, полукapиталистическую и капиталистическую (с. 151—156). В качестве примера полукapиталистического объединения В. Анттила приводит такие кооперации по осушению земель, где работы велись силами участников, но полученные новые площади шли на продажу (или продавалось сено с этих участков). Таким образом, члены объединения получали денежную выручку. Как чисто капиталистическую форму определяет он такие кооперации, где осушение земель велось с помощью наемной рабочей силы, а затем земля продавалась. Полукapиталистические кооперации были характерны для конца прошлого века, соответствуя уровню развития товарно-денежных форм хозяйства (с. 158—160).

Неравномерность развития товарно-денежного хозяйства в разных частях страны определялась, как весьма убедительно показано в работе, совокупностью многих факторов, начиная с различия природно-климатических условий, в частности, на юге и севере страны. Автор неоднократно подчеркивает, что, несмотря на то, что личные качества людей, их отношение к новшествам могли в отдельных случаях иметь значение, в общем ходе развития капитализма в деревне определяющую роль играла не психология, а социальная структура общества, неодинаковая на западе и востоке страны. Различия в формах земледелия на западе и востоке страны имели также немалое значение: на востоке дольше сохранялось подсеочное земледелие, определявшее малые размеры пахотных участков и рассеянные формы поселения. Это наряду с некоторыми социальными факторами вело к отставанию социально-экономического развития этих районов. Так, в частности, крупные крестьянские хозяйства концентрировались на юго-западе, здесь же были распространены поместные владения, которые служили определенными проводниками хозяйственных новшеств в сельском хозяйстве (с. 66—67, 71). Западные районы имели больше контактов с другими европейскими странами, раньше вступившими на капиталистический путь развития. Характерной чертой в развитии сельского хозяйства в Похьянмаа было, в частности, то обстоятельство, что отсюда в конце прошлого века шел сильный поток эмигрантов в Америку. Основная масса их возвращалась затем домой, освоив на американских фермах работу на сельскохозяйственных машинах (с. 188).

Исследование Анттила может рассматриваться как основополагающая работа в этнографическом изучении новых форм крестьянского хозяйства Финляндии, хотя, разумеется, автор не мог углубляться в детализацию и характеристику узколокальных вариантов развития крестьянского капиталистического хозяйства, отражающих все сложности этой перестройки. Такое изучение материала на микроуровне было проведено коллективом Туркусского университета, и зачинателем этого обследования был тот же В. Анттила, работавший в 1960-е годы в Институте этнографии этого университета. Исследования велись под руководством профессора истории П. Томмила, в группу исследователей входили географы, социологи, фольклористы, этнографы и религиоведы. В итоге было проведено комплексное исследование четырех деревень и опубликовано 23 работы по разным вопросам и дисциплинам (в том числе четыре этнографические), а затем вышла обобщающая работа под редакцией П. Томмила и И. Хеерва — «Меняющаяся деревня»⁷. Первая ее часть озаглавлена «Деревня» и содержит описание каждой из четырех деревень, где проводилось исследование: это Кеттели (автор — В. Лааксо), Хюэмяки (О. Лехтинпуро), Мерикарвья (И. Хеерва) и Вуохиярви (М. Аукиа). В каждом обзоре рассматриваются географическое положение деревни, природные условия, поселение и население, развитие хозяйственных занятий с 1870 по 1970 г., характерные черты местного сельского общества и т. д. Вторая часть называется «Деревенское общество» и состоит из разделов, обобщающих данные по всем деревням: «Исторические предпосылки развития деревенского общества» (У. Хейно), «Деревня и окружающая среда» (Х. Андерсен), «Деревня как бытовая среда» (Т. Лейму), «Социальная стабильность сельского общества» (К. Ханкла) и «Культурная интеграция деревенских обществ» (В. Анттила).

Все четыре деревни лежат в пределах южной зоны страны, которую Анттила в своем исследовании выделил как передовую в развитии товарного хозяйства. Две деревни расположены

на побережье Ботнического залива: Кеттели на юге, между городами Раума и Уусикаупunki, на территории исторической провинции Варсинан-Суоми, Мерикарвья — севернее г. Пори, в провинции Сатакунта. Третья деревня — Хюэмяки лежит в центре страны, в Южной Хямэ, четвертая — Вуохиярви — в Саво, на востоке упомянутой южной зоны; последние две деревни лежат на берегах озер.

Деревни сильно отличаются по своим размерам, и численность населения в них менялась за исследуемый период. В самой большой из них — Мерикарвья в конце прошлого века жила 1 тыс. человек, в 1940 г. — 2,5 тыс., в 1970 — 1,5 тыс. человек. Кеттели — небольшое поселение, как и 100 лет назад, в нем живет сейчас 100 человек, а в 1940 г. было около 150 человек. Хюэмяки — крупная деревня с 300 жителями, но в 1930-х годах здесь жило 427 человек. В Вуохиярви по сравнению с прошлым веком население выросло в 14 раз (с 50 до 700 человек), что связано с постройкой здесь в 1934 г. фанерной фабрики.

Определенные различия в хозяйстве деревень, обусловленные природными условиями, ощутимы были и в прошлом веке. Приморское положение Кеттели и Мерикарвья способствовало развитию в них многоотраслевого хозяйства. С одной стороны, здесь ограничены возможности земледелия, так как почвы каменистые, с выходом на поверхность скальных пород — в Кеттели, в частности, 38% деревенских земель непригодно для культивации. С другой стороны, рыболовство и мореходство давали хороший дополнительный доход, особенно с конца прошлого века, когда рыболовство стало интенсифицироваться за счет его технического переоснащения и переноса лова в открытое море. В это время в Кеттели и Мерикарвья формируются группы профессиональных рыбаков (преимущественно из деревенской бедноты), развивается рыбозасолочный промысел, строятся рыбокопильни, бондарные мастерские, которые готовят тару для соленой салаки. Однако с 1950-х годов уловы сокращаются, происходит падение роли самого рыболовства и сопутствующих занятий — деревянная тара сменяется пластиковой, засолка рыбы утрачивает свое значение, ее сменяет замораживание. С 1920-х годах потеряло значение и местное парусное мореходство.

В настоящее время Кеттели представляет собой сельскохозяйственную деревню. Однако местные условия не позволили развить здесь «классическое» для Финляндии молочно-животноводческое направление, и крестьяне начали производить продукцию для городских рынков, преимущественно клубнику и кур (с. 24—34, 253—254).

Сельское хозяйство сохранилось и в Мерикарвья, в нем занято около 20% местного населения, причем основные направления — зерновое хозяйство и молочно-мясное животноводство, служащие удовлетворению местных нужд. В Мерикарвья не утратила своего значения и местная гавань, где занята определенная часть рабочих; кроме того, действует ряд мастерских: например, столярные, изготовляющие дверные и оконные рамы, мебель. Есть конторы, ведущие электропроводные и водопроводно-канализационные работы. В целом в промышленно-строительной сфере здесь занято почти 30% населения. Но в первую очередь Мерикарвья развивается в наши дни как административный центр волости. Здесь расположены муниципальное и налоговое управления, отделения банков и почта, медицинский центр, аптека, средняя школа, магазины. В сфере обслуживания занят 21% населения, 13% — в торговле и на транспорте (с. 78—94, 254—255).

Чисто сельскохозяйственной деревней с типичным для страны молочно-животноводческим уклоном осталась Хюэмяки, расположенная в районе благоприятных почвенно-климатических условий: 2/3 ее населения заняты в сельском хозяйстве, часть людей работает вне пределов деревни. Несмотря на то, что товарные формы сельского хозяйства получили здесь высокое развитие, нельзя говорить о стабильной экономической ситуации в наши дни: расцвет хозяйства приходится на 1950-е годы, после чего неустойчивость общей конъюнктуры в сельском хозяйстве Финляндии начинает ощущаться и здесь: кризисы перепроизводства сельскохозяйственной продукции ведут к сокращению поголовья скота, сужению ассортимента возделываемых культур, а также к оттоку молодежи из деревни (с. 53—65, 255—256).

В развитии деревни Вуохиярви решающую роль сыграло то, что она расположена на озерах, через которые шел сплав древесины из северных районов на юг страны; позже к водным путям прибавилась и железная дорога. Наличие местных запасов березы, необходимой для выработки фанеры, было также одной из причин постройки здесь в 1934 г. фанерной фабрики Калсо и превращения деревни в типичный сельский фабричный поселок. В настоящее время 4/5 населения работает на фабрике (с. 94—119).

Таким образом, обследование конкретных деревень в районе интенсивного развития товарно-денежного хозяйства показало, что на практике было немало отклонений от основной линии развития крестьянской экономики за последние 100 лет, и в результате только две из четырех деревень — Хюэмяки и Кеттели — сохранили сельскохозяйственные занятия как основу своего существования. Интересно отметить, что при изучении данных о времени и каналах проникновения в деревню новых агрикультурных навыков, техники и всего хода интенсификации сельского хозяйства на предлагаемом в «Меняющейся деревне» микроуровне выясняется немало любопытных деталей. Например, здесь не оправдалось в целом безусловно верное положение о том, что помещики и пастораты служили проводниками новшеств в сельском хозяйстве. Пасторат в Кеттели был беден и отнюдь не обогнал крестьян в нововведениях. Владельцы же имения в Хюэмяки были людьми консервативными, активно выступавшими против каких-либо новшеств как в хозяйстве, так и в общественной жизни (например, против молодежных и спортивных обществ и т. п. — с. 267). В Кеттели проводником всяческих новшеств был один из дворохозяев, переселившийся сюда из центральных районов страны: в его дворе новая техника появлялась в среднем на 10 лет раньше, чем у других жителей деревни (с. 261). При этом для Кеттели характерна покупка новой техники в индивидуальном порядке (исключая купленную на паях молотилку), в Мерикарвья же почти все машины

покупали коллективно. В Хюэмяки совместное приобретение техники было характерно для дворов победнее, организовавших в 1927 г. «Союз мелких земледельцев», который имел богатый ассортимент инвентаря, в последнее время даже соковырки и опрыскиватели (с. 58, 265).

Еще более существенно, пожалуй, наблюдение исследователей о том, что прямой связи между сохранностью старых коллективных общинных традиций и развитием различных товариществ и кооперативов установить нельзя. Так, например, именно в Кеттели, где новая техника приобреталась индивидуально, устойчиво сохранялись традиции общинного пользования выгонами, расположенными на ближайших островах и в лесу (хотя сам лес находился в подворном владении), а также в пользовании рыболовными тонями. Причины устойчивости этих остатков общинных традиций исследователи — несомненно, справедливо — видят как в том, что они сохраняли хозяйственную целесообразность и в новых условиях, так и в определенной консервативности местного общества, состоявшего в Кеттели на 3/4 из старожилов, имевших большой авторитет при решении подобных вопросов. Именно такая приверженность традициям, без сомнения, была причиной и упоминавшейся уже сохранности чересполосны в Хюэмяки, где эта форма землепользования находилась уже в явном противоречии с развитием полеводства и сельского хозяйства в целом.

Исследователи рассматривали также общественную жизнь деревни. Заслуживает внимания роль в развитии внешней и внутренней интеграции различных профессиональных и общественных объединений и союзов, кооперативных и акционерных обществ, их деятельность по приобретению крестьян к новым формам ведения хозяйства и новой технике. Так, реальным проводником новшеств в Хюэмяки стало «Общество мелких земледельцев», созданное в 1927 г. Благодаря этому экономически слабые хозяйства сумели еще до 1950-х годов достичь механизации труда, что, несомненно, способствовало прогрессу сельского хозяйства в деревне в то время. Особенностью развития местных объединений в Мерикарвии и Кеттели в конце XIX — начале XX в. было то, что здесь большую роль играли объединения рыбаков, чем крестьян. Это было связано с расцветом рыболовства и его техническим переоснащением (с. 24—32, 82—83, 89, 262—264). Кроме того, в Мерикарвии и Вуохиярви возникают объединения рабочих — Союзы трудящихся, которые в отличие от сельскохозяйственных коопераций и рыболовецких обществ были принципиально новым явлением, связанным с развитием в стране рабочего движения. Так, в Мерикарвии «Союз трудящихся» возник в 1905 г. и уже на следующий год вошел в Социал-демократическую партию (с. 268). В 1905 г. в Мерикарвии возникают и профессиональные объединения, в частности рабочих гавани (оно играло важную роль в распределении и организации портовых работ — с. 268—269). Возникновение организаций, основанных на социально-классовой принадлежности ее членов, свидетельствовало о том, что в Мерикарвии социальная структура уже приняла формы, соответствующие капиталистическому обществу. После гражданской войны разделение населения здесь на рабочих и мелкую буржуазию стало еще более четким (с. 220).

В Вуохиярви, где рабочий класс формировался в 1930-х годах, объединения рабочих возникают значительно позже, тем более что текучесть состава рабочих в первые годы действия фабрики замедляла этот процесс. Характерно, что впервые рабочие фабрики Калсо приняли участие в забастовке лишь в 1950 г. (с. 269). При этом следует отметить, что население Вуохиярви достаточно четко социально дифференцировано, что отражается даже в самой системе расселения: соответственно материальным возможностям люди живут в собственных домах, которые расположены в одной части города, в собственных квартирах, в наемных квартирах и т. д. При опросе все информаторы четко определили наличие в обществе слоя «больших господ», «сливок общества» и четко придерживались точки зрения, что «деньги делают господ» (с. 100—105, 121—123).

Социальные грани между верхушкой общества и низшим его слоем здесь резкие, высший слой служащих и профессионально обученные рабочие достаточно обеспечены и представляют собой постоянное население поселка, в то время как необученные рабочие составляют текучую часть кадров (с. 290).

В Кеттели и в наши дни общество оказывается наиболее гомогенным, в общении населения всех социальных слоев крестьянства нет барьеров, наибольшим влиянием пользуются старожилы, что, разумеется, подкрепляется тем обстоятельством, что они в основном владельцы более крупных и состоятельных дворов (с. 288—289).

Следует сказать, что проблемы современного повседневного быта и формы местной культуры в изучавшихся четырех деревнях оставались на заднем плане. Программа, выполнявшаяся сравнительно небольшим коллективом и в довольно сжатые сроки, не могла, разумеется, быть всеобъемлющей. Но насколько выразительным может быть материал по современному общественному быту и культуре деревни, очень хорошо показывает работа «Три деревни», подготовленная в Высшей школе Йёнсюу⁸. Тематически эта работа, несомненно, дополняет рассмотренные выше. Авторы ее ставят перед собой две основные задачи: во-первых, показать современное состояние финской деревни и привлечь к этому вопросу внимание правительства; во-вторых, более детально рассмотреть современную культуру финской деревни. Уже в предисловии и в первой главе «Как живет деревня?» исследователи поднимают вопрос о том, что концентрация промышленности в крупных центрах и сопутствующие этому явления ведут к запустению деревень и спаду в них культурно-образовательного уровня, так же как и к снижению обслуживания в них населения в целом. В связи с этим одна из выбранных для изучения финских деревень расположена за пределами страны — на побережье океана в Финмарке (в Норвегии, где уже проводится политика «децентрализации» экономики и культурно-образовательных учреждений). Различия в хозяйственных занятиях населения и в его социальной структуре коротко освещены во второй главе работы — «Хойлола, Паллойки и Пюкёя» (названия деревень). Не очень удачны в ней, на наш взгляд, названия раз-

делов «Карельская деревня», «Урбанизирующаяся деревня», «Рыбачья деревня» (с. 5). Они не поставимы, так как и рыбацкая деревня может быть урбанизированной, а название «Карельская деревня» определяет лишь ее географическое положение в провинции Карьяла. Основная проблема экономики деревни Хойлола заключается в том, что старые формы многоотраслевого хозяйства здесь исчезли, а новые, которые обеспечили бы жизнь ее обитателей, не сложились. Дворы здесь невелики (2—4 га пашни), земледелием прожить невозможно, для развития животноводства не хватает пастбищ, а теперь уже и рабочих рук. Раньше положение спасали приработки на лесозаготовках, но теперь промышленные разработки леса ведутся с помощью современной техники и штата приезжих квалифицированных рабочих. Экономика деревни находится, таким образом, в кризисном состоянии, с 1950-х годов здесь идет отлив населения. Сейчас в деревне осталось около 200 жителей, но почти отсутствует младшее трудоспособное поколение, мало детей, начальная школа продолжает действовать лишь благодаря тому, что в нее привозят детей из соседних деревень. Средняя школа находится за 20 км, медицинский центр — за 40; в 1976 г. закрылась библиотека (действует развездная автобиблиотека). Ближайшие кино и ресторан — за 40 км, театр, выставочные залы — за 70 км (с. 41—44).

Совсем другое положение во второй деревне — Палойоки, расположенной примерно в 30 км от Хельсинки. Здесь довольно плодородные почвы и существует группа узкоспециализированных крупных хозяйств (20—40 га), которые сеют зерновые, в первую очередь пшеницу, а животноводством как отраслью, требующей постоянного и большого труда, не занимаются. При этом некоторые дворы берут землю в аренду у соседей, другие объединяются на паях. Высокий уровень механизации позволяет проводить как сев, так и уборку урожая за одну-две недели. Остальное время эти дворохозяйства работают в другой области — на транспортировке гравия из местных карьеров, в механических мастерских, на автозаправочных станциях и т. п. Владельцы мелких дворов перешли в основном на работу по найму, что благодаря близости промышленных центров — Хельсинки, Хювинки, Керава — произошло без особых сложностей. В Палойоки живет сейчас около 650 человек. Здесь работает начальная школа, в 5 км от деревни (в Нурмиярви) есть средняя школа, медицинский пункт, ресторан, церковь. Палойоки вполне «жизнеспособная» деревня, сильно урбанизированная, и значительная часть ее населения занята трудом вне самой деревни (с. 44—47).

Третья деревня, Пюкея, как уже упоминалось, расположена на берегу Ледовитого океана и была почти изолирована от внешнего мира; только с 1960 г. к ней проведена шоссе́нная дорога, сейчас есть и аэродром. Финны поселились здесь в конце прошлого века (1893 г.), основав рыболовецкое поселение. Сейчас здесь живет более 400 человек. Свыше половины из них — взрослое население: в 1960 г. здесь в ходе осуществления политики экономической децентрализации построены рыбный завод и морозильная установка, после чего отток населения из деревни прекратился и некоторые из эмигрантов даже вернулись обратно. Сейчас в деревне работает начальная школа, есть медицинская сестра, регулярно приезжает врач, работает почта, три магазина (с. 48—53).

Следует сказать, что экономика трех деревень охарактеризована в книге очень сжато; основное, на чем сосредоточились исследователи, — это общественный быт современной деревни, проведение досуга и нормы общения, проблема «идентности» (сознание принадлежности к местному обществу), а также судьбы финской деревни в целом.

На наш взгляд, одна из исследовательниц — Катрина Петрисало — совершенно справедливо поднимает вопрос о том, что критерии оценки культуры сельского населения в наши дни не всегда правильны и необоснованно субъективны. Стало обычным, пишет она, называть ту культуру, которая не соответствует нашим собственным представлениям и нормам, «бедной» или даже «антикультурой», что относится в значительной мере к современной сельской культуре. Это связано с тем, что современная массовая технологизированная и урбанизированная культура настолько потеснила традиционную, что при исследованиях замеряются лишь «потребление» этой массовой культуры и «уровень обслуживания», а собственная местная культура вообще не принимается во внимание (с. 54). Авторы «Трех деревень» подошли к исследованию иначе: что такое местная культура, насколько она удовлетворяет население, дает ли ему возможность саморазвития, ведет ли к взаимным контактам? Наряду с этим было рассмотрено, насколько деревенские жители пользуются профессиональной культурой, т. е. посещают профессиональные театры, выставки, концерты, кино. Выяснилось, что профессиональная культура в сущности не вызывает интереса у сельских жителей, причем это относится не только к Хойлола и Пюкея, отдаленным от культурных центров, но и к Палойоки, откуда многие ездят ежедневно в город. Наряду с этим сельские жители активно пользуются библиотеками и выписывают в среднем довольно много журналов и газет, что, кстати, стоит недорого (с. 58)⁹.

Во всех трех деревнях хотя и в разной мере, но достаточно широко распространены организованные формы досуга. Это общества клубного типа, кружки. Так, в Хойлола имеются объединения при церкви — одно при православной, другое при лютеранской, хотя при этом конфессиональная принадлежность не играет роли: многие женщины ходят в оба кружка. Кроме того, домохозяйки посещают различные домоводческие курсы, которые время от времени проводятся по инициативе женского общества «Марты», имеющего отделения по всей стране. Если в Хойлола при совместном проведении досуга не отмечается каких-либо общественных барьеров, то в Палойоки они есть: к объединению «Марты» принадлежат женщины из дворов с малым достатком, к «Обществу сельских и домашних хозяек» — из богатых (с. 62). Характерно наличие еще одного барьера: в местных женских кружках участвуют только коренные жители Палойоки, недавние поселенцы не входят в эти объединения (с. 64, 65). В Пюкея меньше клубных кружков, но женщины регулярно встречаются поочередно в разных домах. Следует сказать, что и здесь

новопоселенцы плохо «прививаются» в женских кружках (с. 63). При встречах женщины обычно занимаются рукоделием, хозяйка дома угощает всех кофе, беседуют о местных событиях и делах, это можно рассматривать как остатки формы общественного контроля в малом обществе (с. 64). Следует сказать, что кружки имеют небольшие доходы: свое рукоделие — вязание, вышивки, тканье они распродают на рождественских базарах. В Нурмиярви систематически продаются дни памяти одного из крупнейших финских писателей Алексиса Киви у его родного дома с театрализованными представлениями его произведений в театре на открытом воздухе (на горе Таабори). На этих праздниках местные хозяйки, включая и жительниц Палойоки, торгуют разной едой — в эти дни бывает большой наплыв туристов. Полученные деньги женские общества тратят на экскурсии, организацию спортивных площадок и т. п. В целом можно считать, что организованное активное проведение свободного времени более развито в Хойлола и Пюкейа (характерно соответственно для 66 и 61% населения). Жители этих деревень также часто ходят на прогулки в лес для сбора ягод и грибов и просто для отдыха. Для Палойоки более характерно пассивное проведение досуга — почти 80% жителей проводят его в семейном кругу, у радио и телевизора (с. 67, 74). Контакты с соседями здесь значительно слабее, чем в Хойлола и Пюкейа. Работа рассматривается многими — судя по опросам — только как средство обеспечить себя и семью жизненными благами, но не имеет собственной ценности, нет и контактов с коллегами по работе во внерабочее время (с. 70—71). Принадлежность к местному обществу, «чувство идентичности», выше всего в Пюкейа — оно охватывает 78% населения, в Хойлола — 61%, а в Палойоки — 29%. Стоит, пожалуй упомянуть, что степень идентичности не зависит прямым образом от уровня материального благосостояния населения, который примерно одинаков в Палойоки и Пюкейа, в то время как процент идентичности сходен в Пюкейа и Хойлола, где материальный уровень, несомненно, различен. Можно полагать, что определенным образом на устойчивость местного самосознания влияет сохранность традиционных хозяйственных занятий. Исследователи подразделили их на три группы: традиционные, или «этнические», «новоэтнические», т. е. такие, которые возникли в результате технического развития традиционных форм хозяйства (например, рыболовство — рыбоперерабатывающие предприятия в Пюкейа), и «новые». В «этнических» и «новоэтнических» отраслях хозяйства в Хойлола и Пюкейа занято 2/3 жителей (в Хойлола 54 и 11%, в Пюкейа 31 и 38%), а в Палойоки — лишь 43% (с. 96—97). Здесь существует прямая зависимость от доли людей, причисляющих себя к местному обществу. Характерно также и то обстоятельство, что во всех трех деревнях абсолютное большинство населения высказалось за то, чтобы продолжать жить в деревне (от 84 до 92% — с. 102). Однако удовлетворенность своей работой дает иные цифры: в Пюкейа и Палойоки довольны своей работой 70% населения, в Хойлола — лишь 40%. Это, несомненно, связано с тем, что население видит бесперспективность занятия сельским хозяйством в данных условиях (с. 131, 182 — табл. 9).

Разумеется, нет возможности остановиться на всех вопросах, которые поднимают авторы «Трех деревень», как экономических, так и культурных. Важно в первую очередь то, что они ставят вопрос о необходимости изучать современное сельское общество, процессы, происходящие в финской деревне, включая и современные формы общественной жизни и культуры. Еще в 1980 г. В Анттила на симпозиуме общества «Этнос» довольно резко говорил о необходимости изучать быт современного крестьянства. «Защита лопарей-колтов — экзотическое и политически безопасное дело, но, вероятно, можно было бы подумать о том, что и у той группы общества, которая относится к основному населению страны, есть право на внимание научных дисциплин, изучающих жизнь человека¹⁰. Работа «Три деревни», без сомнения, посвящена этим насущным вопросам и стремится привлечь внимание общественности и государства к положению финского крестьянина.

Примечания.

¹ *Talve Y. Suomalainen kansatiede // Sanajalka. 1963. № 5. S. 128—129; Anttila V. Talonpojasta tuottajaksi. Suomen maatalouden uudenaikastuminen 1800—luvun loppulta ja 1900—luvun alkupuolella. Rauma, 1974. S. 11, 36, 60; Finland in Figures, 1983. Central Statistical Office of Finland, 1983. P. 7.*

² *Anttila V. Op. cit. S. 11—13.*

³ *Ibid. S. 11, 14.*

⁴ География Финляндии. М., 1982. С. 163—207; *Anttila V. Op. cit. S. 27—28.* Далее ссылки на эту работу будут даваться в тексте с указанием страниц.

⁵ См. также. *Talve Y. Suomen kansan kulttuuri // Suomalainen Kirjallisuuden Seuran toimetuskia. № 355. Helsinki, 1980. S. 305.*

⁶ Следом за новым типом плуга распространились и новые типы борон («гусиные лапы»), косилки, конные грабли и молотилки.

⁷ *Muuttuva kylä. Turun yliopiston kylätutkimusryhmän loppuraportti / Tommila P., Heerva I. // Suomalainen Kirjallisuuden Seura. Tietoliipas 84. Vaasa, 1980.* Список публикаций этой группы см. там же, с. 292—293. (Далее ссылки на эту работу даются в тексте).

⁸ *Kolme kylää. Kertomus erään kulttuuri tutkimuksen taustasta, työstä ja tuloksista / Kirkinen H. Keuruu, 1984* (далее ссылки на эту работу даются в тексте).

⁹ В среднем в Финляндии регулярно читают одну газету 12% крестьян, две — 45, три — 30, четыре — 10%, пять, шесть газет — 3% [62]. В Хойлола многие выписывают по три газеты и по несколько журналов.

¹⁰ *Anttila V. Maatalouden muuttuminen // Ethnos-toimite. № 3. Helsinki, 1981. S. 18.*

НТР и национальные процессы / Отв. ред. Шкаратан О. И. М., 1987. 248 с.

В ходе истории всей нашей многонациональной страны, а также составляющих ее республик и населяющих ее народов происходят различные изменения в сфере материального производства, в составе населения, в области культуры и других сторонах жизни. Какая-то часть этих изменений в научной литературе называется «национальными процессами», но что именно охватывается таким выражением — не вполне ясно; то же самое относится и к работам, характеризующим «национальные процессы» в зарубежных странах. Это обусловлено некоторой нечеткостью ключевых терминов, входящих в цепочку «этническое — национальное — социальное», различным пониманием их этнографами и, скажем, философами. Уместно отметить, что немногим раньше рецензируемой книги в том же издательстве «Наука» (но в редакции «Философия») вышла книга «Национальные процессы в СССР», посвященная, как заявлено в аннотации, анализу «структуры и ценностям новой социальной интернациональной общности — советского народа», но в действительности содержащая не очень внятное изложение всего понемногу: от теории нации и национально-государственного строительства в СССР до разоблачения буржуазных фальсификаторов «ленинской национальной политики КПСС».

В аннотации к рецензируемой книге сказано, что в ней «...прослеживается влияние современного научно-технологического переворота на совершенствование национальных отношений в СССР». Раскрыты проблемы соотношения традиционных и инновационных образов трудовой деятельности в современном промышленном производстве с учетом национально-особенных черт культуры. Показано, что необходимо обеспечить планомерное обогащение и обновление традиционных навыков в сфере труда для ускорения социально-экономического развития советского общества». Отмечу сразу же, что о «национальных отношениях» как таковых в работе говорится очень мало. В центре внимания большинства ее авторов находится тематика, которая относится к области этнической (национальной) экономики как формирующей научной дисциплины, теоретическое и особенно практическое значение которой в настоящее время достаточно очевидно, но ее развитие, как будет показано далее, требует дополнительных усилий. Несколько обособленное положение в этом отношении занимает II часть книги «Влияние научно-технической революции на социальные процессы у народов СССР» с не вполне удачным названием (ибо «национальные» процессы также являются «социальными») и пестрым содержанием. В частности, представляется мало обоснованным включение в нее 11-й главы — «Эволюция национальных культур как момент социальной организации пространства: методологический аспект» (автор — В. Г. Виноградский); основное содержание этой философской главы посвящено преобразованиям категории «пространство» в категорию «время» и наоборот в связи с переходом от одной общественно-экономической формации к другой. «Эпохе антагонистических формаций (и особенно развитому капитализму), — пишет, например, автор, — присущ противоположный тип связи модусов социального времени. Поэтому социальное пространство капитализма характеризуется разорванностью времен, их порой драматическим противостоянием. Этот тип социального пространства представляет собой механический агломерат или, точнее, атомистическую общность модусов времени. Почти все связи между ними произвольно оборваны, искажены, лишены подлинного полсемантизма, «социально-культурной многозначности» (с. 134). Боюсь, что многим читателям, как и мне, подобные высказывания покажутся лишенными здравого смысла. Некоторую неудовлетворенность вызывает здесь и 14-я глава — «НТР и проблемы социализации молодежи» (автор — И. С. Кон), в которой хорошо показаны особенности межпоколенных отношений в современную эпоху и лишь мельком замечено, что эти глобальные проблемы в нашей многонациональной стране имеют свои «этносоциальные и этнокультурные аспекты»; полагаю, что название книги обязывало автора уделить таким аспектам должное внимание.

После этих необходимых предварительных замечаний перехожу к анализу основной тематики книги, относящейся, как уже отмечалось, к национальной (этнической) экономике как сфере жизни и изучения ее научной дисциплины, именуемой в дальнейшем этноэкономикой. Эта дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экономическими науками, призвана исследовать взаимоотношение национальных (этнических) и экономических явлений, прежде всего специфику производственной деятельности людей той или иной этнической принадлежности, с теми или иными хозяйственно-культурными традициями. Из названия книги видно, что в центре внимания авторов ее глав находится современная эпоха научно-технической революции, связанная с качественным преобразованием производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общества, с комплексной автоматизацией производства и управления на основе применения ЭВМ, использования новых материалов и видов энергии и т. п. Для показа особенностей этноэкономики в современную эпоху необходимо, с одной стороны, продемонстрировать степень развития НТР в различных национальных областях, а с другой — состояние экономики в исторически предшествовавший период. Забегая вперед, скажу, что в целом обе эти задачи в книге полностью не решены, да в начальный период развития этноэкономики и не могут быть решены. Однако стремление авторов к решению таких задач, несомненно, заслуживает всяческого одобрения с учетом, разумеется, некоторых погрешностей, на которых мне по долгу рецензента придется в дальнейшем не раз останавливаться.

Во Введении (автор — О. И. Шкаратан), носящем теоретико-методологический характер, говорится, что нашим плановым органам и отраслевым министерствам необходимо учитывать «своеобразный трудовой опыт, накопленный каждым народом за многие поколения, сложившиеся

хозяйственные традиции», ибо такие «этнические (национальные) особенности имеют самое прямое отношение к народнохозяйственной специализации республик и регионов» (с. 6). С этим пожеланием нельзя не согласиться, но оно требует уточнения и, так сказать, «заземления». Если взять, например, народы нашей страны, то почти все они «многие поколения» тому назад, скажем в конце XIX — начале XX в., имели преимущественно трудовой крестьянский опыт, учет которого сейчас, в эпоху НТР, мало что даст для «социально-экономического развития советского общества» (с. 7).

Основной текст рецензируемой книги делится на четыре части, первая из которых именуется «Научно-практические проблемы исследования национальных аспектов труда в современной экономике». 1-я глава «Трудовые традиции и современное производство в условиях ускорения социально-экономического развития» (О. И. Шкаратан, Л. С. Перепелкин) носит теоретико-методологический характер. В ней снова говорится о необходимости «обеспечить использование традиционных навыков в сфере труда без патологических ломок, на основе планового осуществления процесса органического развития трудовой преемственности между поколениями и внутри их» (с. 19). И снова ощущается, что для практического использования этой установки требуется дополнительная разработка. В этой главе есть краткое описание некоторых «традиционных навыков в сфере труда», но использование их, по признанию самих авторов, не всегда возможно. Отметив, например, что многие поколения жителей Средней Азии в процессе адаптации к условиям аридной зоны восприняли «размеренную, неторопливую жизнь, неспешную, а то и вялую по жару работу», авторы замечают, что «на машинной уборке хлопка, на современной стройке, на нефти промыслах или в геологической разведке такой ритм жизни не годится» (с. 17). Еще менее уместен при работе в промышленности — у станка или на конвейере, и здесь без коренной ломки «традиционных навыков», право же, не обойтись. Что же касается отмеченной авторами разумности снижения и сейчас интенсивности работы «в самое жаркое время суток» (с. 17) то этот и подобные «навыки», связанные с трудом на открытом воздухе (снижение его интенсивности при проливном дожде, сильном морозе и т. п.), к этноэкономике, видимо, прямого отношения не имеет.

Примером целесообразности учета этнокультурной специфики «человеческого фактора» в промышленном производстве авторы считают применение на текстильных предприятиях, расположенных в селах (?) или малых городах Средней Азии, двухсменной работы вместо трехсменной что устранил трудности «с заполнением вакансий за счет женщин коренного населения» (с. 25—26). Совет — разумный, но его этнокультурная нагрузка невелика, так как работа в ночную смену малоприятна для женщин любой национальности. Что же касается узбечек или, скажем таджичек, то проблема вовлечения их в промышленность, даже на работу в одну смену, обусловлена главным образом их традиционной многодетностью и связанными с ней установками, что осталось вне поля зрения авторов. В результате предложенный ими перечень «основных проблем, требующих первоочередного анализа в XII пятилетке», прежде всего «исследование этнокультурных факторов научно-технического прогресса, роста производительности труда, повышения эффективности и качества работы» (с. 32), оказался недостаточно подкрепленным конкретными примерами таких исследований.

Уместно отметить, что задержавшееся становление и развитие этноэкономики обусловлено не только сложностью ее проблематики, часто выходящей в сферу этической психологии, но и давним утверждением в экономике антиэтнографической, а в этнографии — антиэкономической так сказать, парадигмы, по крайней мере в отношении промышленного производства. И для этого были и есть свои основания. Как известно, торжество промышленного производства над ремесленным было определено в значительной степени тем, что оно расчленило изготовление того или иного изделия на элементарные операции (в том числе конвейерного типа), которым несложно научит почти любого человека, доведя его действия до полуавтоматизма. Работники при этом по существу утрачивают свою этнокультурную специфику: действия квалифицированного токаря или, скажем, ткачихи за станком в принципе должны быть оптимально одинаковыми вне зависимости от того, принадлежат они к русскому, японскому или, например, итальянскому этносу. Существует мнение, что в ходе НТР возрастает творческая активность работников и тем самым значение их этнических психологических особенностей, но мне это представляется спорным и, во всяком случае, применительно к СССР — делом будущего. Пока же этнокультурная специфика проявляется главным образом в сфере межличностного общения работников и в организации производства, чему следовало бы уделить больше внимания.

2-я глава — «Динамика национального состава работников отраслей народного хозяйства (на материалах четырех столиц союзных республик)» — А. А. Сусоколов, 3-я глава — «Национальные традиции и совершенствование структуры промышленного производства в Прибалтийских республиках» — В. И. Пароль, 4-я глава — «Научно-технический прогресс и развитие национальных отрядов рабочего класса (на примере автономных республик Поволжья)» — К. Н. Сануюк и 5-я глава — «Научно-технический прогресс и проблемы пополнения кадров промышленности рабочих (на примере Узбекистана)» — Г. А. Шистер — сходны по своему содержанию; в каждой из них на основании статистических данных и материалов специальных массовых обследований показаны национальные различия в социальной структуре тех или иных территориальных групп трудящихся, например почти повсеместный более высокий процент местных национальностей в сфере торговли, обслуживания, культуры наряду с высоким процентом русских в промышленности. Однако обстоятельный анализ причин таких различий не дано; говорится о различии «исторических судеб» различных регионов (с. 37), но смысл таких замечаний не вполне ясен. Попытки проследить преемственность трудовых традиций редки и поверхностны. Вывод о том, например

что «по сей день сохраняется наблюдавшаяся уже в XIX в. „привязанность“ эстонцев к деревообрабатывающей промышленности, узбеков — к текстильной и кожевенной...» (с. 43), мало что дает; было бы странно, если бы у узбеков развилась привязанность к деревообрабатывающей промышленности, а у эстонцев — к текстильной: природно-региональные факторы здесь явно довлеют над этническими.

Существенный интерес представляет 6-я глава — «Региональные социальные процессы и проблемы ускорения социально-экономического развития» (А. М. Коршунов, Б. Ф. Мусаев), основанная главным образом на материалах по Узбекистану. Однако некоторые конкретные положения ее требуют усиления. Основной вывод авторов об оптимальном использовании трудовых ресурсов Средней Азии состоит в необходимости «сочетать форсированное развитие традиционных отраслей (пищевой и легкой) промышленности с созданием в определенных пределах современного наукоемкого производства» (с. 79); однако слова «в определенных пределах» могут относиться по существу к любому другому региону страны. Более глубоким анализом отличается 7-я глава — «Опыт сравнительного изучения этнокультурных стереотипов трудового поведения» (Л. С. Перепелкин, О. И. Шкаратан), в которой для характеристики этноэкономической ситуации в Ташкенте использованы материалы оригинального обследования рабочих одного из машиностроительных заводов. Авторы показали сильные различия по индексам занятости узбеков и русских в различных сферах экономики, в частности заметное преобладание русских мужчин и женщин в металлургии, металлообработке и машиностроении, узбекских мужчин и женщин — в текстильной и швейной промышленности; узбекских мужчин — в торговле и общественном питании, куда русские мужчины почти не идут (с. 84—85). Более значительная занятость узбеков в текстильной и других областях легкой промышленности, по мнению авторов, «свидетельствует об устойчивости ориентаций на эти отрасли производства», прослеживаемых с середины 1930-х годов (с. 87), когда других предприятий, впрочем, почти не было. К сожалению, оставлен без ответа напрашивающийся вопрос о том, почему в сфере торговли и общественного питания идет сравнительно мало русских женщин и очень много узбекских мужчин. Можно предположить, что это является следствием доходности таких занятий и кадровой политики, дающей преимущество коренной национальности республики, но так ли это — может сказать лишь дополнительное исследование.

О некоторых главах II части книги уже говорилось выше. Другие, входящие в нее главы: 8-я — «Региональные и национальные особенности социальных перемещений» (Л. Г. Гафт, Е. Д. Игитханян), 9-я — «Социально-профессиональная и межотраслевая мобильность русских и татар в современном производстве» (А. М. Коршунов). 10-я — «Формирование национальной интеллигенции в республиках Прибалтики» (А. В. Кирх), 12-я — «Расселение и этносоциальные процессы в современном Казахстане» (У. К. Шеденов, Г. А. Демаков, А. А. Юсупбаев, Н. Х. Мизенниа) и 13-я — «Социалистическая урбанизация и некоторые тенденции развития современной культуры городского населения Белорусской ССР» (В. К. Бондарчик, В. Н. Бежавина) — в рамках своей тематики достаточно информативны, но содержащиеся в них материалы в этноэкономическом отношении проанализированы недостаточно глубоко. Кое-где чувствуется и недостаточно критический подход к источникам: авторы 8-й главы рассуждают, например, о росте численности рабочего класса в СССР до 2/3 всего занятого населения (с. 101), не учитывая, что значительную часть его прироста в последние десятилетия дал переход колхозников в совхозы, что мало отразилось на их образе жизни и других параметрах.

Очень содержательны части III — «Международные трудовые коллективы в странах СЭВ» и IV — «Научно-технологический переворот в контексте национальных культур (зарубежный опыт)», которые в сущности можно было бы объединить и в одну. Глава 15-я — «Международный опыт исследования проблем делового сотрудничества» (В. М. Гасков, Р. Х. Каиров) — вообще выходит за рамки III части, так как содержит материалы и по капиталистическим странам. Авторы этой главы показывают, что при деловом экономическом сотрудничестве нужно знать этнокультурные особенности своих партнеров; так, в исламских странах от зарубежных консультантов ждут твердых указаний, а не предложений с выбором альтернативных решений (с. 176). Но есть в этой главе опять-таки и недоработанные места. Непонятен вывод о том, что «французы обладают высоким уровнем недоверия к описанию простых и ясных ситуаций» (с. 177); а также то, что иностранному бизнесмену «в странах Латинской Америки рекомендуется не обострять отношения и слить приятным милым человеком» (с. 179), как будто где-то бизнесменам рекомендуется обострять отношения, и т. п.

Главы 16-я — «Социальные проблемы взаимодействия партнеров в международном трудовом коллективе» (В. М. Гасков) и 17-я — «Социальные и культурные аспекты передачи производственного опыта в интернациональных бригадах» (В. М. Гасков) — ограничены рамками СЭВ, но в первой из них речь идет главным образом о методике исследования; автор, видимо, из-за боязни «обидеть» социалистических партнеров явно избегает суждений об их этнокультурных особенностях. Этим же характеризуется и другая глава, в которой не приведен ни один этноним, не названа ни одна конкретная страна; автор учитывает не этнокультурные особенности групп работников, а главным образом уровень экономического развития стран-партнеров, что для этноэкономических исследований недостаточно.

Наибольший интерес представляет 18-я глава — «Этнокультурные особенности трудового поведения: факты и концепции» (Л. С. Перепелкин, О. И. Шкаратан), близкая по своему методико-методологическому характеру к 1-й главе и подобно той отражающая состояние этноэкономики. Глава начинается с утверждения, что усиление внимания к этой тематике в капиталистических странах обусловлено борьбой за «повышение нормы прибыли за счет эксплуатации

специфических (национально-культурных) характеристик рабочей силы» (с. 205); это утверждение неудачно по стилю, ибо «характеристики» не «эксплуатируются», и по смыслу, так как неясно, какие именно характеристики имеются в виду и почему они не «эксплуатировались» раньше. В тексте главы говорится о том, что в последнее время трудоемкие отрасли производства (в частности, сборочные работы в сфере электроники) были в значительной степени передвинуты из капиталистических развитых стран в страны Юго-Восточной и Восточной Азии. «Население перечисленных стран,— пишут авторы,— издавна занималось интенсивным земледелием, прежде всего рисоводством. Привычка к тяжелому, кропотливому, изнурительному труду в сельском хозяйстве, видимо, легко может быть перенесена в сферу промышленности» (с. 210). Этот вывод подкупает простотой, но он требует усиления, так как навыки кропотливого, изнурительного сельского труда (характерного, кстати сказать, для большинства стран мира) сами по себе еще не объясняют отмеченное распределение труда в сфере электроники; если на этом основании ратовать, скажем, за перенесение сборки продукции ВЭФ из Риги в Ташкент, то от авторов потребуют более веских обоснований. Особо следует отметить здесь перечень компонентов культуры этноса (связанных преимущественно с традиционной этнической культурой), которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве», включая «систему общих ценностной культуры», «иерархическую модель профессиональной престижности» и др. (с. 206—207). Почему-то в этот перечень попала, впрочем, и «традиционная этносоциальная структура общества», отнюдь не входящая в «культуру этноса». Две последних главы: 19-я — «Трудовая миграция из СФРЮ (профессиональная ориентация и реальное трудоустройство)» — М. Ю. Мартынова и 20-я — «Население индейских резервуаров США и рынок наемного труда (60—80-е гг.)» — В. Г. Стельмах, как ясно из их названий, имеют частный характер; обе они интересны по содержанию, но этноэкономические аспекты в них выступают недостаточно четко. В 19-й главе почти ничего не сказано о специфике трудовой адаптации югославских иммигрантов в ФРГ по сравнению, например, с турками, а 20-я глава имеет привычный антиимпериалистический уклон, направлена главным образом против эксплуатации индейцев американскими бизнесменами, с чем можно лишь солидаризироваться.

Подводя итоги, признаю, что замечаний по тексту книги у меня набралось довольно много. Но большинство из них — особого рода, ибо относятся к новой этноэкономической проблематике, разработка которой по существу лишь начинается; многие неточности являются, так сказать, погрешностями поиска, без чего немислимо развитие никакой науки. Задача заключается в том, чтобы внести необходимые коррективы на первых шагах, не допустить в дальнейшем более существенных отклонений от оптимального пути. В таком творческом поиске приходится участвовать самому рецензенту, и следует признаться, что, подмечая ту или иную погрешность в тексте данной книги, я не всегда отчетливо видел оптимальный путь исследования поднятых авторами или усмотренных мною этноэкономических проблем. Над некоторыми из них еще следует подумать и потрудиться, чтобы убедиться в том, не являются ли эти проблемы вообще псевдонаучными. Но в чем я был и остаюсь уверенным, так это в том, что этноэкономическая тематика имеет большое научное и особенно практическое значение, а разработка ее может сильно поднять общественный престиж этнографии. Поощрением дальнейшей работы в этом направлении мне и хочется закончить данную рецензию.

В. И. Козлов

НАРОДЫ СССР

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов. М., 1987. 557 с.

В современный период истории возрастает значение обобщающих марксистских этнографических трудов об отдельных народах или группах народов. Эти труды выполняют большую миротворческую миссию, знакомя народы с духовной и материальной культурой друг друга. Такое ознакомление — один из путей, одно из средств достижения взаимопонимания, взаимоважания, сотрудничества и дружбы народов.

Среди обобщающих этнографических работ об отдельных группах народов привлекает к себе внимание фундаментальный труд «Этнография восточных славян», опубликованный издательством «Наука» в 1987 году. Он задуман и выполнен как один из томов международной серии «Этнография славян», которая создается учеными славянских стран, а также ГДР¹. Главным редактором серии является академик Ю. В. Бромлей.

Рецензируемый том подготовлен большим коллективом высококвалифицированных специалистов. Основная группа авторского коллектива — сотрудники Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева, Л. М. Сабурова, Л. Н. Чижикова, Г. С. Маслова, В. А. Липинская, А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская, И. В. Власова, В. А. Александров, В. К. Соколова, Н. В. Новиков, Б. Н. Путилов, Т. В. Станюкович. К созданию обобщающего труда был привлечен также ряд этнографов УССР (В. В. Наулко, В. В. Миронов, Т. В. Космина) и БССР (Э. Р. Соболенко)², а также сотрудники Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (В. Е. Гусев — фольклорист и И. И. Земцовский — этномузыколог). Привлечение к написанию обобщающей работы широкого круга ученых — этнографов, фольклористов, этномузыкологов

позволило авторскому коллективу учесть достаточно разнообразный фактический материал о восточнославянских народах и многогранный опыт его исследования, накопленный советской наукой. Возглавлял авторский коллектив, готовивший монографию, координировал его работу, редактировал книгу К. В. Чистов.

Для написания этой книги, как и всех томов серии, была разработана специальная программа, которая стала важной предпосылкой формирования цельности научного труда, создаваемого большим коллективом. В процессе этой предварительной работы были выдвинуты и приняты общие принципы классификации материала, его анализа, единая система его изложения и тем самым достигнуто необходимое творческое единство, устранена часто встречающаяся в обобщающих коллективных работах пестрота в подходе к основным вопросам и их трактовке.

В рецензируемой монографии привлекает новизна подачи материала. По всей вероятности, принятый в ней подход станет научной традицией. Авторским коллективом в значительной степени преодолена характерная для такого вида работ описательность, преобладавшая в предыдущих сводных изданиях, и осуществлен содержательный анализ явлений культуры и быта восточнославянских народов. Кроме того, в предыдущих обзорных трудах авторы в основном ограничивались характеристикой традиционной культуры и мало или совсем не рассматривали другие стороны исторического бытия восточнославянских этносов — демографию, этническое самосознание, не уделялось должного внимания динамике этнических особенностей, этническим процессам. Наконец, в предыдущей сводной работе о восточнославянских народах, вышедшей в серии «Народы мира»³, преобладала характеристика отдельных восточнославянских народов и почти не проводилось типологическое сопоставление явлений их культуры. А это в значительной степени ограничивало возможности выявления общих черт культуры и не позволяло проследить ее вариативность в пределах восточнославянской метаэтнической общности, а также обстоятельно рассмотреть связи культуры восточных славян с культурами других славянских народов в рамках славянского метаэтноса, и затем связи восточных славян с неславянскими народами в восточно-европейском, европейском и европейско-азиатском регионах. Этими новыми аспектами и отличается прежде всего рецензируемый труд от предшествующих обзорных работ.

Новые задачи потребовали и разработки новой, оригинальной структуры, ставшей одним из факторов стройности и цельности книги, которая состоит из предисловия, введения, двух частей, заключения, списка литературы и обращения к читателям. В предисловии (с. 5—10) читатели могут познакомиться с опытом обобщения значительного количества данных о восточнославянских народах, накопленным до написания этой книги. В предисловии правомерно отмечается, что таких обобщений было немного. Здесь же дана краткая, но содержательная характеристика обзорных работ о восточных славянах, созданных в прошлом отечественной наукой, а также рассматривается освещение их культуры в сводных трудах о славянских этносах, подготовленных зарубежными славистами (Л. Нидерле, К. Мошинский). Предисловие выполняет важную функцию, помогая читателям определить место нового труда в историографии, его задачи, понять структуру книги. Во введении (с. 11—18) приведены новейшие данные о численности восточных славян и их доле среди населения нашей страны; содержательно охарактеризованы восточнославянская этническая территория, ее природные условия, расселение на ней восточнославянских народов; кратко охарактеризовано своеобразие каждого восточнославянского языка, очерчены ареалы диалектов, переходных лингвистических зон, показано своеобразие восточнославянской группы языков. Характеристика этих языков в их исторической динамике выполняет две задачи. Она не только знакомит читателей с одной из важнейших этнических черт каждого восточнославянского народа, но и содействует более глубокому восприятию и пониманию разных этапов этнической и этнокультурной истории восточных славян, которой посвящена в основном первая часть книги — «Этнические и этнокультурные проблемы» (с. 19—186).

Она правомерно начинается с анализа проблем этногенеза восточных славян и прежде всего вопроса о древнерусской народности и ее роли в формировании восточнославянских этносов. Вопрос этот был важным для всех этапов развития отечественной исторической науки. Особенно актуальным он стал в современный период в связи с возобновившимися попытками поставить под сомнение существование в прошлом древнерусского этноса, умалить его роль в формировании белорусского и украинского народов. Глубоко прослежены в книге истоки древнерусского этноса, его славянская основа и неславянские элементы, в частности балтийские и финноугорские. Убедительна высказанная в этой части книги мысль о возникновении в раннем средневековье суперсоюзов, состоявших из одного или нескольких летописных этнических общностей, например, кривичский, радимичско-вятичский союзы и др., которые предшествовали возникновению древнерусского государства. Показан сравнительно высокий уровень их развития, наличие у племенных союзов первоначальной политической организации до возникновения древнерусского государства. Хорошо прослежено формирование этнической территории древнерусского этноса, охарактеризованы все основные части его культуры — материальная, социальная, духовная. Характеристика культуры древнерусской народности подтверждает вывод о том, что древнерусский этнос является общей этнической основой сменивших его трех восточнославянских этносов — русского, белорусского и украинского: Он обусловил наличие многих общих черт их традиционной материальной и духовной культуры, сознание родства этих трех народов, которое сохранилось в последующие эпохи и стало важным фактором в их истории, оказывая сильное влияние на их взаимоотношения, способствуя их сближению, укрепляя решимость объединиться в едином государстве. Это объединение стало важной исторической задачей восточнославянских этносов в позднем средневековье и в первые века нового времени. Истоки предпосылки разделения древнерусской народности правомерно отнесены к XII—XIII вв. Не вызывает возражения и вывод о том, что эти предпосылки

были созданы развитием феодальных отношений, важными политическими факторами (обособление отдельных земель), крупными историческими событиями. В результате всех изменений исторические судьбы отдельных частей древнерусской народности оказались различными. Это, как подчеркнуто в книге, и обусловило формирование трех восточнославянских народов. Довольно полно охарактеризованы политические аспекты их этнической истории, возникновение и закрепление новых этнонимов. В первой части книги прослежены также исторические судьбы восточных славян до конца XVIII века, т. е. в тот период, когда они находились в составе различных государств.

Заключают первую часть книги очерки русского, украинского и белорусского этносов как динамических систем. Они написаны разными авторами, но по единому плану, единой программе, что дает возможность читателям составить цельное представление о каждом этносе. В каждом из них имеются историографический обзор этнографической литературы, краткий очерк этнической истории, характеристика основных особенностей традиционного хозяйства и материальной культуры, общественного и семейного быта, фольклора и народного искусства. Разумеется, не все стороны этнографии каждого народа освещены с одинаковой полнотой. Так, в очерке о русских характеризуется быт не только сельского, но и городского населения, что объективно отражает большие успехи в изучении быта городского населения, достигнутые русскими этнографами. В остальных двух очерках быт городского населения освещен мало. В очерке о белорусах менее полно дана историография, особенно советского периода, нет анализа дискуссионной точки зрения В. В. Седова о балтском субстрате в этногенезе белорусов, слишком упрощенно формирование историко-этнографических регионов Белоруссии (с. 157). Спорно утверждение, что отличительной чертой культуры белорусского этноса была большая степень сохранности архаических форм (с. 155). Скорее наоборот, своеобразная переработка древнерусских форм, их преобразование, развитие (прежде всего непрофессиональных форм), меньшее влияние профессиональной культуры на народную, чем у украинцев, и особенно, у русских, обусловили во многом своеобразность белорусской народной культуры. В целом авторы успешно выполнили стоявшую перед ними задачу. Они хорошо показали своеобразие каждого восточнославянского этноса, его этнической истории, культуры во взаимобусловленности ее элементов и тем самым дали возможность другим авторам перейти к масштабному анализу многообразных этнокультурных связей внутри восточнославянской метаятнической общности, с одной стороны, и между восточнославянскими и другими славянскими, а также с неславянскими народами, с другой.

Эта вторая крупная проблема анализируется во второй части книги (с. 187—498), содержащей сопоставительно-типологические очерки отдельных комплексов материальной и духовной культуры восточных славян, написанные на основе новейших достижений отечественной этнографической науки (типология этнографических явлений интенсивно разрабатывается в последние десятилетия). Очерки базируются на фундаментальных исследованиях разнообразных аспектов культуры восточнославянских народов, выполненных за последнюю четверть века.

Весьма содержательны разделы, посвященные материальной культуре восточных славян (с. 187—360). В них анализируются техника и технология традиционных производств — сельского хозяйства и промыслов, изготовление и использование транспортных средств, перевозка и переноска тяжестей, поселения, жилище, пища, утварь, одежда. Это — новый этап обобщения явлений материальной культуры. В очерке о сельскохозяйственных орудиях и постройках, например, применен новый принцип систематизации. Все явления материальной культуры, касающиеся земледелия, рассмотрены в их функциональной связи. Интересны также выводы о сходстве и различиях сельскохозяйственной техники (с. 202—203). Можно вполне согласиться с утверждением, что ареалы традиционных сельскохозяйственных орудий сформировались в феодальную эпоху. Кратко, но содержательно проанализированы многочисленные промыслы: описаны их технология, инструменты, отмечены локальные особенности, охарактеризованы производственные помещения, хорошо показано производственное и бытовое назначение изделий народных промыслов, рассмотрены социально-экономические условия их развития. Многосторонняя характеристика промыслов имеет существенное значение для понимания быта восточнославянских этносов. В книге показано большое разнообразие средств передвижения, перевозки и переноски грузов у восточных славян. Весьма квалифицированно написан очерк о поселениях (с. 204—222), по существу представляющий собою первое исследование развития поселений от глубокой древности до наших дней. В нем хорошо показана динамика различных типов поселений (раскрыты возможности и условия превращения сельских поселений в городские, и наоборот) на протяжении многих исторических периодов, начиная с древнерусской эпохи. В очерке рассмотрено не только сельское, но и городское жилище, представленное более полно, чем в предшествующих обзорных работах. Отмечены его своеобразие, связь с сельским жилищем. В очерке об одежде правомерно отмечены большие заслуги советских ученых в исследовании восточнославянской одежды, разработке ее классификации, применении принципа историзма, метода картографирования. Подробно прослежены в нем древнерусские истоки одежды русских, украинцев и белорусов, убедительно доказано, что уже в Древней Руси одежда восточных славян имела локальные особенности. С большой полнотой охарактеризованы комплексы восточнославянской одежды и выделены черты, общие с западными и южными славянами, а также неславянскими народами — романозычными, балтоязычными и финноязычными, отражающие исторические связи восточных славян с соседними народами. Содержателен также очерк о пище и утвари (с. 292—312). Пристального внимания заслуживают классификация пищи и сведения по истории восточнославянской народной кулинарии. В этом очерке, как и в предыдущем, прослеживаются также связи восточных славян с другими народами — славянскими и неславянскими.

В книге впервые так обстоятельно, на высоком теоретическом уровне освещена духовная культура восточных славян. Ее анализу правомерно предшествуют два очерка об основных, наиболее устойчивых формах социальной организации восточнославянских этносов — сельской общине и семье (с. 361—379). Они выполняют очень важную функцию во второй части книги, органически соединяя очерки о материальной и духовной культуре, помогая читателям лучше познакомиться с традиционными социальными формами, в рамках которых длительное время осуществлялась и протекала духовная жизнь. Кроме того, эти очерки содействуют более глубокому пониманию многих явлений духовной культуры — праздников, обрядов, обрядового фольклора и др. В первом очерке всеобъемлюще представлена история сельской общины — от зарождения до исчезновения, четко определены типы общинной организации восточнославянского сельского населения. Высоко оценивая этот очерк, приходится выразить сожаление, что в книге не освещены традиционные формы социальной организации городского населения. Видимо, это — одна из задач будущих обобщающих работ. Ее решение предполагает более полное исследование этнографами традиционных форм организации горожан. Одно из достоинств второго очерка — анализ не только сельской, но и городской семьи. Семья рабочих в нем охарактеризована так же полно, как и семья крестьян. Показано сближение этих двух типов семьи в советскую эпоху. С очерками о сельской общине и семье органически связаны следующие за ними очерки — «Календарные праздники и обряды» и «Семейные обряды и обрядовый фольклор» (с. 380—416). Как известно, в календарных и семейных обрядах тесно переплетаются социальные и художественные аспекты традиционной культуры. Содержание и значение их чрезвычайно разнообразно и сложно. Авторам очерков (первый написала В. К. Соколова, второй — К. В. Чистов), вполне удалось осуществить многоплановый, многослойный анализ этих форм и показать сложную структуру как календарных праздников, так и семейных обрядов и обрядового фольклора. Своеобразие этой структуры, как отмечено в книге, в том, что она имеет гетерогенный характер. Составляющие ее элементы — напластования различных эпох, от самых архаических до новейших. Охарактеризованы функции этих элементов, их назначение, показана связь обрядового фольклора с определенными типами семьи. Новизна анализа особенно заметна в очерке о семейных обрядах и обрядовом фольклоре, написанном на более высоком теоретическом уровне, чем предшествующие обзоры. Здесь полностью преодолеваются романтические представления об истории семейной обрядности, особенно свадебной. Пристальное внимание к структуре свадебного обряда позволило, с одной стороны, отказаться от устаревшей интерпретации многих элементов свадебной обрядности, с другой, обосновать очень интересный положение о двух подтипах свадебного обряда восточных славян, показать их типологическое соотношение с кавказской и среднеазиатской традициями. Формирование свадебного обряда восточнославянских народов, как сказано в очерке, по всей вероятности, происходило в основном уже в эпоху классового общества. Во всяком случае, это можно уверенно утверждать в отношении тех его типов, которые были зафиксированы этнографами в первой половине XIX в.

Особенность рецензируемой работы заключается также в том, что в отличие от предшествующих обзоров в ней широко представлена народная художественная культура. Это стало возможным благодаря, с одной стороны, успешным исследованиям советских ученых в последние десятилетия, с другой, включению в авторский коллектив первоклассных специалистов по народной художественной культуре (Б. Н. Путилов, Н. В. Новиков, В. Е. Гусев, И. И. Земцовский и др.). В книге прекрасно освещены многие виды народной художественной культуры восточных славян — словесное (фольклорное), игровое, декоративно-изобразительное, музыкальное искусство. Жаль, что отсутствовал очерк о восточнославянской народной хореографии. В очерке о народном драматическом творчестве большой интерес представляет характеристика такого элемента художественной культуры, как маски. Ценно, что указаны не только общевосточнославянские, но и общеславянские, и общеевропейские особенности многих масок и других элементов народного драматического творчества и в то же время отмечено этническое своеобразие, национальный колорит его у каждого восточнославянского этноса. Достоинством книги является и то, что в ней показано мировое значение восточнославянского эпоса. Заслуживает одобрения и характеристика прозаических жанров. Содержательен очерк о лирической песне, где прослеживается многосторонний интенсивный процесс культурного взаимовлияния европейских этносов. Характеристика декоративно-изобразительного искусства менее полная, чем фольклорных жанров. Искусство отдельных восточнославянских народов освещено в очерке неравномерно. Объясняется это, видимо, неравномерностью исследования данной области художественной культуры этнографами и искусствоведами. Русское и украинское декоративно-изобразительное искусство изучено намного лучше белорусского, что не могло не отразиться в книге. Задача осложнялась еще тем, что обобщающих работ по народному декоративно-изобразительному искусству восточных славян нет, а типологические сопоставления явлений восточнославянского народного искусства почти не предпринимались. Несмотря на все эти обстоятельства, все-таки удалось сделать ряд обобщений, весьма полезных для дальнейшего изучения народного искусства. Подведен итог сделанному, что очень важно для развертывания дальнейших исследований, задачи которых частично уже определены в очерке.

Книгу, несомненно, обогащает очерк о народных знаниях. В нем отмечены достижения советской этнографии в изучении народных знаний восточных славян, указаны возможные направления дальнейшей работы в этой области народной культуры, дана квалифицированная характеристика народного календаря (как устного, так и резного), народной метрологии, народной медицины, наблюдений за явлениями природы, использования дикорастущих растений, природных красителей. Этим очерком завершается вторая часть книги, в которой впервые так масштабно рассмотрена традиционная культура восточных славян, в основном относящаяся к докапиталистической стадии классового общества, преимущественно феодальной.

Историческим судьбам традиционной культуры, этнокультурной истории восточных славян в XIX и XX веках, современным этническим процессам посвящена заключительная часть книги (с. 499—528). В ней есть необходимые сведения о социально-экономических изменениях в эпоху капитализма, показаны особенности не только социально-экономического, но и культурного развития восточных славян в этот период, которые, как правильно отмечено, находились тогда только на начальном этапе урбанизации, что накладывало свой отпечаток на все культурно-бытовые процессы, замедляя распространение профессиональной культуры в массах. Нельзя не учитывать и те обстоятельства, что изменение традиционно-бытовой культуры, как правило, идет медленнее, чем экономическое, социальное и политическое развитие. Поэтому можно вполне согласиться с выводом о том, что с точки зрения истории традиционно-бытовой культуры пореформенная эпоха у восточных славян была в большей степени переходным периодом, чем периодом капиталистическим, в подлинном смысле этого слова, что полное размывание и изживание системы архаической традиционно-бытовой культуры было еще впереди (с. 505).

Обстоятельно проанализирован процесс трансформации этнических общностей восточных славян после Великого Октября, его экономические, социальные, политические аспекты.

Одна из отличительных особенностей рецензируемого труда, по сравнению с предшествующими обобщающими книгами о восточных славянах состоит в том, что в нем впервые анализируются современные этнические процессы (с. 511—528). Включение этого очерка в монографию обусловлено не только современным пониманием предмета и задач советской этнографии, но и большим политическим значением этой проблемы. Ведь восточные славяне составляют большую часть (более двух третей) населения СССР. Их национальное развитие в значительной степени отражает основное направление и характер этнических процессов в нашей многонациональной стране в целом, показывает характерные черты этнических процессов в условиях социализма. Современные этнические процессы у восточнославянских народов рассмотрены на нескольких уровнях: внутри каждого восточнославянского этноса, в рамках восточнославянской общности и в масштабах всего многонационального советского государства. В очерке обстоятельно проанализированы основные закономерности современных этнических процессов на первом уровне: этническая консолидация, возрастание роли и значения профессиональной культуры в этнических процессах, рост этнического самосознания. На втором уровне в качестве главной особенности правомерно определен более интенсивный в сравнении с другими группами советских этносов процесс межэтнической интеграции, которому в значительной степени содействует этническая близость, родство восточнославянских народов, близость их культур, языков. Убедительно продемонстрированы в очерке значительный рост межэтнических браков, широкое распространение двуязычия. Правомерно акцентируется внимание на двухстороннем взаимодействии культур восточнославянских народов. На третьем уровне выявлено плодотворное воздействие восточнославянских этносов на развертывание процессов этнической интеграции в рамках всего многонационального советского государства. Показана высокая степень позитивных установок восточных славян на межнациональное общение, отмечена большая роль русского языка в нем и в культурных связях всех советских этносов.

В книге подчеркивается, что современное развитие этносов сопровождается интенсификацией связей между ними как внутри каждой страны, так и в европейском и мировом масштабах, что выдвигает перед этнографией новые задачи. Некоторые из них, в частности завершения подготовки и издания обобщающих этнографических работ об остальных славянских народах и вводного тома ко всей серии, кратко очерчены в обращении к читателям в конце книги (с. 555).

Том о восточных славянах, написанный советскими этнографами, является весьма важной частью серии этнографических трудов о славянских народах. В нем фундаментально обобщены накопленные этнографической наукой богатейшие материалы о традиционно-бытовой культуре восточнославянских народов и ее историческом развитии. Изданием этого труда советские этнографы внесли весомый вклад в славянскую культуру, значительно обогатив знания о восточных славянах, их связях с другими славянскими и неславянскими народами.

Книга имеет тщательно отобранную библиографию, которая, несомненно, послужит существенным подспорьем в дальнейшем исследовании как восточнославянской, так и всей славянской этнографии. Все ее главы богато иллюстрированы. Изобразительный материал — фотографии, рисунки, планы, а также карты способствует более полному раскрытию содержания монографии, облегчает ее восприятие. В книге 247 рисунков (7 цветных), среди них — карты с различной этнографической нагрузкой, типологические таблицы.

Очень нужная книга, к сожалению, издана сравнительно небольшим тиражом. Ее необходимо переиздать, снабдив вместо обычных черно-белых цветными иллюстрациями, которые будут больше соответствовать богатому научному содержанию книги.

М. Ф. Пилипенко

Примечания.

¹ Кроме рассматриваемого тома, вышла в свет болгарская часть серии (Болгары. Очерк традиционной народной культуры. София, 1984). Продолжается подготовка томов по этнографии западных славян — чехов, словаков, поляков, лужичан и народов Югославии.

² Авторами карт являются сотрудники сектора исторической географии Института истории СССР АН СССР Я. С. Водарский, А. Н. Зайцев, П. А. Иванов, В. М. Кабузан, Н. М. Львова. Техническую работу по подготовке книги выполнили И. В. Власова, И. А. Кремлева, И. С. Кызласова, Т. А. Листова.

³ Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964.

С. М. Червонная. Искусство Татарии. М., 1987. 352 с. 123 илл. (В серии «История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 г.»)

Книга С. М. Червонной посвящена истории изобразительного искусства и архитектуры Татарии с древнейших времен до 1917 г. Она представляет собой обширное комплексное историко-искусствоведческое, отчасти этнографическое исследование основных направлений и особенностей развития как народного, так и профессионального искусства народов, населявших территорию Татарии в период первобытно-общинной, феодальной и капиталистической формаций. Глубокое знание используемых материалов, высокий профессионализм автора монографии в анализе развития культурных явлений позволили ей осуществить интереснейшую научную работу на стыке искусствоведения и этнографии. В книге раскрываются и своеобразие искусства народов татарского Поволжья, и взаимовлияние национальных культур, особенно в периоды феодализма и капитализма. Это прежде всего определяет практическую значимость данной монографии в то время, когда в нашей стране уделяется пристальное внимание проблемам национального развития народов СССР в прошлом и настоящем.

Следует сразу заметить, что работа — первый обобщающий научный труд по истории архитектуры, изобразительного, декоративно-прикладного искусства Татарии. С. М. Червонная не просто вводит в науку собранные ею материалы, анализирует отдельные явления профессионального и народного искусства, но и создает, как она сама пишет, «общую концепцию истории всей совокупности пространственных искусств... Татарской АССР с глубокой древности до 1917 года» (с. 6). С. М. Червонная — автор нескольких монографий и составитель альбомных изданий, посвященных современной художественной культуре многих народов СССР, в том числе и Татарии¹.

Во вводной части книги дана историография изучения искусства Татарии и выделен круг вопросов, которые находятся в центре исследований современных искусствоведов, историков искусства, археологов и этнографов. Это искусство Волжской Булгарии, народное творчество поволжских татар XVIII — начала XX в., архитектура и художественное искусство Казани и Свияжска XVI — начала XX в. Историографический анализ позволил автору выявить пробелы в изучении искусства Татарии и обратиться к исследованиям исторического характера, прежде всего к работам этнографов, археологов и археографов. Использование этих материалов, а также многочисленных музейных источников и материалов комплексной научной экспедиции Академии художеств СССР в Татарскую АССР (1984 г.) под руководством С. М. Червонной позволило создать на сегодняшний день исчерпывающий банк данных по истории изобразительного искусства и архитектуры Татарии, значительная часть которого и проанализирована в данной книге. Все же следует заметить, что для такой работы необходимы более глубокий критический анализ источников, выявление степени достаточности материалов для освещения истории искусства разных периодов. Заметим, что и историографический очерк требует более полного изложения и анализа проблемности и дискуссионности в изучении искусства Татарии.

Монография состоит из трех частей. Первая часть — «Древнее искусство в памятниках археологических культур добулгарского периода на территории Татарской АССР (от палеолита до VIII в. н. э.)» — посвящена древнейшим памятникам искусства каменного века, эпохи бронзы (II — начало I тысячелетия до н. э.) и произведениям искусства эпохи железа (VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.). Автору книги удалось показать, что уже в эпоху неолита были существенные различия в архитектурно-строительной концепции жилища, в формах орнаментации керамики между палеоевропейской и палеоуральской культурными группами. Еще более сложная культурная и соответственно полиэтническая картина восстанавливается для эпохи бронзы по материалам поселений, жилищ, первых оборонительных сооружений, мемориальных и культовых построек, керамики и ее орнаментации, резных изделий из кости, камня, дерева, художественных произведений из металла.

Представляет научный интерес высказанное С. М. Червонной на основе анализа искусства эпохи железа доволжско-булгарского периода предположение о том, что «...булгарам многое приходилось начинать заново, утверждая в зодчестве, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве свои нормы, традиции, восходящие прежде всего к опыту их собственных, входящих в гунигский союз предков и тех племен, которые составляли в VII в. „Великую Булгарию“ Приазовья со столицей на Таманском полуострове» (с. 52). Этот вывод имеет большое значение для изучения этногенеза татарской народности. Вопрос сводится к тому, происходило ли в процессе формирования волжских булгар смешение болгарских пришельцев с местным угрофинским и тюркским населением, и, если происходило, то насколько интенсивно и отразилось ли это в сфере искусства. Ответ на этот вопрос в какой-то мере дан во второй части книги, посвященной искусству Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Основные черты раннебулгарской культуры (вторая половина VIII—X в., ч. 2), по мнению автора, связаны с культурными явлениями, привнесенными в Поволжье из степей Приазовья и Предкавказья и пережившими здесь эволюцию под влиянием местных природных этнических и исторических условий. Выявлено, что с 920-х до 1230-х годов в волжско-булгарскую культуру проникали формы мусульманской культуры. Искусство золотоордынского периода (1240—1430-е годы) развивалось, как доказывает С. М. Червонная, на основе всей предшествующей культуры Волжской Булгарии, трансформируясь отчасти под воздействием развитых феодальных отношений, а также испытывало культурное воздействие средне- и западноазиатских и восточноевропейского центров культуры. В период Казанского ханства в искусстве наблюдалось сохранение художественных традиций Волжской Булгарии золотоордынского периода, развитие в нем стилевых и идейных

творческих черт, сближающих его с русской (шире — европейской) культурой, а также с художественным творчеством мусульманского мира.

Третья часть — «Искусство Татарии в составе Российского государства в эпоху феодализма и капитализма (1552—1917)» — представляет особый интерес для этнографов. Она состоит из трех глав, посвященных соответственно русскому искусству на землях Татарии второй половины XV—XVII в., русской художественной культуре Татарии XVIII — начала XX в. и татарскому народному и профессиональному искусству дореволюционного периода. За это время художественная культура Татарии, по мнению автора, «...сформировалась как оригинальное, в основном бинациональное явление, включающее в себя параллельное развитие русской и татарской национальных художественных культур...» (с. 289). Проведенное исследование позволило выявить также проникновение в эти культуры отдельных черт из искусства других народов России, главным образом Среднего Поволжья и Приуралья.

Важным, с мировоззренческой, социальной и научной точек зрения, представляется глубокое изучение процессов диалектического взаимодействия русской и татарской национальных культур, нарастания прогрессивных тенденций сближения их в традиционно-бытовой сфере формирования пласта общих явлений в народном искусстве двух этносов.

Не останавливаясь на многочисленных конкретных материалах, приводимых в третьей части работы, хочу подчеркнуть, что автор не обходит острых и трудных вопросов в освещении взаимодействия русских и татар в сфере художественной культуры, связанных во многом с разными политическими и социально-экономическими условиями царской России эпохи феодализма и капитализма, с острой идеологической борьбой, с разным вероисповеданием русских и татар, национальной рознью и рядом других факторов. Автор приходит к правильному, на наш взгляд, выводу, что культурное взаимодействие русских и татар в дореволюционный период «...еще не означало того подлинного единства и интернационального творческого содружества, которые стали качественно новым завоеванием социалистической культуры» (с. 290). Этот вывод имеет принципиальное значение и весьма актуален в связи с проявляющейся в исторической и искусствоведческой литературе последних лет тенденцией к превеличению масштабов взаимовлияния русской и других национальных культур в рамках царской России.

Рецензируемая монография поднимает целый ряд методологических проблем, прежде всего связанных с проведением комплексного исследования истории искусства на стыке нескольких наук — искусствоведения, археологии, этнографии, археографии, лингвистики (изучающей эпиграфику) и др. Для этнографической науки важен прежде всего интересный опыт изучения взаимосвязи искусствоведческих и исторических аспектов. Теоретическое значение рецензируемой книги, по нашему мнению, состоит в том, что в ней изучается особый феномен полиэтнической (к началу XX в. — бинациональной: татарской и русской) культуры автономной республики. Это перспективно и важно не только для искусствоведения, но и для других гуманитарных наук, прежде всего для этнографии и этносоциологии, для которых системы межэтнических контактов и связей народов СССР приобретают существенное научное значение с выходом на практику национальных отношений и национальной политики в нашей стране.

В работе можно, конечно, отметить и ряд недостатков. Представляется, что осторожнее нужно подходить к термину «племена», особенно когда речь идет об обществе, в котором шло формирование раннеклассовых отношений. Да и с этнографической точки зрения, этнические общности периода разложения первобытно-общинного строя скорее всего представляли собой совокупности племен, а не отдельные племена. Следует отметить и то, что археологические материалы в первой части книги изложены более схематично и фрагментарно, нежели этнографические материалы в третьей части. Несколько упрощенно представляется С. М. Червонной этногенез татарского народа, который она сводит в основном лишь к болгарскому компоненту и древнему финно-угорскому субстрату. При этом вне внимания автора и соответственно читателей остается роль других этнических компонентов и, главное, кыпчакского этнического массива, заложившего основу современных поволжских татар.

Но эти и высказанные ранее замечания ни в коей мере не умаляют главных достоинств книги, связанных с источниковедческим, методическим, теоретическим и методологическим ее аспектами. Это, безусловно, существенный вклад не только в историю искусства, искусствоведение но и в тот раздел этнографии, который связан с изучением этнокультурной истории народов отдельных регионов.

Н. А. Томилов

Примечание.

¹ Червонная С. М. Взаимодействие художественных культур народов СССР. М., 1982; ее же Изобразительное искусство советской Татарии. М., 1983; и др.

ПАМЯТИ ИОСИФА РОМУАЛЬДОВИЧА ГРИГУЛЕВИЧА (1913—1988)

После длительной и тяжелой болезни ушел из жизни крупный ученый и организатор науки, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР И. Р. Григулевич. Это был человек огромных способностей, исключительной энергии и работоспособности.

Иосиф Ромуальдович родился в Вильнюсе в 1913 г. в семье служащего, учился сначала в Паневежской, потом в Вильнюсской (литовской имени Витовта) гимназиях. Еще гимназистом (в 1926 г.) включился в подпольную комсомольскую работу, был арестован и отбыл тюремное заключение, после чего эмигрировал из буржуазной Литвы. Пробыл несколько месяцев в Париже, где сотрудничал с организациями коммунистической партии и Коминтерна. Когда началась гражданская война в Испании, Иосиф Ромуальдович немедленно отправился туда и принял активное участие в военных действиях на стороне республиканцев. Ряд лет после ее окончания он работал за рубежом. Первые годы после второй мировой войны он продолжал работать за рубежом. Знание многих европейских языков, деловитость и энергия, смелость и находчивость помогали ему выполнять весьма ответственную работу.

В 1953 г. Иосиф Ромуальдович вернулся в Советский Союз, вступил в КПСС и занялся научной и литературной работой. Уже в 1957 г. появилась монография «Ватикан. Религия, финансы, политика», которую он защитил как кандидатскую диссертацию. Эта работа по-новому осветила ряд вопросов истории католицизма. В дальнейшем Иосиф Ромуальдович вел научную работу по следующим пяти направлениям: 1) история и современное состояние католической церкви; 2) история и этнография стран Латинской Америки; 3) критика современной буржуазной этнографии; 4) общие теоретические вопросы этнографии; 5) жизнеописания прогрессивных исторических деятелей разных стран Латинской Америки. Чуть ли не все книги Иосифа Ромуальдовича были переведены и изданы на многих иностранных языках.

Одно лишь перечисление книг И. Р. Григулевича по истории и современному состоянию католической церкви займет немало места: «Ватикан. Религия, финансы и политика» (1957); «Тень Ватикана над Латинской Америкой» (1961); «Кардиналы идут в ад» (1961); «Колонизаторы уходят, миссионеры остаются» (1963); «История инквизиции» (1970, в последующие годы — несколько повторных изданий); «Мятежная церковь в Латинской Америке» (1972); «Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке. XVI—XVIII вв.» (1977); «Папство. Век XX» (1978, несколько повторных изданий), «Церковная олигархия в Латинской Америке» (1810—1959) (1981). Отметим также книгу, посвященную традиционным культам жителей Антильских островов: «Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов» (1967).

Ко второму из перечисленных выше разделов принадлежит монография «Культурная революция на Кубе» (1965), защищенная автором в качестве докторской диссертации. Много статей

истории и этнографии стран Латинской Америки опубликовано в журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», в различных издававшихся Институтом этнографии АН СССР сборниках (во многих из них он был ответственным редактором), а также в журналах «Советская этнография», «Мировая экономика и международные отношения» и др.

В работах по критике современной буржуазной этнографии большое место занимает критика расизма, а также других реакционных сторон буржуазной этнографии.

Особо необходимо отметить значение большой серии жизнеописаний виднейших прогрессивных деятелей Латинской Америки. Пожалуй, никто из советских авторов не писал так много о них. Он освещал эту тему с разных сторон. Точность научного исследования здесь скрыта за кажущейся легкостью повествования, за интонацией хорошего рассказчика, который увлекает нас своим энтузиазмом и восхищением подвигами своих героев. Вот их перечисление: (некоторые из работ опубликованы под псевдонимами И. Р. Лаврецкий и И. Р. Григорьев) «Симон Боливар» (1958, ряд переизданий); «Панчо Вилья» (1962); «Миранда» (1965); «Хуарес» (1969); «Эрнесто Че Гевара» (1972, ряд переизданий); «Сальвадор Альенде» (1974, переиздание 1975 г.); «Уильям Э. Фостер» (1975); «Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки» (1976); «Сикейрос» (1980). Взятые в совокупности, эти монографии дают отчетливое представление об истории освободительного движения в Латинской Америке.

Для всех работ Иосифа Ромуальдовича характерна большая насыщенность фактическим материалом, использование самых разных источников. Помогало ему в собирании этого материала знание многих иностранных языков — он был настоящий полиглот. К тому же играло свою роль огромное трудолюбие этого человека.

Он вел очень большую научно-организационную работу. С 1970 г. руководил в Институте этнографии сектором по изучению зарубежной этнографии, преобразованным в 1982 г. в сектор религиоведения и зарубежной этнографии. Под его руководством и по его инициативе сектор издал серию ежегодников «Расы и народы» и коллективных монографий, посвященных современным этническим и расовым проблемам. Он основал ежегодник «Религии мира» и редактировал ряд его выпусков. По его инициативе и под его руководством была запланирована и в значительной мере выполнена десятилетняя серия «Религия в XX веке».

Его организаторская и инициаторская активность не ограничивалась пределами института. Очень большое значение Иосиф Ромуальдович придавал распространению знаний о советской общественной науке среди зарубежных читателей. По его инициативе в издательстве «Наука» была создана специальная Главная редакция изданий для зарубежного читателя и сам он почти до самой кончины руководил ею, а также журналом для иностранного читателя «Общественные науки» (издается на многих языках), организатором которого был он же.

Помимо научно-организационной работы, которую Иосиф Ромуальдович вел сам, он был членом редколлегий журналов «Природа», «Новая и новейшая история» и других изданий, членом Оргкомитета XIII Всемирного конгресса историков, ряда ученых и научных советов. кипучую деятельность вел Иосиф Ромуальдович в области наших международных культурных связей: он был Вице-президентом Общества советско-кубинской дружбы и Общества дружбы с Венесуэлой, членом Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Многогранная научная и научно-организационная деятельность и общественно-политическая работа Иосифа Ромуальдовича были высоко оценены: он был избран членом-корреспондентом АН СССР, награжден многими боевыми и трудовыми орденами и медалями. Его заслуги были признаны и за рубежом: он был почетным членом Общества писателей Колумбии, членом-корреспондентом Института мирандийских исследований в Каракасе, был награжден венесуэльским орденом «Франсиско де Миранда», золотой медалью перуанского Института проблем человека, несколькими кубинскими орденами и медалями.

Будем помнить Иосифа Ромуальдовича, выдающегося человека и ученого.

И. А. Кривелес

SUMMARIES

Looking Ahead to the CPSU Central Committee Plenary Session on Improving Interethnic Relations in the USSR

From this issue on the journal has a permanent heading for topical research and accounts of academic sessions on interethnic relations.

The editorial board hopes that the express information the reader may find in this issue will promote new ideas in studying and forecasting general and regional ethnic problems in this country.

Reports and comments published here display a great variety of approaches and appraisals stemming from the natural pluralism of opinions as well as from the lack of unbiased complete information which may be obtained only by profound systematic research. And still, in our opinion, the content of this issue indicates the incipient perestroika in studying interethnic relations in the USSR.

The journal has already dwelt on the problem. In 1988 two articles by S. V. Cheshko were published — „National Problem in the USSR: Current State and Prospects of Research“ (№ 4) and „Time to Eliminate White Spots“ (№ 6). The first article was meant to initiate a broad discussion.

The Editorial Board

A Joint Session of the Learned Council of the Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, and the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes

Scholarly advice for the state policy in the nationality problem should be made more efficient requiring that constructive links be established between various fields of social knowledge, between research and practice. Meeting this need is contributed to by the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes under the auspices of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. The Council's activities are participated by representatives of almost every academic institution dealing with the nationality problem. The co-operation has been particularly intensive since the Council was reorganized in 1987. The leading research body is the Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, headed by Yu. V. Bromley, who is also the chairman of the Council.

In 1988 the Council held several sessions, discussing important aspects of the nationality problem in the USSR, including the role of Marxist-Leninist theoretical heritage in improving contemporary ethnic situation; implications of language policy; securing of rights of the country's nationalities; approaches to the Karabakh conflict and some other questions.

On Sept. 20, 1988 the Council arranged a joint session with the Learned Council of the Institute of Ethnography, analyzing some proposals concerning the basic concepts, goals and tasks of the forthcoming plenary session of the CPSU Central Committee on improving interethnic relations in the USSR. Here we publish an account of the session. The paper by Yu. V. Bromley contains some basic recommendations elaborated by many specialists on staff of the Institute of Ethnography and the Centre for Studying Ethnic Relations. The account includes a somewhat abridged version of this paper as well as the summaries of the comments.

A Joint Session of the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes and the Ethnic Sociology Section of the Soviet Sociological Association

The session took place in Sukhumi on Sept. 30 — Oct. 1, 1988 within the framework of the All-Union Conference on the Results of the 1986—1987 Field Research. The session was attended by over 80 ethnographers, historians, sociologists and philosophers. 12 of them spoke on various aspects of interethnic relations in different regions of the USSR. The session was started on the next day after the conference heard the reports by Yu. V. Bromley („Ethnography and Studying Ethnic Processes“) and M. N. Guboglo („Ethnic Groups and Interethnic Relations in the USSR“). Here we publish the reports of M. N. Guboglo and L. M. Drobizheva (the latter was delivered at the closing meeting). The address given by Ya. K. Rebane, member of the Estonian Academy of Sciences, will be published in one of the forthcoming issues.

The session was held on Sept. 22, 1988 opened by the SSA Vice-President B. V. Rakitsky. He stressed the necessity of organizing the new section notwithstanding the Association has got a section of ethnic sociology, headed by L. M. Drobizheva, and a section of proletarian internationalism, headed by M. S. Dzhunusov. The necessity is particularly palpable now that the public is most deeply interested in the political and legal aspects of interethnic relations in the country. So the Board of the SSA headed by the Association President T. I. Zaslavskaya suggested that a new section should be formed co-ordinating the effort of various specialists (sociologists, economists, ethnographers, linguists etc.) and promoting discussions on practical advice for solving ethnic conflicts. On June 14, 1988 the SSA Presidium appointed a working group entitled to organize the section and to lay down a plan of its activities. The group was led by I. I. Krupnik (Institute of Ethnography) and G. V. Starovoytova (Center for Studying Ethnic Relations). On the constituent session, held on Sept. 22, they gave an account of the preparatory work, presenting a programme of the section's activities and a number of themes for forthcoming discussions.

Discussions

The National Problem and Ways of Its Solution

The aggravation of the ethnic situation in several regions of the USSR requires that the national problem should be given a deeper theoretical elaboration. There are two fundamental concepts in solving the national problem in the USSR. One of them is based upon further developing and strengthening the functions of the constituent republics as nation-states. This concept may be dubbed as „divisionist“. The other concept implies that the republican statehood should weaken gradually, democratizing interethnic relations on personal level. It may be called „integrationist“. Today the evolutionary trend seems to conform to the first concept. However, the second one is more progressive, corresponding with Lenin's idea of international rapprochement and fusion under socialism.

V. I. Kozlov

On the Concept of Perestroika of Interethnic Relations in the USSR

The ethnic situation and the aggravation of interethnic relations in the USSR should be evaluated within the framework of the global trend of ethnic revival. The author outlines some new approaches in studying ethnic problems and working out ethnic policies. He suggests changes in defining the basic ethnic units comprising the country's population. The concept of perestroika in interethnic relations should center upon theoretical and legal elaboration and putting into practice „peoples' rights“, listed by the author. Besides, democratic civil rights and various forms of cultural autonomy are to be strengthened. The sovereignty of the Soviet federation should guarantee universal civil rights based upon ethnic affiliation.

V. A. Tishkov

Editorial Comment

Materials presented in this issue reflect some important tendencies in Soviet ethnic studies, reaching beyond obsolete limitations and dismissing time-honoured myths about ethnic harmony in the USSR. The old ideological scheme which has long been titled „Marxist-Leninist theory of nations“ (being actually neither a theory nor Marxist-Leninist) is now completely shaken. Even those who used to speak about harmony now admit grave ethnic problems in our society. Research is stressed rather than ideology. Pseudo-scientific philosophy is no longer the sole interpreter of the national question. Economists, lawyers, sociologists and other specialists contribute to studying ethnic problems. The subject-matter of the research has expanded including the spheres of social life which had formerly been tabooed for scholarly inquiry: ethnic rights and interests, nationality legislation, the relations between the republics and central authorities, character of political decision-making etc.

The change isn't conditioned only by the order from above stated in the party documents. It is the society which is now putting tasks before the academic community. Forming the ethnic politics section of the Soviet Sociological Association (which is a non-state public organization) may be regarded as a response to these tasks. Specialists start to use mass-media to spread

new ideas. There is a growing understanding that national problems cannot be solved by experts alone disregarding the will of the people involved.

The dynamics of the change is unprecedented. Many radical ideas put forward a year or two ago now seem obsolete and naive. Preparing the Plenum of the CPSU Central Committee on the national problem requires massive effort to revise the current concepts and to outline new ideas about ethnic reality. It's only natural to hear cautious remarks about «putting brakes», «looking back» etc.

The broad discussion initiated by the new developments hasn't yet taken regular shape. We still find it difficult to exchange opinions on the basic problems of our society. However, we are pressed to think about internationalism and its relation to national (ethnic) interests within the framework of objective social needs. We are pressed to think to about our theoretical and practical heritage in ethnic relations, evaluating different elements of this heritage.

The discords between the scholars are often extremely serious. The only universal opinion is that the contemporary ethnic situation ought to be radically improved. The suggested ways of improvement indicate several basically different theoretical currents.

One of these, going back to the old official theory of nations, stresses ideological and political continuity as a pre-condition of further social and ethnic evolution. The fundamentals of this current are the following. The nationality policy of the state has always been basically correct, its essence being Leninist. It has brought about incontestable success. The problems of today were caused by occasional mistakes. The body of ideas that is called «Leninist theory of nations» is unshakeable. Internationalism has a strategic priority over national (ethnic) interests, which means that «centralist federalism» remains the fundamental political structure of the USSR. The existing system of ethnic relations should be made more efficient rather than radically changed.

The other current is heterogeneous, being critical in character and oriented towards rejecting old stereotypes. Nevertheless it is more productive in working out programmes for improving ethnic relations. The current consists of several trends. Exponents of these trends argue on different ways of decentralizing the state in various spheres, strengthening the principles of federalism and peoples' rights. Some radically-minded persons even speak about transforming the centralist state into a confederation of independent states.

The second current is characterized by a certain «relativism» in evaluating our theoretical and practical heritage in the national problem, approaching the task of improving the situation from a pragmatic viewpoint. It stresses real trends in social and ethnic development rather than theoretical tenets giving priority to securing equal rights to all the nationalities. It is this current that hopes to elaborate a new theory of ethnic relations under socialism refined from biased interpretations and dogmatism.

The differences between those currents should be understood as an element of the general ideological struggle concerning the history of our state, the nature of Soviet society and ways of its evolution. The general crisis of social structures could not but involve the sphere of ethnic relations. The perestroika in this sphere, being long overdue, cannot proceed in an atmosphere of unanimous yes-saying. Various viewpoints and approaches should be put forward and discussed on the basis of complete factual information so that sound practical policies could be worked out.

Russian Folk Culture and Folk Religion

The author considers Russian peasant culture beginning from the X century. She stresses equivalence between folk culture and folk religion noting that mass consciousness never discriminated between the sacred and the profane. Folk religion is shown to be largely apocryphal.

T. A. Bernshtam

Black-White Intermarriage in the US

Afro-American families include many biracial (Black-White) ones. Black-White intermarriage was strictly banned all over the country before the abolition of slavery. From 1880s to 1967 the ban existed in many states, particularly in the South. But even in those states where intermarriage was legally possible the few mixed couples had to experience many trials, being ostracized by the White community and sometimes by the Black community as well. So, intermarriage was reduced to minimum. Exact numeric data of Black-White marriages in the first half of the XX century are lacking, but in the big cities such marriages accounted for no more than 2—3 per cent of the total.

The situation began to change after the Second World War as the movement for equal rights gained momentum. The census of 1960 registered 51 400 Black-White couples (0,13% of the total number of married couples). In 1967 all the legal bans on Black-White marriages were lifted, increasing their number to 65 000 in 1970 and 167 000 in 1980 (0,34% of the total). But the growing racial tension under Reagan administration resulted in reducing the number of Black-White couples to 164 000 in 1985. Indicating the level racial endogamy in the US the data show that integration of Afro-Americans (now constituting a transitional sub-ethno-racial group) into the heterogeneous American nation can be completed only in remote future.

CONTENTS

Looking Ahead to the CPSU Central Committee Plenary Session on Improving Interethnic Relations in the USSR.

A Joint Session of the Learned Council of the Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, and the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes. *Yu. V. Bromley* (Moscow). On Developing Ethnic Problems in the Light of the Resolutions of the XIX Party Conference. Review of Comments.

A Joint Session of the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes and the Ethnic Sociology Section of the Soviet Sociological Association. *M. N. Guboglo* (Moscow). Ethnic Groups within the System of Interethnic Relations in USSR. *L. M. Drobizheva* (Moscow). Interethnic Relations and Contemporary Tasks of Ethnic Sociology. Review of Comments.

The Constituent Session of the Ethnic Politics Section of the Soviet Sociological Association. *I. I. Krupnik* (Moscow). Multinational Society (Contemporary Ethnic Relations in the USSR and the Tasks of Research). Review of Comments.

Discussions

V. I. Kozlov (Moscow). The National Problem and Ways of Its Solution. *V. A. Tishkov* (Moscow). On the Concept of Perestroika of Interethnic Relations in the USSR.

Editorial Comment

Articles

T. A. Bernshtam (Leningrad). Russian Folk Culture and Folk Religion. *E. L. Nitoburg* (Moscow). Black-White Inter-marriage in the US.

From the History of Ethnography

R. R. Rakhimov (Leningrad.). Ivan Ivanovich Zarubin (1887—1964).

Communications

V. V. Sazhin (Khar'kov). Mathematical Methods in Soviet Ethnic Geography. *V. P. Alexeyev* (Moscow), *R. A. Mkrtchyan* (Yerevan). Paleanthropological Material from Armenian Burial Grounds and the Genesis of the Population of the Kura-Arax Culture.

Searchings, Facts, Hypotheses

Ya. V. Chesnov (Moscow). Reflections on the Abkhazian Folk Culture.

Our Anniversaries

List of Scholarly Works by *E. M. Meletinsky*, Doctor of Philological Sciences (to His 70th Birthday).

Academic Life

L. T. Yablonsky (Moscow). An All-Union Seminar-School „Methodology and Techniques in Studying Ethnic History“.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *N. V. Shlygina* (Moscow). Finnish Ethnography on Everyday Peasant Life under Capitalism. General Ethnography. *V. I. Kozlov* (Moscow). Revolution in Science and Technology and Ethnic Processes. Peoples of the USSR. *M. F. Pilipenko* (Minsk). Ethnography of the Eastern Slavs. Sketches of Traditional Culture. *N. A. Tomilov* (Omsk). *S. M. Chervonnaya*. The Art of Tataria.

I. R. Grigulevich

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор	11.11.88	Подписано к печати	13.01.89	Формат бумаги	70×10 ¹ / ₁₆	
Офсетная печать	Усл. печ. л. 14,3	Усл. кр.-отт.	43,2 тыс.	Усл.-изд. л.	19,1	
	Тираж	2974 экз.	Заказ	2225	Цена	1р. 90 к.

СС

Адрес редакции: 117036, Москва, В—36, ул. Д. Ульянова, 19, тел.: 126-94-91, 123-90-97
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6